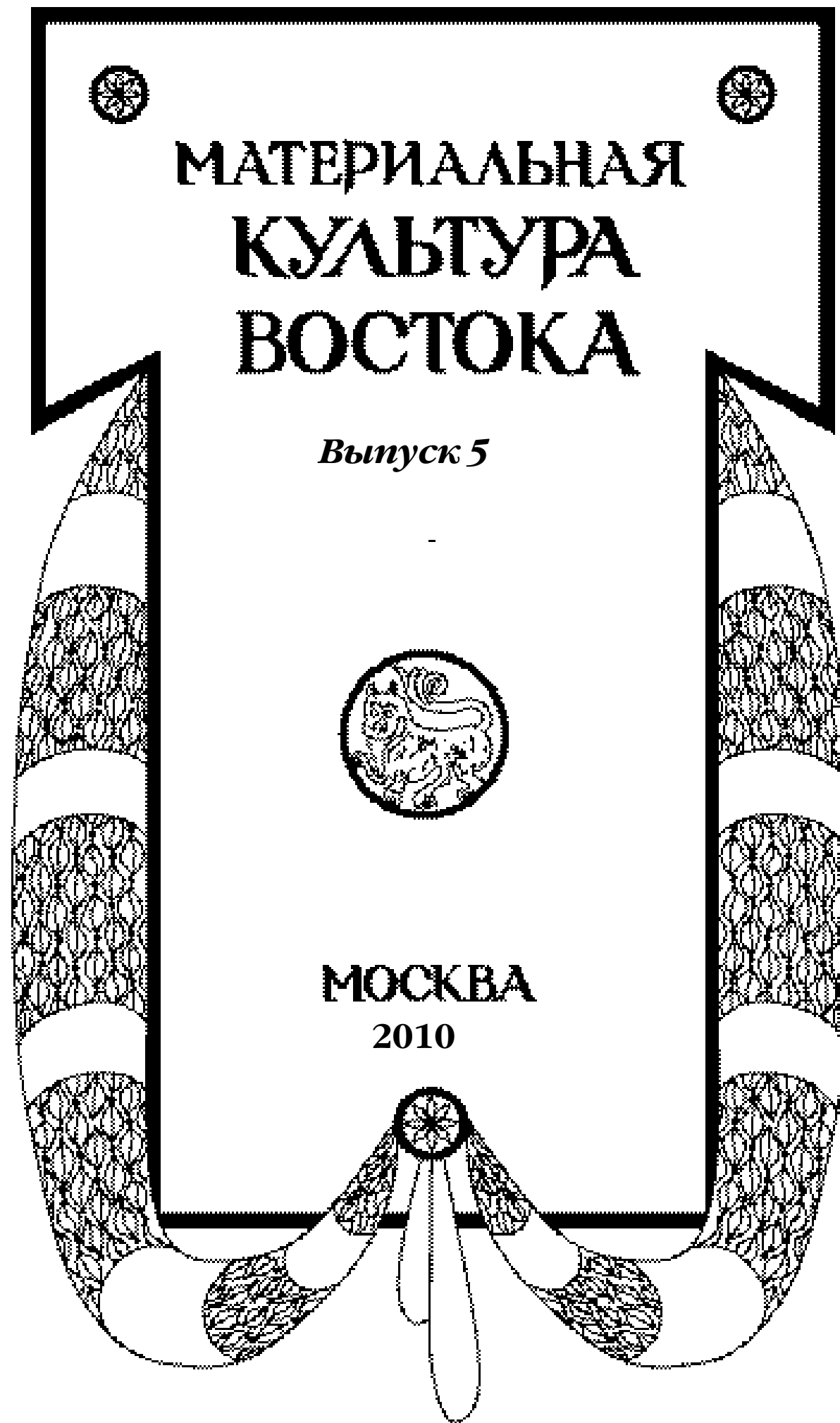

© МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА ©

Материальная культура Востока

Выпуск 5

Москва
2010

State Museum of Oriental Art

Государственный музей Востока

Material Culture of the Orient

Volume 5

Moscow
2010

Материальная культура Востока

Выпуск 5

Москва
2010

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГМВ

Научный редактор
к.и.н. Л.М. Носкова

Рецензенты
д.и.н. В.И. Козенкова
д.и.н. С.Я. Березина
д.и.н. Т.К. Мкртычев

Художественное оформление
Н.С. Сурвило
Е.А. Куркина

Материальная культура Востока. Сборник статей. Выпуск 5.
Научн. ред. Л.М.Носкова — М.: Государственный музей Востока, 2010. — 208 с.: ил.

Сборник является очередным 5-м выпуском продолжающегося с 1988 года издания. В сборнике собраны статьи, отражающие результаты научно-исследовательской деятельности Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока. В обобщающих работах рассматриваются вопросы по проблемам древней истории Центральноазиатского региона. Статьи, посвященные различным аспектам материальной культуры Средней Азии, написаны по неопубликованным материалам, хранящимся в фондах ГМВ. Статьи по Северокавказскому региону отражают результаты археологических исследований, проводимых экспедициями музея на Северо-Западном Кавказе, и вводят в научный оборот материалы по раннему железному веку и средневековью из фондов музея.

ISBN 978-5-903417-17-9

© Государственный музей Востока, 2010

Предисловие

В 1988 и 1999 гг. Государственный музей Востока издал ограниченным тиражом сборники научных статей под названием «Материальная культура Востока». Большинство статей в них были посвящены интерпретации археологического материала и публикациям результатов археологических исследований Кавказской археологической экспедиции и Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ. В 2002 г. с выходом в свет третьего сборника с таким же названием было решено сделать данное издание регулярным, правда, временные промежутки между периодами публикаций определены не были. Следующий, четвертый по счету сборник появился в 2005 г., причем в краткой аннотации к нему было указано, что «Сборник представляет собой продолжающееся издание, отражающее результаты исследовательской работы Отдела истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока и некоторых других научных сотрудников Государственного музея Востока». Таким образом, на суд читателей представляется уже пятый, в некотором роде юбилейный, выпуск этого периодического издания.

Общая направленность сборника сохранилась — как и в предыдущих выпусках, здесь публикуются результаты исследований преимущественно научных сотрудников Отдела истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока. Это аналитические статьи, построенные на обобщении и интерпретации археологического материала (статьи О.Н. Иневаткиной, Г.В. Шишкиной и С.Б. Болелова, З.С. Галиевой, И.В. Ксенофонтовой); работа В.Е. Войтова, интерпретирующая данные письменных источников с точки зрения археолога; публикации результатов новейших (и не очень новых, но до сих пор не изданных) археологических исследований Кавказской археологической экспедиции музея (статьи В.Р. Эрлиха, Е.А. Бегловой, Л.М. Носковой); искусствоведческий анализ художественных предметов преимущественно из коллекции Государственного музея Востока (работы У.И. Трейнер, Т.Г. Алпаткиной и К.А. Ажиметова, Н.Ю. Вишневской, Е.В. Ларионовой). Основная отличительная особенность всех упомянутых выше статей — минимальное редакторское вмешательство в авторский текст, что является принципиальной позицией научного редактора сборника.

Мы надеемся, что данный сборник займет достойное место среди изданий по истории материальной культуры народов Средней и Центральной Азии, Кавказа, вызовет интерес не только у специалистов, но и у всех интересующихся историей, культурой и искусством стран Востока.

А.В. Седов,
генеральный директор ГМВ,
доктор исторических наук

Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы

В статью* вошли материалы, накопленные за последние два десятилетия работ советских, российских и международных экспедиций ряда научных организаций: Института археологии АН УзССР, кафедры археологии Самаркандского университета, Государственного музея Востока (Москва)¹ и работающих ныне Франко-Узбекской миссии², Итало-Узбекской экспедиции (Университет Болоньи) и экспедиции университета Беркли.

Толчком к современному уровню изучения ранних этапов урбанизации Согда послужило открытие автором в 1990–1993 гг. на Афрасиабе по всему периметру городской фортификации под уже известными оборонительными сооружениями середины I тыс. до н.э. (период Афрасиаб I) (Shishkina, 1996. P. 84–86. Fig. 2) предшествующих

кладок ранее неизвестного в Согде строительного периода (рис. 2, 3; 3). Характерным признаком этого периода, названного периодом Афрасиаб 0 (дабы не нарушать принятую периодизацию), является кладка стен поперечными секциями из кирпича архаичного облика плоско-выпуклой формы (Bernard et al., 1992. P. 276–282; Иневаткина, 2002. С. 24–46)³. Отсутствие стратифицированного материала⁴ тогда не позволяло датировать вновь открытый период более ранним, чем VI в. до н.э. временем, а способ формовки плоско-выпуклых кирпичей был определен как рудимент более древней строительной традиции. Кладки же периода Афрасиаб I были отнесены к финальной фазе ахеменидского владычества: не ранее конца V–IV в. до н.э. (Иневаткина, 1995. С. 20). Впоследствии плоско-выпуклый кирпич стал индикатором

по которому как бы заново «открывались» важные для понимания урбанизации Согда городища раннежелезного века в Зеравшанской долине: Коктепа в 30 км к северу от Самарканда (рис. 1, 1; 2, 2)⁵, в долине Кашкадарьи: Падактапта, Сангир, Узункыр – древняя Наутака (Rapin et al., 2001. P. 33–34; Хасанов, Мехендали, 2004. С. 182–184; Grenet, 2005. P. 1052–1053), а также в Ферганской долине: Эйлатан и Дальверзин⁶. Сейчас ранние этапы урбанизации Согда с успехом изучаются МАFOUZ на ставшем эталонном для этого времени городище Коктепа (Исамиддинов, Рапен, 1999. С. 68–79; Исамиддинов, 2002; Исамиддинов, и др., 2001. С. 79–86), где преобладающим материалом является лепная расписная керамика периода Яз-1 (вторая половина II тыс. до н.э. – VIII в. до н.э.). Эта дата инициировала и удревнение даты первой стены Афрасиаба до VIII в. до н.э. (Исамиддинов, 2002. С. 197). Выявление ключевых моментов стратиграфии Коктепа И.Д. Иваницким в 2002 г. (Раскоп-4; Исамиддинов и др., 2003. С. 68–77) позволяло скорректировать дату начальных этапов урбанизации, связанных с сооружениями из плоско-выпуклых кирпичей (Коктепа II и III), в пределах VII–VI вв. до н.э. и впервые четко выделить протогородской комплекс конца II тыс. до н.э. – первой четверти I тыс. до н.э. (Коктепа I). На этом же раскопе И.Д. Иваницким было получено археологическое подтверждение периодического вмешательства кочевого населения в процессы сложения города на Коктепа.

Комплексный анализ археологических материалов и данных по геоинформационной системе среднего течения Зеравшана сейчас позволяет увидеть урбанистические процессы Самаркандского Согда середины I тыс. до н.э. более интенсивными и разнообразными, нежели они представлялись ранее.

Географическое положение Зеравшанской долины, ландшафтно-климатические особенности, гидрография бассейна, природные ресурсы, особенно металлоносные месторождения (медь, олово, золото), сделали этот обширный регион притягательным для длительного проживания человека. Зеравшанский ареал периода эпохи бронзы

выделяется исследователями в особую историко-культурную область, где наблюдаются контаминация и взаимодействие пастушеского населения с миром высокоразвитой земледельческой цивилизации (Аванесова, 2002. С. 19–26). Генетически предшественником урбанистической культуры Согда были скотоводческо-земледельческие общины конца II – начала I тыс. до н.э. – носители культуры лепной расписной керамики, наглядной иллюстрацией чему является пример образования мидийской державы (Грантовский, 2004. С. 86–87; Аванесова, 2001. С. 66). Начало становления и хода урбанизации связаны с постоянным и неоднократным притоком нового населения. Сейчас на территории только Зеравшанской долины Н.А. Аванесовой (кафедра археологии СаГУ) исследовано более 40 объектов – поселения, стоянки, могильники, погребения и случайные сборы, свидетельствующие о синтезе культурных традиций сапаллинского и андроновского обществ и тесных связях между доисторической Согдианой и Бактрией: погребения Сазаган, Джам, Гус (близ Ургута), Зарча-Халифа (Аванесова, 2002. С. 19–26). В эпоху раннего железа роль степного скотоводческого населения продолжает оставаться одним из факторов, формирующих границы земледельческих оазисов и их административные центры (как показывает история двух городов среднего течения Зеравшана – Самарканда и Коктепа).

Археологические данные свидетельствуют о неоднородном освоении долины в первой половине – середине I тыс. до н.э. Впервые эту мысль высказывал еще в 80-х годах XX в. И.Д. Иваницкий (к сожалению, это исследование не издано). Подъемный материал, изученный им в процессе работы над сводом памятников Самаркандской области в 1970–1980-е гг., позволил предположить, что Левобережье долины наиболее интенсивно обживалось начиная с V в. до н.э., а в Правобережье преобладающими являются памятники эпохи эллинизма (ср. памятники III–II вв. до н.э. Булунгурского района: Ахунбабаев, 1983. С. 154–164). Центральная часть долины – Мианкаль, находящаяся между руслами Карадарьи и Акдарьи, в середине I тыс. н.э., видимо, была ма-

*Статья представляет собой расширенный вариант доклада «Early Sogdian Urbanism», прочитанного на международной конференции «Asian Cultures at the Crossroads» 9–11 марта 2006 г., Hofstra University, New York.

¹Среднеазиатская археологическая экспедиция ГМВ занималась исследованием городища Дурмен и его окрестностей в 1986–1991 гг. Начальник экспедиции – Г.В. Шишкина, заместитель – А.И. Наймарк.

²Франко-Узбекская археологическая миссия (МАFOUZ) организована в 1989 г. П. Бернармом, руководитель миссии Ф. Грене, соруководитель М.Х. Исамиддинов. Основные итоги археологического изучения периодов ранней истории Афрасиаба, сделанные МАFOUZ за эти годы, отражены в ряде публикаций: (Bernard et al., 1990. P. 356–380; 1992. P. 276–282; Rapin, Isamididinov, 1994. P. 547–565; Grenet, 1996. P. 367–390; Grenet, Rapin, 1998. P. 387–402; Grenet, 2005. P. 1043–1067; а также в подготовленном к печати первом томе отчета: *Fouilles de Samarkand, I (Mission archéologique franco-ouzbèke, 1989–1994)*. Начиная с 1990 г. группа Государственного музея Востока в составе О.Н. Иневаткиной и архитектора Е.А. Куркиной участвует в работе миссии (см.: Bernard et al., 1992. P. 276–282; Иневаткина, 2002. С. 24–46; Куркина, 2002. С. 47–52).

³Впервые эти кирпичи отмечались исследователями Афрасиаба еще в 1960–1980-е гг. (Пачос, 1966. С. 17; Шишкина, 1987. С. 167; Shishkina, 1996. Fig. 2; Турбеков, 1980. С. 40). Только вскрытие участков стен большими площадями и горизонтальные зачистки кладок в 1990 г. (как правило, редко проводившиеся ранее) позволили понять архаические особенности способов формовки кирпича и кладки стен, которые восходят к очень древним образцам эпохи неолита Джейтунской культуры (Южная Туркмения) (Массон, 1971. С. 51) и к месопотамской строительной технике III–II тыс. до н.э. (Sauvage, 1998. P. 116). Подробнее о фортификации периода Афрасиаб 0 см.: Иневаткина, 2002. С. 24–46.

⁴Соответствующий им керамический комплекс представлен до сих пор лишь десятком переотложенных фрагментов лепных кухонных и станковых сосудов из раскопа на западном фазе P-27 (Турбеков, 1980. С. 47), не выходящих, на наш взгляд, за пределы VI–IV вв. до н.э., кроме одного фрагмента лепной расписной чаши IX–VIII вв. до н.э. Этот фрагмент явился главным аргументом для ранней даты основания Самарканда (конец VIII – нач.VII в. до н.э.) в ряде публикаций (Турбеков, 1980. С. 47; Исамиддинов, 2002. С. 123). Работы МАFOUZ в 2006 г. на этом объекте под руководством начальника миссии Ф. Грене не подтвердили раннюю дату, а дали массовый материал, датируемый не ранее второй половины VI в. до н.э. (Грене, Рахманов, 2007. С. 21–23).

⁵Чсть открытия городища принадлежит шоферу Согдийско-Самаркандской экспедиции с редким именем Эсергап (руководителем экспедиции, в 1984 г. занимавшейся раскопками курганов, была Г.В. Шишкина). Он рассказал И.Д. Иваницкому о больших «круглых» кирпичях в срезах разрушаемого механизмами городища на окраине его родного кишлака Шаммат близ Чилека. И.Д. Иваницкий первым из побывавших на городище археологов выделил керамику середины I тыс. до н.э., а в 1990 г. первым обратил внимание на идентичность афрасиабских кирпичей и кирпичей, увиденных нами на Коктепа в 1984 г., и поделился этой информацией с руководителями МАFOUZ П. Бернармом и Ф. Грене. В 1993 г. была предпринята разведка МАFOUZ на городище (Исамиддинов и др., 1994. С. 34–35). С осени 1993 г. ведется стационарное исследование Коктепа под руководством К. Рапена и М. Исамиддинова.

⁶В Ферганской долине в кладках оборонительных стен на городищах Эйлатан и цитадели Дальверзина археологами также отмечались кирпичи такой же формы (Оболдуева, 1962. С. 38–46; Заднепровский, 1972. С. 58).

ло заселена и представляла собой заболоченную местность (Пугаченкова, 1989. С. 176–178; Исамиддинов, Ронделли, 2006. С. 122). Начальные процессы урбанизации более интенсивно развивались в равнинной Правобережной части долины, орошаемой горными саями и рукавом Зеравшана – Акдарьей, где MAFOUZ выявлено несколько городищ второй четверти I тыс. до н.э. Именно здесь в системе канала Булунгур появляется и первый центр Согда – на городище Коктепа. Вероятно, к VI в. до н.э. в долине существовал и ряд малых городков, которые наряду с Коктепа и составляли ранний пласт доахеменидской городской культуры.

В середине I тыс. до н.э. климат в Согде, очевидно, был более влажным, в связи с чем большие реки и горные речки были более водоносными и последние доходили до поймы Зеравшана. В частности, следы русел горных саев, стекающих с южных гор левобережной части долины, хорошо просматриваются на картографических и аэрофотоматериалах (Галиева, Иневаткина, 2005. Рис. 1; Tosi et al., 2007. С. 68–72). До сооружения каналов Булунгур и Даргом они являлись основным источником для земледелия (Мухамеджанов, 1969. С. 294–300; Исамиддинов, 2002. С. 21; 2005. С. 58–59) и определяли изначальную локальную топографию расселения вдоль и вблизи этих русел⁷. С изменением водного режима их старицы используются для создания других ирригационных систем, большая часть которых функционирует до сегодняшнего времени.

Начальные этапы формирования города в Согде в эпоху раннего железного века неоднократно прерывались активной деятельностью скотоводов (Rapin, 2007. Р. 29–72; Рапен, 2007. С. 29–37), оттеснявших земледельческое население из освоенных и возделанных оазисов. Следы присутствия кочевников выражаются в архитектуре Коктепа в появлении балочных конструкций легких жилищ (Rapin, 2007. Р. 36; Рапен, 2007. С. 32–34)⁸. В дальнейшем каждый новый этап формирования города после ухода кочевников выражался в виде принципиально новых монументальных конструкций, отражающих уже иной социально-политический и культурный уровень общества. Работы 2006 г. MAFOUZ (Рапен, 2007. С. 30–31; Исамиддинов и др., 2006. С. 104–115) позволяют предста-

вить первое земледельческое поселение на Коктепа как полноценное урбанистическое образование с частой застройкой и с оборонительными сооружениями по периметру лессового плато (Коктепа I) (рис. 1, 1; 2, 2). Появление во второй четверти I тыс. до н.э. (Коктепа II) монументальной архитектуры из плоско-выпуклого кирпича в виде двух укрепленных квадратных дворов предположительно культового и административного назначения (Исамиддинов и др., 2001. С. 80; Исамиддинов и др., 2002. С. 72–73; Рапен и др., 2004. С. 168) свидетельствует о местной государственной организации с развитыми политическими и религиозными институтами (Rapin, 2007. Р. 35; Рапен, 2007. С. 32–33). Фортифицированный ансамбль на плато для растущего вокруг него неукрепленного поселка⁹ выполняет роль акрополя, а сам город, возможно, являлся главным административным центром (пока в долине не обнаружено поселения этого времени крупнее Коктепа). Дальнейшее развитие города на Коктепа в начале VI в. до н.э. было прервано новым вторжением скотоводов, которые оставались здесь до завоевания Средней Азии Киром (558–530 гг. до н.э.) (Rapin, 2007. Р. 36, Рапен, 2007. С. 32). Персидская администрация, стремившаяся закрепиться на северных территориях, вероятно, в первую очередь восстанавливает разрушенные прежде города¹⁰, но, очевидно, уже с учетом градостроительных принципов, отражающих структуру новой власти. На Коктепа видоизменяется административное ядро – появляются сооружения особого назначения, специфичность которых подчеркивается строительством платформ (40x40x5 м и 50x50x10 м) разной высоты для храма и цитадели. Одновременно границы города (площадью около 100 га) ограждаются внешней оборонительной стеной (Коктепа III) (Исамиддинов и др., 2001. С. 80–81; Rapin, 2007. С. 35–37). Однако в стратегическом отношении расположение Коктепа в открытой долине с ограниченными возможностями организации обороны делала его в условиях военной угрозы весьма уязвимым.

О нестабильной ситуации на северных границах свидетельствует деятельность Кира, который до 530 г. до н.э. создавал в Средней Азии, на северо-востоке своего государства, ряд пограничных укрепленных поселений, обычно называемых ан-

тичными историками городами, например, Кирополь – Киресхата на Яксарте (Арриан, IV, 22; 3, 1–4; Дандамаев, 1985. С. 52). А при Дарии I (522–486 гг. до н.э.) понадобилось замирение «саков, которые за Согдом» (Литвинский, 1960. С. 91–96; Дандамаев, 1985. С. 102–103).

События на северных границах ахеменидской державы послужили достаточным основанием для перенесения политико-административного центра на более выгодную стратегическую позицию. Помимо стратегических целей строительство нового столичного города должно было наглядно продемонстрировать могущество власти Ахеменидов и величие их культуры. Всем этим требованиям вполне соответствовало обширное плато, расположенное в Левобережье под прикрытием Чупанатинских высот, позволявших контролировать подступы к новому городу с севера (рис. 1, 2; 6). А высокий берег Карадарьи и ее широкая пойма позволяли использовать реку в качестве дополнительного оборонительного рубежа (см. ниже). Размеры задуманного города (219 га) превышали в два раза не только Коктепа, но и древние центры VI–IV вв. до н.э. в регионах Центральной Азии: Бактрия – Бактры 120 га (Le Verre, Schlumberger, 1964. Р. 88), Маргиана – 110 га (20 га Эрк-кала и неукрепленное поселение площадью ок. 90 га) (Филанович, 1989. С. 66).

Поиски нового места для города, возможно, велись параллельно или после реконструкции Коктепа. Поэтому весь прежний архитектурно-строительный потенциал был использован и при строительстве нового города. Об этом свидетельствуют плоско-выпуклый кирпич, сооружение монолитных стен секциями и способ укладки кирпича выпуклой поверхностью со знаком вверх. О хронологической последовательности говорит практическое отсутствие на Афрасиабе комплекса лепной расписной керамики (Коктепа II), кроме одного уже упомянутого фрагмента в переотложенных слоях возле внешней крепостной стены (Р-27; Турбеков, 1980. С. 47). Находки степной керамики в северной части городища, вдоль русла Сиаба, свидетельствуют об освоении территории скотоводческими поселениями в первой трети I тыс. до н.э. (Аванесова, 2001. С. 65). От поселений сохранились небольшие искусственные разновременные протоки вдоль края плато (Иневаткина, 2002. С. 27).

Для постоянного водообеспечения большого города и его земледельческой округи в Левобере-

жье прокладывается канал Даргом¹¹ протяженностью 90 км, симметричный Булунгурской системе. По акведуку у Южных ворот Самарканда и по системе магистральных и отводных каналов вода подавалась в город и накапливалась в водоемах (Иваницкий, Иневаткина, 1999. С. 96–104; Шишкина и др., 2000. С. 218–238; Gentel, 2003. Р. 200–210). В выборе места для будущей столицы решающее слово было за фортификаторами, которые использовали преимущества холмистой возвышенности, окруженной со всех сторон широкими каньонами водных протоков, препятствующими использованию осадной техники. А сочетание в рельефе понижений и обширных сравнительно ровных массивов было пригодно для акрополя и, видимо, для других архитектурных сооружений нового столичного города (рис. 1, 2). Город на плато (период Афрасиаб 0) строился с учетом опыта строительства на Коктепа по уже выработанному принципу планировки столичного города с большим административным ядром. Для последнего идеально подходил компактный массив в северной части плато, почти равный (ок. 19 га) древнему ядру Коктепа (17 га). Дублируется и структура акрополя Коктепа: цитаделью с кешком на платформе и культовой зоной (но здесь не на искусственной платформе, а на естественном возвышении) (рис. 2, 3; 3). Для цитадели был выбран обширный восточный массив с небольшим возвышением, где и возведена замковая часть (кешк) на кирпичной платформе, которая вдвое больше платформы цитадели Коктепа (70x80 м; рис. 3, 2, кладка 110). У ее подножия располагалась дворцовая зона, застроенная уже во второй половине V в. до н.э. Внутренней площадью акрополя служила низина II, возможно, впервые углубленная еще в процессе строительства первой платформы. Акрополь Самарканда сразу обретает свою оборонительную систему и автономную систему водоснабжения (о водоемах в низине I – Филанович, 1969. С. 206–220; Иневаткина, 1995. С. 6; 2002. С. 31) (рис. 1, 2; 2, 3). Стены акрополя входят в систему общегородских сооружений, а южный фас отделяет весь массив от основной территории города. Сложное административное ядро, включающее помимо цитадели и другие элементы (монументальные здания, водоемы, площади), определяет город как центр большого историко-культурного региона (Иневаткина, 1990. С. 43–45) (рис. 1, 2; 3). Коктепа при Ахеменидах в VI–IV вв. до н.э. постепенно теряет свои позиции: в конце IV в.

⁷Так, в ныне безводном староречье Сагаганса зафиксированы погребения сапаллинской и андроновской общности (Аванесова, 2002. С. 19).

⁸Заметим, что до 2002 г. каркасные жилища скотоводов воспринимались исследователями как примитивные жилища первых поселенцев Коктепа и датировались сер. VIII в. до н.э. (Коктепа I) (Исамиддинов, 2002. С. 46–48).

⁹В настоящее время территория вокруг городища распаханна и не сохранилось никаких следов обживания.

¹⁰Известно, что Кир в других сатрапиях в первую очередь повелевал и разрешал восстанавливать разрушенные храмы и города.

¹¹В Египте при Дарии I сооружается судоходный канал протяженностью 84 км, соединяющий Нил с Красным морем (сведения о канале собраны Ж. Познером, см: Дандамаев, 1985. С. 106–107). Древнее и искусственное происхождение канала Даргом впервые было предположено еще Г.В. Григорьевым в 1939 г. в неизданной работе «Древнейшая система орошения городищ типа Тали-Барзу». Рукопись. Архив Самаркандского музея. № 324 (Шишкин, 1969. С. 115–117).

до н.э. его древнее ядро трансформируется в мощную крепость, которая пала под ударами кочевников в третьей четверти II в. до н.э. (Rapin et al., 2001. P. 38; Рапен, 2007. С. 30).

Строительство Самарканда стало результатом концентрации потенциала Согдианы в активной строительной деятельности Кира, который как наследство использовал все технические и государственные ресурсы завоеванных им государств (Shishkina, 1996. P. 82; Grenet, 2005. P. 1053). Судя по налогообложению, ресурсы трех среднеазиатских сатрапий были немалые и приносили ахеменидскому царю немногим меньше, чем Вавилония и Ассирия: примерно 910 талантов (Геродот, Ш. 92–93; История таджикского народа, 1965. С. 206). Для Ахеменидов значение Согда как пограничной территории с беспокойной степью, которую так и не удалось покорить, было велико.

В таком виде Самарканд существовал до конца V–IV вв. до н.э., когда по археологическим данным (Shishkina, 1996. P. 85; Иневаткина, 2002. С. 34–35) коренным образом были реконструированы монументальные сооружения цитадели и обветшалой городской фортификации. По масштабам строительства реконструкция не уступала закладке города в конце VI в. до н.э. и была вызвана, очевидно, деятельностью последних Ахеменидов по восстановлению и укреплению державы (Дандамаев, 1985. С. 264). Реконструкция происходит уже в принципиально иной архитектурной и строительной традиции, в которой проявилось влияние мидийско-персидской архитектуры. Это многоярусные оборонительные стены с цокольными этажами, стрелковыми галереями и площадками по верху стены. В деталях и конструкциях применяются элементы архитектуры, известные на памятниках Мидии и Ирана VIII–VI вв. до н.э., такие как лекальный кирпич в сводах перекрытий (Нуш-и-Джан, Персеполь, Дахани-Гуляман; Stronach, Roaf, 1973, Pl. IV a-b; Besenval, 1984. Vol. 1. P. 121–123, 126–127, 132–133, Vol. 2. Pl. 17; 67, a–b; 68; 153; 175) (рис. 4, 5, 6), вылазные калитки, коленчатые переходы. Цокольный коридор с вертикальными щелевидными продухами делился на отсеки с разными уровнями полов, которые соединялись узкими арочными переходами. В оформлении фасадов новая по конструкции стена повторяет линию своей древней предшественницы.

Все это говорит о тесных контактах северных территорий с центральными областями империи

и обмене передовыми технологиями на уровне, возможно, деловых контактов¹², которые активно происходили в едином государстве и проникли сюда с персидской администрацией и военным наместником. О присутствии представителей центральной власти в Согде может свидетельствовать находка в исследуемом нами районе печати с изображением ахеменидского правителя (рис. 4, 3). В полной мере повторение характерных черт мидийско-персидской и ахеменидской военной архитектуры проявилось уже в фортификации эллинистического периода (пилястры, стрельчатые бойницы, прямолинейность линии стен). Достаточно сравнить внешний вид Годинтепе VII в. до н.э. и эллинистической стены Афрасиаба III–II вв. до н.э. (Cuylar Young et al, 1974. Pl. XXIV; Persians..., 1995. P. 110; Chichkina, 1986. Fig. 290) (рис. 5, 1–3). Реконструкция замка цитадели, где надстраивается платформа замка, а у ее подножия строится дворец¹³, окончательно формируют двухчастную структуру цитадели, разграничивая дворцовую и замковую зоны. Впоследствии эта столичная модель города с цитаделью двухчастной структуры легла в основу устройства цитаделей согдийских городов, а в раннем средневековье определила тип владельческих замков, так называемых замков с площадкой.

Мы не знаем, насколько плотно был застроен Самарканд, но уже в конце IV в. до н.э. город имел укрепленную округу, обнесенную стеной в 13 км (Массон, 1950. С. 158; Bernard, 1996. P. 338). Территория Самаркандского Согда, согласно письменным источникам, отчасти подтвержденным археологическими данными (Иваницкий, 1992. С. 22–41; Shishkina, 1996. P. 82; Лебедева, 2004. С. 72. Рис. 3), была достаточно заселена «городами» и «крепостями», оказавшими сопротивление армии Александра (Арриан, IV, 6; Квинт Курций, VII, 9, 23; 10, 4).

Основание Самарканда и появление новых земледельческих зон на базе канала Даргом приводит к перераспределению экономического баланса хозяйства доахеменидской Согдианы, способствует росту городов и сложению иерархической системы соподчинения городов второго ранга столичному центру (Шишкина, 1987. С. 170). Столичный центр как бы «забирает» и перераспределяет потенциал существовавших до него прежних населенных пунктов городского типа. Снижается статус городков, оказавшихся уже в зоне обслуживающей Самарканд сельской округи (в радиусе

менее 10 км) и уже не выдерживающих с ним хозяйственно-экономической конкуренции. Строительство новых городских центров происходит уже на «почтительном расстоянии» (Shishkina, 1996. P. 89), поскольку сила экономического влияния столицы не позволяла городам второго ранга приближаться к ней ближе чем на 20 км. Определяются сферы влияния столицы и городов второго ранга, их размеры и пределы обслуживаемой их сельской округи, обозначенной на местности крупными водными артериями и поясом крепостей.

Комплексное исследование данных разведок САЭ ГМВ 1986–1991 гг.¹⁴ и аэро-картографического материала Пастдаргомского оазиса, проводимое в секторе Средней Азии под руководством Г.В. Шишкиной, позволяет некоторым образом проиллюстрировать этот процесс на примере участка западных земель Самаркандского Согда. В указанном районе на протяжении 45 км от Самарканда до западных окраин его земель существуют только три городища с цитаделями (рис. 6). В 20 км от Самарканда расположен Дурмен – центр Задаргомских земель, основанный не ранее V в. до н.э. В ближайшей округе Самарканда в 10 км к северу-западу у поймы Карадарьи, близ современного селения Наубаг, расположено тепа 484. В урочище Бакрак в 10 км от Дурмена и в 30 км от Самарканда находится тепа 627 (рис. 1, 4, 5; 2, 1, 4, 5).

Размеры ядра Наубага (тепа 484), расположенного на подквадратном лессовом останце, не превышают 3,5 га (рис. 2, 1). Восточную его часть занимает цитадель (пл. ок. 0,5 га), состоящая из округлого и высокого кешка (около 48 м в диаметре и высотой 10 м) и относительно небольшой нижней площадки. Возможно, здесь на удобной территории между двумя руслами Сиаба существовало еще и неукрепленное селение. Наубаг представляет определенный интерес, поскольку по визуальным признакам относится к типам древних городов эпохи бронзы и раннего железа с круглой цитаделью: Дашлы 3, Кутлуг-тепе, Емши-тепе, Алтындилляр-тепе, Одеи-тепе (Сарианиди, 1977. С. 6–9, 18; Кругликова, 2005. С. 322, 328, 344; Пилипко, 1985. Табл. СII, 2). Цитадель Наубага сближается и с округлыми крепостями Пастдаргомья

(крепости 62, 133; рис. 7, 1–3), предварительно датируемыми временем не позднее V–IV вв. до н.э. Анализ исторического ландшафта западных земель Самарканда позволяет высказать предположение, что городище Наубаг было синхронно Коктепа и существовало еще до начала строительства Самарканда либо одновременно его началу. С расширением зоны сельской округи Самарканда город теряет свое значение и центром освоенных Задаргомских земель становится городище Дурмен, отождествленное И.Д. Иваницким со средневековым Исбискетом (Ростовцев, Иваницкий, 1977. С. 540).

Специфика древнего Самарканда с его обширными свободными площадями, окруженными высокостоящими на холмах постройками, безусловно, определялась естественным рельефом. Именно этого рода местности с повышенной обороноспособностью особенно привлекали древних строителей, что с очевидностью демонстрируется топографией городищ Дурмен-Исбискет и Кулдор юго-восточнее Самарканда (рис. 1, 3, 4; 2, 5).

Попытка организовать город, соразмерный Дурмену, была осуществлена в урочище Бакрак на совершенно плоском пространстве. Привлекательность этой территории объясняется доступностью естественных водных источников, но слабая обороноспособность Бакрака могла стать причиной отказа от градостроительного проекта, хотя для города и была построена цитадель (структурно-планировочно этот памятник отличается и от крепости, и от замка). Цитадель могла остаться выполнять функции крепости, а западная оборонительная стена города, возведенная вдоль берега сая, использоваться как застава¹⁵. Такое солидное укрепление (застава 627; рис. 6), поддержанное еще другой заставой 633 ниже по течению Бакраксая, обеспечивало охрану западной границы и Исбискета и в то же время столичного Самарканда.

Таким образом, в истории городов второго порядка в процессе становления административного центра Задаргомских земель можно предполагать повторение уже известной схемы передачи административных функций столичного центра от Коктепа – Самарканду, на этот раз от Наубага – Бакраку, от Бакрака – Дурмену (Исбискету).

¹²Сравни метки на кирпичках Афрасиаба и знаки на каменных блоках платформы в Пасаргадах (рис. 4, 1, 2) (Stronach, 1978. Fold-out 1).

¹³От здания в 2003 г. вскрыты частично сохранившиеся стены двух параллельных помещений, прослеженных на протяжении 30 метров (MAFOUZ). P-15/10, Иневаткина О.Н.

¹⁴Основной задачей САЭ ГМВ в эти годы являлось изучение городища Дурмен, а исследование окрестностей осуществлялось по мере возможностей экспедиции. В результате разведывательных маршрутов в Пастдаргомском районе было выявлено более 200 разновременных памятников. Данные разведки позднее значительно дополнились материалами дешифровки аэрофото (о предварительных результатах анализа исторического ландшафта Пастдаргомского района см.: Галиева, Иневаткина, 2005, С. 275–291; Шишкина, Иневаткина, 2005. С. 37–49; Иневаткина, 2007. С. 6).

¹⁵В настоящее время территория городища полностью застроена современным кишлаком, не сохранились даже хорошо читаемые на аэрофото холмы западного фаса. Материал, собранный вокруг цитадели, относится к первым векам до н.э. – началу н.э.

Следует остановиться на определении термина «застава», под которым мы понимаем особый тип укрепления, открытый в процессе разведок САЭ ГМВ и работы с аэрофотоснимками. Заставы представляли собой отрезки мощных стен разной протяженности, поставленные на кромку берега канала или сая.

Одновременно застава осуществляла наблюдение за забором воды в голове канала. На одной из застав (24), стоящей на левом берегу Даргома, удалось сделать зачистку поперечного среза стены с ремонтными кладками. Поскольку это были ремонты торцевой стороны стены, то осталось невыясненным начало ее постройки, функционировала же она и в раннем средневековье. Поднятая здесь керамика относится к широкому хронологическому отрезку – от середины I тыс. до н.э. и до раннего средневековья. При заставах 24, 58, 623, 656, 663, располагались раннесредневековые замки, призванные обеспечивать контроль над укреплением и над головой каналов (рис. 6; 8, 1). Иногда в зависимости от топографической ситуации функции заставы выполняли сторожевые замки, как, например, на западной границе два сторожевых замка 694 и 695, поставленные «визави» по берегам сая напротив заставы 656.

Первая четко обозначенная политико-административная западная граница Самаркандского Согда, очевидно, проходила по левому берегу Даргома. Здесь, видимо, в середине I тыс. до н.э. появляется ряд круглых крепостей 722, 728, 266, 133, 62 (Караултепа), контролировавших подступы к Самаркандской сельскохозяйственной округе (рис. 6; 7, 2,3). Ранняя дата крепостей 62 и 133 подтверждается подъемным материалом (манжетовидные венчики цилиндрических сосудов V в. до н.э.), остальные крепости по визуальным признакам могут относиться к раннему типу. Примечательна Караултепа (62), расположенная в 20 км от Самарканда между Даргомом и Дурменсаем на самом краю поймы Карадарьи, над заводью (рис. 6; 7, 1). В центре крепости находится округлый в плане конический холм диаметром 66 м. Пространство вокруг подножия холма шириной 85–100 м было окружено внешним рвом, а по аналогии с крепостью 133 и валом, который восстанавливается только по аэрофото (рис. 7, 1). С этой доминирующей позиции, с высоты 10-метрового кешка, хорошо просматривалась значительная часть долины. До первых веков до н.э. крепость

Караултепа являлась стратегически важным пунктом в западных пределах Самаркандского Согда.

Материалы разведки Итало-Узбекской экспедиции свидетельствуют об интенсивном освоении засушливой ныне предгорной зоны в эпоху эллинизма, где появляются земледельческие поселения, такие как Бойсарытепа в Сазагане (Abdullaev et al, 2006. С. 65–73). Здесь от Ургута до Джама известно более 10 памятников ахеменидского или доахеменидского времени и более 30 эллинистического периода (Исамиддинов, 2005. С. 55–60). Дешифровка аэрофото показывает, что помимо естественных саев эта территория была пронизана сетью отводных и поперечных каналов, обеспечивавших водой многочисленные поселения, которые и фиксируются по аэрофото. Существование части поселений можно предполагать только по наличию подводящих каналов (рис. 9, 1). Расположение круглых крепостей в местах пересечения меридиональных саев с руслами Олдын-сая (266) и Эски-Анхора (133, 728) в какой-то степени может говорить и об относительно раннем происхождении последних (рис. 6). Именно на русле Олдын-сая, служившем, вероятно, коллектором благодаря многочисленным параллельным протокам, задерживавшим воду из горных саев, была сооружена дамба (Исамиддинов, 2005. С. 57–59), отводящая воду на северо-запад в маловодный район в степном треугольнике между современными руслами Эски-Анхора и Анхора. Нами на аэрофотоснимках открыта целая сеть дамб и запруд.

О раннем освоении этих земель может свидетельствовать находка цилиндрической печати в районе кишлака Парчакара (рис. 4, 4)¹⁶, судя по схематизации изображения относящаяся к ахеменидскому времени.

Очевидно, после строительства Самарканда и обводнения западных земель возникает потребность защиты западных подступов к Самарканду и охраны береговой линии от возможного проникновения кочевников в земледельческий оазис. Самый западный и древний сторожевой пункт на береговой линии протока Зеравшана – Карадарьи в 45 км от Самарканда – это Ляйляктепа (крепость 680; рис. 6), датированный при археологическом изучении не позднее последней четверти IV в. до н.э. (Иваницкий, 2005. С. 52). Вероятно, на 20-километровом отрезке между Караултепа и

Ляйляктепа в досягаемости сигнальных огней находились еще и дополнительные промежуточные сторожевые замки, датируемые ныне только по подъемному материалу лишь эллинистическим и раннесредневековым временем (59, 725, 61), что, однако, не исключает существования здесь и более ранних сооружений. В эллинистический период формируются система крепостей, располагавшихся на границах оазиса. И уже к первым векам до н.э. северная цепочка крепостей вдоль береговой линии от Ляйляка до Даргома дополнялась и уплотнялась постройками преимущественно квадратных крепостей 598, 183, 568, 562, 53, 27 40, 121 (рис. 6; 7, 4–5).

Южная цепочка крепостей 726 (Кумтепа), 282 (Койтепа), 322, 329, 258, 277, 227, 722, 724, 266 (рис. 6) отсекает предгорную зону от Даргома до Джама, занятую скотоводческим населением, оставившим после себя цепи курганов на Сазангансае и Агалыксае (Обельченко, 1966. С. 66–81; 1972. С. 56–72; Бердымурадов и др., 2004. С. 51–56; Абдуллаев, Еркулов, 2004. С. 15–19). Западные пределы Дурменского оазиса, определяемые зоной орошаемых Анхором земель, укрепляются крепостями 598, 680 (Ляйляк), 183, 282, 573, 157, 282 (Койтепа), 632 (Бобачкатепа) и трансформировавшейся в сторожевой замок цитаделью Бакрака – 627 с заставой 623. Широитное направление цепочек крепостей, защищавших Самаркандский оазис, может свидетельствовать и о направлении древних дорог из Южного и Бухарского Согда. Еще в начале XX в. два основных пути в Самарканд, обозначенные на карте 1903 г., проходили севернее современных трасс 1960–1970-х гг. и находились между крепостями северной и южной цепочек (рис. 6). Вероятно, это и есть древние пути, сформировавшиеся как часть коммуникаций Ахеменидской империи в середине I тыс. до н.э. Наиболее важной, соединяющей сатрапию с Персией, являлась южная дорога в направлении Наутаки, которая, видимо, была частью «царской дороги» с почтовыми станциями и возникавшими рядом с ними селениями и придорожными замками типа Галятепа (255), Балатепа (210), Якутантепа (249), Безымянное (238), Таштепе (379) (рис. 6; 8, 2) (Исамиддинов, 2005. С. 57; Лебедева, 2004. С. 72. Рис. 3).

Северная дорога в Бухарский Согд вдоль береговой линии Карадарьи, возможно, сформировалась в эллинистический период с возникновением Бухары. В таком случае Ляйляк (680) и Койтепа (282) являются самыми первыми крупными пунктами, встречающими караваны в западных

пределах самаркандских земель на последнем прямом отрезке пути к столице. Как крупный транспортный узел Ляйлякский оазис продолжал существовать вплоть до средневековья, о чем свидетельствуют разновременные памятники, сосредоточенные по берегам Карадарьи и Карасу: это эллинистические поселения Пулат (672) и Багры (678), раннесредневековые замки (667, 679, 681), средневековые караван-сарай (667, 677, 666, 668, 665) и ханская крепость (675)¹⁷ (Иваницкий, 2005. С. 48–58. Рис. 1; Иневаткина, 2007. С. 6). Средняя цепочка крепостей с заставами (656, 694, 695, 157, 584, 591, 64, 67, 116), расположенная вдоль русла канала Анхор, очевидно, связана с древней исторической дорогой из Самарканда в Бухару. Дорога пересекала современный кишлак Куча-малик (находящийся между древними крепостями 157 и 591), который еще при Чингизидах был селением с крепостью (Вяткин, 1902. С. 43, 46). Само название кишлака (в переводе с узб. «царская дорога») указывает на существование здесь в какой-то период времени отрезка древней царской дороги. Уже в XVI–XVII вв. при Шейбанидах территории южнее Анхора становятся пустынными и северная дорога вдоль береговой линии остается основным путем в Самарканд (Вяткин, 1902. С. 43–44).

Продуманная схема линии обороны могла сложиться еще со времени основания Самарканда, тем более что на некоторых квадратных эллинистических крепостях 116 (рис. 7, 6, 7) и 282 – Койтепа¹⁸ (рис. 9, 2) найден керамический материал с возможной датой VI–V вв. до н.э. Плотное расположение крепостей в стратегически важных местах на расстоянии 4,5–8 км, т. е. равное одному-двухчасовому переходу, позволяло контролировать подступы к Самарканду, административные границы земель, дороги и ирригационные системы.

К эпохе эллинизма, когда вокруг столицы в радиусе не ближе чем 20–30 км появляются города второго порядка (Дурмен, Кулдор, Кумышкент), наблюдается ряд объединяющих их закономерностей. Это во многом и история их развития, и естественная среда городского образования, а именно: месторасположение городов к северу от основных русел каналов (что определялось топографическими особенностями рельефа долины и удобством водоснабжения через подводящие каналы), сходность природных ландшафтов в местах основания городов, особенно наличие обширных понижений, предназначенных для площадей с базарами и водоемов (рис. 1, 1, 3, 4). В своих ма-

¹⁶В двух публикациях М.Х. Исамиддинова место находки определяется по-разному. В одном случае указано нижнее селение Сазаган в предгорьях (Исамиддинов, 2002. С. 133), в другом – намного севернее, на арыке Анхор (Исамиддинов, 2005. С. 59. Рис. 1). Датирует он ее IV–III тыс. до н.э. (Исамиддинов, 2002. С. 133. Рис. 92, 93). По мнению С.Я. Берзиной, хранителя фонда гемм и печатей Востока ГМВ, печать относится к середине – второй половине I тыс. до н.э.

¹⁷ На карте-схеме (рис. 6) перечисленные памятники не указаны

¹⁸Разведки Итало-Узбекской экспедиции на крепости Койтепа (Исамиддинов, 2005. С. 56).

лых формах города второго порядка отражают модель столичного города и, видимо, как и Самарканд, строились по единому плану — городские кварталы и административно-культурные зоны, где цитадели (кешк которой остается соразмерным кешку Самарканда), отводятся и значительная доля городского пространства. Возможности развития административного центра в малых городах, в отличие от столицы с ее акрополем, ограничиваются цитаделью, правда, большой и двухчастной. Это позволяет предположить, что административный аппарат городов второго ранга был не меньше столичного.

Одним из городов второго ранга, находившихся в сфере влияния столицы, являлся город на территории городища Дурмен (Исбискет), в 19 км от Самарканда. По археологическим данным его возникновение определено концом IV в. до н.э. Динамика его развития происходила синхронно Самарканду вплоть до VII в. (Шишкина, Наймарк, 1987. С. 288–289). Как и Самарканд, город был возведен по единому плану на лессовом мысу, образованном руслами саев. Его оборонительная система охватывала по периметру все лессовое плато размерами 27 га. Двухчастная цитадель Исбискета занимает гораздо больший процент городской территории, чем цитадель Самарканда. Границы площади в 500 кв. км, контролируемой Исбискетом, определяются крупными водными артериями: Карадарьей на севере, каналом Даргом на востоке, на западе арыком Анхор и саем Карасу, а на юге отрогами Зеравшанского хребта. Разброс пунктов, где выявлены следы обживания этого времени, дает возможность предполагать интенсивное обживание всего района в тот же период. Этот факт предполагает и древнюю развитую гидросистему, определявшую, в свою очередь, локальный характер расселения. Так, в районе в первой половине I тыс. до н.э. выделяются два разных типа расселения, привязанные к своим оросительным системам: равнинная часть — на основе канала Даргом и Предгорье — на основе горных саев. Анализ аэрофотоснимков восстанавливает наличие здесь сложившейся, по крайней мере, в эпоху эллинизма разветвленной гидросистемы, которая через коллекторные и отводные каналы и плотины обеспечивала водой все разбросанные поселения и крепости (рис. 8; 9).

Завоевания Александра, как показывают примеры Самарканда, Исбискета и других согдийских городов второго ранга, не прервали жизнь и дальнейшее развитие города. Привнесенные новые черты и явления интегрировались в согдийскую среду и отразились не только в городской архитектуре, но и в плотном освоении древней сельскохозяйственной зоны (появление разных типов жилых и нежилых структур: военные сооружения,

гидротехнические сооружения и т. д.). Как и во всех бывших ахеменидских сатрапиях, здесь наблюдается рост новых городов, планировка которых уже определялась эллинистическими традициями. Среди городов второго ранга площадью ок. 20–30 га с цитаделями двухчастной структуры выделяется укрепленный Кулдор (Ставиский, 1960. С. 113–131) и неукрепленные с нерегулярной планировкой Кумышкент (Пугаченкова, 1989. С. 35–66) и Ак-тепе Булунгурское (Ахунбаев, 1983. С. 159). Самарканд в эту эпоху, как большинство древневосточных городов, сохраняет свою изначальную структуру и свою роль в Согде (Пьянков, 1973. С. 134).

Начиная с эллинистического времени можно проследить параллельность развития разноранговых городов. В Самарканде и Исбискете в начале нашей эры наблюдаются некоторые признаки замедления жизни, сопровождающиеся сокращением числа горожан, переселявшихся в сельскохозяйственную округу. Конечный момент упадка и начала очередного подъема в Самарканде и Исбискете отмечен постройкой новой городской стены, фиксирующей новые городские границы и отсекающей периферийные участки старого города (рис. 1, 2, 4; 2, 5).

Уже в I тыс. до н.э., видимо, складываются такая ирригационная сеть (четкость работы которой контролировалась и регулировалась), организация сельскохозяйственных угодий и такая система расселения, которые делали всю структуру землевладения в их взаимосвязи настолько устойчивой, что она сохранилась, по крайней мере, тысячелетие, пройдя через политические и социальные перемены и потрясения. Как пример можно привести исторический ландшафт сельскохозяйственной округи Исбискетского района, развитие которого представляется следующим образом: сельские усадьбы эллинистического времени сменяются менее выразительными по своей значительности постройками типа хуторов, а с IV–V в. н.э. в ландшафте начинают доминировать сооружения монументальной архитектуры — замки, располагающиеся на местах эллинистических владений.

Предварительно количественное соотношение памятников во владении Исбискета для периодов от середины I тыс. и до монгольского завоевания в начале XIII в., выявленных разведкой САЭ ГМВ и по дешифровке аэрофотоматериалов, определяется такими цифрами: на площади 500 кв. км — один город (возможно, одновременное существование более ранних городков), 29 селений, 673 замка, 70 сельских усадеб-хуторов, примерно 40 крепостей (включая и раннесредневековые, которые в основе могут быть модифицированными эллинистическими) и 13 курганных по-

лей. Большая часть отмеченных памятников приходится на время эллинизма и период раннего средневековья.

Таким образом, согдийская урбанизация с включением Согда в политическую и экономическую жизнь Ахеменидской империи получила новый импульс для дальнейшего развития. В Зеравшанской долине поворотным моментом этого процесса явился исторический выбор новой администрации места для новой столицы. Перенесение столицы в Левобережье и строительство каналов повлекло за собой изменение природной топографии долины. Города второго ранга — ад-

министративные центры новых сельскохозяйственных районов — не только являлись моделью столичного центра, но и некоторые из них (Дурмен), как и Самарканд, в становлении прошли этап поиска своего места в историческом ландшафте долины конца I тыс. до н.э. Дальнейшее комплексное изучение Пастдаргомского района в сочетании с археологическим исследованием значимых памятников (городов, крепостей, замков, застав) позволит не только уточнить их типологию и хронологические рамки отдельных этапов, но и принесет новые, порой неожиданные, открытия в истории сложения урбанизации Самаркандского Согда.

Библиография

- Арриан. Поход Александра / Пер. М.Ю. Сергеев. М.-Л., 1993.
Геродот. История в девяти книгах / Пер. Стратановского. М., 1962.
Квинт Курций. История Александра Македонского / Под ред. Б.С. Соколова. М., 1963.
Абдуллаев Л., Еркулов К. Тетрадрахма Гелиокла из Джама // Археологические исследования в Узбекистане — 2003 г. Вып. 3. Ташкент, 2004.
Аванесова Н.А. Об истоках урбанистического Афрасиаба // ИМКУ. 2001. Вып. 32.
Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Заравшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане — 2001 г. Ташкент, 2002.
Ахунбаев Х. Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979–1980 гг. // ИМКУ. 1983. Вып. 18.
Бердымурадов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантинелли С. Результаты исследований Узбекско-Итальянской экспедиции в Самаркандской области // Археологические исследования в Узбекистане — 2003 г. Вып. 4. Ташкент, 2004.
Вяткин В.Л. Справочная книжка Самаркандской области. Издание Самаркандского областного Статистического комитета. Вып. VII. Самарканд, 1902.
Галиева З.С., Иневаткина О.Н. Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменсая) // Центральная Азия. Источники, история, культура: Матер. междунар. науч. конф., посвященной 80-летию Е.А. Давидович, Б.А. Литвинского. М., 2005.
Грантовский Э.А. Государство и общество на Древнем Востоке // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
Грине Ф., Рахманов Ш. Новые данные о дате первой системы фортификации Афрасиаба (середина или вторая половина VI в. до н.э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: Матер. междунар. науч. симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею г. Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.
Дандамаев М.А. Политическая история ахеменидской державы. М., 1985.
Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина // Успехи советской археологии. М., 1972.
Иваницкий И.Д. Саратепе 2, поселение керамиков середины I-го тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. 1992. Вып. 26.
Иваницкий И.Д. Согдийские поселения Пулад и Ляйлякуй // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996–97 гг. // ИМКУ. 1999. Вып. 30.
Иневаткина О.Н. Северное укрепление древнего Самарканда // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: Тез. докл. конф. Ташкент, 1990.
Иневаткина О.Н. Акрополь древнего Самарканда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
Иневаткина О.Н. Фортификация акрополя Самарканда // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
Иневаткина О.Н. Опыт реконструкции транспортного узла в Самаркандском Согде // Археология и геоинформатика. Третий круглый стол. Тез. докл. конф. ИА РАН. М., 2007.
Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. (Проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
Исамиддинов М.Х. Южные части Самаркандского Согда в период включения в империю Александра Македонского: Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Г.А. Кошеленко. Самарканд, 2005.

Исамиддинов М.Х., Иневаткина О.Н., Иваницкий И.Д. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути: Тез. докл. конф., посвященной 60-летию проф. Ю.Ф. Бурыкова. Самарканд, 1994.

Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. 1999. Вып. 30.

Исамиддинов М. Рапен К., Грине Ф. Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане в 2000 г. Самарканд, 2001.

Исамиддинов М., Грине Ф., Грицина А. Работы Узбекско-Французской экспедиции на городище Коктепа в 2001 г. // Археологические исследования в Узбекистане — 2001 г. Ташкент, 2002.

Исамиддинов М., Иваницкий И., Хасанов М. Раскопки северной части культового комплекса и в резиденции правителя городища Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане — 2002 г. Вып. 3. Ташкент, 2003.

Исамиддинов М., Рапен, Рахманов Ш., Грицина А.А., Лушикова Е.В., Рахимов К. Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане 2004—2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006.

Исамиддинов М., Рондели Б. Новое в исследовании Мианкаля // Археологические исследования в Узбекистане 2004—2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006.

История таджикского народа. Под ред. Гафурова Б.Г. и Литвинского Б.А. Т. 1. М., 1965.

Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками советско-афганской экспедиции на севере и северо-западе Афганистана в 1969—1979 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. № XV. М. Магнитогорск, 2005.

Куркина Е.А. Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.

Лебедева Т.И. Динамика освоения придаргомской и задаргомской степи в античности и раннем средневековье (по материалам свода археологических памятников Самаркандского района) // ИМКУ. 2004. Вып. 34.

Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом // Труды АН Тадж ССР. ИИАЭ. Т. 120. 1960.

Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. Вып. 180.

Массон М.Е. К локализации Согда // Труды САГУ, гум. науки, 3, новая серия, XI. Ташкент, 1950.

Мухамеджанов А.Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

Обельченко О.В. Сазаганские курганы // ИМКУ. 1966. Вып. 7.

Обельченко О.В. Агалыкские курганы // ИМКУ. 1972. Вып. 9.

Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан // КСИА. 1962. № 91.

Пачос М. Оборонительные сооружения Афрасиаба: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1966.

Пилипко В.Н. Побережье Средней Аму-Дарьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Пьянков И.В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов // Древний восток. Города и торговля (III—I тыс. до н.э.). Ереван, 1973.

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.

Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: Матер. международ. науч. симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент—Самарканд, 2007.

Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Работы на городище Коктепа (раскопы II и I) // Археологические исследования в Узбекистане в 2003 г. Вып. 5. Ташкент, 2004.

Ростовцев О.М., Иваницкий И.Д. Работы в Самаркандской области // АО — 1976 г. М., 1977.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы в Афганистане. М., 1977.

Ставиский Б.Я. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг. // СА. 1960. № 4.

Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1980.

Филанович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

Филанович М.И. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в старом Мерве // Древний Мерв. ТЮТАКЭ. Т. XIX. Ашхабад, 1989.

Хасанов М., Мехендали С. Раскопки на Сангиртепе в Кашкадарье // Археологические исследования в Узбекистане — 2003 г. Вып. 4. Ташкент, 2004.

Шишкин В.А. Кала-и Афрасиаб. Работы института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1, Ташкент, 1969.

Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. (Античность, раннее средневековье): Матер. советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1987.

Шишкина Г.В., Наймарк А.И. Историческая топография Дурмен-тепе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюзной археологической конференции. Суздаль. М., 1987.

Шишкина Г.В., Анорбаев А.А., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н., Кириллова О.В. Опыт исследования межквартальных участков городища Афрасиаб методом бурения // ИМКУ. 2000. Вып. 32.

Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н. К решению проблем истории культуры Самаркандского Согда // Вестник РГНФ. № 3 (40). М., 2005.

Abdullaev K., Franceschini F., Raimkulov A. 'The tetradrachm of Seleucos I from Sazagan region of Uzbekistan' // CIAA Newsletter Issue #19, Articles. 2004.

Bernard P. Maracanda-Afrasi colonie grecque // Convegno internazionale sul tema: La Persia e l'Asia centrale da Alessandro al X secolo (Roma, 9—12 novembre 1994), Atti dei Convegni Lincei, 127. Roma, 1996.

Bernard P., Grenet F., Isamiddinov M. et al. 'Fouilles de la mission franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): première campagne, 1989 // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1990.

Bernard, P., Grenet, F., Isamiddinov, M. et al. 'Fouilles de la mission franco-ouzbèke à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): deuxième et troisième campagnes, 1990—1991 // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1992.

Besenal R. Technologie de la voute dans l'orient ansien. Vol. I—II. Paris, 1984.

Chichkina G.V. Les remparts de Samarcande a l'époque hellénistique // La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec. Actes du colloque international de Valbonne, décembre 1982. Paris, 1986.

Cuyler Young T., Lovis Jr., Levine D. Excavations of Godin Project: Second Progress Report // Royal Ontario Museum. Art and Archaeology. Occ. Paper, 26. 1974.

Gentel P. Traces d'eau. Un géographe chez les archéologues. Edition Belin. [2003].

Grenet F. Crise et sortie de crise en Bactriane-Sogdiane aux IVe-Ve siècles: de l'héritage antique à l'adoption de modèles sassanides // La Persia e l'Asia centrale da Alessandro al X secolo (Roma, 9—12 novembre 1994). Atti dei Convegni Lincei, 127. Roma, 1996.

Grenet F. Marakanda/Samarkand, une métropole pre-mongole. Sours écrites et archéologie // Annales HSS, septembre-décembre 2004, n. 5—6, E—dition de l' Ecole des Hautes Etudes en sciences sociales. Paris, 2005.

Grenet F., Rapin Cl. 'De la Samarkand antique à la Samarkand médiévale: continuités et ruptures' // Archéologie islamique. Actes du Colloque international du Caire, 3—7 Février 1993. 1998.

Le Berre M., Schlumberger D. Les remparts de Bactres // MDAFA. T. XIX. 1964.

Persians: Masters of empire. Time-Life Books. Alexandria, Virginia, 1995.

Rapin Cl. Nomads and the shaping of Central Asia from the early Iron Age to the Kushan period // Proceedings of the Conference After Alexander: Central Asia Before Islam (London. British Academy. 23—25 June 2004). Published for The British Academy by Oxford University Press. 2007.

Rapin Cl., Isamiddinov M. 'Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samarkand-Afrasiab)' // Topoi. Orient-Occiden. 4/2. 1994.

Rapin Cl., Isamiddinov M., Khasanov M. 'La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand' // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2001.

Sauvage M. La brique et sa mise en oeuvre en Mésopotamie des origines à l' époque achéménide. Edition Recherche sur les civilisations. Paris, 1998.

Shishkina G.V. 'Ancient Samarkand: Capital of Soghd' // BAI. 1994. Vol. 8. 1996.

Stronach D. Pasargadae. Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxf., 1978.

Stronach D., Roaf M. Survey of Excavations Tepe Nush- Jan // Iran. Vol. XII. 1973.

Tosi M., Berdimuradov A., Franceschini F., Giorgetti D., Mantinelli S., Rondelli B. La carta archeologica della media valle dello Zeravshan: strategie e metodi per la storia del popolamento nella regione di Samarcanda // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: Матер. международ. науч. симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент—Самарканд, 2007.

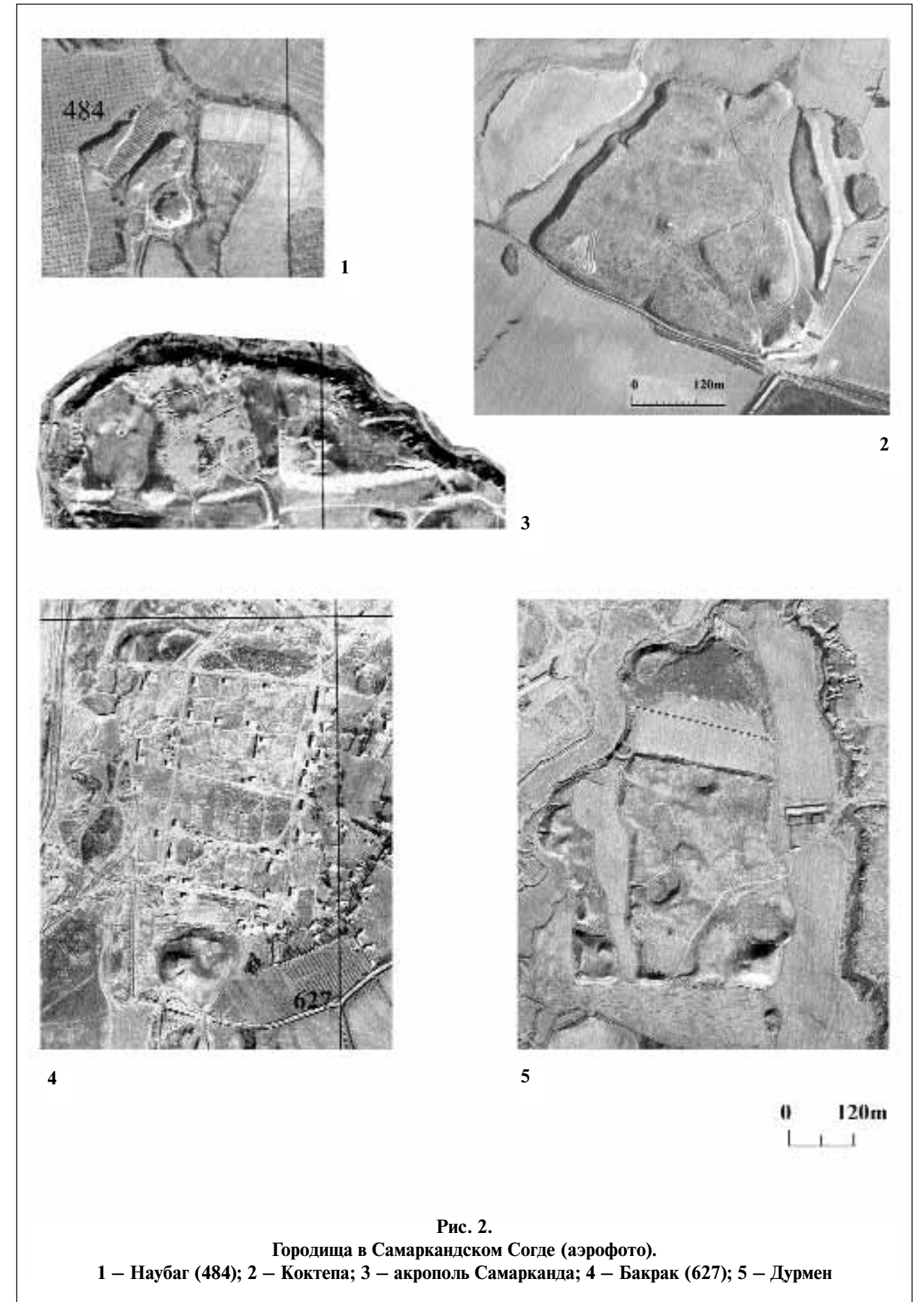
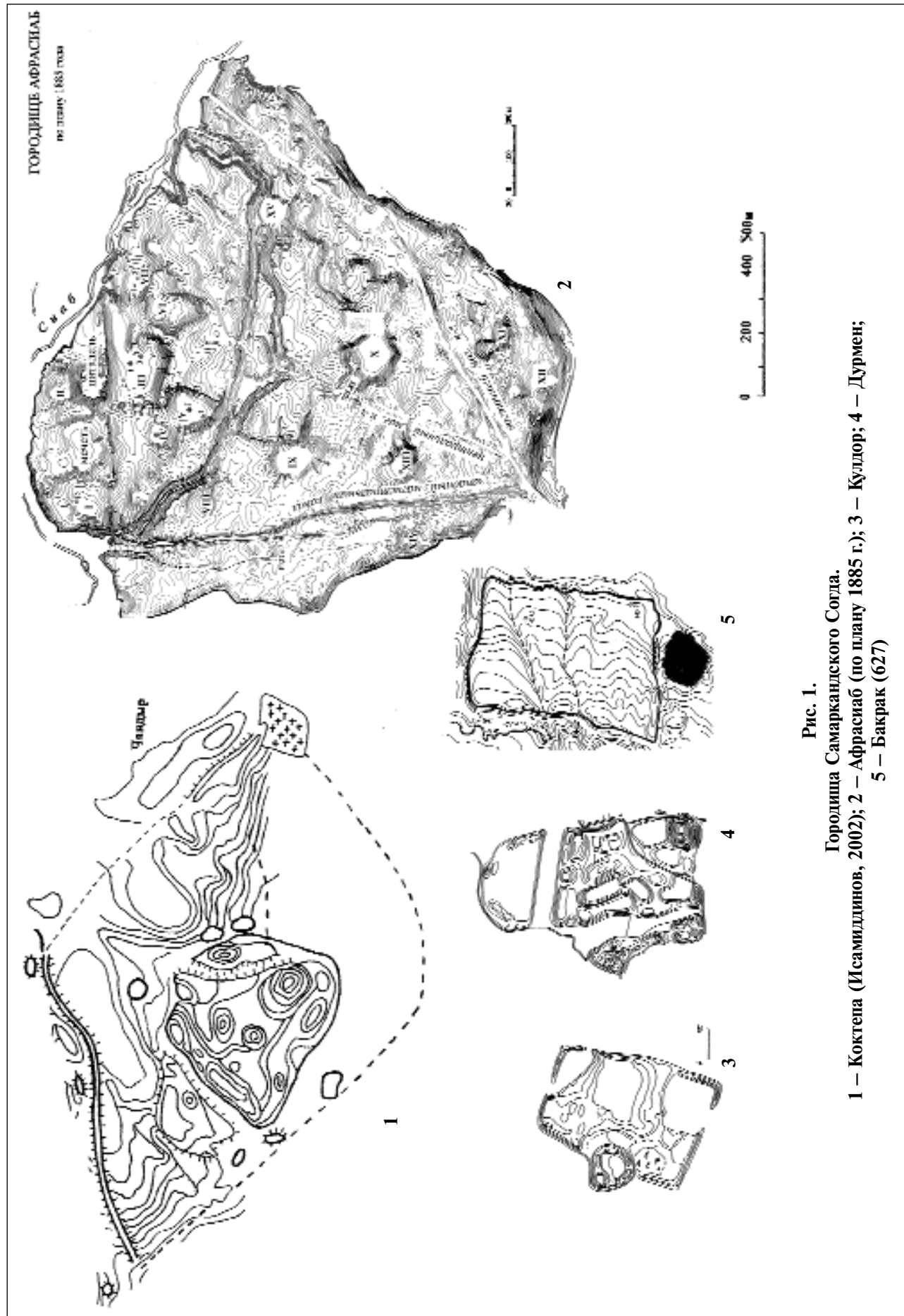
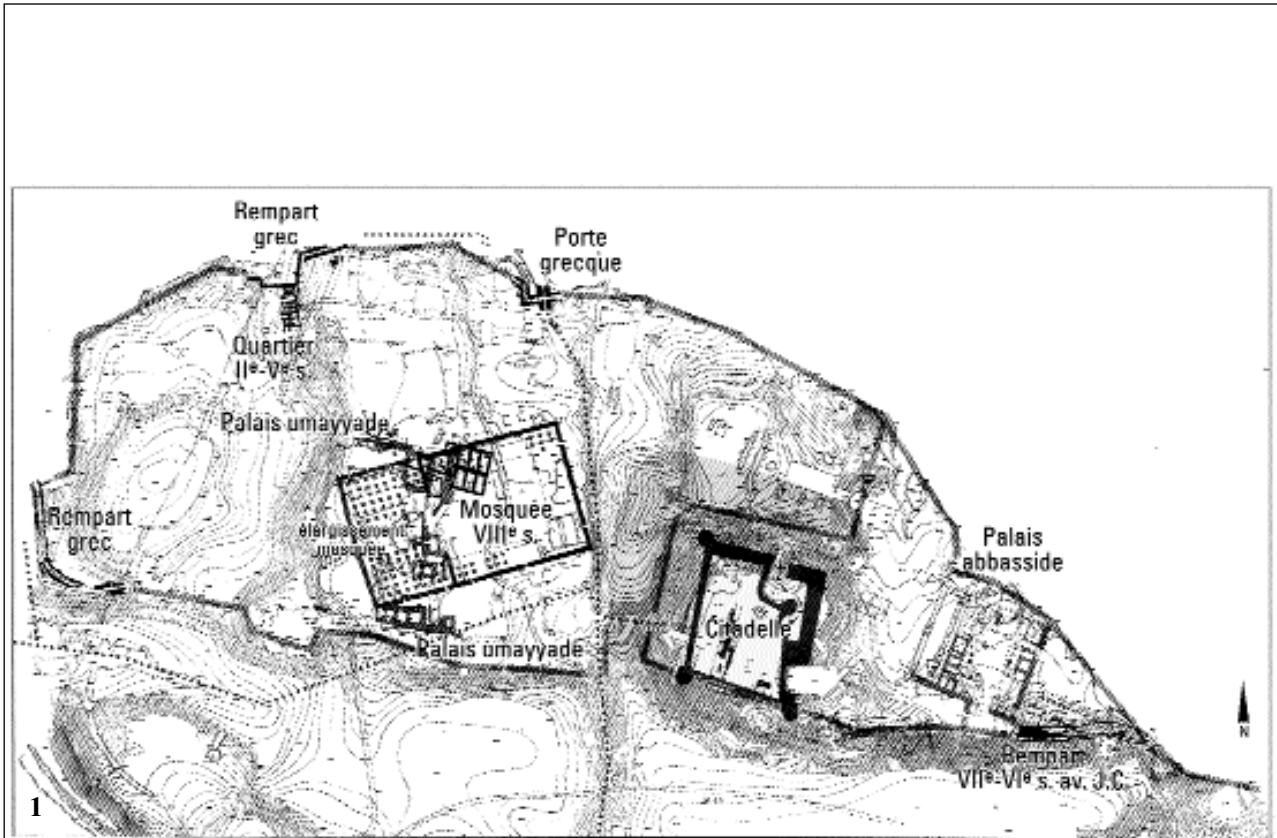

Рис. 2.

Городища в Самаркандском Согде (аэрофото).

1 — Наубаг (484); 2 — Коктепа; 3 — акрополь Самарканда; 4 — Бакрак (627); 5 — Дурмен

Dessin : Elena KURKINA, Musée de l'Orient, Moscou et François DREY, CNRS, UMR 8546 (fond de carte : Claude RAPIN)

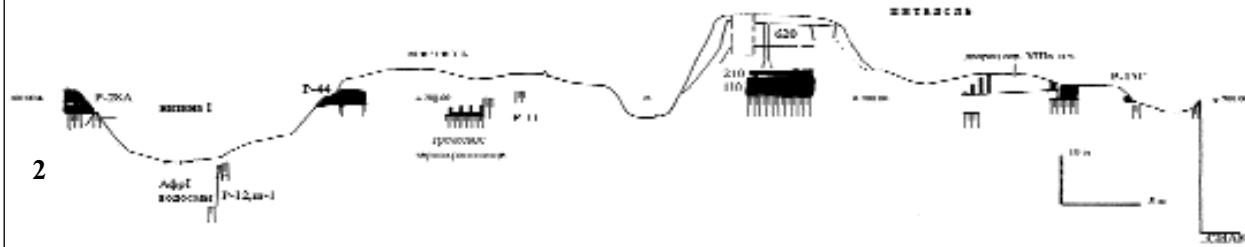

Рис. 3.

Акрополь древнего Самарканда.

1 – план с раскопками MAFOUZ (Grenet, 2005); 2 – разрез через акрополь с проекцией древних кладок периодов Афрасиаб I – II (110 и 210) и основных монументальных сооружений (620 – платформа раннесредневекового кешка цитадели). Чертеж Е.А. Куркиной

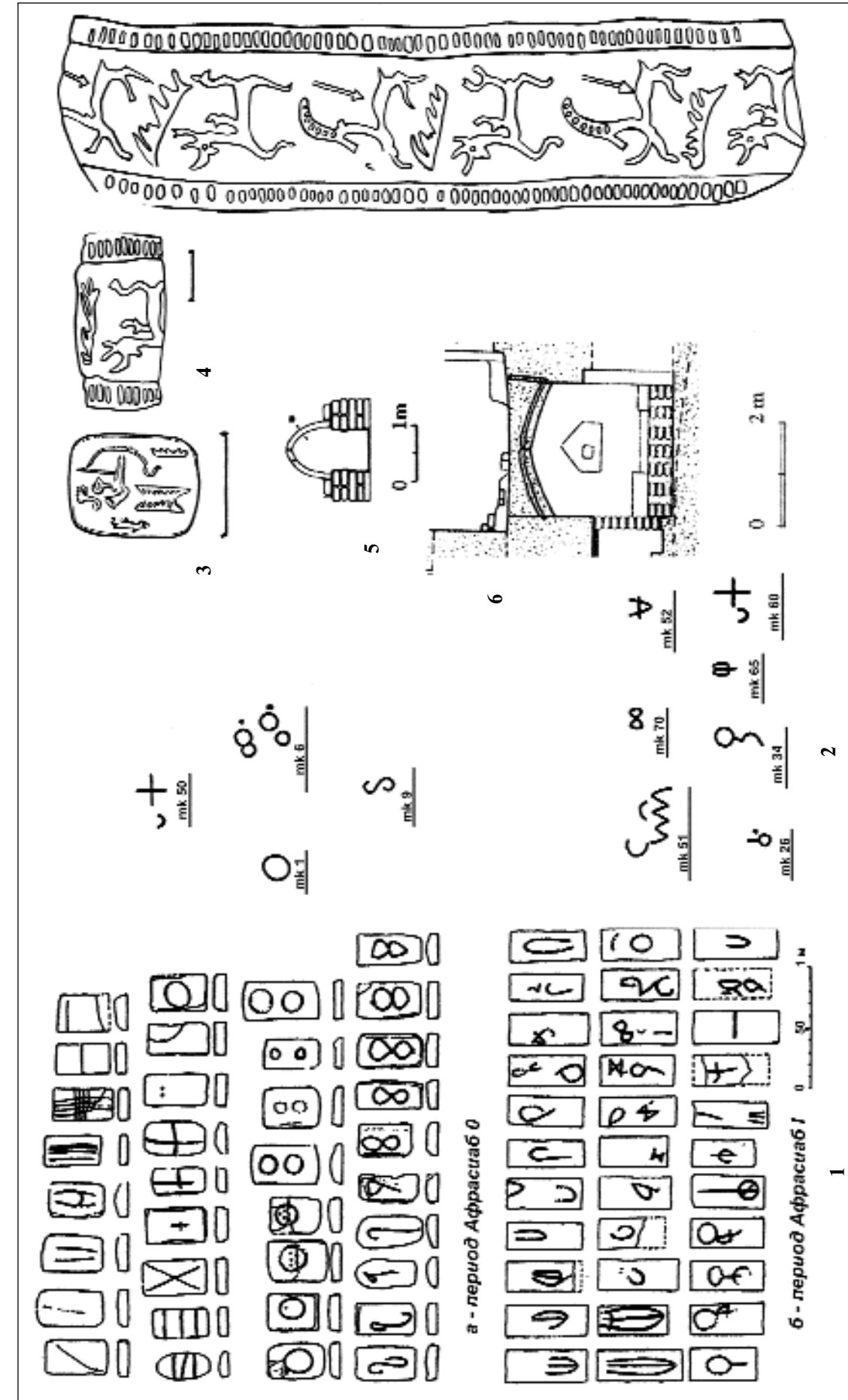

Рис. 4.

1 – Кирпичи из крепостных стен Афрасиаба VI–IV вв. до н.э. со знаками мастеров; 2 – знаки мастеров; 3 – гемма из Афрасиаба (Shishkina, 1994); 4 – цилиндрическая печать из Пасларгома (Исамидинов, 2002); 5 – арка свода стены, Афрасиаб, V–IV вв. до н.э.; 6 – арка свода храма VII в. до н.э. (теле Нуш-и Джан, см. Stropach, Roaf, 1973)

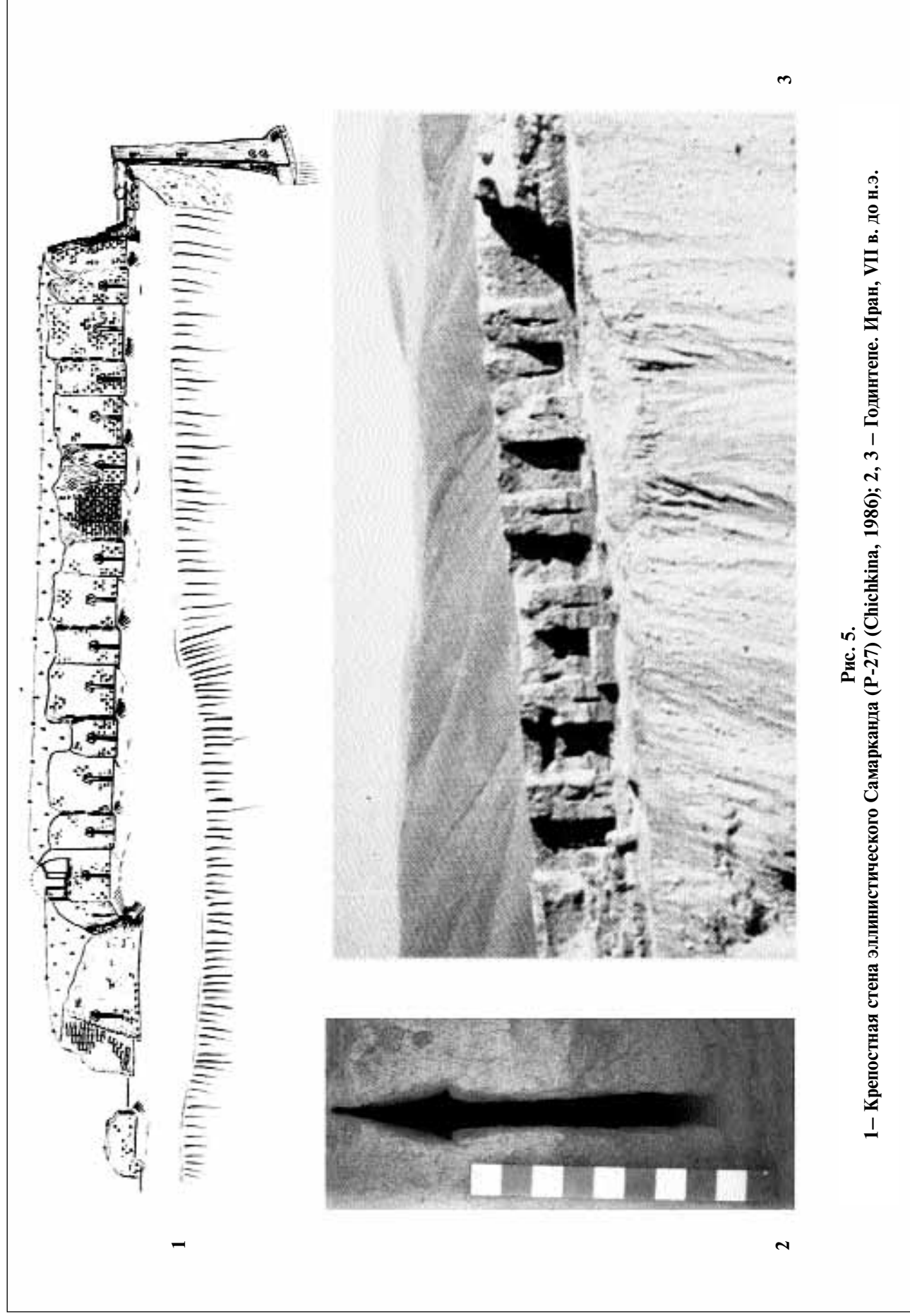

Рис. 5.
1 – Крепостная стена эллинистического Самарканда (Р-27) (Шичкина, 1986); 2, 3 – Годиште. Иран, VII в. до н.э.

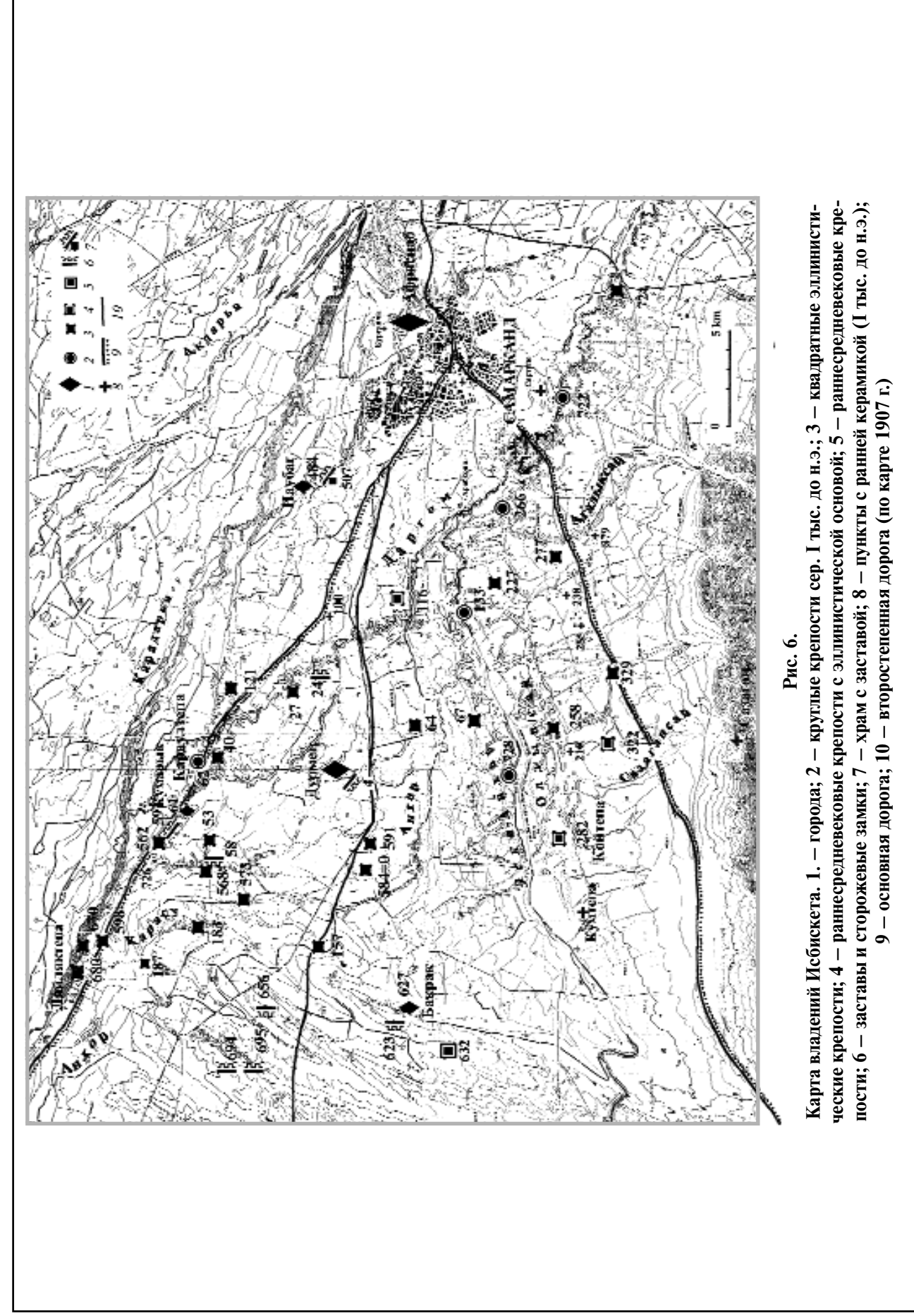

Рис. 6.
Карта владений Ибискета. 1 – города; 2 – круглые крепости сер. I тыс. до н.э.; 3 – квадратные эллинистические крепости; 4 – раннесредневековые крепости с эллинистической основой; 5 – раннесредневековые крепости; 6 – заставы и сторожевые замки; 7 – храм с заставой; 8 – пункты с ранней керамикой (I тыс. до н.э.); 9 – основная дорога; 10 – второстепенная дорога (по карте 1907 г.)

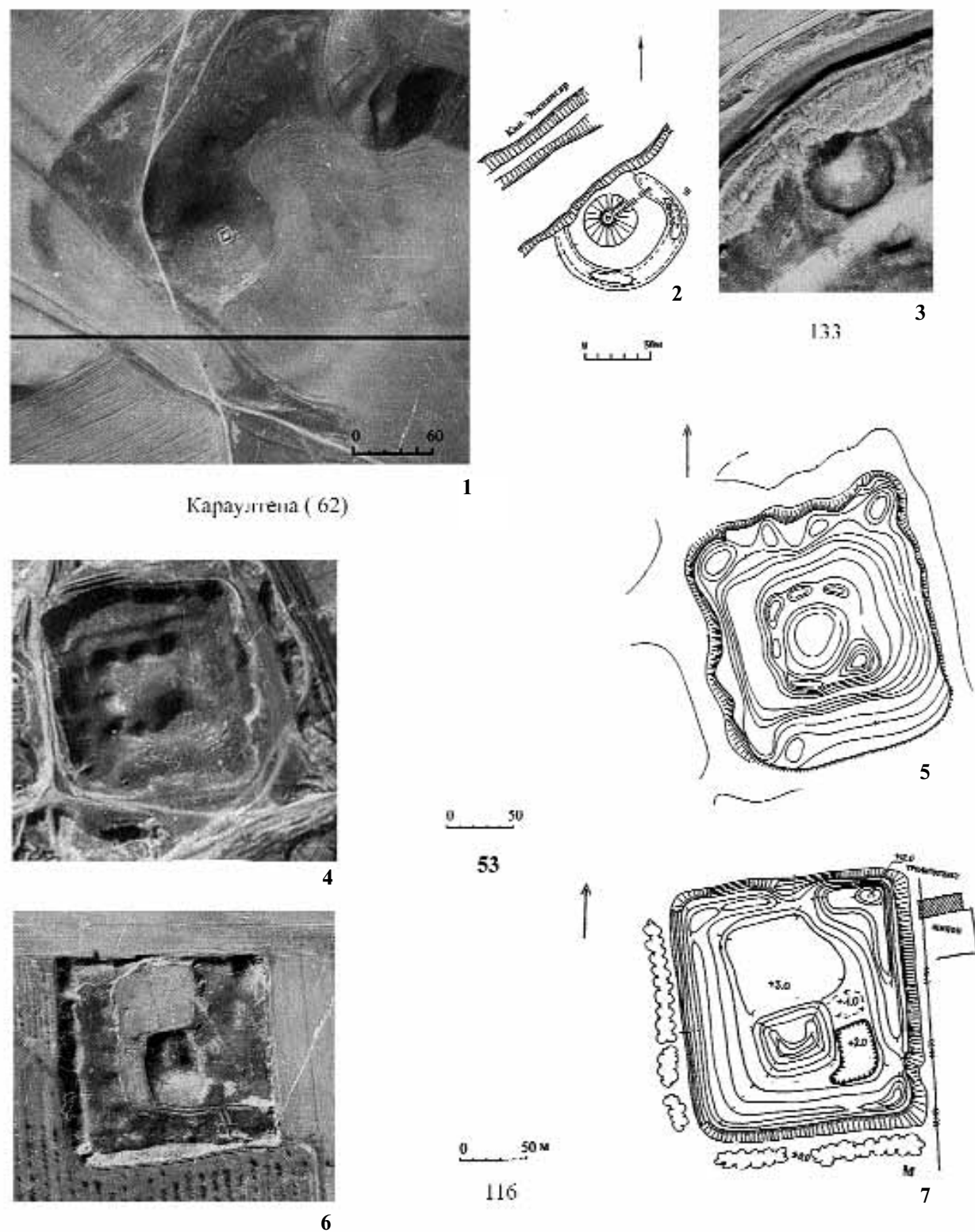

Рис. 7.
Крепости.

Круглые крепости сер. I тыс. до н.э.: 1 – Караултепа – 62 (сер. I тыс. – первые вв. до н.э.); 2,3 – крепость 133 (первые вв. до н.э., II–III вв. н.э. – ?, V–VI вв.).
Квадратные крепости: 4,5 – эллинистическая крепость 53 (первые вв. до н.э. – первые вв., V–VI вв.); 6,7 – раннесредневековая крепость 116 с эллинистической основой (сер. I тыс. – первые века до н.э., VIII–X вв.). Аэрофото 1973 г., топографические планы 1986–1987 гг.

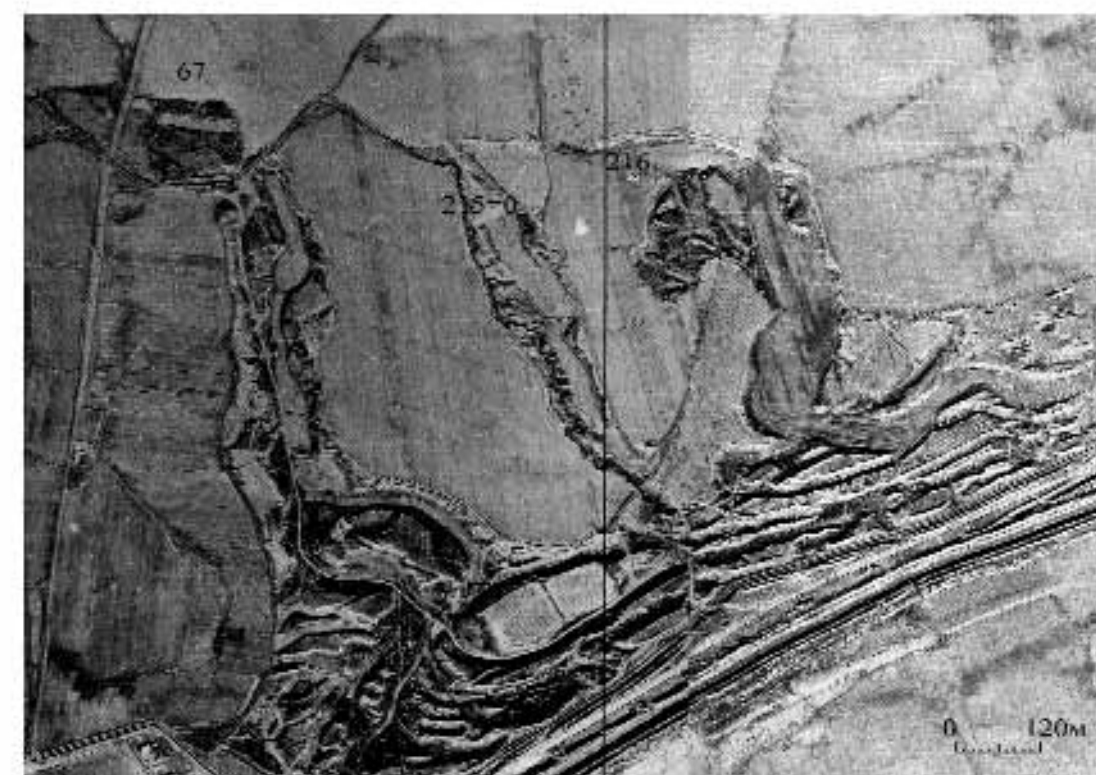

Рис. 8.

Равнинные ландшафты Пастдаргомья.

1 – эллинистические крепости 53, 568; 58 – застава с замком (первые вв. до н.э., первые вв. н.э., V–VI вв.) и уничтоженные памятники; 2 – крепость 67 (сер. I тыс. – первые вв. до н.э., первые вв. н.э.), села 215 и 216

Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ)*

В ходе историко-археологического исследования по мере накопления материала исследователь выходит на тот уровень, когда для успешного решения поставленной задачи необходимо опереться на стройную систему классификации с выделением групп, категорий, типов, вариантов и т. д., которые впоследствии становятся предметом сравнительного анализа. На основании полученных данных выявляются характерные особенности, присущие определенной археологической культуре или стадии развития (хронологическому периоду) данной культуры. Степенью четкости системы обеспечивается уровень достоверности сравнительных характеристик.

В процессе полевых исследований Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ на территории Среднеазиатского Междуречья был получен керамический материал широкого хронологического диапазона. В ходе обработки коллекций мы пришли к заключению, что разработанные ранее системы классификации керамических изделий в силу тех или иных причин не могут использоваться в полном объеме применительно к нашему материалу. Обращаясь к уже существующим классификационным схемам, мы столкнулись с тем, что:

– во-первых, значительная часть разработок проведена только на теоретическом уровне;

– во-вторых, многие работы посвящены конкретным выборкам, ограниченным территориально и во времени;

– в-третьих, большинство классификаций не имеет строгой системы, в них не отработана терминология, нередки сбои в иерархии признаков; в качестве основного (в пределах одной системы) выступает то один, то другой признак, вследствие чего создается понятийная путаница.

Задачи группировки материала по различным категориям с большим или меньшим успехом решаются археологами уже почти 150 лет. Точкой отсчета поисков ученых на пути создания наиболее точной и по возможности универсальной классификации археологических находок можно считать выход в свет в конце XIX в. работ шведского историка и археолога О. Монтелиуса, в которых была разработана методика установления эволюционно-генетических связей между типами артефактов (построение типологических рядов, установление их параллельности и направленности) (критику и библиографию см.: Клейн, 1991. С. 4, 37). В отечественной науке первым исследователем, сформулировавшим принципы археологической классификации, был В.А. Городцов. В основу его классификационной системы было положено понятие «тип» – совокупность предметов схожих по назначению, веществу и форме (Городцов, 1927). В дальнейшем усилия ученых были направлены в основном на создание объективной и универсальной методики выделения типов и наиболее информативных «работающих» признаков, устойчивое сочетание которых, собственно, и определяет понятие «тип» (обзор основных работ по этой тематике см.: Клейн, 1991. С. 37 и далее).

В последнее время для решения этих проблем используются статистико-комбинаторные методы, а также многомерный статистический анализ (Бородкин, 1986; Федоров-Давыдов, 1987; Малашев, 2001). По мере укрепления материально-технической базы расширяются возможности применения классификаций, основанных на количественных характеристиках материала, полученных с использованием естественно-научных методов (Круг Г., Круг О., 1965. С. 318–325; Жущиховская, 1982. С. 99–106; Сайко, 1982; Шапова, 1988).

*Помимо авторов настоящей публикации в работе принимала участие Н.Ю. Вишневская.

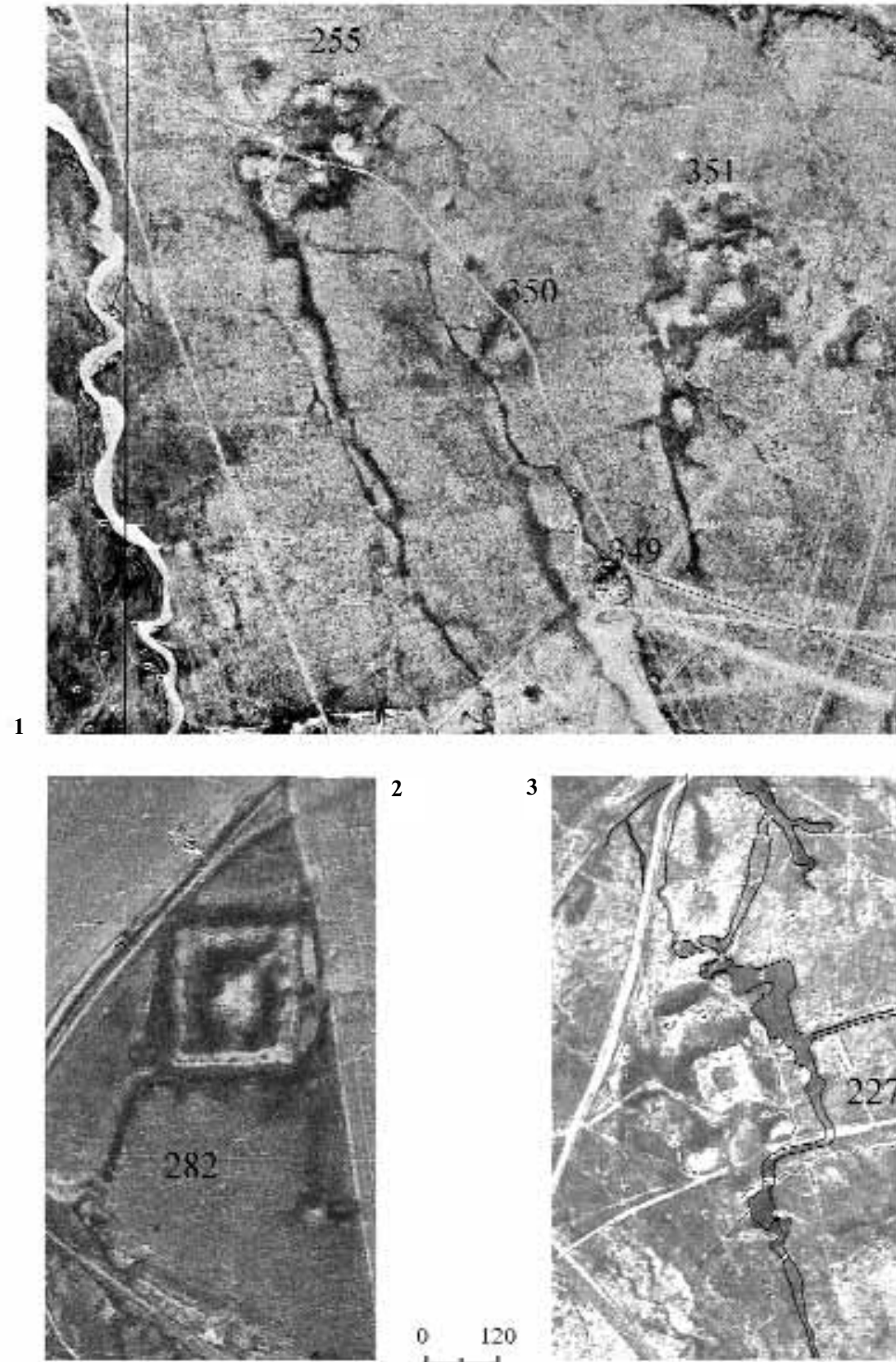

Рис. 9.

Ландшафты предгорья. 1 – родовые замки среди сельских угодий с подводными каналами и мелкой оросительной сетью; 2, 3 – водообеспечение крепостей 282 (Койтепа) и 227

Любая работа по разработке классификации распадается на две части: создание системы записи и описание при помощи этой системы реально существующих типов. Система записи представляет собой список признаков, которыми обладают объекты классификации, строго отвечающий двум требованиям: признаки должны быть дискретными и описание не может быть двусмысленным (Деопик, Карапетянц, 1970. С. 100). При этом необходимо учесть все свойства предмета, описать его максимально возможным количеством признаков. Желательно, чтобы разработанная система описания была применима не только к конкретному комплексу (городища, могильника, поселения, раскопа и т. д.), но была бы универсальной.

Подавляющее большинство классификаций керамики, опубликованных до настоящего времени, было разработано на основе материала конкретного памятника. В большинстве случаев критерии: группы или «пучки признаков», по которым выделялись типы наиболее массового материала – посуды, оставались за рамками публикации. Роль классификационной гипотезы играли уже сложившиеся представления о типах керамики в пределах данной культуры или историко-культурного региона (см., например, Исаметдинов, Сулейманов, 1984. С. 23–25). Подобный подход к начальной стадии классификации можно назвать «интуитивно-эрудитивным» (Деопик, 1988. С. 175).

В списке признаков на первом этапе такой классификации в первую очередь учитываются параметрические показатели и их соотношения, на основании чего и выделяются типы керамики (Литвинский, 1973. С. 7–15). Значительно меньше внимания уделяется способу формовки, а также морфологическим и технологическим особенностям.

Археологические комплексы с городищ и поселений по большей части состоят из фрагментов гончарных сосудов (при сравнительно небольшом количестве целых сосудов). В связи с этим источниковедческая база классификационных штудий, посвященных керамическим комплексам, в какой-то степени ограничена.

Указанная специфика определяет подробные системные описания материала поселенческого комплекса, в которых большое внимание уделяется детализированным характеристикам, прежде всего технологическим, морфологическим и декоративным признакам (Маршак, 1970). По таким же принципам строятся классификации керамических комплексов отдельных хронологических периодов, в которых, однако, большее внимание уделяется признакам, характеризующим форму в целом. В результате анализа последних

выделяются группы и категории сосудов (Шишкина, 1979; 1986).

Исследователи зачастую отдают предпочтение тем признакам, которые, на их взгляд, являются наиболее значимыми для гончарной посуды определенных памятников. Например, в классификации бактрийской керамики, разработанной Ж.-К. Гарденом, преимущественно по материалам Балха основным признаком, по которому вся выборка разделяется на категории, является цвет черепка. На следующем этапе классификации категории делятся на группы форм, которые, в свою очередь, подразделяются на отдельные формы (Gardin, 1957; 1973. С. 121–185).

В других случаях основным признаком, по которому на первом, самом верхнем уровне классификации керамический комплекс подразделяется на группы, принят способ обработки поверхности сосудов (Никитина, 1966). Однако в значительной степени преобладают работы, где в равной степени учитываются все признаки. В таких исследованиях массовый керамический материал рассматривается детально, дается классификация не только целых сосудов, но и их фрагментов, хотя и в пределах конкретного памятника (Деопик, 1970. С. 60–61).

Еще более подробные системы описания разработаны в классификациях, предметом изучения которых являются отдельные категории и формы посуды, выделенные на начальном «интуитивно-эрудитивном» этапе (Каменецкий, 1963; Деопик, Карапетянц, 1970; Марченко, 1975; Логинов, 1999 и др.), а также в классификациях, где рассматриваются элементы, характеризующие объект с какой-то определенной стороны, например орнамент (Деопик, Митяев, 1981).

Безусловно, при помощи этих систем описания можно более объективно охарактеризовать тип или категорию выделенных предметов. Надо полагать, что такие классификации наиболее приближены к естественным, то есть к таким, которые учитывают закономерности, заложенные в самом материале, и выделяют группы признаков с такими границами и характеристиками, которые отражают особенности материала (Каменецкий, 1978. С. 18, 20).

Вместе с тем довольно часто при составлении детального списка признаков и последующей классификации различные по своей значимости признаки рассматриваются на одном уровне классификационной системы. В таких исследованиях группы и формы сосудов, выделенные на интуитивно-эрудитивном уровне, описываются при помощи формализованного кода, составленного на основании списка признаков, в котором не учитывается их «иерархия», а также значимость связи между признаками (Федоров-Давы-

дов, 1970; Соловьев, 1996. С. 46–49). В этом случае и технологические – группообразующие, и морфологические – типобразующие признаки рассматриваются как равнозначные признакам, обусловленным выбором отдельного мастера (Маршак, 1970. С. 26).

Как представляется, наиболее объективной является иерархическая система классификации, где на основании детально разработанной системы описания последовательно ранжируется весь массив изучаемого материала (Кызласов, Мартынов, 1986. С. 183–210).

Все упомянутые выше виды классификаций разработаны с учетом особенностей исследуемого материала для решения конкретных задач. Такие работы в конечном счете в большей или в меньшей степени дают ответы на конкретные вопросы в рамках исследуемой проблемы.

Наряду с этим археологи не теряют надежды разработать ту единственную универсальную классификацию, в которой нашли бы свое место все без исключения артефакты. Надо полагать, этими устремлениями стимулированы не связанные с конкретным материалом теоретические разработки. В этих работах излагаются основные принципы классификации, по мнению авторов, применимые к любому керамическому комплексу, независимо от его культурной и хронологической принадлежности (см., например, Генинг, 1973; 1992).

Подобные работы, видимо, следует рассматривать как методические пособия, которые с большей или меньшей эффективностью могут быть использованы для классификации конкретного материала.

Приступая к разработке классификационной системы описания керамического материала, мы постарались учесть достоинства и недостатки систем описания и классификаций, разработанных ранее, основываясь на том, что качественную определенность любому объекту или классу придает его структура как устойчивая взаимосвязь определенного набора элементов (Генинг, 1989. С. 128), а любые структурные изменения в этом наборе приводят к трансформации объекта в новый класс, тип или вариант. С учетом этого положения и составлялся список по возможности наиболее полного набора признаков.

Представленная ниже система описания керамики включает в себя два основных блока признаков: технологические (включая декоративные) и морфологические.

К технологическим признакам относится характеристика формовочной массы (отсутствие или наличие примесей и их состав), способ изготовления сосуда и связанные с ним особенности формовки. Этот же блок признаков включает в се-

бя характеристики обработки внешней поверхности сосуда. Список технологических признаков завершает характеристика режима обжига.

В этот блок включены признаки, характеризующие декоративное оформление посуды. При этом учитываются не только виды, но и способы орнаментации. Декоративные признаки никак не влияют на характеристику формы как всего сосуда, так и отдельных его частей. Однако их следует считать характеризующими виды и варианты типа сосуда. Значение этих признаков исключительно важно для характеристики развития и трансформации керамических комплексов на протяжении определенного хронологического отрезка времени.

Второй блок включает в себя морфологические признаки, имеющие как количественные, так и качественные значения. Учитываются все морфологические типобразующие признаки, как качественные, так и количественные, включая пропорциональные соотношения линейных параметров отдельных частей сосуда, при помощи которых описывается форма в целом.

По мере необходимости количественные признаки при помощи ранжирования и ротации всех значений преобразуются в качественные. Эта операция проводится обычно для характеристики отдельных элементов профиля сосуда. Например, степень крутизны плечиков, степень отогнутости венчика, ширина горловины и т. д.

Большинством исследователей форма сосуда определяется на интуитивно-эрудитивном уровне. Неопределенность терминологии наиболее отчетливо проявляется в определении таких форм, как широкогорлый кувшин – корчага – горшок, кубок – бокал, чаша – миска – блюдо. В представленной ниже системе описания делается попытка применить объективные критерии для выявления принадлежности сосуда к определенной группе форм.

С целью унификации терминологии мы максимально, насколько это возможно, старались использовать геометрические понятия для обозначения формы объема и сечения.

В результате формализованного описания всего массива выборки, в чем, собственно, заключается начальный этап обработки любой керамической коллекции, свойства и характеристики каждого объекта выражаются рядом значений. На следующей стадии исследования на основании полученных данных проводится классификация выборки, выявляются группы, отделы, формы, типы и варианты.

Эта операция проводится методом последовательного отбора.

На первом этапе учитываются технология, форма и размеры сосуда, которые являются груп-

пообразующими. Например, по качеству формовочной массы с учетом размеров и формы сосудов определяется группа столовой керамики.

Последующая классификация проводится уже в пределах выявленных групп. По параметрическим признакам выделяются отделы (открытые и закрытые формы), а внутри них по соотношениям параметров — конкретные формы сосудов.

На следующем этапе классификации внутри определенной формы выделяются типы.

Предлагаемая нами формализованная система описания керамики не претендует на всеобъемлемость, но может послужить основой для разработки детальных классификаций керамических комплексов разных хронологических периодов и отдельных памятников.

Предлагаемая нами открытая классификационная система, не претендуя на окончательную

завершенность, представляется шагом к всеобъемлющей типологии керамической продукции и:

1) обеспечивает четкость характеристик объекта в системе иерархических групп признаков керамической продукции;

2) дает по возможности наиболее полный набор признаков керамической продукции, независимо от места и времени ее происхождения;

3) создает стройность и полноту описания любого артефакта;

4) сводит к минимуму возможность упустить тот или иной аспект характеристики объекта;

5) существенно облегчает сравнение характеристик как внутри комплекса, так и комплексов инотерриториальных и разновременных;

6) подготавливает объективную основу для создания электронной базы данных.

Классификационная система описания керамических изделий

Технология

I — формовочная масса

Состав глиняной массы в полевых условиях определяется визуальным осмотром излома черепка.

1 — Тонкодисперсная хорошо промешанная глина. Излом черепка раковистый, поры от органических добавок (в большинстве случаев видны только при увеличении).

2 — Тонкодисперсная глина. Излом с острой кромкой, поры от органических добавок.

3 — Глина средней дисперсности. Излом крупитчатый, поры от выгорающих органических добавок, могут быть поры с рваными краями.

4 — Глина с шамотом.

5 — Глина с дресвой (как правило, кварцевый песок).

6 — Глина с крупнодробленой дресвой: сланцем, пиритом и др. породами.

7 — Глина с дресвой и шамотом.

8 — Глина с примесью извести, гипса.

9 — Кашин, т. н. восточный фаянс. Черепок с зернистой структурой, случается крошащийся.

10 — Каолин.

II — формовка

Способ формовки — II.1:

1 — лепка;

2 — ручная лепка с доработкой на круге;

3 — формовка на круге (кружале):

а — медленного вращения (определяется по характеру следов пальцев мастера на изделии);

б — быстрого вращения.

Приемы формовки — II.2:

1 — изделие вытянуто из одного комка глиняной массы;

2 — лепка горизонтальными и спиральными полосами;

3 — лепка из полос на болванке, обтянутой тканью или на матерчатом шаблоне с сыпучим наполнением (отпечатки ткани внутри сосуда);

4 — в матерчатой «форме» (отпечатки ткани на внешней стороне стенок сосуда);

5 — придонная часть сформована в специальной миске отдельно от тулова;

6 — придонная часть сформована в миске, тулово вытянуто из того же комка глины;

7 — тиснение изделия или его конструктивной части в гладкостенной жесткой форме;

8 — тиснение в орнаментированной форме;

9 — начало формовки от горла (см. А.А. Бобринский).

Особенности формовки — II.3:

1 — утолщение, «припухлость» стенки на плечике;

2 — утолщение стенки на стыке горла и тулова;

3 — следы подсыпки из мелкодробленой органики;

4 — подсыпка из крупнодробленой органики (солома);

5 — подсыпка из мелкозернистого песка;

6 — подсыпка из крупнозернистого песка;

7 — следы подрезки нитью при снятии с круга;

8 — следы среза сосуда с круга ножом;

9 — элементы декора, предусмотренные в процессе формовки:

а — горизонтальное ребро;

б — уступ;

в — валик;

г — бороздка (бороздки).

Следы особенностей конструкции

кружала — II.4:

1 — след от оси кружала на днище;

2 — наплывы по краям плоского дна в результате формовки сосуда на круге или на подкладном диске меньшего, чем днище, диаметра.

III — обработка поверхности изделия

Первичная обработка — III.1:

1 — заглаживание мокрой рукой или ветошью;

2 — обточка на вращающемся круге шаблоном или другим инструментом;

3 — обточка при медленном вращении, наличие радиальных (горизонтальных) валиков — результат вибрации;

4 — подрезка вертикальными (радиальными) фасетками всей поверхности изделия;

5 — подрезка вертикальными фасетками нижней части сосуда.

Ангобирование — III.2:

Способ нанесения ангоба — III.2.1:

1 — полива, погружение в ангобную массу;

2 — обмазка.

Зона ангобного покрытия — III.2.2:

? — сомнительные случаи, когда неясно высветлена поверхность при обжиге или покрыта жидким светлогущимся ангобом;

0 — отсутствие ангоба;

1 — сплошное покрытие ангобом внутренней и наружной (для закрытых форм только наружной) поверхностей, включая дно или внутреннюю

(нижнюю) поверхность поддона (ножки);

2 — сплошное покрытие, остаются непокрытыми дно или поддон (ножка);

3 — покрыты внутренняя и наружная поверхности (по фрагменту);

4 — полосой по краю устья;

5 — снаружи верхняя треть сосуда;

6 — верхняя половина;

7 — верхние две трети сосуда;

(пункты 4–7 — у открытых форм, как правило, при этом внутри сплошное ангобное покрытие)

8 — внутренняя поверхность покрыта полностью, снаружи нет ангоба (у целых форм и при описании по фрагменту);

9 — ангоб нанесен широкими разнонаправленными полосами внутри (открытые формы) и (или у закрытых форм) снаружи;

10 — потеки и брызги ангоба в верхней части сосуда (закрытые формы);

11 — потеки и брызги по всей поверхности сосуда;

12 — потеки пересекающиеся (нанесенные с поворотом изделия);

13 — двойное покрытие ангобом: красным по светлomu;

14 — двойное покрытие ангобом: два слоя красного ангоба.

Цвет ангоба — III.2.3:

1 — белый ангоб;

2 — светлый ангоб слегка кремовых, розовых, зеленоватых оттенков (не смешивать с белым);

3 — красный и красно-коричневых оттенков;

4 — фиолетово-красный (марганцево-красный);

5 — черный, серый;

6 — черный (темно-серый) с металлическим отблеском.

Лощение — III.3:

0 — отсутствие лощения;

1 — сплошное внутри (открытые формы) и снаружи (для закрытых форм — только снаружи);

2 — сплошное только внутри (для открытых форм);

3 — сплошное только снаружи (для открытых форм);

4 — полосчатое, узким лошилом (см. IV, орнаментация, п. 10);

5 — двойное лощение: полосчатое по сплошному (при разрыхлении ангоба во время обжига, зависящем от свойств глины, первичное лощение часто наблюдается с трудом).

IV — орнаментация

Способ орнаментации — IV.1:

0 — отсутствие орнаментации;

- 1 — резьба сквозная (прорезной орнамент);
- 2 — резьба;
- 3 — вдавления, насечки;
- 4 — процарапывание («гравировка»);
- 5 — налеп:
 - а — без орнамента;
 - б — орнаментированный наколами;
 - в — с оттиском орнаментированного штампа;
- 6 — налеп «оборочкой» (налепная полоса с зашипами);
- 7 — оттиски отдельных орнаментированных штампов;
- 8 — тиснение в орнаментированной форме — колыбе (см. II. 2, приемы формовки, п. 8);
- 9 — роспись кистью:
 - а — однотонная;
 - б — двухцветная;
 - в — многоцветная;
- 10 — оттиск окрашенной кисти, тампона (басма);
- 11 — полосчатое лощение (см. III. 3, лощение, п. 4).
 - а — горизонтальными полосами;
 - б — радиальными (вертикальными) полосами;
 - в — с етчатое;
 - г — петельчатое;
 - д — арочное и др.

Зона расположения орнамента — IV.2:

- 1 — край устья;
- 2 — горло;
- 3 — плечики;
- 4 — средняя часть тулова;
- 5 — нижняя часть тулова;
- 6 — днище;
- 7 — ножка;
- 8 — внутри по краю (для открытых форм);
- 9 — внутри в центре (для открытых форм);
- 10 — внутри по всей поверхности (для открытых форм);
- 11 — снаружи по всей поверхности;
- 12 — ручка.

V — обжиг

- 1 — в окислительной среде при недостатке температуры, недожоге; черепок по краям желтоватых, красноватых оттенков и сероватый в середине, по внешней поверхности пятнистый (примитивный обжиг);
- 2 — в окислительной среде, при достаточной температуре; цвет черепка в изломе равномерный желтоватых, розовых, красновато-коричневых оттенков;
- 3 — в восстановительной среде с последующим доступом воздуха; черепок желто-розовых оттен-

- ков, на поверхности в местах лощения черноватые тона;
- 4 — в восстановительной среде; черепок в изломе и поверхность серо-черного цвета;
- 5 — в восстановительной среде; по краю внешней (возможно, и внутренней) поверхности серая полоса, внутри черепок розоватых оттенков — неполное задымление;
- 6 — спекание без деформации (или со слабой деформацией) — клинкерный обжиг;
- 7 — спекание со вздутиями и сильной деформацией (пережог) — брак.

Морфология

VI — параметры изделия:

- D — наибольший диаметр;
- d_0 — диаметр основания поддона, ножки;
- d_1 — диаметр дна;
- d_2 — диаметр придонной части тулова;
- d_{2a} — диаметр тулова на переходе к нижнему «плечичу» (см. VII. 3.1, тулово п. 8 и п. 11);
- d_3 — диаметр тулова на переходе к плечичу;
- d_4 — диаметр основания горла, шейки, устья;
- d_5 — диаметр устья, горла или шейки под венчиком;
- d_6 — диаметр устья, горла по венчику.
- H — общая высота;
- h_0 — высота поддона, ножки;
- h_1 — высота тулова;
- h_2 — высота придонной части тулова;
- h_3 — высота средней части тулова;
- h_{3a} — высота нижнего плечика, часть высоты h_3 ;
- h_4 — высота плечика;
- h_5 — высота горла;
- h_6 — высота борта или венчика, часть общей высоты горла h_5 ;
- h_7 — высота части тулова ниже горизонтали D;
- h_8 — высота части тулова выше горизонтали D;
- L — длина (для изделий особых форм);
- M — ширина (для изделий особых форм);
- S — толщина стенки сосуда.

VII — форма

Общее определение формы — VII.1.

В науке традиционно принято деление сосудов на открытые и закрытые формы. Закрытыми принято считать сосуды, имеющие плечики. Открытых форм, как правило, плечико отсутствует. Сущест-

вуют, однако, формы из категории открытых, такие как некоторые виды чаш, кубков, у которых плечики могут быть намечены закруглением или перехватом под устьем (полузакрытая форма). В профиле сосуда традиционно выделяются дно, поддон, тулово, плечики, горло, венчик, а для сосудов закрытой (полузакрытой) формы, не имеющих горла, переход от плечика к устью (венчику) определен как шейка.

- 1 — кувшин — определяется наличием плечиков и горла диаметром у основания примерно равным или меньшим 1/2 общего диаметра ($d_4 \leq 1/2 D$), при высоте горла равной или большей 1/2 его диаметра ($h_5 \geq 1/2 d_6$); сюда включается кумган — кувшин из жаростойкой глины для кипячения жидкости;
- 2 — горшок — наличие плечиков; горло или отсутствует, или его диаметр равен или больше 1/2 D, а высота горла менее 1/2 его диаметра ($d_6 \leq 1/2 D$; $h_5 < 1/2 d_6$);
- 3 — корчага — широкогорлый крупный сосуд, $H \geq 30$ см;
- 4 — хум, хумча — крупный тарный сосуд (чаще всего горшковидной формы), H более 50 см, пропорции разные;
- 5 — фляга — уплощенный (или же с одним плоским боком) сосуд для транспортировки жидкостей и сыпучих тел (может быть сформован как приземистый кувшин на широком днище с боковой горловиной);
- 6 — симоб-кузача — сферококус — флакон для изготовления, хранения и транспортировки лекарственных составов, ртути и других ценных жидкостей;
- 7 — банковидный сосуд с относительно вертикальными стенками без плечиков и соответственно без горла; $H > D$;
- 8 — кружка — широкогорлый сосуд с узкими плечиками или открытой формы с одной ручкой;
- 9 — кубок — сосуд на плоском дне, на поддоне или на ножке, h_1 равна или больше половины D с широким диапазоном пропорций; в связи с существованием традиционно принятого термина «чаша-кубок» в этот раздел войдут и сосуды приземистых пропорций с характерными для чаши-кубка признаками;
- 10 — вазообразные формы — т. н. кубок-ваза — сосуды с чашевидным резервуаром на ножке; $h_1 < D$; вариант вазообразной формы — возможны несколько вытянутые пропорции (типа кубка) при значительных размерах и массивности;
- 11 — чаша ($H < D$, $H > 1/2 D$);
- 12 — полусферическая чаша с округлым дном, «мегарская чаша», пропорции могут быть более вытянутыми, чем у прочих чаш;

- 13 — «рыбное блюдо» — в среднеазиатском регионе, как правило, имеют пропорции чаш, выделены по двум основным признакам — форме «клювовидного» венчика и углубленным зеркалом чаши;
- 14 — миска — большая чаша, $D > 20$ см;
- 15 — блюдо — приземистая чаша, $D > 15$ см, отношение высоты к диаметру примерно 1:5; блюдец — D равен или меньше 15 см;
- 16 — тагора — таз;
- 17 — чан — крупный сосуд с широким устьем, может быть с плечиками; D не менее 45 см;
- 18 — круглодонные сосуды закрытой формы, в большинстве случаев из жаростойкой массы — котлы;
- 19 — сковорода — диск с вертикальным бортиком (сковорода-жаровня);
- 20 — дастархан, хозяйственный столик — диск на ножках;
- 21 — чаша на высокой ножке — светильник и/или курильница;
- 22 — светильник, чираг — светильник-плошка, открытых и закрытых форм, плоскодонные и на подставке;
- 23 — чернильница — закрытых и открытых форм;
- 24 — пенал — емкость для хранения письменного прибора;
- 25 — тувак — горшок баночной формы с широким отогнутым бортом для люльки-бешика;
- 26 — сумак — трубочка — принадлежность горшка для бешика;
- 27 — труба: водопроводная (канализационная), сопло и др.;
- 28 — очажок — предмет подковообразного горизонтального сечения;
- 29 — прямоугольная плита с бортиком, приочажный лоток;
- 30 — плита — очажный экран;
- 31 — предметы редких форм и неопределенного назначения;
- 32 — крышки разных форм для разнообразных сосудов:

- а — «пробка» монолитная;
- б — «пробка» полая;
- в — плоский диск;
- г — вогнутая полусферическая;
- д — вогнутая полусферическая с «полями»;
- е — выпуклая полусферическая с «полями»;
- ж — откидная с отверстием для насадки на специальную дужку, дисковидная;
- з — откидная полусферическая;
- и — откидная полусферическая с «полями»;
- к — цилиндросферическая;
- л — усеченноконическая.

Профиль горизонтального сечения резервуара – VII.2.

- 1 – круг (кольцо) – особо не оговаривается как явление обычное;
- 2 – вписанные круги (кольца), например, у чернильниц;
- 3 – фестончатый (лепестковый) – полукружья фигурной стенки выпуклые;
- 4 – ребристый (полукружья вогнуты);
- 5 – квадрат;
- 6 – многоугольник;
- 7 – продолговатый прямоугольник;
- 8 – овал;
- 9 – полуовал;
- 10 – сложная фигура;
- 11 – любой профиль сечения, дополненный внутри фигуры прямой линией, дугой или углом, у перегородчатых емкостей.

Элементы формы – VII.3.

Элементы формы примерно намечаются простейшим геометрическим построением с помощью взаимно перпендикулярных касательных и диагональных линий, а в формах цилиндрических и конических точками перегиба стенки сосуда.

Предлагаемые наименования форм условны, ассоциативны и не могут точно соответствовать формам геометрическим.

Тулово – VII.3.1:

- 1 – горизонтально-эллипсоидное $h_7 \approx h_8$ (рис. 1, 1);
- 2 – «сфероидное», визуальное $D \approx h_1$, $h_7 \approx h_8$ (рис. 1, 2);
- 3 – овоидное, D в верхней трети h_1 , $h_7 > h_8$ (рис. 1, 3);
- 4 – усеченно-овоидное, закрытое, D в верхней трети h_1 , широкое днище (рис. 1, 4);
- 5 – овоидное уплощенное, $h_7 > h_8$ (рис. 1, 5);
- 6 – грушевидное, D в верхней трети h_1 , $h_7 > h_8$, стенки придонной части вогнуты (рис. 1, 6);
- 7 – каплевидное, расширяющееся к низу, D в нижней трети h_1 , $h_7 < h_8$ (рис. 1, 7);
- 8 – колоколовидное с нижним «плечиком», расширенное на переходе к придонной части тулова, D на горизонтальном ребре d_2 (рис. 1, 8);
- 9 – цилиндро-коническое, с относительно вертикальной стенкой, закрытое, $h_2 < h_3 > h_4$ (рис. 1, 9);
- 10 – усеченно-коническое, $h_2 < h_3 > h_4$, D в придонной части тулова (рис. 1, 10);
- 11 – цилиндро-коническое с расширением к придонной части (нижнее «плечико»), открытое, $h_3 > h_2$, D в придонной части тулова (рис. 1, 11);
- 12 – «биконическое», соотношение высоты h_2 и h_3 может быть разным (рис. 1, 12);

- 13 – усеченно-сфероидное, полузакрытое, $D > d_6$, небольшое плечико (рис. 1, 13);
- 14 – «полусферическое», сегментовидное, круглодонное, $D \approx d_6$ (рис. 1, 14);
- 15 – «полусферическое», сегментовидное, $D \approx d_6$ (рис. 1, 15);
- 16 – сегментовидное приземистое (рис. 1, 16);
- 17 – «полусферическое», сегментовидное с развернутым бортом (рис. 1, 17);
- 18 – «полусферическое» с перехватом (рис. 1, 18);
- 19 – сегментовидное с развернутым бортом (рис. 1, 19);
- 20 – усеченно-коническое (рис. 1, 20);
- 21 – усеченно-коническое с развернутым бортом (рис. 1, 21);
- 22 – коническое с углубленным зеркалом (полый поддон), «рыбное блюдо» (рис. 1, 22);
- 23 – цилиндрическое (рис. 1, 23);
- 24 – цилиндро-коническое (рис. 1, 24);
- 25 – цилиндро-коническое, уплощенное (рис. 1, 25);
- 26 – цилиндро-коническое, уплощенное с широким горизонтальным (наклонным) бортом (рис. 1, 26);
- 27 – параболаидное на высокой ножке (рис. 1, 27);
- 28 – кубическое.

Сложные объемы и абрис тулова определяются оптически.

Теоретически возможны и другие варианты форм, на практике нами не встреченные.

Горло – VII.3.2:

Форма – VII.3.2.1:

- 1 – цилиндрическое, отклонение стенки горла от вертикали до 10 градусов (рис. 2, 1);
- 2 – раструбом – расширяющееся сверху, отклонение стенки горла от вертикали наружу более 10 градусов (рис. 2, 2);
- 3 – раструбом с вогнутыми стенками (рис. 2, 3);
- 4 – сужающееся сверху, отклонение стенки от вертикали внутрь более 10 градусов (рис. 2, 4);
- 5 – асимметричное с оттянутым сливом (не путать с «врезанным» желобчатым сливом) (рис. 2, 5);
- 6 – усложненное расширениями, вздутиями (рис. 2, 6);
- 7 – горло с расширением-«чашечкой» вверху (рис. 2, 7).

Параметры – VII.3.2.2:

- 1 – узкое высокое, $d_5 \leq 1/3 D$, $h_5 > d_5$
- 2 – узкое низкое, $d_5 \leq 1/3 D$, $h_5 \leq d_5$
- 3 – широкое высокое, $d_5 > 1/3 D$, $h_5 \geq 1/4 D$
- 4 – широкое низкое, $d_5 > 1/3 D$, $h_5 < 1/4 D$

Соединение с туловом – VII.3.2.3:

- 1 – плавное без резких переходов;
- 2 – под прямым углом;
- 3 – под острым углом;
- 4 – под тупым углом.

Устье (для большинства закрытых и открытых форм) – VII.3.3:

Устье без венчика – VII.3.3.1:

- 1 – скругленный край;
- 2 – приостренный край;
- 3 – с косым срезом внутрь;
- 4 – с косым срезом наружу;
- 5 – с горизонтальным срезом.

Устье с венчиком – VII.3.3.2:

- 1 – манжетовидный венчик – широкая полоса утолщения вдоль устья (рис. 3, 1-3);
- 2 – манжетовидный с горизонтальными бороздками (рис. 3, 4-6);
- 3 – утолщение-валик (рис. 3, 7-9);
- 4 – утолщение прямоугольного сечения (рис. 3, 10-12);
- 5 – отогнутый под углом край, Г-образный; формально: борт, но, поскольку принято называть венчиком, так и оставляем (рис. 3, 13-14);
- 6 – Т-образный венчик (рис. 3, 19);
- 7 – клювовидный, резко отогнутый вниз, заостренный (рис. 3, 15-18);
- 8 – загнутый внутрь край, может быть слегка утолщенным (рис. 3, 20);
- 9 – устье оформлено широкой горизонтальной площадкой (рис. 3, 21);
- 10 – широкая наклонная вовне площадка – трансформация венчика в виде горизонтальной площадки (рис. 3, 22).

Великое множество вариантов оформления устья заставляет нас ограничить список наиболее распространенными видами венчиков.

Ручка – VII.3.4:

Форма – VII.3.4.1:

- ? – наличие или отсутствие ручки не определяется (при сильной или частичной фрагментарности сосуда);
- 0 – отсутствие ручки;
 - 1 – абрис ручки крючковидный, в виде знака вопроса, вертикальная, возвышающаяся над краем устья;
 - 2 – крючковидная, вертикальная, не поднимающаяся над краем устья;
 - 3 – семеркообразная с резким перегибом от горизонтали к «вертикальному» изгибу;
 - 4 – петлевидная вертикальная;
 - 5 – кольцевая вертикальная;
 - 6 – кольцевая горизонтальная;

- 7 – дуговидная вертикальная;
- 8 – дуговидная горизонтальная;
- 9 – подпрямоугольная пластинчатая горизонтальная;
- 10 – подпрямоугольная пластинчатая вертикальная;
- 11 – полуовальная скобовидная вертикальная пластина (у котлов и крышек);
- 12 – скобовидная горизонтальная;
- 13 – пластинчатая горизонтальная с поперечным отверстием;
- 14 – пластинчатая вертикальная с поперечным отверстием;
- 15 – катушковидная вертикальная с продольным отверстием;
- 16 – катушковидная горизонтальная с продольным отверстием;
- 17 – штырь цилиндрический;
- 18 – конусовидный выступ-упор;
- 19 – дуговидный налест;
- 20 – дуговидный витой налест;
- 21 – вертикальная с «вертикальным» щитком;
- 22 – вертикальная с «горизонтальным» щитком;
- 23 – двуствольная;
- 24 – витая одноствольная;
- 25 – витая двуствольная;
- 26 – грибовидная сплошная (у крышек);
- 27 – грибовидная полая (у крышек);
- 28 – рудимент петлевидной ручки, обычно в сочетании с прямой вертикальной ручкой, соединяющей резервуар чирага с подставкой-блюдцем.

Поперечное сечение ручки – VII.3.4.2:

- 1 – круглое;
- 2 – овальное;
- 3 – бобовидное (при наличии продольного желобка);
- 4 – овальное с валиком (при наличии продольного валика на ручке);
- 5 – подпрямоугольное;
- 6 – кольцевое (у катушковидной ручки);
- 7 – Т-образное;
- 8 – подтреугольное;
- 9 – сопряженные круги (для двуствольной и витой ручек).

Место крепления ручки – VII.3.4.3:

- 1 – к горловине и тулову;
- 2 – к устью;
- 3 – к тулову;
- 4 – к горловине.

Слив – VII.3.5:

Форма – VII.3.5.1:

- 1 – трубчатый:
 - а – конический;
 - б – «цилиндрический» рожок;
 - в – в виде головки животного;
- 2 – желобчатый.

Оттянутый слив отнесен к характеристике горла, см. — VII.3.2.1.5.

Место крепления слива — VII.3.5.2:

- 1 — устье;
- 2 — горловина;
- 3 — тулово.

Поддон, ножка — VII.3.6:

- 0 — отсутствие поддона, плоское дно
- 1 — дисковидный плоский (рис. 4, 1);
- 2 — дисковидный вогнутый (рис. 4, 2);
- 3 — дисковидный вогнутый с выемкой (рис. 4, 3);
- 4 — дисковидный с кольцевым вырезом вдоль края нижней плоскости (рис. 4, 4);
- 5 — дисковидный с двумя кольцевыми вырезами на нижней плоскости (рис. 4, 5);
- 6 — дисковидный с широким кольцевым вырезом близ центра поддона (вариант поддона 4, не смешивать с поддоном 7) (рис. 4, 6);
- 7 — кольцевой с выпуклостью в центре донца, формируется рукой (не смешивать с поддоном 6) (рис. 4, 7);
- 8 — кольцевой (рис. 4, 8);
- 9 — кольцевой с вырезом по кольцу (рис. 4, 9);
- 10 — кольцевой с внутренним уступом (рис. 4, 10);
- 11 — цилиндрический сплошной (рис. 4, 11);
- 12 — цилиндрический сплошной на дисковидном вогнутом основании (рис. 4, 12);
- 13 — цилиндрический полый (рис. 4, 13);
- 14 — усеченно-конический полый (рис. 4, 14);
- 15 — ножка-перехват (перехват под туловом), короткая, сплошная на дисковидном основании (рис. 4, 15);
- 16 — ножка-перехват на дисковидном основании с выемкой (рис. 4, 16);
- 17 — ножка-перехват полая на полом усеченно-коническом основании (рис. 4, 17);
- 18 — ножка-перехват сплошная на сплошном усеченно-коническом основании (рис. 4, 18);
- 19 — ножка полая коническая, трубчатая (рис. 4, 19);
- 20 — ножка трубчатая с валиком в основании (рис. 4, 20);
- 21 — ножка трубчатая на смятом катушковидном основании (рис. 4, 21);
- 22 — ножка-стержень сплошная на дисковидном сплошном основании (рис. 4, 22);
- 23 — ножка-стержень сплошная на вогнутом дисковидном основании (рис. 4, 23);
- 24 — ножка полая на широком кольцевом основании (рис. 4, 24);
- 25 — ножка-стержень, частично полая на кольцевом основании (рис. 4, 25);

- 26 — ножка-стержень, частично полая на полом уступчатом основании (рис. 4, 26);
- 27 — ножка-стержень, частично полая на катушковидном основании (рис. 4, 27);
- 28 — ножка-стержень с куполовидным расширением с выемкой, на кольцевом основании (рис. 4, 28);
- 29 — ложный поддон (рис. 4, 29);
- 30 — поддоны (любого вида) с закраиной (рис. 4, 30);
- 31 — «трипод» (рис. 4, 31).

Функциональное назначение

- 1 — сосуды столовые;
- 2 — кухонные (для приготовления пищи на огне): котлы, сковороды, кумганы;
- 3 — хозяйственные сосуды и предметы (например, дастархан);
- 4 — тарные: хумы, хумчи, фляги, большие кувшины, корчаги, чаны;
- 5 — производственно-тарные: симоб-кузача;
- 6 — сосуды и прочие предметы производственного назначения: тигли, сопла, подкладные диски и пр.;
- 7 — гигиенические принадлежности: горшки-туваки и трубочки-сумаки для люльки-бешика;
- 8 — письменные принадлежности: пеналы, чернильницы;
- 9 — осветительные приборы;
- 10 — очаги керамические, очажные лотки и экраны;
- 11 — сосуды-игрушки;
- 12 — предметы культового и обрядового назначения (могут повторять формы бытовых изделий и отличаться от них дополнительными признаками или археологическим контекстом) — курильницы, чираг-хана;
- 13 — предметы специального назначения: кубуры, чигирные емкости, клетки для певчей птицы и пр.;
- 14 — предметы неопределенного назначения.

Погребальные предметы (оссуарии, саркофаги) и коропластика оставлены за пределами нашей систематизации.

Цифровые обозначения рубрик не предназначены для кодовой записи признаков, определяющих предмет, но могут быть полезными для достаточно полной характеристики керамического изделия, записанной в форме четырехступенчатой таблицы.

Библиография

- Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
- Генинг В.Ф.* К созданию универсального археологического определителя признака и типа // СА. 1989. № 4.
- Генинг В.Ф.* Проблема построения фундаментальной археологической теории // СА. 1992. № 1.
- Городицов В.А.* Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.
- Деоник Д.В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности восточного Крыма. Киев, 1970.
- Деоник Д.В.* Керамика центрального Предкавказья в I—IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Часть II. М., 1988.
- Деоник Д.В., Карапетянц А.М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Деоник Д.В., Митяев П.Е.* Методы анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
- Жущиковская И.С.* Петрографические и спектрографические исследования древней керамики Приморья // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х.* Ер-Курган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
- Каменецкий И.С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. № 94.
- Каменецкий И.С.* Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Круг Г.К., Круг О.Ю.* Математический метод классификации древней керамики // Археология и естественные науки. М., 1965.
- Кызласов Л.Р., Мартынов С.В.* Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI—IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986.
- Литвинский Б.А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Логинов С.* Типология хумов Апаварктикены II—VII вв. н.э. // Культурные ценности 1997—1998. СПб., 1999.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Марченко К.К.* Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I в. до н.э. // КСИА. 1975. № 143.
- Маршак Б.И.* Код для описания керамики Пенджикента // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Никитина Г.Ф.* Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. № 4.
- Сайко Э.В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- Соловьев В.С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.
- Федоров-Давыдов Г.А.* О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М., 1987.
- Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
- Шишкина Г.В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
- Щапова Ю.Л.* Естественно-научные методы в археологии. М., 1988.
- Gardin J-C.* Céramiques de Bactres // MDAFA. T. XV. Paris, 1957.
- Gardin J-C.* Les Céramiques // Fouilles D' Ai Khanoum. MDAFA. T. XXI. Paris, 1973.

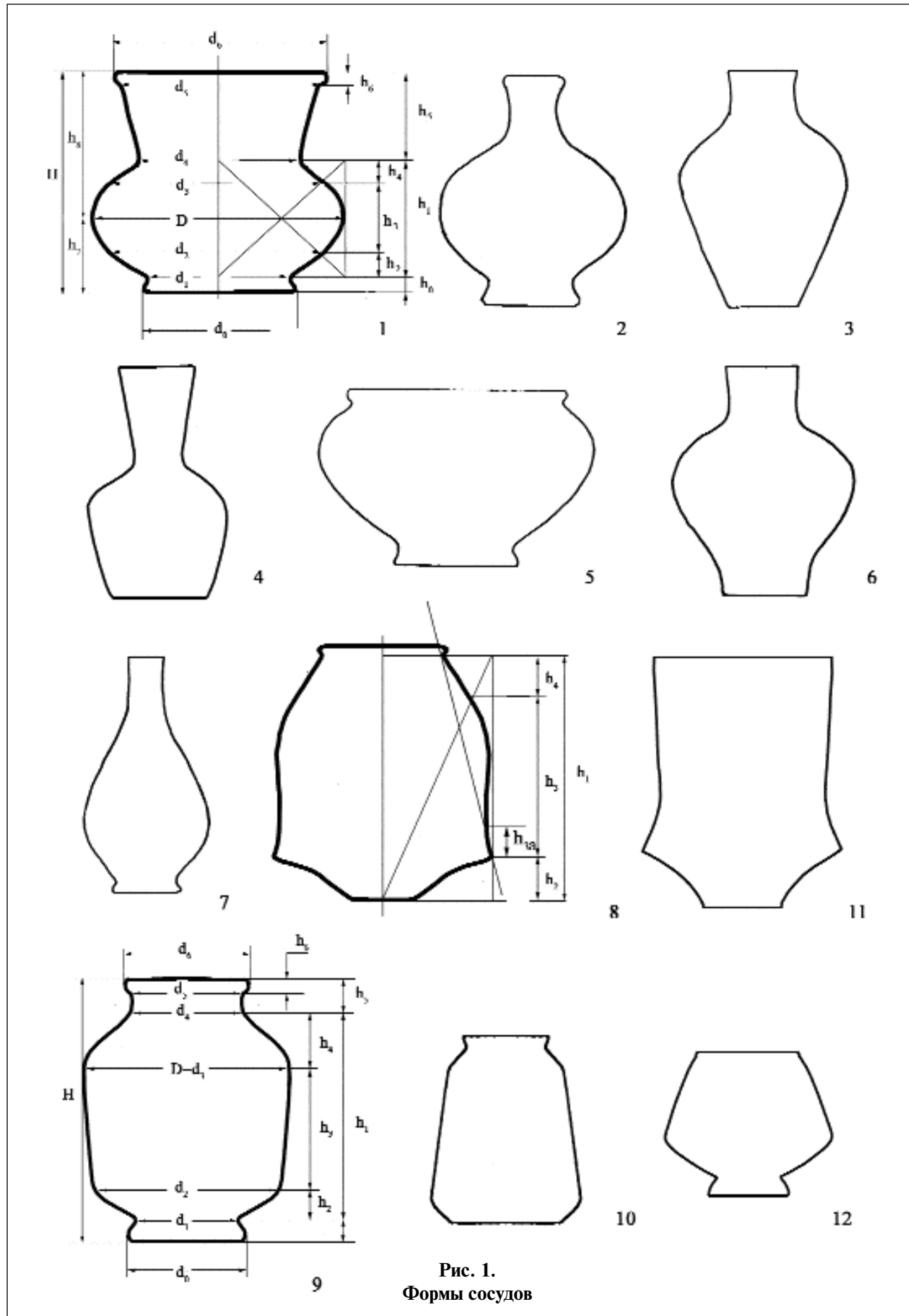

Рис. 1.
Формы сосудов

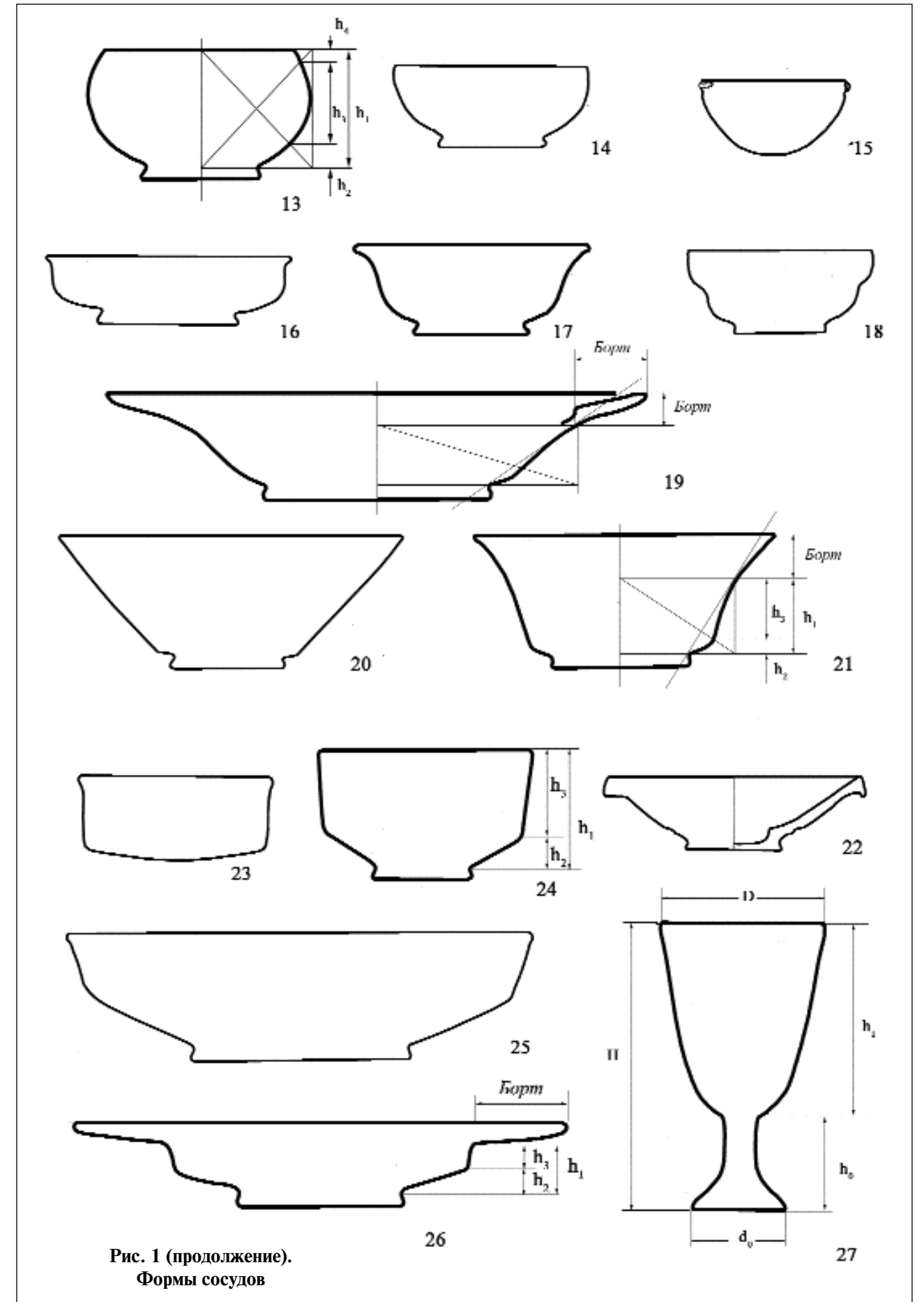

Рис. 1 (продолжение).
Формы сосудов

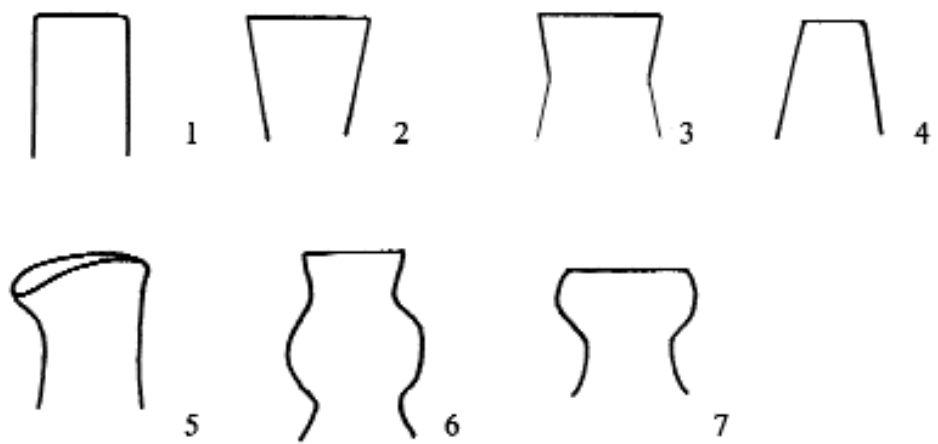

Рис. 2.
Элементы формы: горло

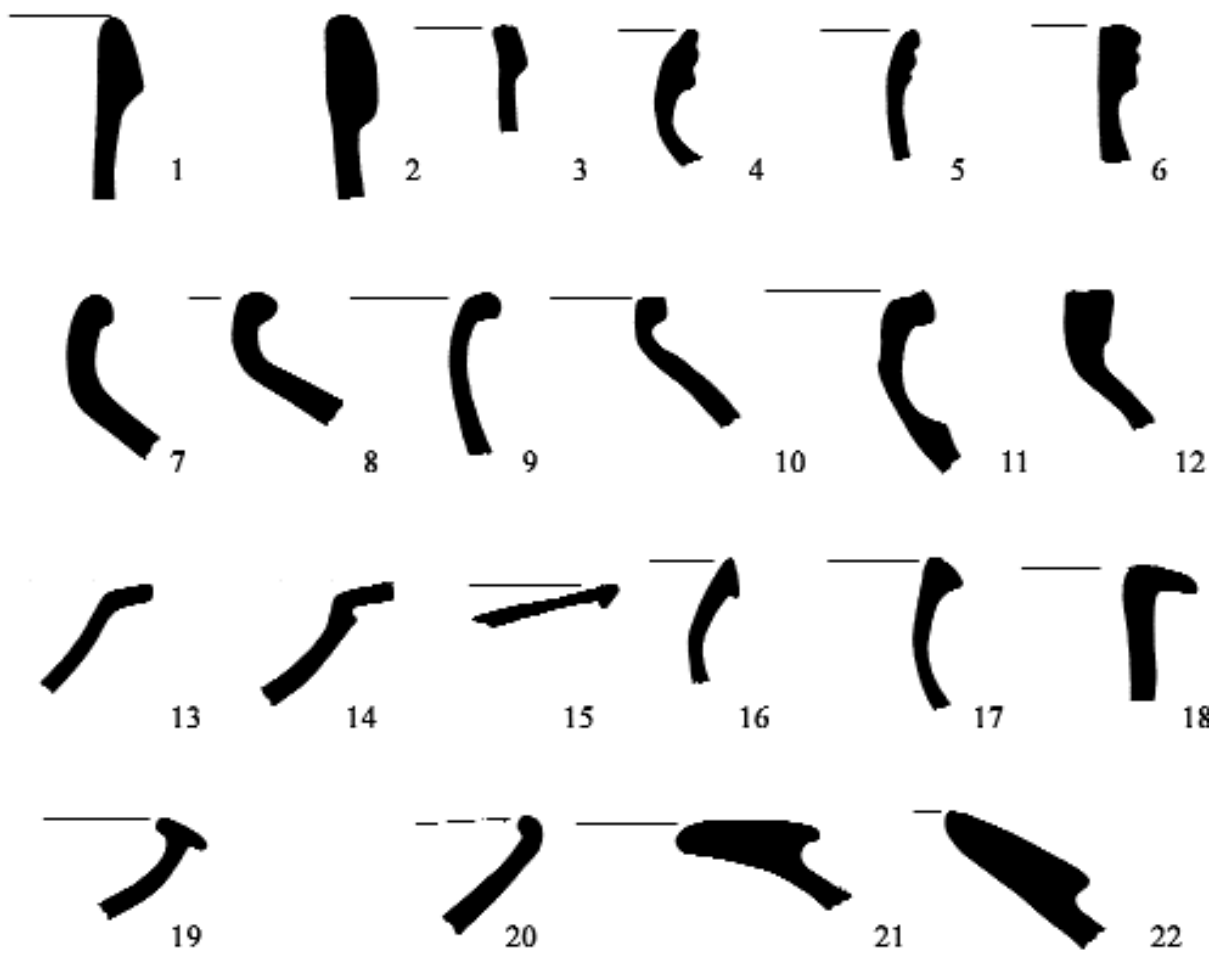

Рис. 4.
Элементы формы: венчики

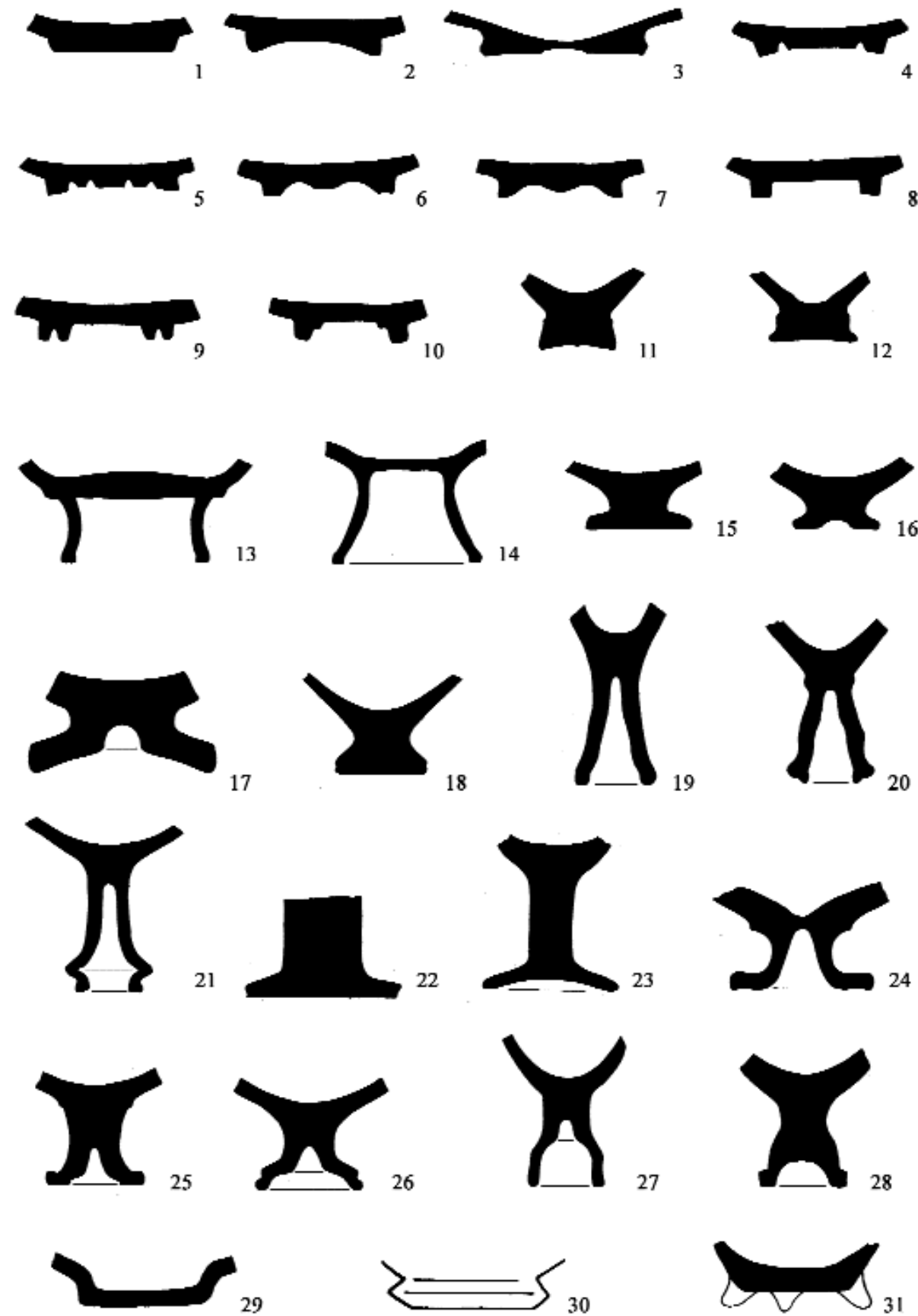

Рис. 4.
Элементы формы: поддоны, ножки

Исторический ландшафт в центральной части Джетыасарского урочища в низовьях Сырдарьи

В Восточном Приаралье на обширной территории аллювиально-дельтовой равнины Сырдарьи, изрезанной сухими руслами разветвленной сети ее четырех основных древних протоков, сохранились разновременные комплексы исторических ландшафтов. В статье освещаются археолого-картографические исследования в бассейне северного протока Сырдарьи – Эскидарьялыка (Пра-Кувандарьи), базирующиеся на разработанных в Хорезмской экспедиции С.П. Толстова аэрометодах и методах дешифрирования аэрофотоснимков.

Ландшафт в бассейне Эскидарьялыка, включая Джетыасарское урочище, представляет собой пустынную равнину, более чем на треть покрытую суглинистыми такырами, переходящую на севере в Джусалинскую степь, на западе – в тяжелые грядовые пески. В древности это были земли внутренней дельты с многочисленными болотами и повышенной влажностью, пересеченной множеством водных протоков, в ближайших окрестностях которых возвышались мощные укрепленные поселения, окруженные могильниками. Благоприятные природно-климатические условия, обилие пресной воды способствовали максимальному использованию в хозяйстве природных ресурсов: пустыню – для выпаса скота, камышовые заросли – для корма скота и в домашнем обиходе, обводняемые разливами берега – под посевы, реки – для ловли рыбы (Андрианов, Левина, 1979. С. 95).

В октябре 1946 г. в маршрутах воздушной разведки летного отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова обследовались земли в низовьях Сырдарьи. Перед исследователями открылась панорама исторических ландшафтов с развалинами городищ и поселений, некрополей, руслами оросительных систем, каналов и следами древних планировок (Толстов, 1947. С. 55–107). Только в урочище Джетыасар, в северо-восточных районах Восточного Приаралья, воздушными разведками экспедиции был открыт комплекс городищ из 17 памятников, девять из которых осматривались и обмерялись визуально

(Толстов, 1948. С. 125–134). «Повторный полет на Джетыасар для полного доисследования этого интереснейшего комплекса раннеантичных памятников открывает перед нами две совершенно новые главы истории культуры Восточного Приаралья», – писал С.П. Толстов (Толстов, 1948. С. 62). В дальнейшем, в 1948, 1949 и 1951 гг., Хорезмской экспедицией проводились раскопки на двух джетыасарских памятниках (Алтын-асар-3 и Джеты-асар-9), тогда же изучались отдельные курганы в окрестностях Алтын-асара (Толстов, 1952. С. 16–19; 1958. С. 235–252; 1962. С. 186–196). Одновременно с раскопками и позже в 1958, 1962, 1963, 1966 и 1971 гг. в регионе проводятся разведки; с 1962 г. в исследования включается археолого-топографический отряд Хорезмской экспедиции (Толстов и др., 1963. С. 31; Андрианов и др., 1975. С. 151–154) (рис. 1).

В 1973 г. археологические исследования джетыасарских городищ, а с 1986 г. – могильников возобновляются сырдарьинским отрядом под руководством Л.М. Левиной (Левина, 1974. С. 472; 1986. С. 485–486; 1996. С. 7).

Для джетыасарской культуры своеобразной, внешне архаичной, существовавшей около двух тысяч лет (с конца эпохи бронзы по IX в. н. э.), характерна необычайная устойчивость и консерватизм (Левина, 1994. С. 4; 1996, С. 9–27).

С.П. Толстов первым классифицировал памятники урочища, выделив три основных типа (Толстов, 1948. С. 128–131). Позднее многие годы исследований позволили Л.М. Левиной скорректировать типологическую классификацию С.П. Толстова и прийти к выводам, что среди джетыасарских памятников, в отличие от чирикрабатских, были только хорошо укрепленные городища с развитой фортификацией (Левина, 1996. С. 12; Вайнберг, Левина, 1993. С. 21–32). Все городища группами по 5–7 (до 10) крепостей неизменно располагались вблизи русел протоков «гнездами» и в большинстве имели овальное или округлое двухъярусное (реже – трехъярусное) тобе с развитой оборонительной системой и сплошной жилой застройкой – «домами-массива-

ми». В районе распространения джетыасарской культуры сейчас известно не менее девяти групп одновременных ранних поселений, три из которых находятся на территории Джетыасарского урочища (Левина, 1996. С. 9–12).

В каждой группе крепости располагались на расстоянии 2–8 км друг от друга, и всегда в каждой из них было центральное городище, отличающееся большими размерами. Так, в юго-западном комплексе городищ урочища – Джеты-асар № 1 (Жол-асар), Джеты-асар № 2 (Бедаик-асар), Джеты-асар № 3 (комплекс городищ Алтын-асар), Джеты-асар № 11 (Большой Кос-асар), Джеты-асар № 12 (Томпак-асар), Джеты-асар № 13 (Малый Кос-асар) – центральным был Алтын-асар (рис. 2).

Еще в 1946 г. С.П. Толстов отметил, что в Джетыасарском урочище Алтын-асар – самое крупное и сложное городище (Толстов, 1948. С. 126; 1962. С. 186). Особенности структуры памятника отражают аэрофотоснимки. На площади 17,4 га расположены четыре разновременные крепости, окруженные оборонительной стеной трапециевидных очертаний. Две из них – «Малый дом» и «Большой дом» – отличаются от других сооружений городища монолитностью, округлой и овальной в плане формой тепе (рис. 3). Раскопки Хорезмской экспедиции в 1950-х гг. установили, что наиболее ранним является «Малый дом» со слоями середины I тыс. до н.э. В последних веках до н.э. был построен «Большой дом», существовавший до VII в. н.э. (Толстов, 1962. С. 190). По мнению Л.М. Левиной, исходящей из аналогии с другими джетыасарскими городищами, в центральной части «Большого дома» находилась двухэтажная крепость (Левина, 1994. С. 5). В середине I тыс. н.э. в северо-западном углу городища была построена круглая крепость (диаметр 50 м). К поздним постройкам Алтын-асара (IV–IX вв. н.э.) относится пятиугольная в плане крепость на второй площадке «Большого дома» (рис. 3).

В окрестностях комплекса городищ Алтын-асар зафиксированы разновременные курганы более полусотни могильников. В 50-х гг. XX в. сотрудниками Хорезмской экспедиции было раскопано 11 курганов (Толстов, 1958. С. 243–250; 1962. С. 195–196), после возобновления работ с 1986 г. исследовано 729 курганов, содержащих свыше тысячи захоронений (Левина, 1996. С. 60). Одной из особенностей сохранности исторического ландшафта на месте могильников является отсутствие у большинства курганов насыпей, и современное состояние занимаемой некрополями территории представляет собой плоскую, покрытую такыром поверхность. Данный факт серьезно осложнял не только поиск мест захоронений, но и фиксацию границ некрополей. Поэтому археологи были вынуждены обратиться к методам воздушной археологии. В 1973 г. Л.М. Левина совместно с Н.И. Игониным провели специальную аэро-

фотосъемку отдельных территорий у большинства городищ Джетыасарского урочища. Полученные аэрофотоснимки были использованы для дешифрирования северных, юго-западных и южных окрестностей Алтын-асара (Левина, Галиева, 1993. С. 6–20) (рис. 4).

Исследования базировались на аэрометодах, разработанных Хорезмской экспедицией. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов, Н.И. Игонин впервые в отечественной археологии разработали методы авиаразведок и аэровизуальных наблюдений для поиска, фиксации, картографирования исторических ландшафтов, соединяющие воздушную разведку с наземным обследованием и стационарными раскопками археологических памятников (Толстов и др., 1962. С. 5–6; Андрианов, 1969. С. 18–24; Игонин, 1965. С. 257–260). Б.В. Андрианов, изучая на аэрофотоснимках древние оросительные системы, по данным археолого-географических исследований установил их генезис и принцип водоснабжения в Приаралье, включая Джетыасарское урочище (Андрианов, 1969. С. 30–41).

Усовершенствуя методы дешифрирования аэрофотоснимков в округе комплекса городищ Алтын-асара, мною был проведен всесторонний анализ сложноструктурного исторического ландшафта с использованием методов относительного датирования; систематизирована и проанализирована информация комплексных археолого-палеогеографических исследований. В итоге удалось реконструировать оросительную сеть, изучить особенности водоснабжения и установить динамику развития культурного ландшафта данной территории (Левина, Галиева, 1993. С. 6–20). В последующих исследованиях разработанный методологический подход антропогенного ландшафта Алтын-асара был использован в изучении динамики освоения земель у десяти городищ Джетыасарского урочища (Галиева, 1999).

Процессы опустынивания, аридизация климата и экологические кризисы повлияли на своеобразную консервацию исторических ландшафтов в Джетыасарском урочище. В отличие от хорошо сохранившихся городищ береговые валы у большинства русел протоков и 90 % насыпей у курганов утрачены. Так, древние естественные и искусственные водные артерии на аэрофотоснимках демаскируют протяженные извилистые или спрямленные контуры темного и светлого цвета. В случае если ложе заросло, то на снимке русло проявляется темной полосой; когда же ложе покрыто такыром – светлое.

Искусственные водотоки – каналы, отводы, мелкая арычная сеть – обладают основным индикаторным признаком – прямолинейностью, их гидрография неизменно имеет спрямленные контуры в виде светлых полос или темных тонких линий, в ряде случаев береговые линии каналов читаются по темным или прерывистым, едва замет-

ным пунктирным линиям из темных точек редко растущих растений.

В окрестностях городищ на такырах при определенном освещении проявляются кольца от огромного количества выветренных курганов. Круги, оттененные темным тоном почв или проросшей в ровике растительности, заполняют почти все свободное пространство (Галиева, 2002. С. 73). Визуально круги от насыпей можно увидеть при косых лучах солнца утром или вечером. Благодаря большой обзорности аэрофотоснимков и документальности изображения, удалось зафиксировать наслоение разновременных могильников по «чешуйчатой структуре» изображения и установить, что четкие контуры пятен курганов, демаскируемые растительными или почвенными индикаторами, характерны для поздних захоронений. К более ранним некрополям относятся изображения курганов в виде вогнутых полуколец с размытым фоном. В основном курганные поля располагались в ближайших окрестностях городища, в ряде случаев на берегу водотока и на месте древних могильников, перекрывая их. На протяжении многих веков одни и те же территории неоднократно занимались под кладбища. На аэрофотоснимках зафиксировано два характерных варианта расположения древних курганов — группами и линейно («цепочками» по Л.М. Левиной). Иногда могильники размещались на береговых валах или перекрывали ложе пересохшего русла. Очевидно, что курганы в ложе протока и пересекающие края русла свидетельствуют о замирании протока, а курганы, находящиеся вдоль береговой линии, скорее синхронны ему. Перекрывающие друг друга пятна курганов или водные артерии указывают на разновременность. Особенности расположения могильников, курганов и данные археологических раскопок стали ключом в определении времени функционирования или гибели протока, а взаимопересечение протоков, каналов, пятен курганов использовалось при датировании разновременных некрополей, водных систем и уточнении этапов их эволюции (Галиева, 2002. С. 71–76).

Для дешифрирования аэрофотоснимков округи городищ Алтын-асара использовались разномасштабные снимки: мелкомасштабные — 1:4500, охватывающие панораму значительных территорий памятника, и крупномасштабные — 1:2500, из которых извлекалась детальная информация о структурах антропогенного ландшафта. Монтаж плана Алтын-асара оказался неполным, отсутствовали снимки восточных окрестностей городища по причине фрагментарного и выборочного характера аэросъемки местности. Исследования ландшафта на аэрофотоснимках были сконцентрированы в трех секторах — А, Б, В (рис. 4).

Северный участок А связан с ранней постройкой — крепостью «Малый дом». Сложные переплетения

русел естественных и искусственных водотоков и пятна многочисленных курганов сконцентрированы вокруг меридиональных протоков 1, 2 (рис. 4).

Проток-1 действовал на северо-востоке (рис. 5). Ложе его плохо сохранилось и сильно пострадало от перекрывших его ирригационных систем и могильников. Однако на аэрофотоснимке русло фиксируется по широкой расплывчатой серой полосе и редко растущему кустарнику по береговой линии. Русло протока-1 проходило с севера на юг мимо «Малого дома». На аэрофотоснимках у подножия памятника на поверхности такыра проявляются светлые пятна курганов с темным контуром по окружности, а также в виде темных «размытых» кругов. В одном из курганов раскопано погребение, датированное VII в. до н.э. (Левина, Галиева, 1993. С. 13). В 1987 и 1991 гг. в непосредственной близости к северным границам городища исследовались курганы середины и второй половины I тыс. до н.э. В процессе раскопок было уточнено, что в большинстве случаев ранние курганы перекрываются более поздними, к примеру: курганы № 182/2 и 185 (VI–VIII вв. н.э.) прорезали курган № 183/1, датируемый не позднее IV–II вв. до н.э. (Левина, 1993. С. 83–84). Подобные наблюдения указывают на то, что русло и могильники, расположенные по его берегам (с «размытым» рисунком курганов), существовали уже во второй четверти и середине I тыс. до н.э.

На западе участка А действовал проток-2. Его извилистое заросшее растительностью русло (шириной 40–50 м), разветвленное в верховье, направляясь с севера на юг, огибает городище у северо-западного угла и поворачивает на запад. Вдоль его берегов, у северного изгиба русла на снимках читаются темные узкие полосы каналов (рис. 6, 7).

Аналогичные индикационные признаки каналов водосборного назначения, в большинстве случаев дублирующие русла, повсеместно встречаются в антропогенных ландшафтах Джетыясарского урочища. Очевидно, каналы прокладывались для сбора воды в замирающих протоках и направляли воду в приспособленные под водохранилища углубленные русла (Андрианов, 1969. С. 202–206). Топография могильников помогает изучить время функционирования протока. По обоим берегам русла на снимках было выявлено около 1500 курганов, сосредоточенных в основном вдоль западного и восточного берега. Однако большинство могильников расположено с восточной стороны русла на всем северном участке. Пятна курганов зафиксированы на снимках темными кольцами зернистой структуры по кустарнику, растущему в ровиках разветвленных насыпей. Курганы тесно прижаты друг к другу, часто встречаются пятна с двойным кольцом, свидетельствуя о размещении на участке разновременных могильников. В 1991 г. в излучине на западном берегу недалеко от круглого склепа, раскопанного в 1949 г., было

исследовано еще 11 курганов IV–V вв. н.э., а на противоположной стороне русла — около двух десятков этого же времени (Левина, 1993. С. 39–41). Материал из погребений подтверждает, что проток-2 функционировал с незначительными перерывами до середины I тыс. н.э., однако уже в третьей четверти I тыс. н.э. курганы размещаются и на береговых валах и в его русле, свидетельствуя тем самым о прекращении здесь стока воды.

При внимательном просмотре снимков сектора А было отмечено, что каналы в основном имеют направление восток-запад, указывая на место нахождения мощного водного источника к северу и северо-востоку от городища. Графическое изображение дешифровки аэрофотоснимков позволяет отметить, что это были протяженные каналы, прямые или извилистые, преимущественно меридионального направления, у некоторых из них зафиксирована арычная сеть. Каналы проложены по территории могильников, свидетельствуя о принципиальном изменении характера использования данных земель — территория древних некрополей отводилась под поля. По всей вероятности, начало процесса освоения близлежащих земель под земледелие связано с последними этапами существования городища — VII–VIII вв. н.э. Косвенным подтверждением данной датировки могут служить материалы из раскопанных склепов (V–VI вв. н.э.). Погребения же VII–VIII вв. н.э., обнаруженные к северу от городища, свидетельствуют о том, что невозделанные участки продолжали использоваться под кладбища.

К западу от городища находится участок Б (рис. 4). Водоснабжение данной территории происходило за счет естественных протоков и каналов. Водные артерии настолько сложно переплетены и нарушены большим количеством пятен курганов (более 1500), что, пожалуй, в окрестностях Алтын-асара аналогичной более запутанной ситуации структур ландшафта не встречалось.

Первые периоды освоения территории участка Б связаны с протоком-2 и протоком-3 (рис. 4). Русло протока-2, направляясь с северо-запада на юг, изгибается в 250 м у северо-западного угла крепостной стены и поворачивает на запад. Русло протока-3 (направлением восток-запад) огибает юго-восточный угол городища и уходит на запад. По причине ограниченности снимков не удалось выяснить, где соединялись оба протока. На юге в месте изгиба русла протока-2 был проведен протяженный дублирующий канал, в дальнейшем пересеченный каналом следующего этапа. По берегам русла протока-2 сосредоточено большое число курганов. В 1987 г. здесь во время раскопок были обнаружены и кирпичные погребальные склепы (например, № 166, 170, 173, 181), относящиеся к первой половине и середине I тыс. н.э. Данные погребальные сооружения располагались «цепочка-

ми» как вдоль русла, так и вдоль канала, что свидетельствует о сооружении канала раньше, чем склепы, то есть в первых веках нашей эры.

Проток-4 (ширина русла 40 м), в отличие от других водных артерий, демаскируется только по проросшему в нем кустарнику. Русло протока связано с новым этапом водоснабжения Алтын-асара. Проток действовал в западных окрестностях, стекая с северо-запада на юг; его русло поворачивало как в сторону городища, так и в противоположную — на запад. Его западная часть, судя по размерам в низовьях, была основной. Южный отрезок русла протока-4 проходит по ложу русла протока-2, что позволяет предположить о более позднем происхождении протока-4. В южном отрезке протока-4 сохранились следы каналов. Они демаскируются по коротким и длинным линиям широтного и меридионального направления на темном фоне ложа русла. В его западном отрезке видны два параллельных канала, от которых под прямым углом отходят около 15 арыков. Каналы южного отрезка протока-4, судя по внешним признакам, имели различные функции: восточные — подводили воду к городищу, западные — орошали земли.

Датировать этапы, связанные с функционированием русла протока-4, возможно на основании материалов из раскопанных курганов. Все курганы, выявленные на аэрофотоснимках к западу от городища, территориально можно отнести к нескольким некрополям: по берегам русла протока-4 — к западному и восточному — и на юге за руслом — южному. Пятна курганов, диаметром 8–30 м, сосредоточены как вдоль русел, так и в ложе, что предполагает их разновременность. Они различаются по индикационным признакам: так, курганы в заросшем ложе проявляются по темно-серым кругам с черным контуром. На такыре курганы фиксируются по почвенным признакам — темно-серым кругам, часто с темным контуром от растений в ровиках. Ключевым звеном в датировке протока-4 стал могильник последних веков до нашей эры, расположенный на севере протока. Курганы по берегам протока-4 свидетельствуют об их одновременном функционировании, а сеть каналов, пересекающих могильник и русло протока, — о гибели протока-4 и изменении характера водоснабжения. Вполне вероятно, что проток-4 возник и действовал в IV–VI вв. н.э.

В отличие от оросителей участка А, действовавших с северо-востока на запад, здешние каналы имели два направления: северо-запад — юго-восток, запад-восток. Аналитическое дешифрирование показало, что начальный период ирригационного орошения связан с небольшими отрезками каналов, находящихся между двумя руслами. На рис. 4 едва заметны короткие линии арыков, отходящих от западного берега протока-2.

В северо-восточном углу участка Б выявлен канал протяженностью более 500 м (рис. 4). Направляясь с северо-запада, он пересекает протоки 4 и 2 и подходит к круглой в плане крепости Алтын-асара (середина I тыс. н.э.). По берегам канала зафиксированы меридиональные и широтные отрезки мелкой оросительной сети. Данные дешифрирования позволяют отнести проведение канала к времени, когда протоки 2 и 4 уже не действовали.

Следующий период освоения земель у Алтын-асара связан с функционированием протяженного канала (около 1 км). Спускаясь с северо-западных окрестностей, он пересекает русло протока-2, могильники и каналы, подходит к городищу, проходит по его территории и теряется у «Малого дома».

Существенные отличия были отмечены у двух каналов, перекрывающих русло протока-4. Они широтного направления с отводами и мелкой оросительной сетью, проведенные параллельно друг другу в северо-западной части участка Б. На востоке каналы дублируют изгиб когда-то протекавшего здесь протока; подходят близко друг к другу и далее, отступая на далекое расстояние, следуют в западном направлении. На гребне излучины проявляется пятно диаметром 50 м, — по всей видимости, в этом месте находилось водохранилище. Б.В. Андрианов отмечал сеть аналогичных водохранилищ в руслах протоков у других памятников Джетыясарского урочища (Андрианов, 1969. С. 202–206).

На участке В, к югу от городища, действовали два протока — 3, 5 (рис. 4). Русло протока-3 широтного направления, шириной 40–50 м, стекая с востока и окаймляя с юга крепостные стены Алтын-асара, теряется на западе среди сложноструктурного ландшафта протока-4. На юго-западе у крепости «Большой дом» по берегам протока-3 располагаются некрополи. Определить время функционирования протоков 3 и 4 помог анализ их взаиморасположения в западном конце, где русло-3 закрыто руслом-4. Учитывая, что последнее датировано нами IV–VI вв. н.э., то русло-3 существовало по крайней мере до IV в. н.э.

Гидрография протока-5 (шириной 50–70 м) указывает на то, что это часть русла, действовавшего на западе в направлении север — юго-запад — юго-восток. Северный отрезок извилист, западный пострадал от дефляции и антропогенного вмешательства. В южной части протока-5 выявлены светлые дуги старицы. На снимках в ложе русла по берегам темными и светлыми полосами проявляются дублирующие каналы, сменившие естественный водоток и подводившие воду в водохранилища в протоке.

Антропогенный ландшафт участка В, так же как и описанные выше ландшафты, представляет собой наслаивающиеся один на другой структурные объекты. К примеру, ложе русла протока-5 едва просматривается под «толщей» разновременных некрополей. Пятна курганов диаметром от 8 до 40 м проявля-

ются на снимках обычно по черному прерывистому контуру проросшей в ровиках растительности, в ложе русла — по «чешуйчатой структуре» с едва заметным краем. У левобережных могильников большинство курганов имеют в центре темные пятна, нам представляется, что это место погребальной камеры. В пяти некрополях было раскопано более 300 курганов, среди которых встречаются захоронения последних веков до нашей эры, середины и третьей четверти I тыс. н.э. Л.М. Левина особо выделяет могильник Алтын-асар-4, принадлежащий пришлому населению, погребальный обряд которого отличен от других захоронений (Левина, 1992. С. 60–64). У курганов данного некрополя гораздо лучше сохранились насыпи вследствие дополнительного земляного кольца, положенного по периметру. Установить время действия протока-5 помогли данные археологических исследований некрополей. В излучине русла раскопана группа курганов III в. до н.э. — IV в. н.э. В ложе русла и на береговых отвалах встречаются захоронения VI в. н.э. Кроме того, зафиксированы места, где русло и могильники пересекают ирригационные системы VII–VIII вв. н.э. Из чего следует, что проток-5 функционировал с III в. до н.э. по IV в. н.э. одновременно с протоками 2 и 3. Исследования исторического ландшафта южных окрестностей Алтын-асара показали, что проток-5 и протяженные каналы в основном использовались для водоснабжения, а в близлежащие земли до середины I тыс. н.э. были заняты некрополями.

Таким образом, сохранившиеся исторические ландшафты в окрестностях городища Алтын-асар, непрерывно наслаивавшиеся и перекрывающие друг друга с середины I тыс. до н.э. по VIII в. н.э., являются ценной информативной базой для изучения истории освоения земель Восточного Приаралья. Специальное и аналитическое дешифрирование аэрофотоснимков, методы относительного датирования, разработанные на базе данных комплексных археолого-географических исследований территории, охватывающей площадь около 500 га, позволили выделить четыре этапа в развитии исторического ландшафта в округе Алтын-асара (рис. 8).

С первым этапом (V–III вв. до н.э.) связано появление антропогенных участков вокруг городища «Малый дом» на берегу протока-1.

На втором этапе (последние века до н.э. — IV в. н.э.) проток-1 пересыхает и водоснабжение осуществляется за счет новых водотоков — 2, 3, 5. В это же время воздвигается крепость «Большой дом». В III–IV вв. н.э. в оазисе в основном действуют водосборные дублирующие каналы, а ближайшие к городищу земли начинают использовать под земледелие, орошая с помощью мелкой арычной сети.

В это же время продолжают осваиваться площади у протоков 2, 3, 5. Вокруг крепостей «Малый дом» и «Большой дом» возводится крепостная стена, и в

северо-западном углу строится круглое в плане сооружение.

На третьем этапе (IV–VI вв. н.э.) перестает функционировать подавляющее большинство естественных протоков первых трех этапов, и водное обеспечение происходит за счет нового протока-4. В V в. н.э. только два протока Эскидарьялька продолжали нести свои воды на запад к Алтын-асару (Джеты-асар 3). В IV — начале V в. н.э. на большей части Джетыясарского урочища происходит деградация антропогенных ландшафтов, связанная с экологическим кризисом, вызванным глобальными процессами аридизации. Вследствие этого сокращается сток вод в юго-западные протоки меридионального, широтного направления и происходит миграция водных потоков на восток. Замирает жизнь на соседних с Алтын-асаром городищах: Джеты-асар № 1, 2, 11, 12, 13 и др. Сложная экологическая ситуация вынуждает население искать новые места обитания в

северо-западных и восточных районах урочища (Левина, 1996. С. 375–376).

На четвертом этапе (VII–VIII вв. н.э.) в Джетыясарском урочище продолжают обживать только территории в центральной части оазиса у Алтын-асара, где действуют 149 ирригационных артерий (Галиева, 2002. С. 76).

Реконструированный исторический ландшафт в окрестностях городища Алтын-асара представляет картину структурных наложений разновременных антропогенных ландшафтов на протяжении 1300 лет. Сложные переплетения небольших и протяженных тонких линий каналов — к VIII в. н.э. их насчитывается более 70 отрезков — перекрывают предшествующие исторические ландшафты, свидетельствуя о постепенной смене с VI–VIII вв. н.э. характера водоснабжения, когда основная роль в водном обеспечении отдаленных от Эскидарьялька территорий переходит к искусственным водоносителям.

Библиография

- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Андрианов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С. Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи освоения // Вопросы географии. М., 1975. № 99.
- Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.
- Галиева З.С. История культурных ландшафтов Восточного Приаралья IX в. до н.э. — XV в. н.э. (по дистанционным методам исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Галиева З.С. Эволюция культурных ландшафтов Восточного Приаралья VII в. до н.э. — VII в. н.э. на примере бассейна Эскидарьялька. Методы реконструкции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Игонин Н.И. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников // Археология и естественные науки. М., 1965.
- Левина Л.М. Работы в джетыясарском урочище // АО — 1973 года. М., 1974.
- Левина Л.М. Исследования в Северо-Восточном Приаралье // АО — 1984 года. М., 1986.
- Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
- Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Ч. 1-2. М., 1993.
- Левина Л.М. Могильник Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. Джетыясарская культура. Ч. 3-4. М., 1994.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Левина Л.М., Галиева З.С. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Ч. 1-2. М., 1993.
- Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
- Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (1949–1953 гг.) // МХЭ. Т. II. М., 1958.
- Толстов С.П. По древним дельтам Оксам и Яксарта. М., 1962.
- Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. 1962. № 1.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (1958–1961 гг.) // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

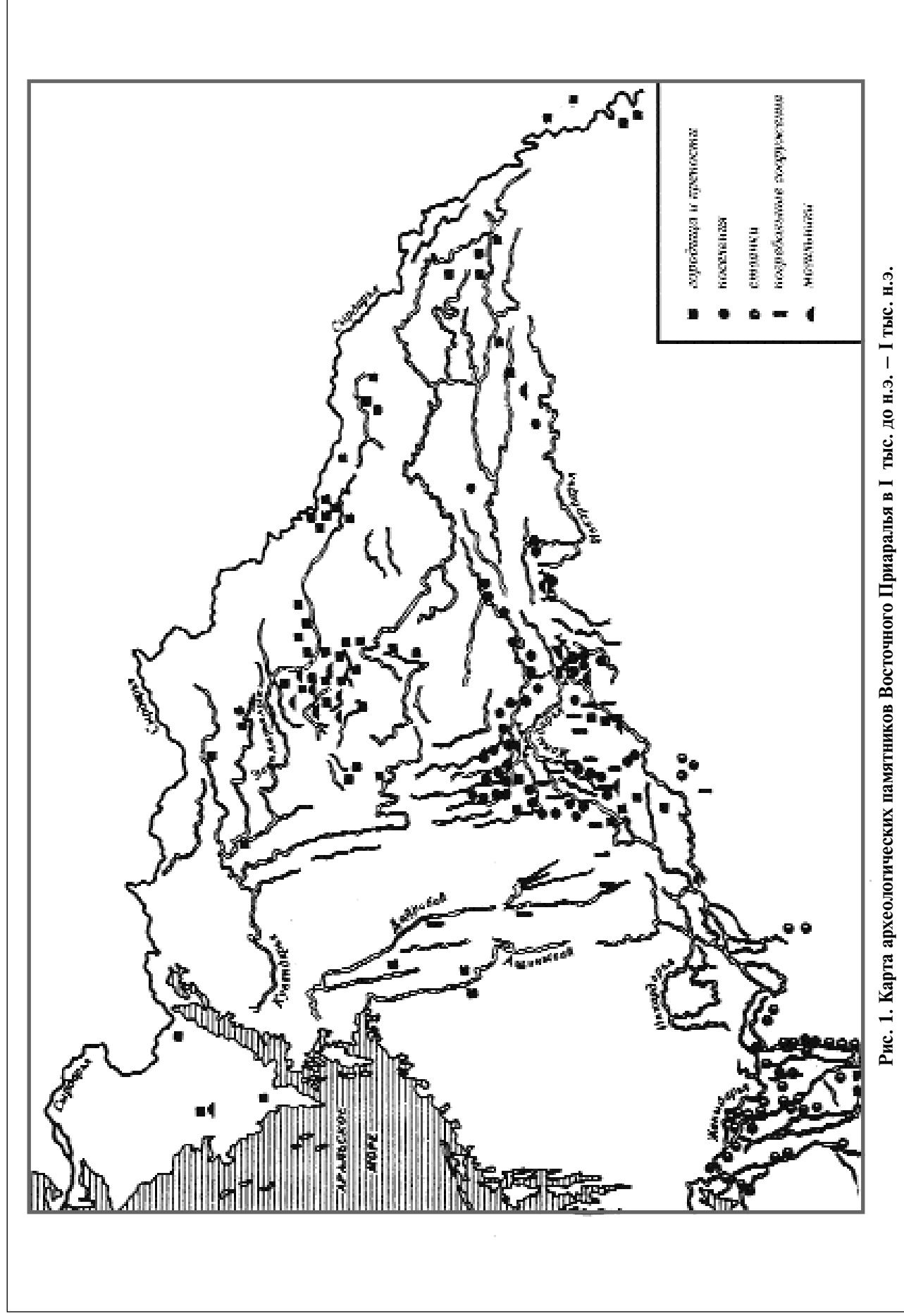

Рис. 1. Карта археологических памятников Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

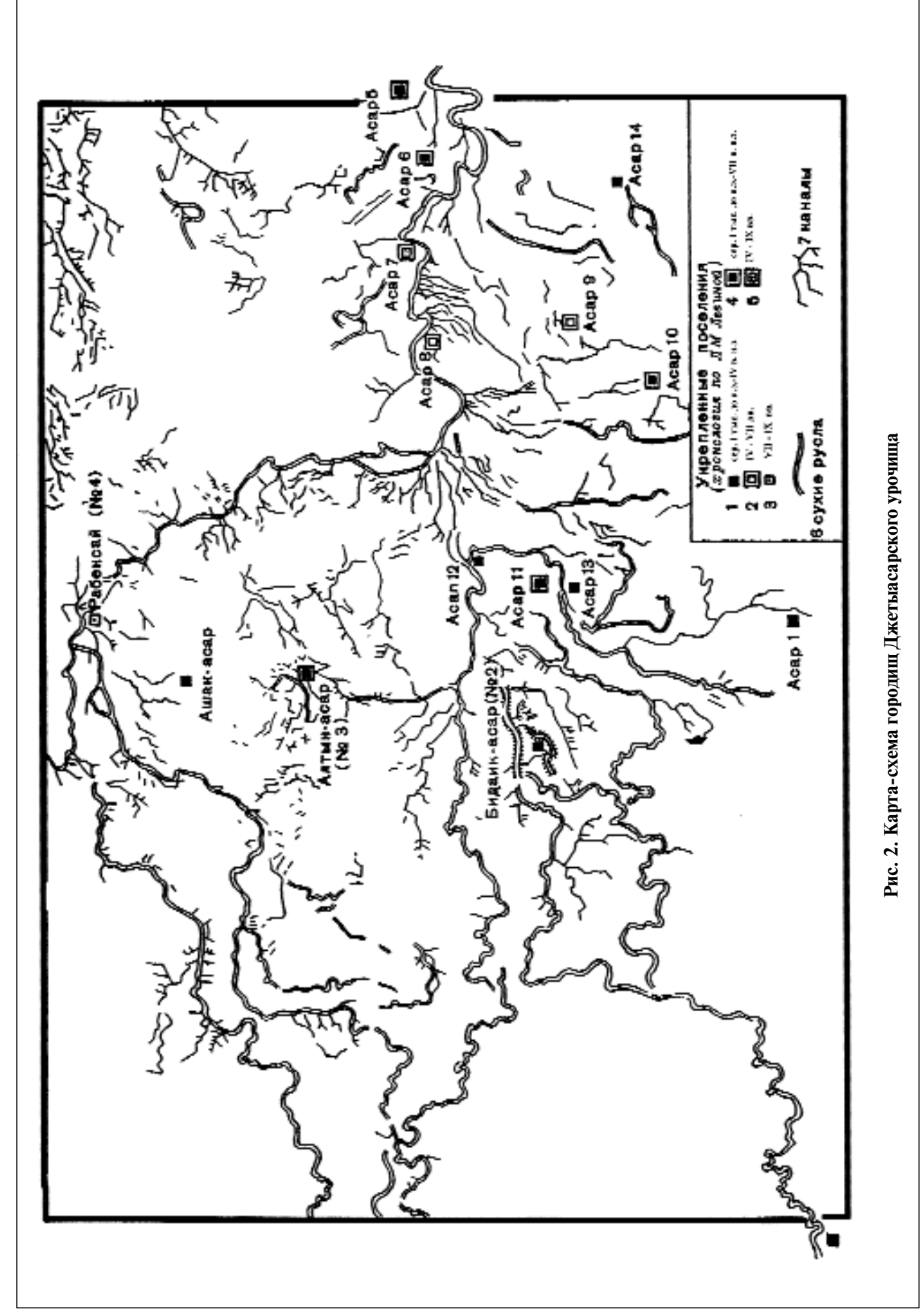

Рис. 2. Карта-схема городищ Джетысарского урочища

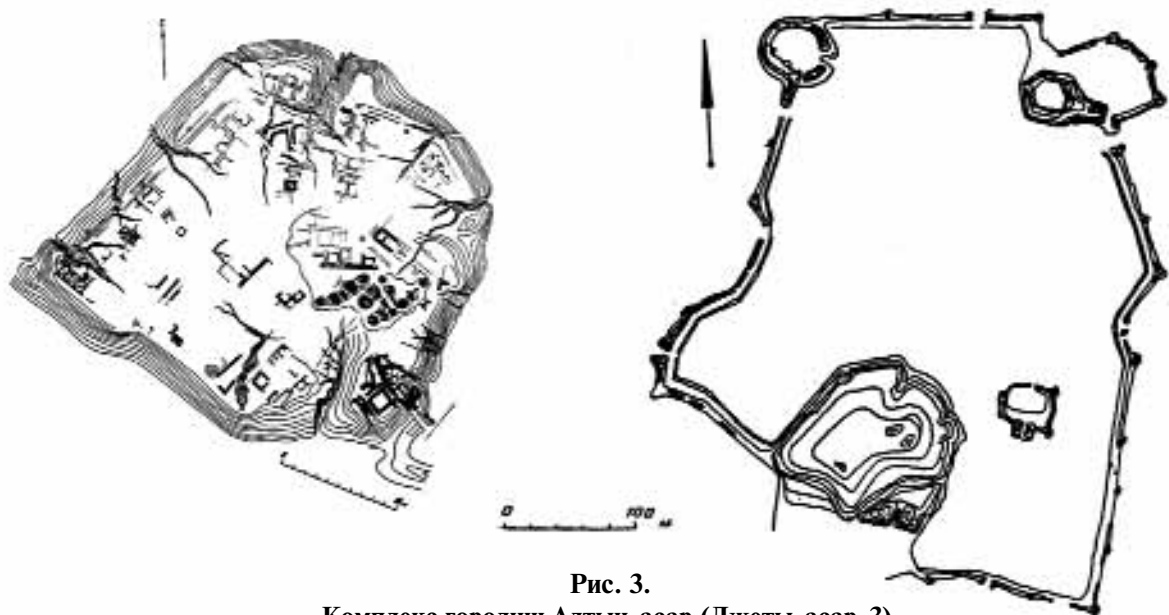

Рис. 3.
Комплекс городищ Алтын-асар (Джеты-асар-3).
1 – аэрофотоснимок; 2 – план раскопок 1949 г. (Большой дом); 3 – топографический план

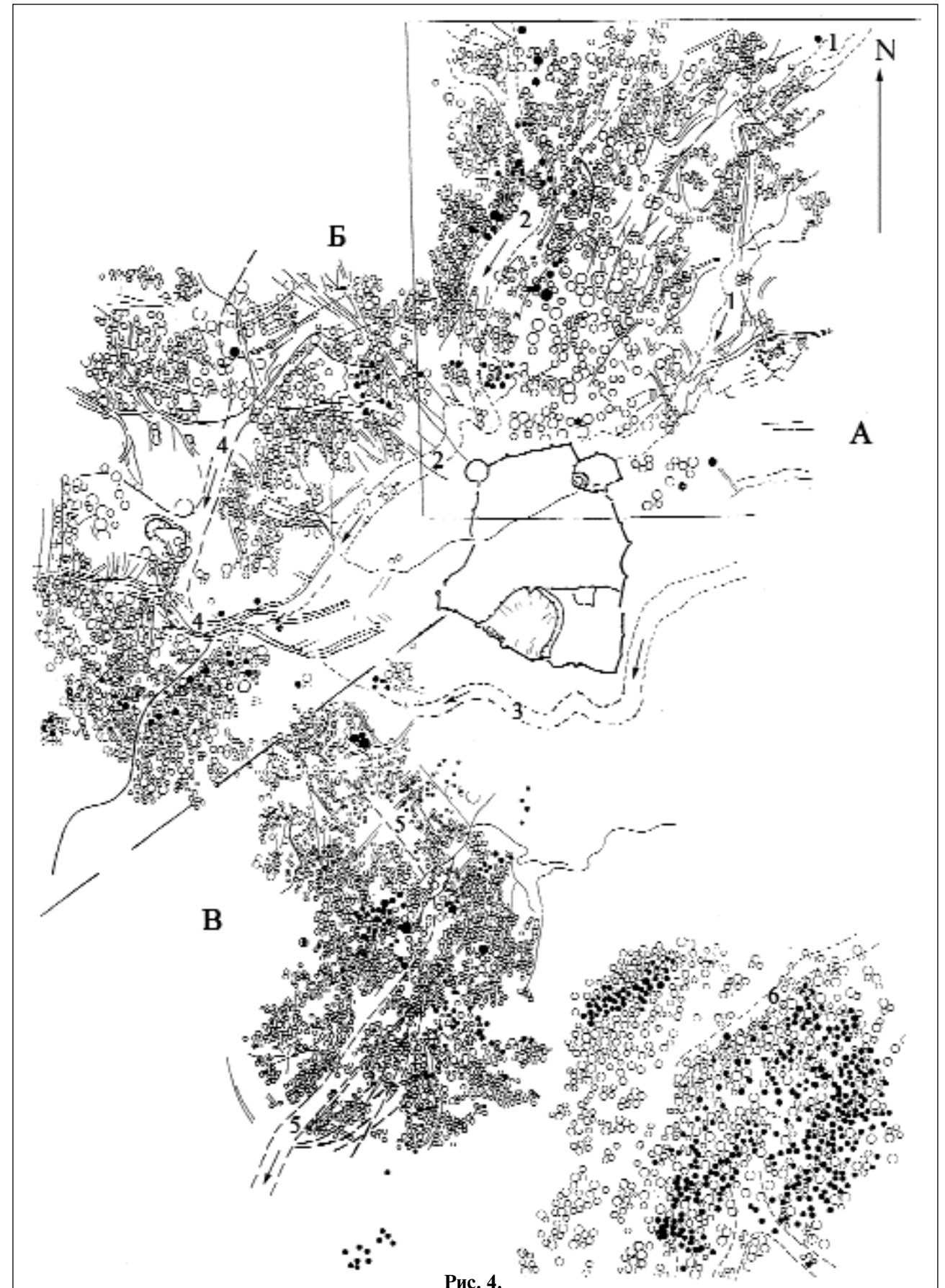

Рис. 4.
Сложноструктурный исторический ландшафт в окрестностях Алтын-асара (дешифровка)

Рис. 5.
Могильники в окрестностях протока-1 сектора А (дешифровка).
а – могильники, б – раскопанные курганы

Рис. 6.
Сложноструктурные наложения разновременных ландшафтов в северных окрестностях городища
Алтын-асар (сектор А). а – могильники, б – каналы, в – магистральный канал

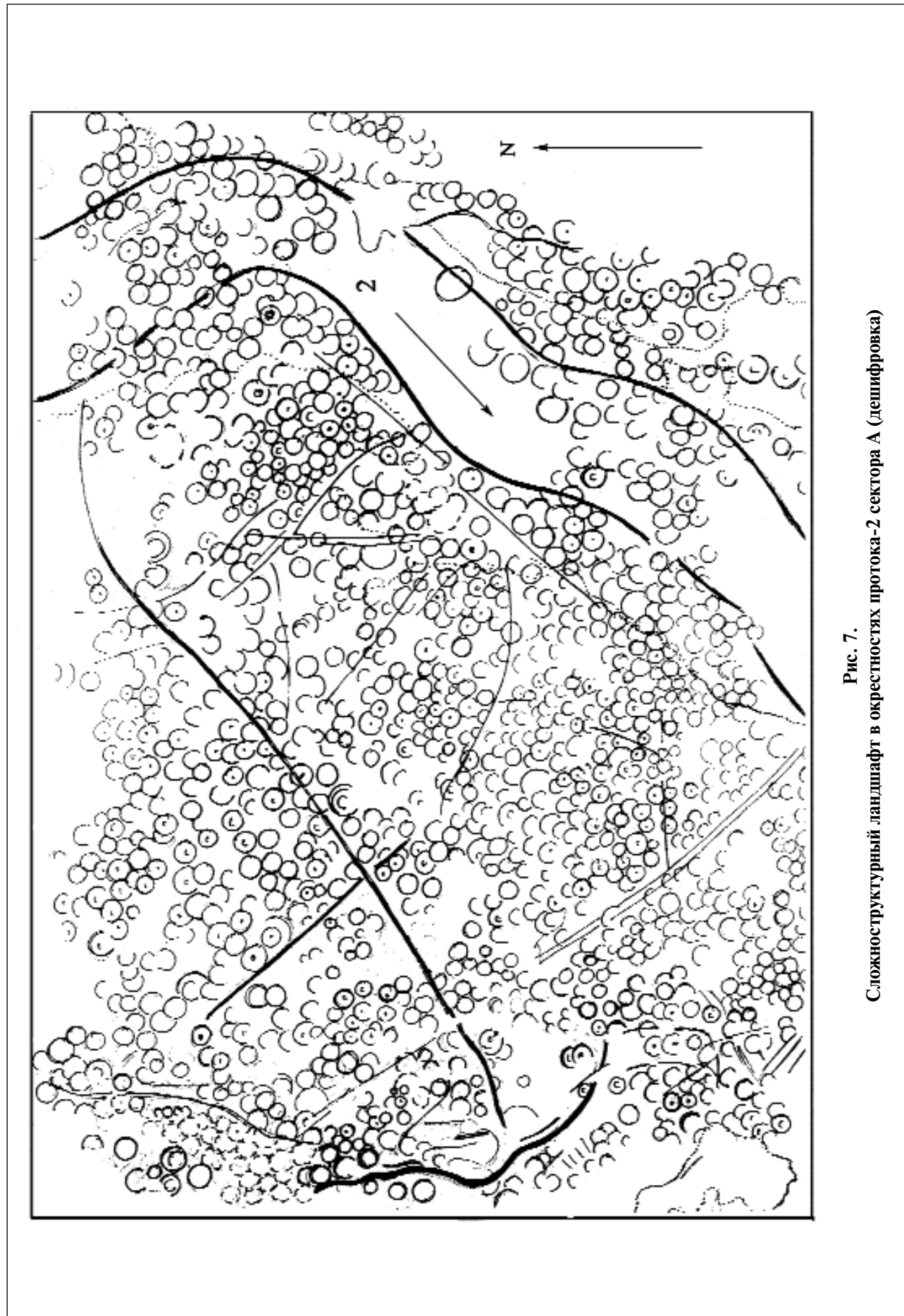

Рис. 7.
Сложноструктурный ландшафт в окрестностях протока-2 сектора А (дешифровка)

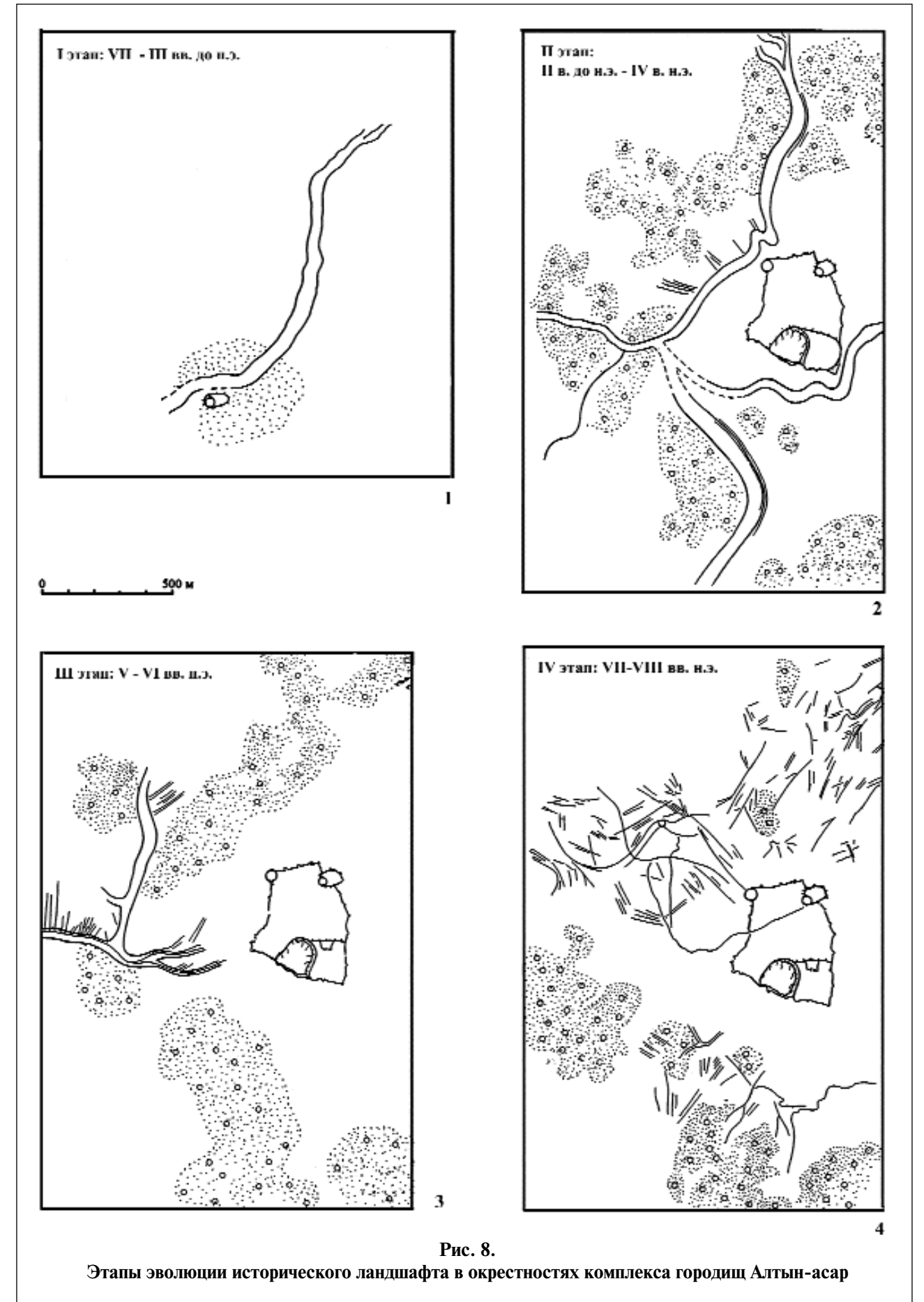

Рис. 8.
Этапы эволюции исторического ландшафта в окрестностях комплекса городищ Алтын-асар

Походы тюрков за Саяны, в Джунгарию и Согдиану

К вопросу о датировке и маршрутах*

Военные экспедиции тюрков начала VIII в., описания которых сохранились в орхонских надписях, уже с самого начала их дешифровки привлекли к себе внимание исследователей. Почти одновременно с этими источниками к их интерпретации стали привлекаться сведения китайских и арабских хронистов, а с 1930-х гг. — согдийские архивные документы, найденные на горе Муг близ Пенджикента. Постепенно эта тема становится чуть ли не «хрестоматийной» в отечественной и зарубежной научной и научно-популярной литературе по раннесредневековой истории Центральной и Средней Азии. Но, как ни странно, наибольший интерес у историков до сих пор вызывает не столько установление побудительных причин войны тюрков с кыргызами и тюргешами или уточнение маршрутов их армий, упоминаемых в письменных источниках с более или менее достаточной степенью надежности, сколько хронология походов, этими же источниками практически не раскрытая. Перестановка акцентов в причинно-следственных связях привела к тому, что единая военная кампания тюрков была произвольно разделена на несколько самостоятельных операций, каждую из которых различные исследователи датировали по-разному.

По словам С.Г. Кляшторного, «походы в Минусинскую котловину и Семиречье относятся, как установил В. Томсен, к зиме 710–711 гг. и к лету 711 г.». Однако сам он утверждает: «Известно, что согдийский поход Могиляна и Кюль-тегина начался поздней осенью 712 г., между тем как генеральное сражение с тюргешами произошло летом 711 г.» (Кляшторный, 1954. С. 56); «Попытка идентификации рассказа ат-Табари с описанием в памятнике Кюль-тегина согдийско-

го похода 712–713 гг., проделанная И. Марквартом, была справедливо отвергнута В.В. Бартольдом (Бартольд, 1968 б. С. 293), указавшим как хронологические, так и фактические несовпадения обоих источников. Произведенный анализ надписи Тоньюкука позволяет нам утверждать, что рассказ ат-Табари, ничего общего не имеющий с содержанием 39–40-й строк памятника Кюль-тегина, отражает некоторые события, изложенные в памятнике Тоньюкука» (Кляшторный, 1954. С. 62); «Поход на запад, отраженный в надписи... Тоньюкука, до сих пор [до 1954 г.] остается белым пятном в истории тюрко-согдийских отношений эпохи арабского завоевания, что, прежде всего, объясняется отсутствием точной датировки похода и разработанной хронологии памятника...

Вопросы хронологии и исторической интерпретации надписи Тоньюкука впервые были поставлены Ф. Хиртом, главным образом на основании исследования китайских источников. Суммировав сведения последних относительно эпохи и личности Тоньюкука, Ф. Хирт пришел к выводу о датировке всех указанных в памятнике событий временем правления Эльтерис (Гудулу)-кагана (682–692 гг.), и, в частности, поход на запад был отнесен к 689 г., что было принято В.В. Радловым и В.В. Бартольдом. Семнадцатью годами позже В. Томсен на основании тщательного анализа памятников показал несостоятельность датировки Ф. Хирта и идентичность киргизского и тюргешского походов (710–711 гг.), описанных Кошцайдамскими текстами, с киргизским и тюргешским походами памятника Тоньюкука, оставив невыясненной дату происходящего вслед за тем согдийского похода, описание которого совер-

шенно противоположно в текстах обеих групп» (Кляшторный, 1954. С. 55).

В свою очередь, В.П. Юдин пришел к выводам, с которыми нельзя не согласиться: «Что касается памятника Тоньюкука, то в нем о тюргешском и среднеазиатском походах сообщаются, пожалуй, более подробные сведения, чем в памятнике Кюль-тегину. Однако они интерпретируют события по-иному. Все, что приписывается Бильгя-кагану и Кюль-тегину в памятниках в их честь, в надписи Тоньюкука приписывается последнему. С.Г. Кляшторный считает, что Бильгя-каган и Кюль-тегин, с одной стороны, и Тоньюкук — с другой, участвовавшие в киргизском и тюргешском походах совместно, в походе за Сыр-Дарью действовали раздельно. При этом поход Тоньюкука предшествовал походу братьев. Основанием для такого утверждения служит то, что надпись Тоньюкука демонстрирует стремительность развития событий после разгрома тюргешей, а памятники братьям — задержку, которая, по мнению С.Г. Кляшторного, длилась около года <...> Помимо всего, странным представляется вывод о двух раздельных походах с той точки зрения, что памятники Бильгя-кагану, Кюль-тегину и надпись Тоньюкука в целом повествуют о походах на кыргызов и тюргешей как о единых действиях тюрков, а ведь поход за Сыр-Дарью был продолжением их общих действий против этих народов. Заклучая вышеизложенное, следует сказать, что для утверждения о двух походах за Сыр-Дарью тексты основных рунических памятников достаточных оснований пока не дают» (Юдин, 1968. С. 69, 70).

Поскольку действующие лица, направления и результаты походов остаются неизменными, а новые письменные источники о них за последние десятилетия не появились, то давние датировки авторитетных ученых являются для многих последующих исследователей аксиомой, повторяясь в их публикациях с неизменным постоянством без каких-либо попыток критического анализа. Однако на основании даже хорошо известных письменных источников в данный исторический сюжет можно внести определенные уточнения, обращая внимание прежде всего на причины, вызвавшие эти походы.

Во 2-м году девиза Шэн-лун (19 января 706 — 7 февраля 707)² Согэ (Сокак) — сын правителя тюргешей Учлика (Учжилэ) — «объявил себя ханом» (Бичурин, 1828 б. С. 131), а **«в 709 г. [император Чжун-цзун] назначил его гуйхуа («Получивший гражданство») Тан каганом»** (Liu Mau-tsai, 1958б. С. 611, Anm. 942). Примерно тогда же, **в начале 700-х гг.**, главой енисейских кыргызов, по словам шата тарлушей Могиляна³, «был Барс-бег. Мы [тюрки] в то время (или: при тех же обстоятель-

вах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в жены) мою младшую сестру-княжну» (КТб, 20).

«Когда мне [Могиляну уже] было 26 лет⁴, народ чик с киргизами стали врагами [тюрков]. Перейдя р. Кем [Верхний Енисей], я [Могилян] двинулся с войском против чиков, сразился при Орпене⁵ и разбил их войско. Народ азов⁶ ... я [там же в Туве] захватил и... подчинил себе» (БКб, 26). В.В. Бартольд датирует эти события **709 — первой половиной 710 г.** (Бартольд, 1968 б. С. 300), причем вторая дата ближе к описываемым источниками событиям.

Точные даты этих и последующих событий приводятся в замечательном труде Лю Мауцая. Кроме того, Т. Хаяси, тщательно изучив китайские письменные источники, составил «Хронологическую таблицу», в которой отразил историю мирных и военных взаимоотношений тюрков с китайцами от середины VI по середину VIII в. Интересно, что какие-либо контакты между ними в период 707–710 гг. в этой таблице не отмечены, хотя и до и после этих лет каждое официальное или незаконное появление тюрков на территории Китая тщательно регистрировалось имперскими чиновниками.

В 1-ю луну 2-го года девиза Цзин-юнь (24 января–23 февраля 711)⁷, «после того, как император Жуй-цзун получил трон [июль 710], Мочжо снова отправил послов и просил о связи (с династией) через бракосочетание. Император присвоил дочери князя Сун (Ли) Ченци титул Цзиньшань-цзунжу («Алтайская принцесса»)⁸ и разрешил (Мочжо) сочетаться браком» (Liu Mau-tsai, 1958а. С. 169, 220, 270; Бичурин, 1951а. С. 272). По одним китайским источникам, «предоставление титула принцессе и согласие на брак произошли в **3-м месяце 2-го года Цзин-юнь [24 марта–22 апреля 711]**», а по другим — **«в 11-м месяце [14 декабря 711 — 12 января 712] этого года»** (Liu Mau-tsai, 1958 б. С. 611, Anm. 940; Hayashi, 1990. P. 179). Правильнее первая дата, но как бы то ни было, до собственно свадьбы император дело так и не довел.

Настаивая на этом браке, Капаган надеялся обеспечить себе поддержку Танской империи в борьбе против своих внешних врагов, а внутренних, в первую очередь токуз-огузов, он тогда же «привел в рассеяние» собственными силами. «Таншу» также сообщает: **«В это время военачальник Сунь Цюань с прочими на сражении [тюрков] с хи [татабы] под Лын-хин⁹ [был] взят в плен и представлен Мочжо. Мочжо всех предал смерти...»**; **«В правление Цзин-юнь Мочжо на западе уничтожил владение Могэ¹⁰, а после сего привел [на востоке] дома кидань и хи под свою власть, и бесчеловечно поступал с их подчиненными...»** (Бичурин, 1951а. С. 272–273). Таким образом, в 710–711 гг. границы на востоке и отчасти на запа-

* Эта статья под названием «О датировке и маршрутах походов тюрков за Саяны, в Джунгарию и Согдиану» была опубликована в сборнике «Материалы Тохаристанской экспедиции» (вып. 6, Елец, 2006) в столь искаженном редактором виде, что я вынужден переиздать ее, несколько переработав и дополнив новым материалом. Убедительная просьба к читателям указанного сборника не давать ссылок из него на мою статью. — В. Войтов.

де тюрки взяли под строгий контроль, а переговоры о женитьбе кагана шли своим чередом.

Разгром тюрками чиков и азов серьезно встревожил Барс-бега, до сих пор уверенно чувствовавшего себя за Саянской «стеной», и он начал искать сильных союзников, с которыми можно было их остановить. Под благовидным предлогом поднесения Жуй-цзуну даров по случаю его интронизации Барс-бег (Бичурин, 1951а. С. 355) и тюркешский Согэ-каган прислали в Чанъань послов, которые, судя по всему, в аудиенции предложили ему возглавить тройственный антитюркский союз. Однако прямого согласия они не получили, поскольку Сын Неба, во многом обязанный вторым своим престолом Капаган-кагану, вел с ним свою сложную игру. Он, надо полагать, на словах высказал сочувствие идее Антанты, дипломатическими экивоками обнадежил посланников и с тем отправил их по домам, но для себя решил в заговор не вступать, получив вскоре веские к тому основания.

В 7-ю луну (19 августа—16 сентября 711) в столице узнали, что в Тибет прибыло кыргызское посольство, «не желающее входить в Хань (т. е. в Китай)» (Кызласов, 1984. С. 38). Барс-каган, сколачивая мощную коалицию, решил заручиться поддержкой заклятого врага Китая и назначил главой посольства Эрэн Улуга, героя надписи Алтын-Кель II: «В свои 38 лет... Ради (своей) воинской доблести я ходил послом к тибетскому кагану. Я не вернулся...» «Сведения о поведении кыргызов распространились среди северных соседей империи, что серьезно обеспокоило Жуйцзуна» (Кляшторный, 1976. С. 262, 266). Это надежно датированное сообщение ранее не связывалось с карательной экспедицией тюрков за Саяны, хотя именно оно опровергает утверждения о проведении ее зимой 709—710 или 710—711 гг.

В 8-ю луну (17 сентября—16 октября) «тюрки [снова] направили посольство и прибыли к Двору», желая, видимо, выяснить причину задержки со свадьбой, а в **10-ю луну (15 ноября—13 декабря 711)** император «Тан отправил [ответное] посольство к тюркам» (Hayashi, 1990. P. 179), цель которого была не столько ответить на вопросы недоумевающего жениха, сколько затянуть время. Явное нежелание Жуй-цзуна выполнить свое обещание стало очевидным, поэтому главный советник кагана Тоньюкук предложил Капагану план решительных действий.

По его словам, «каган народа табгач [Жуй-цзун] был нашим врагом. Каган (народа) «десяти стрел» [Согэ] был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган [Барс-бег]. Эти три кагана, рассудив, сказали: «Да пойдём мы (походом) на Алтунскую чернь [Монгольский Алтай]». Так они рассудили и сказали:

«Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдём против него, [то] как бы то ни было, он нас (победит). Каган его [тюркского народа] — герой, а советник его [Тоньюкук] — мудрый, [и] как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (букв.: убийцей). Втроем [же] мы объединимся и отправимся в поход, и уничтожим его», — сказали (они). Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там будет, — сказал он, — а тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, — сказал он, — находятся в рассеянии». Услышав [от разведчиков] это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, (а днем) я не находил покоя. Тогда я задумал... [начать войну]. «Будем воевать...» — сказал я» (Тон, 19—23). Из этого следует однозначный вывод — кампания тюрков против кыргызов была проведена в зимние месяцы 711—712 гг.

В 11-ю луну (14 декабря 711 — 12 января 712) во главе посольства «Мочжо отправил своего [старшего] сына Янвонджи-дэлэ (тегина) к императорскому Двору», где он получил звание генерала западной гвардейской кавалерии (Liu Mau-tsai, 1958a. S. 169; Hayashi, 1990. P. 179). Однако самого Капагана в ставке в это время уже не было. Догадался ли он, что переговоры о свадьбе лишь предлог для закулисных интриг своего будущего тестя или же дал уговорить себя подождать с бракосочетанием до весны — в данном случае большой роли не играет. Цель уничтожить Барс-кагана была им поставлена всерьёз, а наступившая зима не была тому помехой. Тюрки, как видно из всей их предыдущей истории, предпочитали совершать набеги именно в это время года, поскольку преодолевать многочисленные водные преграды их кавалерии было намного удобнее по льду, нежели вплавь. Этим достигалась внезапность и мобильность ударов, к тому же массу пленных, украденный скот и трофеи удобнее было переправлять в степи через замерзшие реки, а не организовывать для этого паромные переправы. Невиданный прежде поход начался.

1. Поход за Саяны

«На 27-м (году жизни)¹¹ я [Могилян] двинулся против киргизов» (БКб, 26); в войсках находился и его брат Кюль-тегин. Тактическое руководство армией осуществлял Тоньюкук, но, судя по его словам: «Когда [во время похода] испытывались лишения, каган говорил [мне]: «Попытайся быстро отправиться [дальше]!» (Тон, 26), возглавлял операцию сам Капаган-каган, хотя его роль в ней почти полностью скрыта главными претендентами на звание победителей. В надписи Кюль-тегина Бильге-каган (Могилян) лишь один раз упоминает, что «С моим дядею-каганом <...>

мы ходили войною вплоть до страны киргизов» (КТб, 17), а в надписи Тоньюкука звучат только оговорки об участии его высокочтимого патрона в этом походе (см. ниже). Назначение каганом столь высокопрофессионального командного состава указывает на чрезвычайную серьезность намеченного предприятия. Он рассчитывал молниеносным ударом избавиться от Барс-бега, поэтому мог себе позволить на некоторое время оставить страну без лучших полководцев. Центр каганата контролировал его четвертый сын Тонга-тегин (убит под Бешбалыком в 714 г.; Бичурин, 1951а. С. 272), восточные границы надежно прикрывал его названный брат, шад телисов Дусифу (умер в 719 г.; Войтов, 1989. С. 49), а на юго-западе находились его второй и третий сыновья Бёгю и Инэль и шад тардушей Кули-чур, которые проводили здесь рекогносцировку военной экспедиции против другого заговорщика — Согэ-кагана.

Армия тюрков, во многом состоявшая из «находившихся в рассеянии» токуз-огузов, начала беспрецедентный переход через Западные Саяны (Кёгменскую чернь). Откуда и по какой дороге она прошла в Западную Туву, письменные источники не указывают. Можно предположить, что ее отправным пунктом был Монгольский Алтай, где тогда находилась западная группировка тюркских войск. Не случайно Согэ-каган поначалу планировал «пойти (походом) на Алтунскую чернь» и разбить их здесь, а затем уже двигаться далее на восток на соединение с китайцами. Один из древних караванных маршрутов к кыргызам из Средней Азии через Джунгарию и Монгольский Алтай известен, в частности, по описанию Гардизи (XI в.).

«Путь к киргизам ведет из страны тогузгузов (уйгуров. — Л.К.), именно из Чинанджжета¹² в Хасан¹³; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и пять дней по пустыне¹⁴. От Кемиза до Манбек-Лу (возможно, хребет Танну-Ола, западная часть которого именуется Монгун-Ола. — Л.К.)¹⁵ два дня идут по горам [Монгольского Алтая], потом приходят в лес [на территории Кобдоской долины, а далее] начинается степь, источники, место охоты [в котловине Больших озер, и так вплоть] до [той самой] горы, которую называют Манбек-Лу¹⁶. Гора высока... много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена. После Манбек-Лу приходят к Кёгмену (Саянскому хребту. — Л.К.); по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; 4 дня идут по такой местности (по западной Туве. — Л.К.) до горы Кёгмен¹⁷. Гора высока; на ней много деревьев; дорога узка¹⁸. От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути¹⁹; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных

между собою деревьев [в дебрях горной тайги], так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное, лучшее место [страны]» (Кызласов, 1984. С. 113—114; цит. по: Бартольд, 1973. С. 47).

Задуманная тюрками операция была проведена столь виртуозно, что и Тоньюкук, и Могилян главную роль в ней постарались отвести каждый самому себе. Текст на стеле Тоньюкука, написанный при его жизни и, как принято считать, им самим, аутентичен в плане изложенных в нем исторических событий, хотя и содержит в их оценках изрядную долю субъективности. Автором же текстов на стелах Могиляна и Кюль-тегина был их племянник (?) Йоллыг-тегин, знавший подробности похода по их рассказам. Именно его интерпретация «кыргызского блицкрига» нашла отражение на обеих мемориальных плитах Хушо-Цайдама.

Ход Саянской кампании²⁰ Тоньюкук излагает следующим образом: «Так как я слышал, что в горах Кёгмен существует один только проход и что в это позднее время [года] он уже закрылся, то я сказал, что этим путем идти не следует. Когда я искал [проводника] знающего [эту] страну, то нашелся человек из степи Аз», сообщивший: «Моя родина — страна Аз. Я знаю [другую] дорогу через Кёгменский хребет. Она единственная [сейчас для перехода на его северную сторону]. На ней имеется место, годное для остановки [войска]. Воспользовавшись этим местом для остановки, можно [выстроиться в колонну и] провести далее лошадей по одной». Тогда я подумал: «Будет хорошо, если мы отправимся этим путем». Доложив об этом кагану²¹, я приказал войскам идти вперед. Достигнув Ак-Тэрмэля²², пустил вперед огузов доказывать свою верность» (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 297). В ремарках С.Е. Малова к переводу этой фразы написано: «...дорога в Кёгмен (только) одна, и она завалена (снегом, деревьями)» (ПДТП. С. 67). Последнее пояснение было принято всеми, и в связи с этим даже не возникал вопрос, какой же аргумент привел «человек из степных азов», убеждая Тоньюкука изменить маршрут, если глубокими снегами в это время была покрыта вся Кёгменская чернь.

Ответ на вопрос заключается в том, что из Тувы через хребет Сайлыг-Хем-Тайга в Западном Саяне ведет перевальная тропа, которая, несколько раз пересекая русло стремительно падающей к югу р. Ак-Суг, круто поднимается к вершине перевала Саянский (Байзы; 2214 м), расположенной в зоне горных тундр²³. Отсюда она выходит на верховья р. Большой Он и затем спускается преимущественно по ее правому берегу к северу, в Минусинскую котловину. В конце каждой осени

кыргызы заваливали самое узкое место на этом спуске срубленными деревьями и буреломом, создавая, таким образом, непреодолимую баррикаду, после же схода снегов ее раздвигали, и важнейшая для их связей с внешним миром караванная трасса начинала функционировать. Местные жители хорошо об этом знали, поэтому проводник сообщил Тоньюкуку как о чем-то само собой разумеющемся, что перевал «уже закрылся». У тюрок не было времени разбираться под глубоким снегом этот завал, поэтому они согласились с его доводами. Другой путь оказался более длинным и трудным, но выбора у нападавших не было.

«Через глубокий снег, достигавший уровня лица всадника, пробил я [Тоньюкук] тропу²⁴. Лошадей криками гнали вверх [пешие] люди, снабженные лыжами [правильнее, шестами и копьями]. Пока тянулся этот подъем, люди, шедшие впереди, должны были идти вперед до полной потери сил. [По С.Е. Малову: «Передние люди протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями»²⁵]. С такими же трудностями пришлось и спускаться с хребта. Одиннадцать дней [«десять ночей» у Малова] ехали мы карнизами (бомами) горных склонов вслед за туземцами, которые разыскивали лучшие места для проезда. Испытывая такие муки²⁶ (мы утешались мыслью), что поддерживаем своего хана...» (Грум-Гржимайло, 1926. С. 297). «Местный путеводитель, сбившись с пути²⁷, был заколот... «Да отправимся мы по р. Аны!». Мы шли вниз по течению этой реки²⁸» (Тон, 23–26).

С вершины перевала Саянский дорога быстро спускается к Большому Ону и через 5 км входит в редколесную кедровую тайгу («вершину с растениями»). Это то самое «место, годное для остановки», откуда «можно провести далее лошадей по одной» на запад через неширокую седловину по малохоженной тропе на Курукульский перевал (2155 м), также лежащий выше уровня леса. С него тропа, петляя с берега на берег небольшой речки Курукуль, доходит до правого берега р. Она [«Аны»] и от места их слияния направляется вниз по руслу последней до слияния с Большим Оном, где снова встречается с покинутой выше караванной дорогой. Примерно через 90 км от главного Саянского перевала дорога покидает Ону и поднимается на Ангольский перевал в долине р. Карасибо. Через 15 км спуска с него вновь начинается крутыми петлями серпантин на 10-километровый подъем на последний перевал — Канжильский (Ханджильский), через 15–20 км спуска с которого эта дорога наконец достигает р. Абакан (рис. 1). С 1960-х гг. до наших дней эта трасса весьма популярна у небольших групп хорошо подготовленных пеших туристов (Величко, 1972.

С. 112), однако пройти ее в зимнее время целой конной армии довелось лишь тюткам в начале VIII века.

795 лет спустя султан Захириддин Мухаммед Бабур (1483–1530) совершил аналогичный зимний поход. Встревоженный вестями о мятеже в Кабуле, он выступил из Герата 7 ша'бана 912 г.х. / 22 декабря 1506 г. и направился вдоль р. Герируд на восток, чему посвящен в «Бабур-наме» отдельный сюжет. Этот рассказ как бы дополняет описание Саянской «альпиниады» тюрок, позволяя восстановить детали процесса передвижения конных армий по глубокому снегу, поскольку обе находились в одинаковых условиях, несмотря на огромную разницу во времени. «Когда мы отошли на переход или два от Чахгарана [совр. г. Чагчаран], снег стал очень глубоким; он был выше стремян, и ноги лошадей во многих местах даже не доставали до земли; к тому же снег все время продолжал падать... В эти несколько дней было пережито много тревог и тягот; во всю мою жизнь я редко испытывал столько затруднений... Около недели мы, утаптывая снег, проходили [по равнине!] в день не больше шерсти или полутора шерсти [2–3 км]. Снег утаптывал я сам, десять или пятнадцать моих приближенных и Касим бек со своими двумя сыновьями — Тенгри Берди и Камбар Али, еще было два или три его нукера. Мы, упомянутые, шли пешком и утаптывали снег; каждый человек проходил вперед на семь, восемь или десять шагов и прибывал снег ногами; на каждом шагу мы проваливались по пояс или по грудь. Пройдя несколько шагов, передовой выбивался из сил и останавливался; вперед проходил кто-нибудь другой.

Когда эти десять, пятнадцать или двадцать человек утаптывали ногами снег, он становился таков, что можно было провести лошадь без всадника; эту свободную лошадь протаскивали вперед; проваливаясь по стремяна или по брюхо, лошадь проходила вперед десять-пятнадцать шагов и тоже изнемогала; ее отводили в сторону и протаскивали другую лошадь без всадника <...>

Таким образом, утаптывая снег и прокладывая себе дорогу, мы... в два-три дня достигли хавала [пещеры], называемого Хавал-и Кути, у подножия перевала Заррин [в совр. хребте Баба] <...> [Спутники Бабура] сходили с коней на том самом месте, где останавливались. Многие дожидались утра на спинах коней <...> Выйдя спозаранку, мы таким же образом, утаптывая снег и прокладывая дорогу, взобрались на перевал. Дорога извиристо поднималась вверх. [Перевал] называли Кутал-и Заррин. Не поднимаясь выше, мы спустились вниз, в долину. Когда мы достигли подножия перевала, наступил вечер; мы заночевали у самого входа в долину. Той же ночью был очень сильный

мороз. Мы провели ночь, терпя великие страдания и тяготы, у многих мороз погубил руки и ноги... Утром мы двинулись вниз по ущелью <...> Пожилые люди и старики не помнили, чтобы в такой глубокий снег кто-нибудь перешел через этот перевал, и даже неизвестно, чтобы кому-нибудь пришлось на ум пройти через этот перевал в подобное время года» (Бабур-наме, 1958. С. 225–227).

Тоньюкук продолжает: «Чтобы пересчитать (свое войско)²⁹, мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью и днем мы быстро скакали³⁰. На киргизов мы напали во время сна³¹... проложили [путь сквозь их передовые стойбища] копьями. Хан их и войско их [узнав о нашем появлении] собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили...» (Тон, 26–28). Надпись Могиляна: «[Я] поразил народ кыргызов, когда они спали. С их ханом я сразился в черни Сунга, убил хана и завладел там его народом» (БКБ, 26–27). Надпись Кюль-тегина: «С их ханом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин... бросился в атаку: одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол [копьем] одного после другого... Кыргызского кагана мы убили, и племенной союз его взяли» (КТб, 35–36). Так было покончено с главной фигурой неосуществленного заговора.

Надпись Кюль-тегина далее повествует: «[Поскольку] сам он [Барс-бег] провинился, [то за это] каган умер [был убит], а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская», — мы завели порядок в немногочисленном [?!] народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали [страну в управление киргизу]» (КТб, 20–21, 36). «Киргизский народ вошел в подчинение [Капаган-] кагану и повиновался [ему]. [После этого] мы вернулись. Мы пришли обратно [откуда начали поход?], обойдя Кёгменскую чернь. Мы вернулись от киргизов» (Тон, 28).

В.В. Бартольд утверждает, что «прежде чем идти на тюргешей, Тоньюкук со своим войском вновь перешел из страны киргизов на южную сторону Саянского хребта» (Бартольд, 1963 б. С. 485). По мнению же Л.Р. Кызласова тюрки возвратились, «скорее всего, через Прибайкалье» (Кызласов, 1984. С. 41), для чего им пришлось бы форсировать весной могучий Енисей, а затем снова преодолевать намного более труднопроходимые, чем Западный Саян, многочисленные отроги Восточного Саяна. Нет сомнения, что для соединения с западной группировкой войск Тоньюкук избрал другой маршрут, так как его дальнейший путь лежал в Джунгарию.

Из страны кыргызов, по словам Гардизи, помимо южной дороги «к тугузгузам», еще одна ве-

ла «к кимакам и халлухам [карлукам] на запад» (Бартольд, 1973. С. 47). В январе 1219 г. войско Джучи-хана «прошло с боями по землям кыргызов и других племен Саяно-Алтая, потратив на их покорение около месяца» (Худяков, 2003. С. 148–149), и возвратилось в Монголию из Минусы кружной дорогой по Чуйскому тракту Горного Алтая. Возможно, этим маршрутом, «обойдя Кёгменскую чернь», задолго до Джучи прошли тюрки для осуществления операции, направленной против Согэ-кагана.

В 12-й луне 2-го года девиза Цзин-юнь (13 января—11 февраля 712) «тюркские посланники были на званом обеде» у императора Жуй-цзуна, еще не знавшего о гибели Барс-кагана, но этой тайне недолго было оставаться тайной.

В 1-й луне 3-го года этого девиза правления (12 февраля—11 марта 712) все встало на свои места: «Тюркские посланники [снова] были на званом обеде. Свадьба [о которой целый год велись переговоры] расстроилась, потому что у императора изменилось настроение» (Hayashi, 1990. P. 179).

2. Поход в Джунгарию

Весной 712 г., когда победители «вернулись от киргизов», аналогичная осени 711 г. ситуация повторилась, причем на стеле Тоньюкука она описана в стк. 29–30 почти теми же словами, что и в стк. 20–21. С комментариями С.Е. Малова этот фрагмент надписи понять довольно трудно, так как утраченные в нем места он восполняет хотя и близкими, но не вполне соответствующими описываемой ситуации словами. Конкретизировать смысл этой фразы можно с помощью пояснительных вставок и замены двух-трех слов, сохранив при этом основной перевод уважаемого ученого. К тюткам «от тюргешского кагана [Согэ] пришел лазутчик³². Слово его [Согэ] таково: «Отправимся походом, — говорит он, — с востока на [Капаган-] кагана. Если мы [первыми] пойдем походом, то он нас [не победит, хотя] каган этот — герой, а советник его [Тоньюкук] — мудрый; [в противном случае], он нас [сам], возможно, погубит», — говорит он. «Тюргешский каган отправился в поход, — говорит он [лазутчик], — народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, — говорит, — (среди них) есть и войско табгачей» (Тон, 29–30).

Как видно из текста, Согэ-каган решил напасть на тюрок, не имея свежих разведанных о ситуации в регионе, значительно изменившейся за последние месяцы, получать которые ему не позволяли дозоры тюрок, расставленные на важнейших участках путей сообщения из Джунгарии на север и северо-восток³³. Поэтому, во-первых, Согэ ничего не знал о поражении его союзников кыргызов, а во-вторых, говоря о нападении на Капаган-кагана «с востока», он наивно верил, что

первыми вступили в войну так и не поддержавшие коалицию китайцы.

Этот непростительный главе государства стратегический просчет вскоре обернулся для тюргешей тяжелым военным и политическим поражением. Зато Капаган, хорошо зная замыслы тюргешей, был готов нанести им решительный удар.

После соединения походной армии и западного крыла тюркского войска он собрал военный совет, на котором сделал следующие распоряжения: «Я отправляюсь домой! [Моя] жена умерла³⁴, я хочу совершить над ней погребальные церемонии», — сказал он. «Ты же [Тоньюкук] иди с войском», — сказал, — и оставайся в Алтунской черни», — сказал [каган]» (Тон, 30–31). Он назначил «малого кагана» Бёгю-тегина главнокомандующим всей западной группировкой³⁵, Тоньюкука — главным военным советником, Инэль-тегина — апа-тарканом 20-тысячной армии, придав им в помощь Могиляна, Кюль-тегина и Кули-чура. К тому же младший брат Согэ по имени Чжэну, «злобясь, что мало народа ему дано, отложился и предался к Мочжо. Он [даже] просил Мочжо употребить его вожакем при нападении на старшего брата» (Бичурин, 1951а. С. 297). «Мудрому Тоньюкуку [как самому опытному воину], он [Капаган] сказал: «Веди это войско [к границе Джунгарии]», — сказал он. «Назначай наказания [племенам и народам] по своей воле, что я (еще) тебе скажу!» — сказал он. «Если (кто) придет [т.е. присоединится к нам], то увеличится (у нас) число храбрых мужей, если же (никто) не придет, то собирай различные вести [оставаясь на месте]», — сказал (Тон, 31–32).

Во 2-й луне 3-го года девиза Цзин-юнь (12 марта — 10 апреля 712) «тюрки отправили [в Чанъань] посланников и выплатили дань», хотя можно предположить, что это был сугубо протокольный подарок Жуй-цзуну за соболезнование по поводу кончины жены Капагана. По данным Т. Хаяси, в этом году другие посольства тюрки в Чанъань не отправляли (Hayashi, 1990. С. 179).

Появление тюрков на границе Джунгарии осталось незамеченным тюргешами; они все еще надеялись нанести удар первыми. **«В том же году [в апреле-мае? 712]** мы пошли против тюргешей, поднявшись [из Кобдоской долины; 1400 м] в Алтунскую чернь... [с перевалами от 2175 до 3040 м]» (КТб, 36; БКб, 27; 30).

«[Когда] мы [уже] находились в Алтунской черни, пришли три лазутчика, [и] слова их одинаковы: «Их каган [Согэ] с войском выступил в поход, войско (народа) «десяти стрел» без остатка выступило в поход», — говорит [лазутчик]. «Да соберемся мы в степи Ярышской», — сказал [Согэ]. Услышав эти слова, я [Тоньюкук] послал эти слова [Бёгю-] кагану [с вопросом]: «Что делать?» С

обратным словом [от него] пришел (посланец): «Сиди, — было сказано, — не торопись ехать, хорошо держи караул, не позволяй себя раздавить», — сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган. А апа-таркану [Инэлю] он послал известие: «Мудрый Тоньюкук, — он хитрый, и сам он — понимающий [сложившуюся ситуацию]. Если он скажет: «Идем с войском! ... не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул в поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через Иртыш и, **не делая остановки на ночь, рано утром** достигли Болчу³⁶» (Тон, 32–35).

«Ярышскую степь», которую Согэ назначил местом общего сбора тюргешской армии, по традиции большинство исследователей помещали в междуречье Черного Иртыша и р. Урунгу, т. е. в относительном соседстве с юго-западной границей Восточнотюркского каганата. Поэтому-то каган и выбрал этот пункт местом концентрации всех своих военных сил. Племенным отрядам было удобнее двигаться сюда порознь из районов своих кочевий — из г. Суяба на р. Чу и Прииссыккуль³⁷, из горных долин Джунгарского Алатау и Тарбагатай, на что указывают и слова лазутчика: «Да соберемся мы в степи Ярышской».

В общих чертах их маршрут можно представить в виде двух главных колонн, в каждую из которых по пути следования вливались отряды местных жителей. Движение столь значительного количества людей не могло быть быстрым, поход подразумевался быть долгим, поэтому войска сопровождали обозы с провиантом, запасами оружия, бытовым имуществом. Кроме того, «за ними всегда гонится большое число обзанных животных обоего пола, потому что ими и питаются, [причем] от их присутствия и войско кажется многочисленнее», однако «для них очень чувствителен недостаток в пастбищах» (Маврикий, 1903. С. 174, 176).

Путь одной колонны, состоявшей из нушиби и возглавляемой, возможно, Согэ-каганом, лежал по богатому водой и травой Семиречью вдоль северной стороны Джунгарского Алатау в направлении оз. Алаколь и Джунгарских ворот. Другой колонне, предположительно из пятиплеменных дулу, удобнее было идти по широкой долине р. Или вверх по ее течению. Примерно в районе современного г. Хоргоса она повернула влево на Талкинский перевал, миновала озера Сайрам, Эби-нур, восточное устье Джунгарских ворот и спустилась в бескрайнюю Джунгарскую котловину. Дальнейший ее путь лежал на северо-восток по степному коридору, расположенному между оз. Манас и песчаной пустыней Дзосотын-Элисун, в сторону южного побережья оз. Улюнгур и впадающей в него р. Урунгу (рис. 2). По на-

блюдениям В.А. Обручева, на всем этом участке «корм и вода имеются, хотя и не в изобилии» (Обручев, 1931. С. 45).

«Радлов полагает, что восточные турки, перейдя вброд Иртыш, должны были выйти в степь, лежащую к северо-западу от хребта Тарбагатай, в Сергиопольском округе³⁸, — пишет Г.Е. Грумм-Гржимайло, — где, таким образом, и следует искать долину Ярыш». Но как доказывает он сам, «чтобы оправдать гипотезу Радлова, Тоньюкуку следовало обогнуть горные массы Табын-Богдоола [до 4653 м] и с [крутых склонов] плоскогорья Укок [до 2700 м] спуститься труднодоступным ущельем р. Бухтармы, между тем как в его распоряжении находились значительно более короткие и легкие пути через Алтайн-Нуру и Черный Иртыш, служившие обычным путем сообщения Приалтайских стран с центральным Тянь-Шанем. Поэтому мне кажется, что долину Ярыш следует искать в области Восточного Тарбагатай или даже еще восточнее. Бартольд ищет ее южнее, к северу от р. Или [Бартольд, 1968 б. С. 301, прим. 100], но такое ее положение не соответствовало бы словам автонеколога Тоньюкука... Отсюда ясно, что долина Ярыша не могла находиться особенно далеко от (реки?) Болчу и Иртыша, точнее же — Черного Иртыша, где [тюрки] и встретили тюргешское войско» (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 312–313, прим. 1 и 6).

Г.Е. Грумм-Гржимайло, безусловно, прав в том, что самый удобный путь к Черному Иртышу и Урунгу действительно лежит через высокогорные долины Монгольского Алтая в пределах современного Баян-Ульгийского аймака, где возле оз. Даян-нур (2300 м) сходятся ответвления Чуйского тракта, соединяющего Горный Алтай с Кобдоской долиной. Далее на юг от озера удобная для передвижения всадников тропа идет до самого Черного Иртыша вниз по течению его правого притока р. Кран. Летом 1876 г. Г.Н. Потанин и 1908 г. В.В. Сапожников прошли здесь с юга на север от Улюнгура до Даян-нура. Именно этим путем, только в обратном направлении, Тоньюкук, «перевалив Алтунскую чернь» через проход Урмогайты (2940 м), спустился к переправе. По словам путешественников, Иртыш «здесь имеет сажен 40 ширины и довольно глубок, особенно у левого берега <...> Бродов на Иртыше не бывает до осени, а это значит, что есть достаточно глубокий фарватер» (Сапожников, 1911. С. 153). Терраса правого берега «обрезывается над рекой или холмистым спуском или крутыми ярами <...> Берега ее частью песчаные, частью галечниковые, вода прозрачная» (Потанин, 1948. С. 31). Форсировав реку вплавь в течение вечера и части ночи, тюрки «**рано утром** достигли Болчу» — р. Урунгу, кратчайшее расстояние до которой не превышает 50 км.

Эту местность подробно описывают русские путешественники — офицер Генерального штаба Ю.А. Сосновский, проходивший здесь в 1872 г. с торговым караваном московской фирмы «Савва Морозов — сыновья» в г. Улясутай; полковник М.В. Певцов, в мае–июле 1876 г. сопровождавший с полусотней казаков большой хлебный караван в г. Куку-хото; Г.Н. Потанин, в августе того же 1876 г. отправившийся в свою первую большую экспедицию; Н.М. Пржевальский, в марте–апреле 1879 г. ушедший в первое тибетское путешествие через г. Баркуль; П.К. Козлов, в ноябре 1895 г. возвращавшийся из третьего путешествия по Центральной Азии; В.В. Сапожников, в 1908 г. направлявшийся в г. Кобдо вдоль северного берега оз. Улюнгур, и другие.

По словам М.В. Певцова, «к востоку от хребтов Нарын-кара, Саура и Салбурты простирается обширная ложбина, по северной части которой протекает р. Урунгу, изливающая свои воды в оз. Улюнгур несколькими рукавами. С восточной, южной и западной стороны эта впадина замкнута высокими землями, а на севере — незначительным увалом («шириной 1198 саженей»; Обручев, 1931. С. 47), отделяющим ее, по словам очевидцев, от долины р. Черного Иртыша <...> Эта низменная местность покрыта многими солеными, солоноватыми и пресными озерами, солончаками и болотами, поросшими камышом... Между озерами и болотами воздымаются местами песчаные бугры, напоминающие приморские дюны, и небольшое площади с растительной землей» (Певцов, 1951. С. 33). Южнее расположена пустыня, которая «в местностях, ближайших к берегам Урунгу, несет один и тот же характер: то раскидывается необозримой гладью, то волнуется пологими увалами... Почва пустыни почти везде усыпана острым щебнем и нередко прорезана оврагами с сухими в них руслами дождевых потоков» (Пржевальский, 1948. С. 30).

Достигнув рано утром Болчу/Урунгу, тюрки остановились и выслали вперед разведку. «Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской [уже] собралось 10 тюменов войска (100 000)», — он говорит. Услышав эти слова, [тюркские] беги все сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорош! [т. е. живым нечего стыдиться]». А я так говорю, я — мудрый Тоньюкук: «Мы [уже сюда] пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш пришли, переправясь. Было сказано [мудрецами]: «(Враг, который сам) приходит — герой», но они (о нас еще) не провели. Небо (Тенгри и богиня Умай), священная Родина (Земля–Вода), — вот они, надо думать, [которые не раз] даровали (нам) победу. Зачем нам бежать, говоря, (что их) много. К чему нам бояться, говоря, (что нас) мало. Зачем нам [заранее считать

себя] побежденными? Нападем!» — сказал я (Тон, 36–39).

В тот же день армия тюрков перешла Урунгу. По свидетельствам путешественников, «глубина реки при малой воде (весной и осенью) невелика; броды часты, но также часты и омуты» (Пржевальский, 1948. С. 28); «средняя ширина реки на этом протяжении около 15 саженей; течение спокойное, ровное; бродов много, даже после весеннего разлива» (Сосновский, 1874. С. 35), зато в июне-июле «она бывает очень глубока, но течение ее тогда, даже в нижних частях, так быстро, что взводное плавание становится затруднительным» (Певцов, 1951. С. 43). Впрочем, тюрки попали сюда до начала активного таяния снегов в Монгольском Алтае, наполнявших Урунгу большой и быстрой водой, и не были обременены верблюдами с их тяжелой поклажей, как упомянутые исследователи, поэтому им не составило особого труда преодолеть эту реку и выйти на «высокие земли» — яры в южной части Булунтохойской впадины, ниже которых «на всем пространстве, какое мог видеть глаз, расстилалась необозримая равнина» (Певцов, 1951. С. 37). «Песчаная почва продолжается до того самого места, где к озеру подходит конец Салбуртинского кряжа; он образует здесь каменные невысокие холмы, прикрытые галечником» (Потанин, 1948. С. 28). «Означенный хребет тянется с северо-востока на юго-запад на 80 верст. Восточная его оконечность у южного берега оз. Улюнгу; западная подходит к отпрыскам гор Семизтау... Абсолютная высота около 3300 футов <...> К югу простиралась пустынная равнина, на которой горизонт преграждается небольшими отдельными горами: Делеун, Аргальты и далеко на юго-западе высоким отрогом Тарбагатай — Джаром» (Козлов, 1899. С. 267).

О. Иакинф писал об этих местах: «Тарбагатай также есть древняя Чжунгарская земля. Природные [местные] жители называют ее Таштавою... Здесь находятся урочища Яр и Чугучу... Сия страна довольно обширна...» (Бичурин, 1829а. С. 108–109). Эта местность и в начале VIII в. вполне могла называться «Ярышем»³⁹. Где-то здесь и произошла встреча тюрков с тюркешами (рис. 3).

«Мы напали, — рассказывает Тоньюкук, — и прогнали [передовые разъезды врага, о чем узнал шедший вслед за ними Согэ]. **На второй день** они пришли [головной ударной группой]; они пришли, пламенея [от ярости], как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами, их два крыла наполовину были многочисленнее⁴⁰. По милости Неба, мы не боялись, говоря, что их много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении... [«На собственную (лошадь) сев, он бросился в атаку, пронзил трех мужей... В сражении Ку-

ли-чур сел на собственную гнедую лошадь...»]; КЧ, 15]. Мы прогнали [врагов], их кагана [Согэ] мы схватили, а их ябгу и шада там умертвили. Около 50 человек мы пленили. **В ту же ночь** мы отправили (послов) к каждому народу [тюркешей с вестью об их поражении]. Услышав эти слова, начальники и народ «десяти стрел» все пришли и подчинились» (Тон, 39–43).

Почти теми же словами говорится об этой битве на стелах Могиляна: «...Тюркешский народ я победил... Войско тюркеш-хана подступило как огонь и вихрь. Мы сразились при Болчу. Хана, его ябгу и шада я там убил и покорил его народ» (БКБ, 27–28) и Кюль-тегина: «...Тюркешский народ мы победили во время сна [уточнение В.П. Юдина: «...мы, преследуя, громили»]. Войско тюркешского кагана пришло в Болчу подобно [пылающему] огню и [пенящемуся] вину. Мы сразились. Кюльтегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку... Двух [врагов] он [убил?]. Затем, снова войдя [в ряды врага], он схватил собственноручно каганского буюрука [приказного] тюркешей, тутука азов⁴¹. Их кагана там убили, его племенной союз покорили» (КТб, 37–38).

Правила ведения тюрками боя замечательно описал Маврикий: «В сражении же боевой порядок их состоит... из различных [племенных] ватаг, соединенных между собой так, чтобы казались только в одну линию. Кроме боевого порядка у них имеются еще особенные отряды, из которых одни выдвигаются вперед для производства нечаянных нападений на неосторожного противника, а другие служат поддержками тем частям боевого порядка, которые наиболее тесными неприятелем <...> Глубина боевого порядка неопределенная и делается, смотря по обстоятельствам; о соблюдении ее, а также о равнении по фронту и сомкнутости заботятся более всего. Бой начинают дальними засадами, обходами неприятеля, притворным отступлением с переходом опять в наступление и строями в виде клина, т. е. разбросанными. Когда неприятель обратится в бегство, то... все расположенные во второй линии (резервы) упорно гонят неприятеля до полного его рассеяния» (Маврикий, 1903. С. 175). В результате такой тактики четверо меньшая армия тюрков выиграла битву только потому, что сумела нанести решающий удар по ставке их главнокомандующего. Захватив в плен самого кагана и уничтожив руководителей обоих крыльев войска («их ябгу и шада»), тюрки одержали победу малой кровью, а плохо организованная и, можно предположить, морально неподготовленная к этой войне рать их противников рассеялась по своим улусам.

Различие рунических надписей состоит в том, что согласно тексту Тоньюкука Согэ-каган был пленен («схвачен»), а в обоих текстах Хушо-Цай-

дама говорится, что он был убит. Версия Тоньюкука точнее, так как ее подтверждают китайские исторические хроники. Еще до этого похода «Мочжо [Капаган] удержал [в своей ставке] Чжэну, а сам [точнее, армия Инэля~Тоньюкука] с 20 000 войска ударил на Согэ и взял его в плен. Мочжо по возвращении [в войска после похорон жены] сказал Чжэну: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенной преданностью служить мне?» И так обоим предал смерти»⁴² (Бичурин, 1951а. С. 297), «а их земли присоединил к своим владениям» (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 315). «Тюркешский каган [Согэ] был наш же тюрк, [из] нашего же народа. [Но] так как он не понимал [блага дружбы с тюрками] и провинился перед нами [затевая заговор], то [поэтому] каган умер, его приказные и правители были тоже убиты, [а весь] народ «десяти стрел» подвергся притеснению» (КТб, 18–19).

После битвы тюрки разделилась на две части для наведения своего порядка в лишившемся высшего руководства Тюркешском государстве и, конечно же, сбора контрибуции. Могилян и Кюль-тегин остались улаживать дела на местах. «Говоря: «Пусть не будет без хозяина страна (букв.: «Земля и Вода»), принадлежавшая нашим предкам», они «устроили немногочисленный народ» (КТб, 18–19), рассеявшийся по Джунгарии. Остальная «масса тюркешского народа вся откочевала вглубь (страны, т. е. подчинилась). Там народ при Табаре мы поселили» (КТб, 38). А поскольку каждая победоносная война обычно заканчивается взятием столицы противника, не будет преувеличением предположить, что Капаган, Инэль, Тоньюкук и Кули-чур отправились в Суяб. «Когда я [Тоньюкук] устраивал и собирал приходящих [выразить покорность] начальников и народ [тюркешей], то небольшое число народа [из раздела нушиби] убежало [на запад]. [Тогда] я повел в поход войско «десяти стрел» [из лояльного тюркам раздела дулу]. Мы еще воевали и гнали их» (Тон, 43–44).

По словам С.Г. Кляшторного, «учитывая хронологическую выдержанность памятника [Тоньюкука] и отмеченные факты, можно утверждать следующее: 1) дата согдийского похода Тоньюкука и Инэль-кагана падает на 711 — начало 712 гг.; 2) поход Тоньюкука и Инэль-кагана непосредственно предшествовал походу Могиляна и Кюльтегина» (Кляшторный, 1954. С. 56–57), хотя оснований для такого вывода письменные источники не дают.

«Перерыва в движении на запад памятник Кюль-тегину в сравнении с надписью Тоньюкука не показывает, — пишет В.П. Юдин. — Действительное различие в том, что памятник Кюль-теги-

ну сообщает об уходе тюрков за Сыр-Дарью, которые лишь после этого организовали карательный поход под руководством Кюль-тегина против взбунтовавшихся кара-тюркешей, а надпись Тоньюкука говорит о походе за Сыр-Дарью в процессе погони за небольшой частью бежавшего народа он-ок («десятистрельного» или «десятистрел»). Кара-тюркеши и часть народа он-ок — это те же тюркеши [нушиби]. Говорится также, что Кюль-тегин погнался за кара-тюркешами «в сопровождении немногих мужей», а Тоньюкук сообщает, что они отправили в погоню войско народа он-ок, в которой и сами приняли участие. И здесь тоже противоречие мнимое. Выражением «в сопровождении немногих мужей» переводятся слова аз 𐰽𐰺𐰍, однако эту группу, как мы полагаем, следует переводить как «в сопровождении мужей аз». Аз — «народ» и аз — «мало» обозначаются в памятниках одинаково» (Юдин, 1968. С. 69). Объяснить же, зачем мобильное военное соединение, руководимое лучшими полководцами, помчалось в неведомую даль вслед за «небольшим числом» людей можно лишь тем, что они уносили с собой на запад вывезенные из Суяба сокровища тюркешской казны и гарем убитого кагана; сами по себе эти беглецы никакой ценности не представляли.

3. Поход в Согдиану

Тоньюкук рассказывает: «Переправясь через реку Жемчужную [Сырдарью], гору Банглигяк⁴³ — местожительство сына Тин(э)си... Мы [с Инэлем и Кули-чуром] преследовали [беглецов] до Темир-Капыга⁴⁴ [«...затем пойдя на запад, и перейдя реку Жемчужную, до Железных Ворот и до тезиков (арабов)⁴⁵, сража(ясь) народ тюркский дошел, и [богатые трофеи себе?] приобрел»; КЧ, 16]. Мы заставили (их) оттуда возвратиться. Тогда пришел весь согдийский народ во главе с... Суком. В те дни тюркский народ достиг Железных Ворот и достиг горы [Банглигяк] — местопребывания сына Тин(э)си, (где) не было предводителя (по переводу С.Г. Кляшторного: «...господина не было»; Кляшторный, 1960. С. 133). Так как я, мудрый Тоньюкук, дошел до этого народа (букв.: до этой земли), то он [Сук] принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (букв.: без границ)» (Тон, 44–48).

С.Г. Кляшторный видит в этом «только миссию, предпринятую для закрепления возникшего союза [с согдийцами] и договоренности о дальнейших совместных действиях. Богатые дары, принесенные посольством, были не столько платой за оказанную помощь, как об этом заявляет Тоньюкук, сколько авансом тех материальных вы-

год, которые ожидали тюркских полководцев в случае действительности их поддержки» (Кляшторный, 1954. С. 63), хотя из текста самого Тоньюкука всего этого не следует. Тюрки взяли себе лишь то, за чем так упорно гнались.

В 630 г. этот путь проделал знаменитый китайский буддист-паломник Сюань Цзан, который описал его так: «Пройдя [от Кеша] 200 ли на юго-запад, мы [со спутником] вступили в горы. Горная дорога здесь крута и обрывиста, а проход по ущельям труден и опасен. Пройдя среди гор на юго-восток еще 300 ли, мы подошли к Железным воротам. Проход, который так называется, слева и справа ограничен скалами. Эти горы очень высоки. Хотя в нем имеется узкая тропа, он все же остается труднопроходимым. Скалы, которые возвышаются с обеих сторон, имеют цвет [ржавого] железа. Здесь установлены обитые железом двойные деревянные ворота, а на них подвешены многочисленные маленькие железные колокольчики⁴⁶. Из-за этих ворот, перекрывающих проход, он и называется Железными воротами» (Beal, 1906. P. 36).

Финал эпизода с погоней можно интерпретировать следующим образом. Беглецы направились к ущелью Бузгала-хана («Козлиный дом», он же «Железные ворота»); «по некоторым данным его ширина варьирует от 40 до 60 футов [1,5–2,5 м], при длине приблизительно в две мили» (Watters, 1996. P. 101). Попав в трудную ситуацию и опасаясь за свою жизнь, они оставили ставшие обременительными казну («желтое золото, белое серебро» и др.) и гарем («женщин и девиц») в ближайшем городке⁴⁷ на попечение согдийского князька (йеруки) по имени Сук, и налегке помчались дальше, возможно, в направлении Термеза (рис. 4). Но тюрки все же догнали их неподалеку от «Железных ворот», после чего Сук отдал не принадлежавшие ему сокровища грозным пришельцам.

В надписи Кюль-тегина говорится: «Вернувшись (точнее, «опять выступив в поход»; Юдин, 1968. С. 68) [теперь уже] с целью устроить согдийский народ, мы [сыновья Эльтереса], переправясь через реку Йенчу («Жемчужную», т. е. Сырдарью), прошли с войском [из тюрков и сары-тюркешей] вплоть до Темир-Капыга⁴⁸ (КТб, 39), где и соединились с Инэлем и Тоньюкуком. «Затем народ кара-тюркешей [нушиби] стал [нам] врагом [и] ушел в сторону кенгерес» (Юдин, 1968. С. 68), т. е. хорезмийцев, воевавших на стороне арабов. По словам автора «Кандии Малой», «в Самаркандском Сугуде [Согде]... не было воды в год [712], когда Кутайба⁴⁹ пришел в Самарканд» (Кандия Малая, 1906. С. 240). Из-за этой сильной засухи, как отмечено на стеле Кюль-тегина, «кони нашего войска были тощи, провианта для них не было. Пло-

хие люди...мужественные люди на нас напали» (КТб, 39–40); «на Инэль-кагана, на [его войско?]... арабы и [союзные им] тохары (букв.: их тохары) напали» (Тон, 45), заставив незваных гостей поторопиться покинуть Среднюю Азию.

Много лет спустя Бильге-каган писал: «В такое время (при таких обстоятельствах) мы, рассказавшись [в непродуманности плана «устройства согдийского народа»], отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих людей [чтобы расчищать путь соратникам, отступающим с большими материальными ценностями]⁵⁰. (Как мы после узнали), он дал большое сражение [напавшим на него воинам Чэби Шичжо Сулу⁵¹]. Сев на белого коня Алп-Шалчы, он произвел атаку. Убил [многих] из народной массы тюркешей и покорил [оставшихся]. Снова двинувшись [в сторону дома]... он сразился с Кушу-тутуком⁵², его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил [в свою орду]. Тогда Кюль-тегину было [уже полных] 27 лет» (КТб, 40–41). Вслед за ним возвратились и остальные командиры тюрков с захваченными сокровищами.

А в Согдиане события развивались по своему сценарию.

В месяце рамадан (?) 93 г.х. (11 июня–11 июля 712) «вслед за подчинением Хорезма... арабские войска Кутейбы ибн Муслима двинулись к Самаркандскому Согду – важнейшему центру федерации согдийских полисов» (Кляшторный, 1954. С. 60–61). Согласно ат-Табари, «и пошел [Кутейба] в Согд; ему предшествовал, Абдуррахман ибн Муслим [брат Кутейбы], с 20 000 [войска], направляясь к Согду. И присоединился к нему Кутейба с войсками Хорезма и Бухары... и осадил он их [жителей Самарканда] целый месяц» (История ат-Табари, 1987. С. 137).

В месяце шавваль (?) 93 г.х. (12 июля – 8 августа 712), «когда [ихшид Согда, афшин Самарканда] Гурек увидел, как Кутайба наседали на них, он написал царю Шаша, ихшиду Ферганы и хахану⁵³: «Мы защищаем вас, находясь между вами и арабами. Если он доберется до нас, вы ослабнете и покоритесь. Не пожалейте никаких сил, какие есть у вас... И они выбрали сыновей царей и от важных людей из воинов своих царей, чтобы они пошли на лагерь Кутайбы и напали бы ночью, пока он был занят осадой Согда [Самарканда]. Они это сделали и поставили военачальником одного из сыновей хахана. Они отправились и решили напасть на войско [арабов]» (История ат-Табари, 1987. С. 139–140). «Гурек, чтобы подчеркнуть свою верность тюркскому хахану против арабов, назвал себя однажды его чакиром⁵⁴». Эти слова он мог произнести только в отношении территориально близкого и, безусловно, дружественного ему западнотюркского кагана Ашины Сяня (ум.

после 721 г.), военную поддержку которого он мог не раз оценить, но никак не очень далекого от Самарканда восточнотюркского «хакана» Капагана, сын которого Инэль случайно попал в Согдиану, и о появлении здесь которого Гурек мог даже и не слышать. В борьбе за Самарканд против арабов Инэль не участвовал.

Еще в 707 г., по свидетельству Наршахи, под Бухарой (между Тарабом, Хунбуном и Рамитаном) произошло кровопролитное сражение арабов с коалицией местных князей – предшественником Гурека согдийским ихшидом Тархуном, Хунук-худатом и Вардан-худатом. «Туда же пришел к ним на помощь против арабов ~~Кур-Багатур~~, сын сестры *фагфура* Чина, которого они наняли за плату (ба музд), с 4000 людей (мард)» (Description..., 1892. P. 44).

«Как установлено В. Томсеном и Ф.В. Мюллером, слово ~~Ка-и (Ка-и)~~ в тексте «Книги гаданий» представляет точную уйгурскую транскрипцию китайского императорского титула *tiān zǐ* [天子] «сын неба», а словосочетание ~~Ка-и (Ка-и)~~ в тексте Тоньюкука переводится как «сын Сына Неба» (Кляшторный, 1960. С. 133–134). «И. Маркварт предлагает читать имя тюркского царевича ~~Ка-и-багатур~~; Р.Н. Фрай читает его нисбу, приведенную Йакуби... «тибетец», тогда как ее лучше читать как... «тюркеш», как это предполагал И. Маркварт, тем более что у Табари он попросту именуется ат-Тюрки, т. е. «тюрком», что то же самое. Скорее всего, во второй части имени царевича следует видеть тот же иранский титул китайского императора ~~Ка-и-багатур~~ (позднейшее *фагфур*) – «сын неба» и читать все имя ~~Кур, сын Ка-и-багатура~~, или ~~Кур-Багатур~~, рассматривая вторую его часть как компонент при тюркском Кур/Кюль. Такое имя вполне мог носить царевич, тюрк по отцу и член императорской фамилии по матери. Аналогичное имя-титул зафиксировано в надписи Тоньюкука «сын Сына Неба» (*tiān zǐ*), носителем которого, по мнению С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 1964. С. 148), был согдийский царь Гурек <...> Совершенно очевидно, что это был тюркский царевич, мать которого была сестрой или ближайшей родственницей китайского императора, носившего у иранцев и тюрков титул *баганура*, позднейшее *фагфур* «сын неба». Кто был этот тюркский царевич, неизвестно. Его имя этимологизируют и читают по-разному. Но независимо от того, какое он в действительности носил имя, из слов Наршахи совершенно очевидно, что согдийцы не просто обратились к нему за помощью, а наняли его вместе с его людьми, которых он привел 4000» (Смирнова, 1970. С. 148, *комментарий* 7; С. 201–202).

Вот этот-то «сын Сына Неба» (*tiān zǐ*) – каган Ашина Сянь, женатый на танской принцессе,

и отправил **летом 712 г.** своего сына по имени Курмаганун вместе с согдийцами, чачцами и ферганцами защищать Самарканд от арабов. Однако этот отряд, «спешивший на помощь осажденным согдийцам, вместо того чтобы напасть на арабов, сам попал в засаду и был почти весь уничтожен после жестокого сражения, жуткое описание которого дважды приводит Табари со слов двух его очевидцев, одним из которых был стрелок Кутайбы» (Смирнова, 1970. С. 204). Наскоро сколоченный Гуреком антиарабский блок был разгромлен и столица Согдианы пала.

В августе 712 г. «Кутейба утвердил Гурека в качестве государя «над Самаркандом и над его землями и пределами, и над Кешем и Нахшебом, и над городами и крепостями», причем Гурек становился его вассалом. Опасаясь восстания согдийцев, Кутейба оставил в городе свой отряд. Но свободолюбивый дух самаркандцев отнюдь не был сломлен» (Гафуров, 1972. С. 314). Как сообщает Йакуби, захватив столицу Согда, «Кутейба оставил правителем Самарканда своего брата Абдеррахмана [Абд ар-Рахмана]. Когда **[в начале 94 г.х.: октябрь–ноябрь 712]** он отбыл из города, население последнего нарушило [мирный] договор [с арабами]. Ему [Гуреку] в помощь прибыл каган [Ашина Сянь], государь тюрков. [“Люди из Самарканда восстали против него (арабского наместника) и на него напал хахан, царь тюрков»; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 316]. Абдеррахман донес о том брату, но тот, **выждав время до конца зимы**, только тогда **[ранней весной 713 г.]** выступил против тюрков [Ашины Сяня], поразил их и привел страну снова в порядок» (Бартольд, 1968 б. С. 295). «Война закончилась поражением Гурека. Согласно заключенному договору... Гурек был оставлен в качестве царя Согда под покровительством арабов. Однако со своей столицей Самаркандом Гурек должен был распрощаться. Арабы, вероломно нарушив условия договора, предусматривавшего оставление города в руках Гурека, заняли его своим гарнизоном...» (Беленицкий, Распопова, 1981. С. 11–12).

Вскоре после этого [конец августа 712] император Жуй-цзун передал трон (престолонаследнику Лун-цзи/Сюань-цзуну), (поэтому) **брак [Мочжо-кагана] так и не состоялся»** (Liu Mau-tsai, 1958 a. I. S. 169). **5 сентября 712 г. Жуй-цзун умер. «Когда император Сюань-цзун вззошел на трон [6 сентября 712], он отказался (от обещанного) бракосочетания.**

Затем [в 8-й луне 1-го года девиза Сянь-тянь: 26 августа–23 сентября 713] Мочжо отправил своего сына Янвочжи-тегина ко Двору⁵⁵ для несения ночного дежурства и просил о бракосочетании. Император обещал, что даст ему в жены дочь принца Шу принцессу Наньхэсянь, и направил кагану письмо, в котором информировал и успокаивал

его» (Liu Mau-tsaï, 1958a. S. 220; 1958b. S. 655, Anm. 1233; Бичурин. 1951a. С. 272).

Таким образом, уточнение датировок согдийского похода и династических перемен в империи Тан приводит к выводу, что в **августе 712 г.** армии восточных тюрков в Средней Азии уже не было, а войну с арабами за Самарканд вели западно-тюркский каган Ашина Сянь и его сын-полуки-таец Курмаганун. Военные же контингенты Второго восточнотюркского каганата никогда больше в Согдиане не появлялись; вся его дальнейшая недолгая история была преимущественно связана с Китаем. Великий поход, победоносно

начатый Капаган-каганом и его полководцами в декабре 711 г. за Саянами, завершился в июне-июле 712 г. в Средней Азии. Разгром кыргызов и тюргешей устранил угрозу одной из сильнейших на тот период антитюркских коалиций и на несколько лет вперед обеспечил стабильность западных рубежей Восточнотюркского каганата на пространстве от Енисея до Семиречья. Эта кампания стала крупнейшей военной операцией восточных тюрков за всю историю существования их государства и, без сомнения, заслуживает быть включенной в анналы мировой военной истории.

Примечания

¹ В квадратные скобки в тексте заключены ремарки автора статьи. Автор также счел необходимым отметить полужирным шрифтом значимые фрагменты текста.

² Даты здесь и далее уточнены по работе В.В. Цыбульского (Цыбульский, 1988).

³ Западной группой тюркских войск в это время руководили два шада тардушей — Могилян обеспечивал оборону северо-западных границ каганата, в том числе со стороны Тувы, а Кули-чур его юго-западных рубежей, включая Монгольский Алтай и, возможно, Джунгарию. В мемориальной надписи последнего говорится: «[Я] Бильгя Кули-чур управлял народом тардуш» (КЧ, 14).

⁴ «Могилян (род. в 684 г.; его собственное имя известно только в китайской транскрипции)» (Кляшторный, 1964. С. 37).

⁵ Древнетюркское Орпен — это «современное Урбюн — местность при впадении реки Чаа-Холь в Улуг-Хем» (Кызласов, 1984. С. 34).

⁶ «Тюркоязычные азы... обитали преимущественно на плоскогорьях и в высокогорных степях юго-восточного Алтая и отчасти по Саянскому хребту (на Алашском плато в верховьях рек Алаш, Ак-Суг и на озере Кара-Холь)» (Кызласов, 1984. С. 34).

⁷ Это был полный високосный год. Жуй-цзун при вступлении на престол в июле 710 г. назначил девиз правления Цзин-юнь, а после наступления нового календарного года (с 24 января 711) долго его не менял. 1-й год девиза правления Сянь-тянь следующего императора Сюань-цзуна длился с начала его правления 6 сентября 712 по 21 декабря 713 г.

⁸ Правильнее пояснять не «Алтайская принцесса», а «Принцесса Золотых гор», что не одно и то же. Ороним «Цзинь» — «Золотые» обозначал не только Алтайские горы.

⁹ Лэнцзиншань (Leng-king-schan; Leng-schan; Leng-hing у Лю Мауца; Лынхин у Бичурина) — «древнее название хребта Сойорчи-ола (Савабци-таг), лежащего в восточной Монголии» (Бичурин, 1951b. С. 36). По другим данным, эти горы «находятся к северу от [совр. уезда] Нуньяньсянь в Цицилине» (Liu Mau-tsaï, 1958b. S. 655, Anm. 1230), т. е. провинции Гири в Северо-Восточном Китае. «Ю—В часть Гирина занята Маньчжуро-Корейскими горами, состоящими из нескольких цепей высотой 500—1200 м, разделенных широкими густонаселенными котловинами. Наибольшая высота — 2744 м (г. Байтоушань). На С—З — плоская равнина Сунляю» (БСЭ. С. 553).

¹⁰ Возможно, это г. Мохэ в Синьцзяне. «Согласно Юань-хо-цзюнь-сянь-чжо, городок Мохэ находился в 50 ли к западу от города Тинчжоу» в районе Бэйтина/Бешбалыка (Грум-Гржимайло, 1926. С. 271). Н.Я. Бичурин называет его Чжохэ-Хото, а Г.Е. Грумм-Гржимайло — Шабо. В цитированном источнике «сообщается, что г. Шабо (крепость) также назывался гарнизоном (чэнь) Шабо и находился на расстоянии 50 ли к западу от [самого!] Бэйтина. В некоторых сочинениях он называется сторожевым гарнизоном (шоучжо) Шабо — без слова «чэн» — «крепость» (Малаякин, 1989. С. 307, ком. 868).

¹¹ 27 лет Могилян, родившемуся в 684 г., исполнилось в 711 г., но Л.Р. Кызласов датирует эту кампанию 709 г. (Кызласов, 1984. С. 34).

¹² Чинанджкент (Джинанджкет) — город, расположенный в месте соединения двух караванных дорог из Уструшаны в Шаш: «левого берега Чирчика достигали у города Джинанджкета (4 фарсаха от Бенакета и 2 фарсаха от берега Сыр-Дарьи). Джинанджкет, подобно Бенакету, не имел стен. Здесь с дорогой из Хаваса соединялась дорога из Дизака <...> Около Джинанджкета переправлялись через Чирчик и приходили в Шутуркет», от которого до Бинкета (современного Ташкента), столицы Шаша, был 1 день пути (Бартольд, 1963 а. С. 226—228).

¹³ Хасан (Касан) — современный г. Касансай в 22 км к северу от Намангана в Фергане. Развалины Касана состоят из двух расположенных на берегу Касан-сая частей — города и замка.

¹⁴ Топонимы не локализованы. Ясно лишь одно: Нухбек — это некий географический пункт, расположенный возле гор Кемиз. В.В. Бартольд поясняет: «Тюркское слово арт (собств. «зад», «тыл», здесь, очевидно, в значении «хребет») в рукописи Туманского постоянно прибавляется к названиям горных цепей в Средней Азии» (Бартольд, 1973. С. 47, прим. 28). Судя по продолжительности пути тяжело груженого каравана от Ферганы в направлении Нухбека, последним участком которого является 5-дневный переход через «пустыню», этот объект находился на северо-востоке Джунгарии у южного подножия Монгольского Алтая, известного Гардизи под названием Кемиз-арта. Караванная тропа по Джунгарии шла на восток вдоль русел р. Урунгу и одной из ее верхних составляющих р. Булугун. Вместе с последней (на 91,5° в.д.) она круто поворачивала на север к перевалу Ихэ-Улан-дабан через Монгольский Алтай, спустившись с которого приводила в Кобдоскую долину.

¹⁵ В.В. Бартольд отождествлял Манбеклу с Танну-Ола (Бартольд, 1968 б. С. 300).

¹⁶ По описанию Г.Н. Потанина 1879 г., из северо-западной Монголии в юго-западную и южную Туву вело несколько проходов (Цициргана, Хандагайтай, Борча, Ботагон, Самагалтай, Алык и Орихо), охраняемых временными конными караулами монголов (Потанин, 1948. С. 260).

¹⁷ М.В. Певцов, сопровождавший купеческие караваны в 1876 и 1878 гг., писал: «Караванное движение в Монголии совершается главным образом осенью и зимой (с августа по апрель), а летом и весной, по причине жаров и слабости в это время верблюдов, караваны ходят редко, — только в крайних, не терпящих отлагательства случаях. С наступлением же осени по всем караванным трактам начинается усиленное движение <...> На верблюда в Монголии грузят от 12 до 16 пудов. Нагруженный 12 пудами, хороший верблюд свободно делает в день 40 верст, если нет встречного ветра, в противном случае — менее. С тяжелыми же выюками в 16 пудов караваны проходят ежедневно около 30 верст, но в два приема — с восхода солнца идут до полудня, потом останавливаются часа на четыре, а вечером делают вторую половину перехода. При следовании с легкими выюками, не более 12 пудов, и притом на свежих жирных верблюдах, караваны движутся безостановочно 12 часов в сутки — от полудня до полуночи, а от полуночи до следующего полудня отдыхают на ночлежном месте. В этом случае дневные переходы простираются до 50 верст» (Певцов, 1951. С. 116). По данным Э.М. Мурзаева, «мезиль (мензинь) — туркменская мера пути, равная одному верблюжьему переходу (21—25 км). Иногда караван делает в день два мезиля — утром и вечером. Улу-мезиль — большой мезиль — переход (без отдыха) 40—45 км» (Мурзаев, 1950. С. 295). Поскольку дневная норма хода каравана верблюдов была неизменна и в VIII, и в XI, и в XX в., то расстояние от Танну-Ола до Саян, равное почти 200 км, полностью соответствует описываемому Гардизи четырехдневному пути, измеряемому улу-мезилями.

¹⁸ В.В. Бартольд считал, что тюрки двигались Усинской тропой вдоль левого берега Енисея, который и назывался «Аны» (Бартольд, 1963 б. С. 484—485). По мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, их путь проходил через перевал Шабин-даба в верховьях Кантегира (Грум-Гржимайло, 1934. С. 181). Л.Р. Кызласов предположил еще одно направление: «речь идет о наиболее пригодной для прохода войск действующей поныне скотопрогонной тропе с реки Ак-Суга вверх по Манчуреку на Арбаты и реку Абакан» (Кызласов, 1984. С. 39). Однако ни один из этих маршрутов не имеет привязки к р. «Аны», которая идентифицируется с современной р. Она, правым притоком р. Абакан. Караванная перевальная тропа в земли кыргызов в VIII—XI вв. проходила там, где в XX в. была проложена автомобильная трасса от г. Ак-Довурак в Туве до г. Абаза в Хакасии протяженностью 245 км.

¹⁹ Если мерить двойными переходами, то от северного подножия Саян за семь дней караван мог пройти до 300 км. На карте Хакасии прямая линия такой длины упирается в Батеневский кряж, но если следовать дорогами, петляющими в зависимости от рельефа местности, то конечная точка пути купцов оказывается южнее, примерно в Уйбатской степи. Возможно, именно здесь во времена Гардизи находился «военный лагерь киргизского хакана, главное, лучшее место [страны]». По Г.Е. Грумм-Гржимайло, «в VII в. резиденцией киргизского а-жэ [правителя] был город в долине Улу-кема [Улуг-Хема]; столетием позднее мы находим ее уже на Абакане. Чем было вызвано это ее перемещение, нам неизвестно...» (Грум-Гржимайло, 1934. С. 178).

²⁰ В.В. Бартольд этот поход делит на две части. Один из них, по его мнению, Тоньюкук совершил «в конце царствования Ильтереса» в 688 г., а другой — «в конце 710 и в начале 711 г.» (Бартольд, 1968 г. С. 316—317, 322).

²¹ Это первое упоминание Тоньюкуком присутствия Капаган-кагана в данном походе.

²² По Л.Р. Кызласову — р. Ак-Суг в Туве (Кызласов, 1984. С. 39).

²³ В Западном Саяне «выше альпийских лугов и рядом с ними по всей гольцовой зоне располагается высокогорная тундра. Наиболее бедна тундровая растительность на затененных склонах, обращенных на север, с застаивающейся подпочвенной водой. Растут мхи и лишайники с редкими кустиками чахлой карликовой березки высотой 10—30 см» (Величко, 1972. С. 17).

²⁴ Надпись Могиляна: «...я двинулся против кыргызов, пролагая дорогу через снег высотой с копьё. Я поднялся в чернь Кёгменскую...» (БКб, 26). Надпись Кюль-тегина: «Проложив дорогу через снег глубиной с копьё, и поднявшись на Кёгменскую чернь...» (КТб, 34). Вообще в Западном Саяне «зима продолжительна и морозна, весна в горах поздняя. Март тут — зимний месяц с температурами до —30°. Даже в мае горы и высокие межгорные распадки покрыты снегом. Только в конце мая среднесуточная температура поднимается на несколько градусов выше нуля и начинается интенсивное таяние снега. На основной площади гор снег стает только в июне... Лето альпийского рельефа Западного Саяна короткое и прохладное. Температура здесь опускается на 1° на каждые 150 м подъема <...> В сентябре в горах часты снежные метели. С октября среднесуточные температуры становятся отрицательными и всю зиму держатся ниже нуля... В горах, особенно на осевой линии системы, осадков выпадает 1200 мм в год» (Величко, 1972. С. 10—11).

²⁵В.В. Сапожников тоже упоминает «лесистый водораздел от истоков русской реки Аны» (Сапожников, 1911. С. 262). «Западный Саян имеет вертикальную поясность растительности, представленную здесь степной и лесостепной зонами, таежными и высокогорными поясами» (Величко, 1972. С. 14).

²⁶Д.А. Клеменц, прошедший через перевал Шабин-даба (1950 м) зимой, утверждал, что ему пришлось испытать здесь все те трудности, о которых повествует Тоньюкук» (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 297, 310; Грумм-Гржимайло, 1934. С. 181). Но даже в конце августа 1909 г. через этот же перевал с р. Кантегир в Туве на р. Чехан в Хакасии с большим трудом прошел караван В.В. Сапожникова (Сапожников, 1911. С. 263–264).

²⁷Л.Р. Кызласов считает, что проводник «сознательно завел врагов в труднопроходимые саянские дебри» (Кызласов, 1984. С. 39).

²⁸«Река Аны» упоминается также в рунической Мугурсаргольской надписи IX в. из Тувы (Кызласов, 1979. С. 280).

²⁹Очевидно, во время перехода часть воинов погибла.

³⁰В предгорьях Западного Саяна довольно сухо. В Минусинской котловине... нередки бесснежные зимы» (Величко, 1972. С. 11), что позволило тюркам здесь «быстро скакать».

³¹По мнению Л.Р. Кызласова, это «типичный для произведений средневековых тюрков поэтический прием мнимого нападения на врагов во время их сна» (Кызласов, 1984. С. 40), хотя Маврикий отмечал, что кочевники сражения «обыкновенно начинают вечером» (Маврикий, 1903. С. 174). Однако В.П. Юдин пришел к выводу, что «так переводятся выражения: уда басдымыз (КТб, 35, 37), уда басдым (БКб, 27). Сам С.Е. Малов сомневался в правильности своего перевода. Это видно из того, что слово уда памятника Кюль-тегину он рассматривал так же как и деепричастие от гл. уд- «следовать»... Выражения уда басдым и уда басдымыз, вероятно, следует переводить как «преследуя, громил» и «преследуя, громили» (Юдин, 1968. С. 68).

³²Маврикий сделал ценное наблюдение: «Особенно много вредят им [кочевникам] их собственные добровольные перебежчики, т.к. они, будучи непостоянны и корыстолюбивы и состоя из многочисленных родов, не особенно соблюдают родственные связи и согласие между собою; когда понемногу начинают возникать между ними раздоры, то они ласково принимают перебежчиков» (Маврикий, 1903. С. 176).

³³Согласно Маврикию, кочевники «свои сторожевые караулы выдвигают далеко и располагают их близко оди к другим, чтобы неприятелю трудно было сделать нечаянное нападение» (Маврикий, 1903. С. 174).

³⁴Скорее всего, это была старшая жена Капагана, мать его сыновей-наследников.

³⁵Еще в ноябре 699 г. Капаган присвоил Бёгю-тегину титул Тоси-каган – «Каган, открывающий Запад» (Liu Mau-t'ai, 1958a. S. 163–164).

³⁶Болчу/Болучу - это р. Урунгу, впадающая в бессточное оз. Улюнгур. «В нижних частях эта река носит еще другое название – Булун-Тохоя или Бурлу-Тохоя, но в среднем и в верхнем течении ее называют Урунгу, и только говоря о нижнем течении, употребляют безразлично названия: Урунгу, Булун-Тохой или Бурлу-Тохой» (Певцов, 1951. С. 43).

³⁷П.П. Семенов Тянь-Шанский упоминает множество перевальных троп и речных долин через Заилийский Алатау и Кунгей Алатау на пространстве между Иссык-кулем и р. Или, которые ему довелось пройти во время экспедиций 1856 и 1857 гг. (Семенов-Тянь-Шанский, 1940. С. 95–98 и сл.). Все они, безусловно, были известны жившим здесь тюргешам еще в VIII в.

³⁸«Сергиопольская станица (Сергиополь)... на р. Аягуз, в 270 верстах [к юго-западу] от Семипалатинска» (Брокгауз, Ефрон, 1890. С. 652).

³⁹М.И. Боргояков отмечает, что «в Горной Шории и Горном Алтае есть топоним чарыш или ярыш. В местечке Ярыш, как известно, была найдена древнетюркская надпись» (Боргояков, 1975. С. 210).

⁴⁰Каждое «крыло» войска тюргешей было вдвое многочисленнее всей тюркской армии.

⁴¹«Десятистрельные» тюргеша делились на две ветви – тухси и аз (Бартольд, 1968 в. С. 204), более известные как пять племен дулу и пять племен нушиби. В тексте неясно о ком говорится: то ли тюргешский буюрук был одновременно и тутуком азов, то ли это два разных человека.

⁴²«Согласно Цзю-Таншу (194Б, 5б), уничтожение Согэ Мочжо (каганом) произошло в 3-м году Цзин-лун (709): «В 3-м году... младший брат Согэ по имени Чжэну попросил Мочжо-кагана напасть на его старшего брата. Мочжо (каган) выступил с 20 000 человек, атаковал Согэ, арестовал его и возвратился. Затем он убил обоих братьев» (Liu Mau-t'ai, 1958 б. S. 611, Anm. 942). В первом предложении этой цитаты Лю Мауцай излишне категоричен, т.к. указанный источник точно датирует только лишь просьбу перебежчика Чжэну напасть на его брата, а все дальнейшие события растянуты во времени и не относятся к 709 году.

⁴³С.Г. Кляшторный предполагает, что «речь идет об одном из горных замков (горе Банглияк), возможно, о знаменитом Баргаре, бывшем... незадолго до арабского завоевания резиденцией согдийских царей» (Кляшторный, 1954. С. 60). Но, судя по дальнейшей фразе, «горой Банглияк» Тоньюкук, скорее всего, называет Байсунский хребет.

⁴⁴Темир-Капыг («Железные ворота») – ущелье Бузгала-хана, расположенное в Западном Гиссаре, «мощной горной системе, включающей множество мелких и больших хребтов, в т.ч. Кугинтаг и Байсунтау, являющейся естественной границей между Бактрией и Согдом, между двумя древнеземледельческими оазисами – Сурхандарьинским и Кашкадарьинским» (Ртвеладзе, 1999. С. 24–25).

⁴⁵«t'zyk = 突厥 «араб». Согдийская форма, впервые засвидетельствованная мугскими текстами (А–14, стк. 21; А–5, стк. 14), была реконструирована уже давно» (Лившиц, 1960. С. 105).

⁴⁶«Однако никто, кажется, после времени Юань-Чуана [Сюань Цзуна] фактически не видел эти ворота с повешенными колокольчиками, и традиционно мы читаем только, что здесь когда-то были большие ворота. Этот Проход некогда закрыли тукое или тюрки в своем продвижении на запад...» (Watters, 1996. P. 102).

⁴⁷По-видимому, это было крупное согдийское селение Кендек, упоминаемое арабскими географами. В.В. Бартольд пишет о нем: «Кендек находился в 3 днях пути от Кеша, вероятно в долине Кичи-уру-Дарьи <...> От Кендека был 1 день пути до знаменитых Железных ворот... Миновав ущелье, через 3 дня достигали Термеза» (Бартольд, 1963 а. С. 192). Обратное направление этого участка пути описывает Э.В. Ртвеладзе: «От Железных ворот дорога выводила к Ак-рабату, где в средневековье находилось согдийское селение Кендек, а затем поворачивала на север, пересекала долину Урдарьи, кишлак Карахаваль и по ущелью Камдарваза выходила в область Кеш (совр. Шахрисабз и Китаб) и далее в древнюю Мараканду. Это был кратчайший путь из Тохаристана в Самарканд» (Ртвеладзе, 1999. С. 25–26).

⁴⁸Признавая, что пользовался «несовершенными переводами», запутавшись в генеалогии западнотюркских и тюркешских каганов, а также во взаимоотношениях восточных и западных тюрков с согдийцами и арабами в период 712–713 гг., В.В. Бартольд счел за лучшее заявить, что «привирает» все-таки составитель надписи, и что у него «создается впечатление, будто бы Йолыг-тегин при составлении своей надписи использовал рассказ Тоньюкука и без долгих размышлений включил подробности того похода в описание подвигов своего героя. Вероятно, этим объясняется и «вранье» по поводу того, что они [Могилян и Кюль-тегин] якобы дошли до Железных ворот» (Бартольд, 1968 б. С. 289, 295, 298).

⁴⁹Кутейба ибн Муслим ал-Бахили – арабский полководец, наместник Хорасана и завоеватель Средней Азии в 86–96/705–715 гг.

⁵⁰Еще В.В. Бартольд говорил, что Кюль-тегин «прикрывал отступление Могиляна» (Бартольд, 1968 б. С. 297).

⁵¹После разгрома армии Согэ-кагана в 712 г., «некоторая часть тюркешского народа не пожелала подчиниться Мочжо и, откочевав внутрь страны, избрала своим каганом Чэби Шичжо Сулу» (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 316), князя племени чэби/чеби, одного из пяти племен нушиби. В 1-м году эры правления Кай-юань (31 января 713 – 20 января 714) император Сюань-цзун «отправил [в Семиречье?] военачальника Ван Хой с бунчуком и грамотой, которой [наместник тюрков над] туциши объявлен главноначальствующим, а Чеби Шичжо Сулу дано [всего лишь] княжеское достоинство [шунго гун]» (Бичурин, 1951а. С. 295). Главой Тюркешского каганата Сулу становится не ранее 716 г.

⁵²Князем нушибиского племени гэшу? (Бичурин, 1951а. С. 289; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 315, прим. 1; Chavannes, 1903. P. 35, 68).

⁵³«Напротив, <в другом месте> у Табари не упомянуты ни хакан, ни его сын. Балазури также говорит только о владетеле Шаша» (Бартольд, 1968 б. С. 292, прим. 46).

⁵⁴«Чакиры – личная гвардия, дружина, – особое строевое войско» (Смирнова, 1970. С. 49).

⁵⁵Источник «сообщает о двух посещениях Янвочжи» (Liu Mau-t'ai, 1958б. S. 655, Anm. 1233). Первое, как отмечено выше, состоялось в 711 г. В 714 г. Янвочжи умер в Чанъяни.

Библиография

Бабур-наме. Записки Бабур / Пер. М.А. Салье. Предисл. С.А. Азимджанова. Ташкент, 1958.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Глава I. Географический очерк Мавераннахра. Глава II. Средняя Азия до XII века // Соч. Т. I. М., 1963 а.

Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963 б.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V. М., 1968 а.

Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Соч. Т. V. М., 1968 б.

Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. // Соч. Т. V. Ч. 3. М., 1968 в.

Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях // Соч. Т. V. М., 1968 г.

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар>. Приложение к Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Беленицкий А.М., Распопова В.И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // КСИА. 1981. № 167.

[Бичурин Н.Я.] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. I и II (Оба тома в одной книге). СПб., 1828 а,б.

[Бичурин Н.Я.] Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Ч. I и II (Обе части в одной книге). СПб., 1829 а,б.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, III. М., 1951а,б.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. М., 1971.

Боргояков М.И. Ыыш в древнетюркских памятниках рунической письменности // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIXа. СПб, 1890.

Величко М.Ф. По Западному Саяну. М., 1972.

Войтов В.Е. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // СТ. Баку, 1989. № 3.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.

Грум-Гржимайло Г.Е. Киргизы // Известия ГГО. Т. 66. Вып. 1. Л., 1934.

История ат-Табари (История пророков и царей). Ташкент, 1987.

Кандия Малая / Пер. В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VIII. Самарканд, 1906.

Кляшторный С.Г. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам) // ЭВ. Вып. IX. М.—Л., 1954.

Кляшторный С.Г. Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте // ПВ. 1960. № 6.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. 1976. Л., 1976.

Козлов П.К. Отчет помощника начальника экспедиции // Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Ч. II. СПб., 1899.

Кызласов И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакассских войн IX века // СА. 1979. № 3.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Лившиц В.А. Согдийский посол в Чаче (Документ А—14 с горы Муг) // СЭ. 1960. № 2.

Маврикий. Тактика и стратегия. Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н.Макиавелли / Пер. М.А. Цыбышева, предисл. П.А. Гейсмана. СПб., 1903.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

Малаякин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Мураев Э.М. Непроторенными путями. Записки географа. Изд. 2-е. М., 1950.

Обручев В.А. Пограничная Джунгария. Отчет о путешествиях, совершенных в 1905, 1906 и 1909 гг. Т. III. Вып. 1. Л., 1931.

Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.

Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948.

Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999.

Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905—1909 гг. Томск, 1911.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1940.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

[Сосновский Ю.П.] Пути между Булунь-тохоем, Хобдо, Улясутаем и Баркулем // Известия ИРГО. Т. X. Кн. 1—8. Отд. II. СПб., 1874.

Худяков Ю.С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб.—М., 2003.

Цыбульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н.э.). М., 1988.

Юдин В.П. [Рец.]: С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Известия АН Казахской ССР. 1968. № 1.

[Beal S.J.] Si-yu-ki. Records of the Western World, translated from the Chinese of Hiuen-Tsiang by S. Beal. Vol. I. London, 1906.

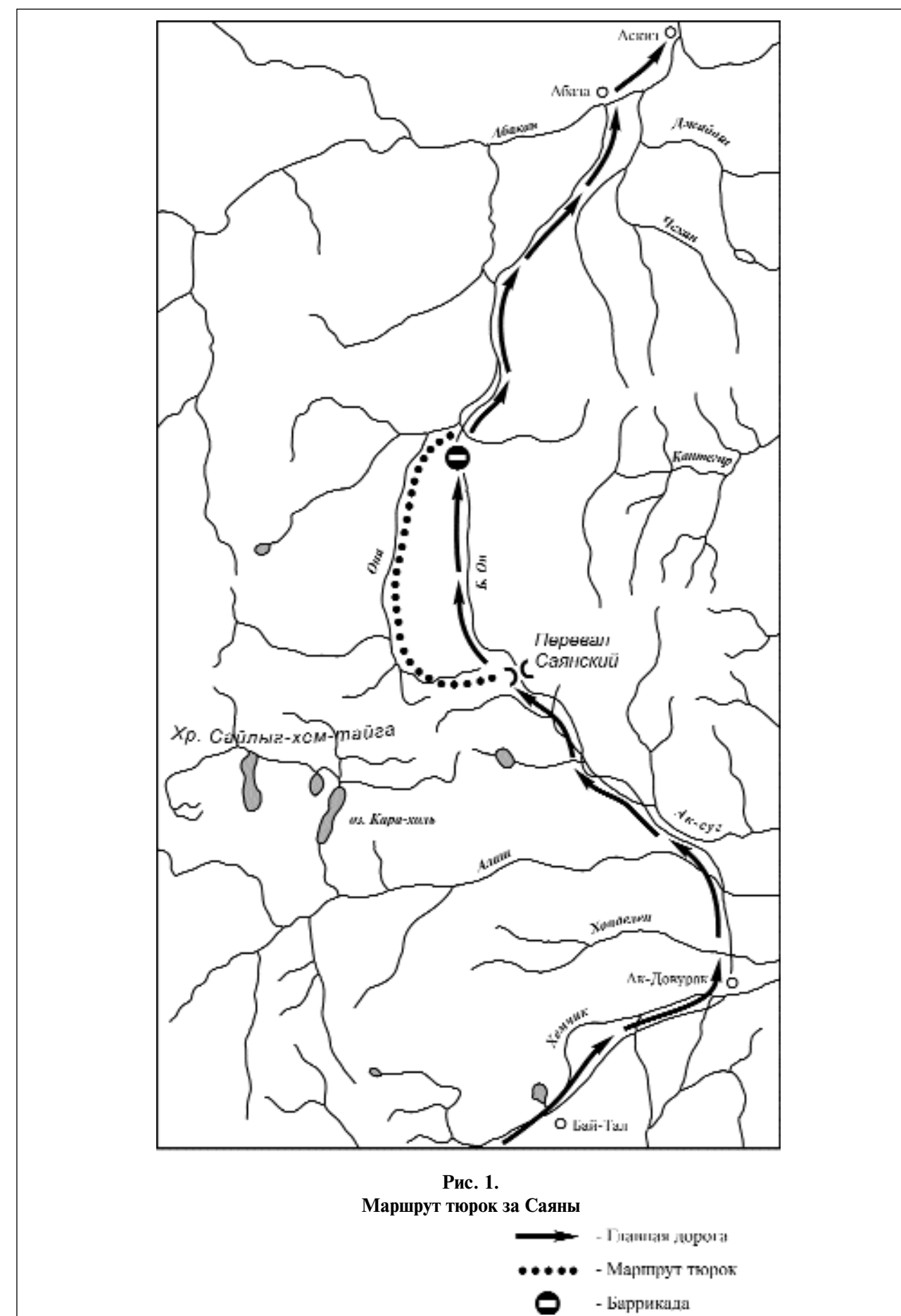
Chavannes E.D. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // СТОЭ. Вып. VI. СПб., 1903.

Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer // PÉLOV. IIIe sér. Vol. XIII. Paris, 1892.

Hayashi T. The development of a Nomadic Empire. The Case of Ancient Turks (Tuque) // BAOM. Vol. XI. Tokyo, 1990.

Liu Mau-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken T'u-küe Bd. I-II. Wiesbaden, 1958a,б.

Watters T. On Yuan Chwang's travels in India A.D. 629—645. Edited after his death by T.W. Rhys Davids and S.W. Bushell. Vol. I—II. New Delhi, 1996

Изображение дионисийских праздников на фризах ритонов из Старой Нисы

Среди многочисленных богов античности и эллинизма ни один, пожалуй, не был так популярен и не имел столь различных форм служения и поклонения, как Дионис.

Культ Диониса имел длинную историю, которая породила множественные свидетельства в греческой и римской литературе, искусстве и культовых надписях с эпохи поздней бронзы и до поздней античности. Широкое распространение и популярность дионисизма объясняется тем, что он затрагивал основные человеческие интересы, которые разделялись всеми людьми независимо от пола и социального положения. Во все периоды истории культ Диониса привлекал большое число последователей.

С точки зрения греков, область деяний Диониса распространялась на три сферы – виноделие, менадаизм, сотериология, и каждая охватывала определенную часть населения. О праздниках вина нам известно немного, поскольку они были связаны с локальными местами виноделия и современники не оставили свидетельств о том, как они происходили. Ритуальное питье вина в честь Диониса было привилегией мужчин, но являлось как священным, так и социальным опытом: в день хоев во время Афинских Анфестерий дети начиная с трехлетнего возраста получали свою порцию вина, что становилось знаком их гражданственности. Праздники в честь бога предполагали активное участие всех граждан. Ритуальный менадаизм практиковался исключительно женщинами (Henrichs, 1982. P. 141).

В эпоху эллинизма культ Диониса, связанный ранее в основном с плодородием, получил новое сотериологическое звучание и обрел новую притягательную силу – поиск «спасения» через личное единение с богом (Тарн, 1949. С. 320). Существование таких мистерий, включающих тайные личные посвящения, участие в которых обещало вечное блаженство в будущем, было подтверждено находкой золотых табличек конца V – начала

IV в. до н.э. в Гиппионе, упоминающих мистов и вакхантов на их «священном пути» в другой мир (Burkert, 1987. P. 5).

Одной из характеристик дионисийской религии в эллинистический период являлась всеобщность мифа, который пропитывал все аспекты ритуала и иконографии; вакхические сцены заполнены изображениями мифических членов дионисийского окружения (менады, сатиры, силены) и животных Диониса (козел и пантера) (Henrichs, 1982. P. 157).

В данной статье будет рассмотрен ряд фризов на ритонах II в. до н.э. из Старой Нисы, сцены на которых связываются с кругом дионисийских праздников и ритуалов. Аналогий среди памятников изобразительного искусства они практически не находят, однако некоторые параллели, в том числе между данными письменных источников и фризами, найти все же можно.

Прежде всего хотелось бы обратиться к фризу ритона № 1, на котором представлены: женская фигура в хитоне и гиматии, в правой руке держащая веночек, в левой – пальмовую ветвь; сатир с крупными звериными ушами, рожками, с хвостом, наклонившись, подгоняет козла, придерживая его за рог одной рукой, за шею – другой; Пан, с козлиными ногами и козлиной мордой, играющий на семичастной свирели; женская фигура в длинном хитоне, придерживающая двумя руками большой рог или ритон; пляшущий сатир, держащий в вытянутых руках двойной авлос; идущий сатир с посохом или тирсом; женская фигура в длинном хитоне и гиматии с лирой; танцующая бубнистка в длинном хитоне; женская фигура в длинном хитоне и гиматии, играющая на двойном авлосе (рис. 1).

Фигура в хитоне и гиматии с венком и пальмовой ветвью, несмотря на отсутствие крыльев (возможно, не сохранились) и тяжелые, нехарактерные формы, может представлять Нику (рис. 1, 1), которая часто сопровождает изображения шест-

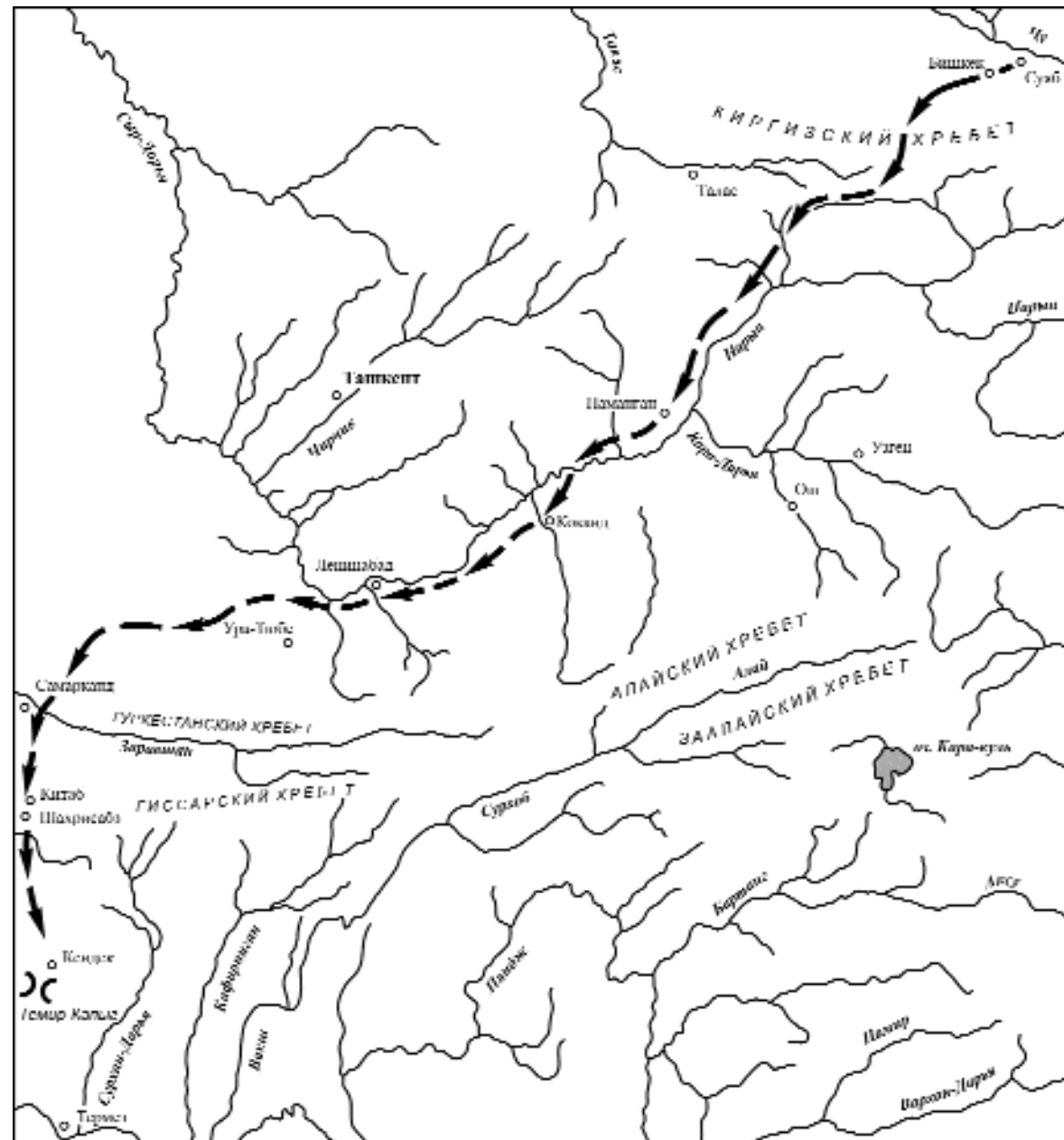

Рис. 4.
Маршрут тюрок по Средней Азии

вий, а также присутствует в сценах жертвоприношения. Странно то, что она никого не венчает: со стороны руки с поднятым венком — фигура авлестикки, музыкальный инструмент которой обращен в сторону Ники.

Фигура, держащая в руках рог или, по мнению Г.А. Пугаченковой, ритон (рис. 1, 4; 2, 4), могла бы быть определена как Тюхе, хотя изображения богини, где она держит рог двумя руками, довольно редки: это рельеф 400–375 гг. до н.э. из Асклепиона в Афинах (рис. 2, 1) (Svogoнос, 1911. № 1343), рельеф III в. до н.э. в Британском музее, происходящий предположительно из Афин, с изображением Исиды и Сераписа (по мнению других исследователей — Коры и Плутона, Агаты Тюхе и Демона) (Mitropoulou, 1976. P. 22–23. Fig. 5) и фрагмент статуи из Аквинкума начала II в. н.э. (рис. 2, 2, 5) (Szirmai, 2005. P. 288–290. Fig. 3). В остальных известных случаях она держит рог в разных положениях, но всегда одной рукой (рис. 2, 3). Таким образом, использованная здесь иконография богини не является широко распространенной и общепринятой, что оставляет возможность иного истолкования этой фигуры.

Пан изображен как диморфное существо, с головой козла, мохнатыми ногами с копытцами, с руками и торсом человека (рис. 1, 3; 3, 2). Такая иконография более характерна для искусства архаики и ранней классики (рис. 3, 3, 5), чем классики и эллинизма, когда он изображался с человеческой головой — юношеской или бородатой, с ушками и рогами козла, временами с гротескными чертами лица (LIMC, 1997. Pan 4, 8, 30; Hübinger, 1992. P. 189–212. Fig. 1, 3) (рис. 3, 1, 3–6). В эллинистическом искусстве такие изображения иконографически близкие нисийским, встречаются, но не часто.

Различные культовые действия на разных стадиях обязательно сопровождалась, судя по изображениям в вазописи и на рельефах, игрой на музыкальных инструментах. При этом использовались разные инструменты и разные сочетания их. Наиболее часто изображаемые инструменты — авлос и кифара, реже лира. Кифара традиционно была мужским инструментом (Nordquist, 1992. P. 144). В нашем случае музыкантши держат лиру и авлос (рис. 1, 7, 9).

Танцовщица-тимпанистка изображена в своеобразной, довольно редко встречающейся позиции — при общем движении вперед верхняя часть тела и голова даны в повороте назад (рис. 1, 8; 4, 1). Близкое по характеру движение представляют аттическая терракотовая статуэтка III в. до н.э. из Берлина (Aussgewälte..., 1903. Taf. XIV. S. 14) (рис. 4, 2) и менада с тимпаном на саркофаге эллинистического времени из Александрии с изображением эпифании Диониса (Adriani, 1961. Tav. 24. Fig. 66).

Участниками сцены являются также три сатира: один, наклонившийся вперед и подталкивающий вперед козла, вероятно сопровождающий животное к месту, где оно будет принесено в жертву; второй изображен идущим с посохом или тирсом в руке; третий держит в руках двойной авлос (рис. 1, 2, 5, 6).

Сюжетом данного фриза, видимо, является праздничная процессия. Она являлась началом любого праздника, публичной церемонией, неотъемлемой частью греческой культовой практики. В греческом ритуале процессия связывалась в основном с доставкой приношений божеству. Культовые объекты и животные сопровождалась до прибытия к священному месту, посвящаемые объекты оставались в храме или святилище, животные убивались и сжигались (Thesaurus Cultus..., 2004. P. 1–2). После этого участники праздника съедали свою долю от приносимой жертвы. Завершением были соревнования атлетов или актеров. Важность каждого из этих составляющих элементов варьировалась в зависимости от праздника, но процессия оставалась необходимой частью (Parke, 1977. P. 18ff; Rice, 1983. P. 26).

Особенностью изображения сакральных процессов в вазописи и рельефах является то, что их редко можно отнести к конкретному празднику, сложно связать с конкретным божеством, если не сохранилось его изображение или характерные атрибуты. Часто изображаются одна или несколько фигур, ведущих жертвенное животное, и музыканты — элементы, принятые при изображении любой священной процессии (Van Straten, 1995. P. 24). Но в нашем случае наличие таких персонажей, как Пан и сатиры, позволяют связать сюжет фриза с дионисийским культом.

Обращает на себя внимание определенное сходство изображенных на фризе персонажей с описанием участников Великой процессии Птолемея Филадельфа (279–270 гг. до н.э.), оставленным Калликсеном Родосским (III в. до н.э.) (198А-В): «...За ними шли два Силена в пурпурных мантиях и белых сандалиях, один в петасе и с золотым посохом герольда, другой с трубой. Между ними шел высокий человек... в трагическом костюме и маске, который нес золоченый рог Амалфеи. ...Прекрасная женщина такого же роста следовала за ним, украшенная золотыми украшениями и в прекрасном наряде; в одной руке она несла венок, в другой — пальмовую ветвь. Ее звали Пенетерия» (Rice, 1983. P. 9–11).

Описанная Калликсеном процессия — явление государственного масштаба, но птолемеивская демонстрация королевской пышности и богатства имела свои более скромные параллели в действующем культе. Вероятно, описанные выше участники были составной частью подобных ше-

ствий и также могли быть изображены на фризе ритона.

Возможно, фигура с венком и пальмовой ветвью на фризе ритона № 1 — местный аналог Пенетерии — во всяком случае, ничто этому не противоречит.

Сохранность фигуры с рогом не позволяет определить, мужская она или женская; есть ли на ней маска — высокий рельеф надбровных дуг допускает такое предположение; а трагический костюм предполагал длинный хитон с длинными рукавами. Так что с определенной долей вероятности эта фигура может быть отнесена к актерам, открывающим праздничную процессию.

Сатир с посохом и сатир, держащий в вытянутых руках трубки авлоса, могли выступать в роли глашатаев праздника. Интересно, что сатир сопровождает именно козла. Несмотря на распространенность идеи о козле как воплощении бога как животном Диониса, которое было призом за победу в состязании поэтов на дионисийских праздниках и приносилось потом в жертву (Burkert, 1966. P. 93), информация о его приношении богу скудна. Козел не был часто приносимым в жертву животным, самой почетной и дорогой жертвой был бык, затем баран и свинья, козел же встречается очень редко (Van Straten, 1987. P. 162–163). Изображения сопровождения и жертвоприношения козла Дионису часто можно видеть в чернофигурной вазописи, особенно аттической, их почти нет в классической, снова они появляются уже в эллинистическое время.

Таким образом, можно сказать, что на ритоне № 1 изображен момент праздничной процессии, предваряющей дионисийский праздник, сходный с процессией, описанной Калликсеном, в ходе которой участники должны достичь храма или священного участка, где будет совершено жертвоприношение.

Если мы обратимся к ритуальному менадаизму, то оказывается, что мифы о менадах известны значительно лучше, чем ритуалы. О последних можно сказать следующее — они происходили периодически, носили региональный характер, что ограничивало эту практику Беотией, Дельфами, ионийскими городами Малой Азии и некоторыми регионами Пелопонесса, и, наконец, менады объединялись в местные конгрегации, фиасы, с ограниченным числом членов (Henrichs, 1978. P. 143).

Эпиграфические свидетельства подтверждают существование ритуального менадаизма в эллинистический период, а его упадок приходится на II в. н.э. Сохранились данные о взаимосвязях и перемещениях групп служителей культа Диониса, как, например, история трех профессиональных менад из Фив, метрополии менадаизма, отпра-

вленных в Магнезию на Меандре между 279 и 250 г. до н.э. по указанию Дельфийского оракула (Henrichs, 1978. P. 153).

С кругом менадаизма, точнее мифического менадаизма, по мнению Г.А. Пугаченковой, связаны изображения на фризах ритонов № 10, 20, 23, 57, 77, 80 (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 183–185).

Эти фризы представляют собой многофигурную композицию, в центре которой, как правило, размещены три фигуры. Одна из них мужская, в гиматии, окутывающем бедра и заброшенном на левое плечо, руки опираются на колено левой ноги, которая поставлена на камень; голова повернута влево, лицо бородатое, с усами. Справа также мужская фигура, обнаженная, за спиной хламиды, застегнутая на правом плече и закрывающая левое; в опущенной левой руке кадудей, правая — согнута в локте и протянута к предыдущей фигуре. В поле на уровне голов между этими фигурами перун, перевязанный лентой, концы которой на ритоне № 10 образуют фигуру, принятую Г.А. Пугаченковой за «недремлющее око» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 185). Далее фигура девушки в хитоне и гиматии, голова которой повернута к предыдущей фигуре, указательный палец правой руки приложен к губам в «жесте молчания» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 183). Однако А. Трендалл считает это типичным жестом выражения сомнения или тревоги (Trendall, Webster, 1971. P. 66). Далее фигура девушки в хитоне до колен, шкуре, подпоясанной под грудью и закрепленной на левом плече, в сапожках; левой рукой она держится за ствол дерева, правой замахивается секирой. По другую сторону дерева персонаж, изображенный либо спиной к дереву, с поднятой над головой левой рукой и закинутой назад головой, правая рука протянута к дереву (ритоны № 23, 77) (рис. 4, 3); либо боком, спокойно стоящим, держащимся одной рукой за ствол (ритон № 57). Его одеждой является шкура, подвязанная под животом, сапожек нет, волосы короткие и переданные жесткими прямыми линиями, ухо козье. Далее чередуются в шествии фигуры в хитоне и небриде, подвязанной под грудью, в сапожках, с веткой на плече, и фигуры в шкурах, подвязанных под животом, босиком. Последним в процессии является молодой человек, обернувшийся к следующим за ним персонажам, изображенный в движении к «Зевсу» и протягивающий к нему руку, на ритоне № 23 — указывающий на него пальцем. На голове у него рожки, на лице улыбка.

Эта сцена была трактована Г.А. Пугаченковой как один из эпизодов «Вакханок» Еврипида — преследование вакханками Пенфея. К деталям, говорящим в пользу такой трактовки, она относит «дерево, сотрясаемое женщинами; вакхическое

неистовство самих женщин, одетых в шкуры, не-сущих секиры и ветви; преследуемый ими юноша, ряженный в такие же одежды». Существенным отступлением от эпизода в изложении греческого драматурга является, по ее мнению, то, что «за событием наблюдают не Дионис, который на фризе вообще отсутствует, а Зевс и Гермес» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 183–185). Однако сопоставление изображения на фризе с текстом «Вакханок» и памятниками изобразительного искусства ставит под сомнение такую трактовку.

С конца V в. до н.э. излюбленным для художников эпизодом была сцена окружения и/или терзания Пенфея менадами (LIMC, 1994. Pentheus 6, 12, 24, 27, 30, 65) (рис. 5, 1–2).

На фризах ритонов Нисы ничто не указывает на предстоящую кровавую развязку; на ритоне № 23 лицо направляющегося к Зевсу персонажа улыбается, а сохранившаяся в поле кисть руки указывает на него; на ритоне № 10 этот персонаж отсутствует; на ритонах № 77 и 80 он протягивает руку к Зевсу.

Еще один важный момент – на ритонах № 23, 57, 77 фигуры «бегущих женщин» одеты по-разному: одни в коротких хитонах, подвязанных под грудью, и небридах, в сапожках с отворотами, другие – только в небридах, подвязанных под животом, что нехарактерно для женского одеяния, босиком, у некоторых видно звериное ухо (рис. 4, 3; 5, 3, 4). Скорее, это другие представители дионисийского окружения – сатиры.

Однако сатиры обычно изображались обнаженными, их одеянием может быть наброшенная на плечи шкура, оставляющая тело открытым. Сатиров в одежде мы видим в сценах комедий, где они изображают людей. Или, как писал Т. Вебстер, сатиры развлекаются тем, что играют как люди (Webster, 1962, P. 9. UT 21, UT22, AT11, T3296). Наряд сатиров с ритонов Нисы напоминает экзомиду, одеяние ремесленников, пастухов, охотников и прочего рабочего люда (рис. 5, 5) (Laubscher, 1982. S. 30ff. Taf. 19, 20).

Обращаясь к тексту «Вакханок», можно также отметить несколько важных деталей. Во-первых, в терзании Пенфея участвовали не вакханки, как пишет Г.А. Пугаченкова, а менады. Само слово «менада» в основном известно из этого произведения (Еврип., Вакх., 829, 956, 981, 984, 1023, 1052, 1060, 1062, 1075, 1107, 1143, 1191, 1226), написанного в конце V в. до н.э.

В пьесе Дионис является в Фивы, чтобы установить свою религию в Греции (Еврип., Вакх., 23–25). Целью Диониса является как просвещение, так и наказание за неприятие (Еврип., Вакх., 41–30). Менадами названы женщины, которых насланное Дионисом безумие выгнало из дома в горы и заставило против их воли исполнять его

ритуалы. Из описания следует, что они одеты в оленьи шкуры и держат тирсы, символы дионисийского культа. От «первого посланца» мы узнаем (Еврип., Вакх., 677–774), что их волосы распущены, украшены плющом и другими листьями, змеи служат им поясами, они держат в руках или кормят грудью оленят или волчат. Исходя из сообщения «посланца», они не пьют вино и сохраняют целомудрие. «Второй посланец» информирует (Еврип., Вакх., 1043–1152), что в своем безумии они разрывают на части и людей, в том числе Пенфея, царя Фив.

Другой аналогичный миф (Аполл., 2.2, 5.2) рассказывает о царе Аргоса Проите, который также отказался признать ритуалы Диониса, за что на женщин города было наслано безумие, в котором они бежали в округу Арголиды, как женщины Фив – в горы. Также он выгнал безумием из домов дочерей царя Орхомены Минаса (Овид., Мет., 1–415). Так что словом «менада» называют женщин, находящихся в состоянии безумия, насланном Дионисом.

Из текста мы узнаем также, что менады никак не связаны с мужской частью дионисийского фиаса. Силены появляются в «Вакханках» только однажды и не принимают участия в событиях, происходящих в Фивах. Так что сосуществование на фризах женских персонажей и представителей фиаса мужского пола противоречит тексту. Сцен, в которых менады и сатиры выступают одновременно, в пьесе нет. К тому же менады принадлежат к благородным семействам и изображаются в длинных хитонах, а не в коротких, как на ритонах Нисы.

Менады не единственная группа женщин, связанных с Дионисом в греческой мифологии. Особой группой являются нимфы Нисы, которые его вырастили и стали его последовательницами, когда он вырос. Нимфы почитают Диониса по собственной воле, менады противятся богу и служат только в состоянии насланного безумия (Hedreen, 1994. P. 50). В пьесе есть еще одна группа женщин-последователей Диониса – хор. Члены этого хора пришли из другой земли, у них нет семей, они не живут в полисе, их существование подчинено служению Дионису (Еврип., Вакх., 65–67, 71–75).

Их жизнь радикально отличается от жизни обычных греческих женщин и сходна с характеристиками нимф. Своим добровольным служением Дионису они представляют контраст тем, кто отказывается его признать и на кого насылается безумие (Еврип., Вакх., 386–390). Еврипид называет этот хор вакханками, хотя его члены имеют те же атрибуты, что и менады – плющевые венки, тирсы (Еврип., Вакх., 80–81), оленьи шкуры и ветви (Еврип., Вакх., 105–114).

Таким образом, считать женские фигуры на фризах менадами, а всю композицию – сценой из «Вакханок» Еврипида нет оснований, хотя дионисийский контекст ее очевиден. Возможно, это изображение сцены из какой-то неизвестной нам пьесы.

С кругом дионисийских праздников вина можно связать несколько фризов (ритоны № 5, 13, 31, 43, «фриз без номера»), связанных одним сюжетом и представляющих собой композицию с различным количеством фигур, большинство из которых повторяется на ритонах этой группы.

Центром композиции на ритонах № 5, 13, 31, 43 является обнявшаяся пара (рис. 5, 6). Юноша в гиматии, голова в трехчетвертном повороте влево, правая рука на груди у девушки, изображенной в длинном хитоне и гиматии, голова ее повернута вправо, в левой руке тирс с лентами (ритон № 5), на ритоне № 13 у ног девушки кратер. Справа и слева от этой пары на ритонах № 5, 43 (на ритонах № 13 и 31 только слева) танцующие обнаженные сатиры с остроконечными ушами (ритоны № 5, 31) или с хвостом (ритон № 13). Один из них показан в движении к юноше, другой с поднятыми над головой руками (ритоны № 5, 43) (рис. 4, 3). Далее на всех ритонах этой группы изображены: «девушка» (по определению Г.А. Пугаченковой) с тирсом и канфаром, который сохранился на ритонах № 13, 31, в коротком хитоне, небриде, сапожках, совершающая возлияние на алтарь (рис. 6, 4, 5); за ней фигура юноши с бурдюком перед кратером. На ритонах № 31 и 43 между пляшущим сатиром и жертвенником – фигура женщины в длинном хитоне с небольшим сосудом в руке (ритон № 43), который она протягивает над алтарем. За фигурой юноши с бурдюком изображение женщины в длинном хитоне с тирсом (ритон № 13, 31, 43), голова которой повернута влево, к фигуре обнаженной танцовщицы с кимвалами. На ритоне № 5 танцовщица следует сразу за юношей с бурдюком. За ней на ритоне № 43 – еще четыре женские фигуры, одна с факелом в руке, на ритонах № 13 и 31 фигура в одежде с длинными рукавами, на ритоне № 31 она держит в руке некий продолговатый предмет. На ритоне № 31 появляется единственное в этой группе изображение музыканта-кифаред.

Г.А. Пугаченкова вводит в эту группу также ритоны № 63 и 78 (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 189), но на них отсутствует изображение характерной для этой группы обнявшейся пары, хотя присутствует фигура обнаженной девушки. П. Шувен полагает, что это может быть признаком принадлежности различных фризов к одной группе и включает в нее ритоны № 1, 5, 7, 13, 31, 43, 63, 78, 86 (Chuvin, 1991. P. 24).

Г.А. Пугаченкова считает, что на фризах изображена сцена «священного брака» Диониса и

Ариадны. Одним из известных изображений свадьбы Диониса и Ариадны в искусстве является рельеф луврского кратера Боргезе, который считается репликой с бронзового оригинала, выполненного в конце II в. до н.э., возможно, скульптором Боэфом из Халкедона.

Дионис и Ариадна на ритонах Нисы даны в иконографии, принятой для изображения Эрота и Психеи, примером чему может служить эллинистическая терракотовая статуэтка из Приены (160–30 гг. до н.э.), представляющая Психею в хитоне и гиматии и Эрота, частично задрапированного в гиматий, одной рукой обнимающего ее за плечи, другой касающегося груди (рис. 5, 7) (Schlam, 1976. P. 9. Pl. IV. Fig. 1). На медальоне серебряной чаши II–I вв. до н.э. из музея Поля Гетти представлены Дионис и Ариадна, для изображения которых мастер переработал раннеэллинистический прототип, представляющий Эрота и Психею (рис. 5, 8) (Pfrommer, 1993. Cat. 127. P. 218–219).

Фигура обнаженной женщины, стоящей спиной к зрителю, с ударными инструментами в поднятых руках, часто встречается в изображениях дионисийских праздничных шествий и ритуалов. (Matz, 1968, P. 195. Teil 2, Taf. 97, № 79. Taf. 107, 108, № 83).

На фигуру «девушки», совершающей возлияние над алтарем или стоящей перед кратером с канфаром, хотелось бы обратить особое внимание: с одной стороны, сцена очень характерна – возлияние было одним из наиболее частых видов жертв в античности, являясь как самостоятельной, так и сопроводительной (одновременно с жертвой сожжения). Жертвователю с сосудом для возлияния в руке над горящим алтарем был одним из самых распространенных иконографических мотивов.

Однако костюм «девушки» – короткий хитон с длинными рукавами, небрида, подвязанная на талии, одним концом опускающаяся вниз и вторым, закрепленным на плече, – не является женским нарядом, он нехарактерен для членов дионисийского фиаса женского пола и вообще встречается нечасто. Он имеет близкую аналогию с изображениями Диониса, которые относят к типу Хоуп и его вариантам, а также Артемиды (LIMC, 1984. P. 437) (рис. 6, 6).

Как наряд вакханок он практически неизвестен, примером может служить фрагмент апулийской краснофигурной гидрии из Тарента 400 г. до н.э. с изображением вакханки с мечом в руке, одеянием которой является короткий, но безрукавный хитон, небрида и сапожки (LIMC, 1994. Pentheus 67).

Дионис в такой иконографии встречается нечасто, например на рельефе из театра Диониса и

Афинах IV в. до н.э. (LIMC, 1986. Dionysos 853) (рис. 6, 2), на бронзовом зеркале III в. до н.э. из Греции с изображением Диониса и сатира и на зеркале (ок. 375 г. до н.э.) из Музея изящных искусств в Бостоне со сценой битвы Диониса с гигантом (LIMC, 1986. Dionysos 633, 273) (рис. 7, 3, 1), на серебряном канфаре V в. до н.э. из Дуванли с изображением Диониса и менады с одной стороны и сатира и вакханки с ланью с другой (рис. 7, 2) (Venedikov, Gerassimov, 1973. P. 344. № 163–169), на фреске из Помпей I в. до н.э. с изображением Диониса и Ариадны на Наксосе (рис. 6, 1) (POMPEI, 1998. № 96). Короткий хитон и шкура являются одеянием бога в сценах битвы и охоты, и известно их немного. Наибольшую популярность этот иконографический тип получает уже в римское время, появляясь, например, на монетах Коринфа времени Антонина Пия (138–161 гг. н.э.) (Imhoff-Blumer, 1887. P. 19–20. Pl. LXXVIII).

«Этнический» костюм Диониса, известный в нескольких вариантах – короткий хитон и небрида, длиннорукавный хитон, хитон и эпендита, а также высокие сапожки с отворотами, иконографически подчеркивает негреческое происхождение бога, о котором говорят и мифы, связанные с его появлением в Греции.

Такие изображения известны с середины V в. до н.э. (рис. 7, 4).

Это же одеяние характерно для Артемиды, в том числе Артемиды Бендис, например, на терракотовой статуэтке IV в. до н.э. из Кирены (Besques, 1986. P. 22. Pl. 18, b) или на мраморной статуе эллинистического времени из Коринфа (рис. 6, 6) (LIMC, 1984. Artemis 371a). Артемиды, совершающая возлияние на алтарь, в коротком хитоне, небриде, со скипетром (?) или копьем (?) в левой руке изображена на рельефе IV в. до н.э. из Археологического музея в Фессалониках (рис. 6, 3) (LIMC, 1984. Artemis 975). В эллинистическое время этот тип, сохраняясь, претерпевает некоторые изменения: характерный фракийский головной убор богини уже не изображается (Sturgeon, 1998. Fig. 16; Poulsen, 1951. P. 81. № 82). Возможно, это объясняется тем, что культ Бендис, фракийской богини войны, охоты и природы, учрежденный в Аттике после 429/8 г. до н.э. из политических соображений, когда оракул в Додоне рекомендовал установить официальный культ богини, после 300 г. до н.э. стал терять популярность в связи с упадком политической роли Афин. Но поскольку в Греции культ Бендис быстро слился с культом Артемиды, то иконографический тип сохранился, утратив некоторые характерные детали и первоначальное значение.

Отмечалась близость костюмов Артемиды Бендис и Диониса как знак фракийского происхождения обоих божеств (Poulsen, 1951. P. 169).

На ритоне № 13 волосы «девушки» убраны в головной убор, изображения которого часто встречаются в вазописи классического времени, на ритоне № 5 голова непокрыта, на «фризе без номера», возможно, голова украшена венком.

Возникает вопрос, бесспорно ли определение этой фигуры как женской? Головы сохранились только на трех ритонах, один из них – ритон № 5 выполнен грубоватой резьбой, затрудняющей идентификацию; фигура с ритона № 13 напоминает женскую, а с «фризы без номера» – мужскую. Фигуры без голов допускают обе трактовки. Исходя из характера сцены, представляется естественным, что этот персонаж, как и остальные, также относится к кругу последователей Диониса. Но вопрос о его определении пока остается открытым.

Обнаженные пляшущие сатиры, безусловно, являются участниками дионисийского праздника. Танцевальные движения довольно разнообразны, но в большинстве случаев типичны и известны по материалам вазописи классического времени, терракотам и рельефам классики и эллинизма.

Танцующий сатир на ритонах № 5 и 63 (рис. 8, 1, 4), ритмично подпрыгивающий с поднятыми вверх руками, находит параллели в терракотовых статуэтках 150 г. до н.э. из некрополя Тарента (рис. 8, 2) (Tanzende Satyrn, 1997. Fig. 25, 26, 29. Kat. 22), бронзовых статуэтках 100–50 гг. до н.э. с виллы Фавна (рис. 8, 3) (Tanzende Satyrn, 1997. Fig. 24, 31. Kat. 24), из Сицилии 150–125 гг. до н.э. (рис. 8, 5) (Tanzende Satyrn, 1997. Fig. 27. Kat. 23), которые относятся к типу «скачущего» сатира (hüpfender Satyr) (Tanzende Satyrn, 1997. P. 44).

Одним из самых больших праздников, связанных с Дионисом, были Анфестерии, но, несмотря на его широчайшее распространение, основные сведения о нем нам известны из описаний празднований в Афинах. Он отмечался в течение трех дней в месяце анфестерионе, который охватывал период с середины февраля и до середины марта (Simon, 1983. P. 5). К этому времени заканчивалось брожение молодого вина, которое становилось годным к употреблению и длительному хранению.

Плутарх в «Застольных беседах» пишет: «В Афинах в 11 день месяца Антестериона отведывают молодое вино, и этот день носит название Питогий. Исстари, очевидно, повелось, что прежде всего совершают возлияние с молитвой о том, чтобы пользование этим напитком приносило благополучие. У нас же в Беотии этот месяц называется Простатерием, и на шестой его день полагают принести жертву Благому Демону и отвратить молодое вино после того, как подует Зефир...» (Плут., Заст. бес. 655E).

Первое возлияние нового вина происходило в святилище. Храм Диониса, где это совершалось, открывался один раз в году – в день Хоев. По свидетельству Павсания, «есть храм Диониса, называемого Лисием (Освободителем). ...Второе изображение, находящееся здесь, фивяне считают статуей Семелы, и у них установлено открывать это святилище раз в год в определенные дни» (Павс., IX, 16, 6); «за театром храм Диониса; статуя бога сделана из золота и слоновой кости... У сикионян есть и другие статуи бога... один раз в год, ночью, их переносят в храм Диониса... с зажженными факелами и пением местных гимнов» (Павс., II, 7, 5).

Анфестерии продолжались три дня, и третий был связан со священным браком – «царица» Афин, жена архонта-базилевса, вступала в брак с Дионисом. Детали священного брака хранились в секрете, и нельзя сказать, как происходило действие: было ли это символическим союзом со статуей или гермой или это был смертный представитель бога, возможно – сам царь. «Эта женщина приносит жертву от имени города; она видит то, что неафиняне не должны видеть; женщина входит в комнату, куда не входят другие афиняне, но только «жена царя», она руководит «достойными женами», которые помогают ей в священных действиях, она отдается Дионису как невеста; она исполняет родовые обычаи перед богом от имени города». Кульминация наступает, когда «царица» отдается богу и ритуал завершается (Burkert, 1983. P. 234).

Тема символического брака супруги архонта-базилевса и Диониса представлялась в изобразительном и театральном искусстве как миф о Дионисе и Ариадне. Вероятно, сцена из этого мифа и изображена на ритонах как одна из составляющих праздника вина.

П. Бернаром была высказана мысль, что ритоны Нисы изначально принадлежали большой и богатой группе представителей греческой ближневосточной колонии (Bernard, 1991. P. 36). Известно, что в эллинистическом мире отмечается огромный рост частных ассоциаций и клубов, что было связано и с разнообразием культовой практики, и с ослаблением связи с родным городом. Такие клубы собирали значительные денежные взносы со своих членов, имели места для сборов и устраивали пиры (Тарн, 1949. С. 102). Не исключено, что ритоны были заказаны одним из таких обществ, которое практиковало дионисийское служение.

Дионис, бог вина и экстаза, был почитаем везде, каждый пьющий вино фактически мог претендовать на роль служителя бога. То, что сейчас называют «религией Диониса», является современной абстракцией, суммой многочисленных аспектов, символов и культов. Но имя Диониса, несмо-

тря на разнообразие местных легенд, означало везде одну и ту же религиозную концепцию и ассоциировалось с определенным особым видом религиозных чувств. Не существует определенного центра вакхического культа, как, например, Деметры в Элевсине, канонических книг, нет единого панэллинского места поклонения. Его культы были региональными и отражали различные аспекты бога, они появляются везде от Черного моря до Египта и от Малой Азии до южной Италии. Об этом говорят различные Дионисы, существовавшие во Фракии и Беотии, Крите, Египте, а также свидетельства о его генеалогиях – от Семелы или Персефоны. По сути, дельфийские менады, афинское празднование анфестерий, итальянские орфико-дионисийские секты имели очень мало общего, и их локальные идентификации Диониса неравнозначны (Henrichs, 1982. P. 152; Farnell, 1977. P. 87).

В эллинистический и римский период служители греческих и иностранных богов были организованы в местные культовые ассоциации частного характера, являвшиеся сообществами одинаково мыслящих людей, которые собирались с общими целями. Дионисийские ассоциации существовали в каждой части эллинистического мира. Дионис был богом, допускающим множество интерпретаций и форм служения, с мифологическими представлениями, которые включали спасительное прозрение в этом мире так же, как и веру в возрождение (Henrichs, 1982. P. 137).

Наибольшей популярностью пользовались так называемые частные мистерии Диониса, ассоциации, склонные к расширению своих рядов, распространяющиеся так быстро и широко, что стали основной формой дионисийского служения в эллинистический период (Henrichs, 1982. P. 152).

Эти частные клубы проводили специальные ритуалы, а также представляли себя городу в публичных процессиях (Burkert, 1993. P. 261).

Эллинистические цари, Птолеми в Египте и Атталиды в Пергаме, берут на себя патронаж дионисийских богослужений, включая театр и мистерии. Особая связь царя с Дионисом выдвигалась на первый план еще македонскими царями. Плутарх писал о пристрастии Олимпиады к орфико-вакхическим мистериям. По его рассказу, ее можно было видеть с веятельной корзинкой и змеями, откуда идет легенда о том, что ею овладел бог в виде змеи и от этого родился Александр Великий (Плутарх, Сравнительные жизнеописания. Александр, 2–3).

Большее воздействие на формирование дионисийской традиции оказала история о том, как Александр открыл Нису Диониса в Индии и идентифицировал себя с Дионисом как триумфальным завоевателем мира.

Птолемей IV Филопатор ввел новшества в дионисийское поклонение. Он не только переименовал демы Александрии, дав им дионисийские имена, но и издал декрет, в котором попытался контролировать частные дионисийские мистерии в своем царстве. Он также называл себя «Новым Дионисом» и поставил себе клеймо в виде плющевого листа. Царская пропаганда и частные ассоциации шли рука об руку (Burkert, 1993. P. 262–264).

Пергамское царство было важным центром дионисийских процессов. В городе был установлен культ Диониса Категемона-«правителя» с жрецом, назначаемым напрямую царем из своей семьи.

На Косе жрица Диониса Фаллофора назначалась полисом (Burkert, 1993. P. 274).

Этот очень краткий обзор дионисизма и его значения в эллинистический период показывает, насколько разными могли быть как его концепции, так и визуальный ряд. Фризы дионисийского содержания на ритонах Нисы изображают празднество от начала шествия до жертвоприношения, сохраняя иконографию отдельных элементов, временами используя редкие варианты того или иного типа.

Необычность фризов на ритонах Нисы, их отличие от известных нам произведений, изображающих сцены дионисийских культов, говорит о том, что мы, возможно, имеем еще один его локальный вариант, сохраняющий основные традиции, но и привносящий свои собственные элементы, определяемые местными традициями и особенностями.

Библиография

- Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
Еврипид. Вакханки. Трагедии / В 2 т. Т. 2. Перевод Иннокентия Анненского. М., 1999.
Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994.
Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Перевод с латинского С.В. Шервинского. М., 1977.
Павсаний. Описания Эллады
Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. IV. Ашхабад, 1959.
Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
Adriani A. Repertorio d'Arte dell'Egitto Greco-Romano. Serie A. Vol. I. Palermo, 1961.
Aussgewählte Griechische Terrakotten im Antiquarium der Königlichen Museen zu Berlin, 1903.
Bernard P. Les rhytons de Nisa: a quoi, a qui ont-ils servi? // Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources ecrites et documents archaeologiques. Paris, 1991.
Besques S. Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en terre-cuite Grecs, Étrusques et Romains. Vol. IV–1. Paris, 1986.
Burkert W. Greek Tragedy and Sacrificial Ritual // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 7. № 2. London, 1966.
Burkert W. Homo necans. The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth. University of California Press. USA, 1983.
Burkert W. Ancient Mystery Cults. Harvard, 1987.
Burkert W. Bacchic Teletai in the Hellenistic Age // Masks of Dionysus. Ithaca and London, 1993.
Chuvin P. Fêtes grecques sur les rhytons de Nisa // Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources ecrites et documents archaeologiques. Paris, 1991.
Farnell L.R. The Cults of The Greek States. Vol. 5. N.-Y., 1977.
Hedreen G. Silens, nymphs and maenads // The Journal of Hellenic Studies. Vol. CXIV. 1994.
Henrichs A. Changing Dionysiac Identities // Jewish and Christian self-definition. Vol. 3. Self-definition in the Graeco-Roman World. London, 1982.
Hübinger U. On Pan's Iconography and the Cult in the Sanctuary of Pan on the Slopes of Mount Lykaion // The Iconography of Greek Cult in the Archaic and Classical Periods. KERNOS. Suppl.1. Athènes-Liége, 1992.
Imhoff-Blumer F. Numismatic Commentary on Pausanias, Reprinted from the Journal of Hellenic Studies 1885, 1886, 1887. London, без года изд.
Laubscher H.P. Fischer und Landleute. Mainz am Rhein, 1982.
LIMC. II (1). Zurich und München, 1984.
LIMC. III. Zurich und München, 1986.

- LIMC. IV. Zurich und München, 1988.
LIMC. VI. Zurich und München, 1992.
LIMC. VII. Zurich und München, 1994.
LIMC. VIII. Zürich-Düsseldorf, 1997.
Matz F. Die Dionisischen Sarkophage. Teil 2. Berlin, 1968.
Mitropoulou E. Five Contributions to the Problems of Greek Reliefs. Athens, 1976.
Nordquist G.C. Instrumental Music in representations of Greek Cult // The Iconography of Greek Cult in the Archaic and Classical Periods. KERNOS, Suppl.1. Athènes-Liége, 1992.
Parke Y.W. Festivals of the Athenians. London, 1977.
Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. California, 1993.
POMPEI. Pitture e Mosaici. Vol. VIII. Roma, 1998.
Poulsen F. Catalogue of Ancient Sculpture in the Ny Carlsberg Glyptotek. Copenhagen, 1951.
Rice E.E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1983.
Schlam Carl.C. Cupid and Psyche: Apuleius and the Monuments. Pennsylvania, 1976.
Simon E.C. Festivals of Attica. An Archaeological Commentary. The University of Wisconsin Press, 1983.
Sturgeon M.C. Hellenistic Sculpture at Corinth // Regional Schools in Hellenistic Sculpture. Proceedings of International Conference held at the American School of Classical Studies at Athens, March 15-17, 1996. Oxbow Monograph, 1998.
Svoronos J.N. Das Athener National Museum. Band 2. Athens, 1911.
Szirmai K. Fortuna-Nemesis Statues in Aquinnum // AKTI VIII. Medunarodnog Kolokvija o Problemima Rimskog Provincijalnog Umjetničkog Stvaralaštva. Zagreb 5–8.V.2003. Zagreb, 2005.
Tanzende Satyrn. Untersuchungen zur Typologie und Ikonographie hellenistischer Kleinkunst. Inauguraldissertation von Claudia Klages. Bonn, 1997.
Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum. Vol.1. Los Angeles, 2004.
Trendall A.D., Webster T.D.L. Illustrations of Greek Drama. London, 1971.
Van Straten F. Greek Sacrificial Representations: Livestock Prices and Religious Ventrality // Gifts to the Gods. Proceeding of the Uppsala Symposium 1985. Acta Universitatis Upsaliensis. BOREAS. Uppsala 1987.
Van Straten F.T. Hiera Kala. Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece. E.J. BRILL, Leiden–New York–Köln, 1995.
Venedikov I., Gerassimov T. Thrakische Kunst. Wien, 1973.
Webster T.B.L. Monuments Illustrating Tragedy and Satyr Plays. London, 1962.

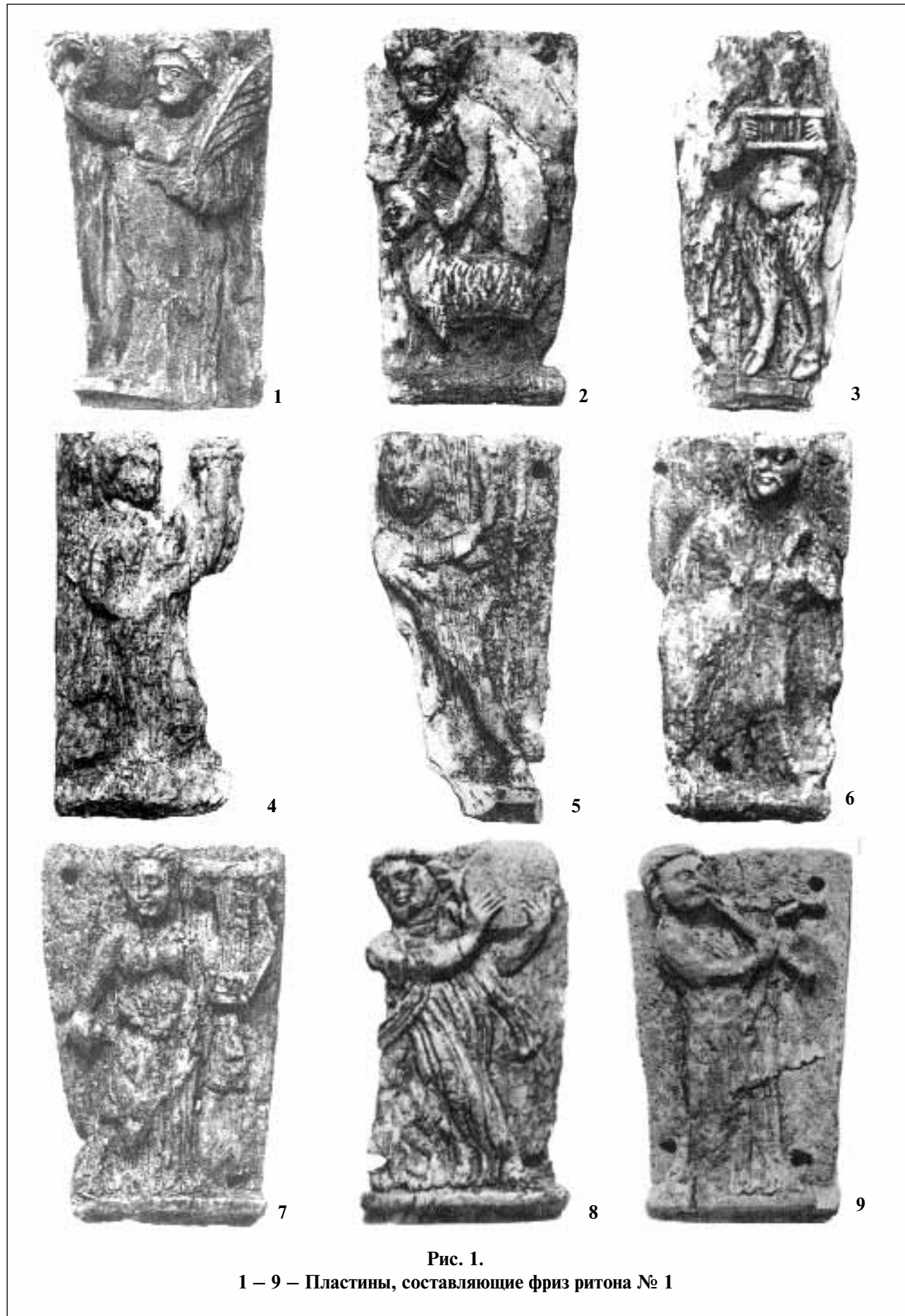

Рис. 1.
1 – 9 – Пластины, составляющие фриз ритона № 1

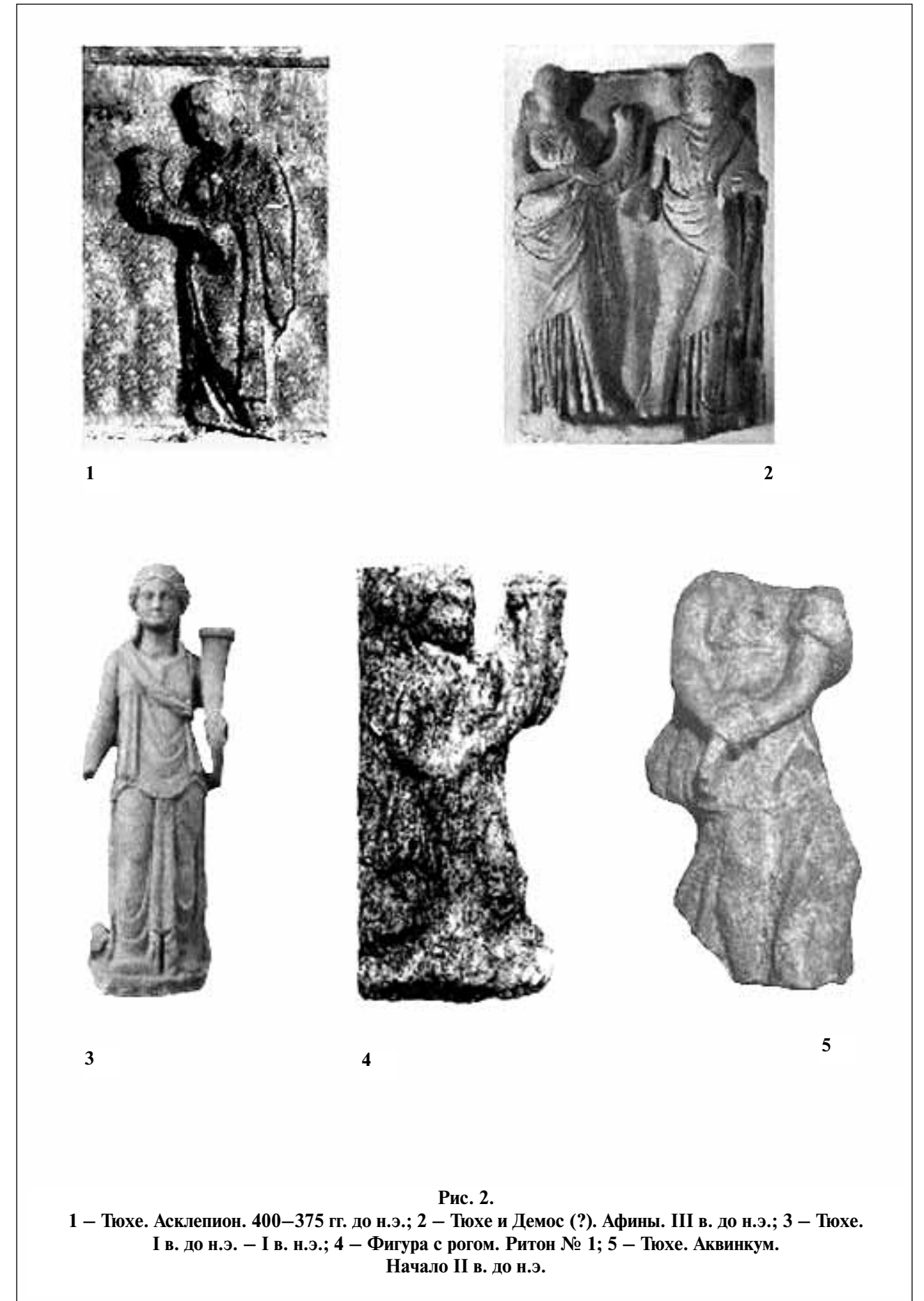

Рис. 2.
1 – Тюхе. Асклепион. 400–375 гг. до н.э.; 2 – Тюхе и Демос (?). Афины. III в. до н.э.; 3 – Тюхе. I в. до н.э. – I в. н.э.; 4 – Фигура с рогом. Ритон № 1; 5 – Тюхе. Аквинкум. Начало II в. до н.э.

Рис. 3.

1 – Пан, играющий на сиринге. Делос. Эллинизм; 2 – Пан. Пластина ритона № 1; 3 – Пан. 450 – 400 гг. до н.э.; 4 – Пан. Анфедон. IV в. до н.э.; 5 – Пан. Фрагмент чернофигурного кратера. Агтика. Ок. 490 г. до н.э.; 6 – Пан, играющий на сиринге. Эллинизм

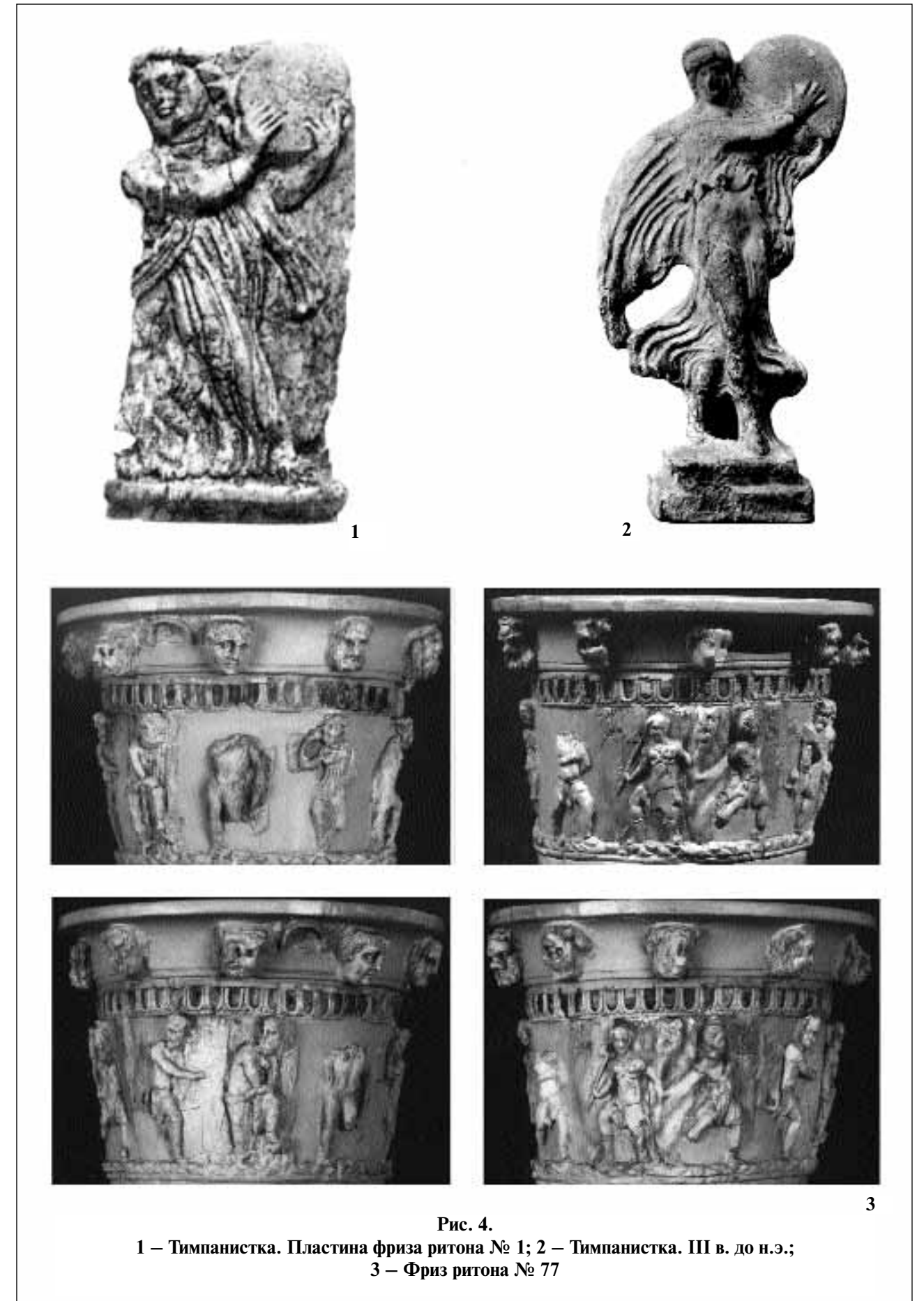

Рис. 4.

1 – Тимпанистка. Пластина фриз ритона № 1; 2 – Тимпанистка. III в. до н.э.; 3 – Фриз ритона № 77

Рис. 5.

1 – Терзание Пенфея. Апулийская краснофигурная ситупа. 340-330 гг. до н.э.; 2 – зеркало со сценой терзания Пенфея. Ок. 150 г. до н.э.; 3 – Фрагмент фриза ритона № 57; 4 – Фрагмент фриза ритона № 24; 5 – Рыбак. 3-я четверть I в. до н.э.; 6 – Дионис и Ариадна. Фрагмент фриза ритона № 5; 7 – Эрот и Психея. Приена. 160-130 гг. до н.э.; 8 – Дионис и Ариадна. Фрагмент медальона. Эллинистический Ближний Восток. II–I вв. до н.э.

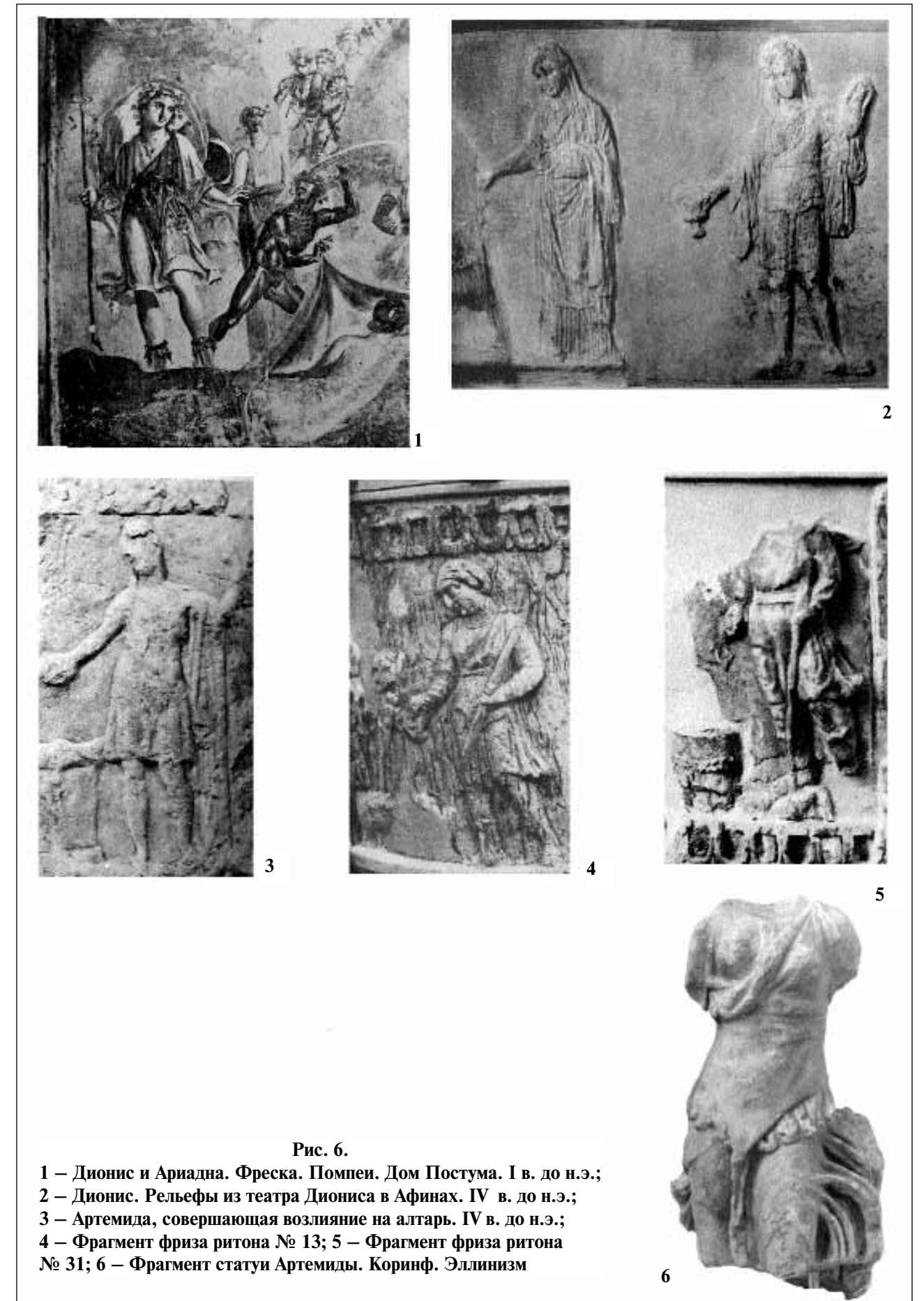

Рис. 6.

1 – Дионис и Ариадна. Фреска. Помпеи. Дом Постума. I в. до н.э.; 2 – Дионис. Рельефы из театра Диониса в Афинах. IV в. до н.э.; 3 – Артемида, совершающая возлияние на алтарь. IV в. до н.э.; 4 – Фрагмент фриза ритона № 13; 5 – Фрагмент фриза ритона № 31; 6 – Фрагмент статуи Артемиды. Коринф. Эллинизм

1

2

3

4

Рис. 7.

1 – Зеркало. Греция. Ок. 375 г. до н.э.; 2 – Фрагмент канфара с изображением Диониса. Дуванли. V в. до н.э.; 3 – Зеркало. Греция. III в. до н.э.; 4 – Фрагмент краснофигурной ойнохой. Атика. Ок. 430 г. до н.э.

1

2

3

4

5

Рис. 8.

1 – Фрагмент ритона № 63; 2 – Танцующий сатир. Некрополь. Тарента. Ок. 150 г. до н.э.; 3 – Танцующий сатир. Вилла Фавна. Ок. 100–50 гг. до н.э.; 4 – Фрагмент ритона № 5; 5 – «Скачущий сатир». Сицилия. 150–125 гг. до н.э.

Панно с плодами граната из дворца Варахши

В период с 1934 по 1991 г. в ходе работ нескольких узбекских и российских археологических экспедиций на территории городища Варахша под Бухарой был получен огромный материал (Пугаченкова, Ремпель, 1960. С. 75–83; Шишкин, 1963. С. 150–186; Шишкина, 1991. С. 55–60). В частности, была собрана большая коллекция фрагментов архитектурного декора – резного ганча из раскопок дворца Варахши (Шишкин, 1947. С. 225–292; 1963. С. 166–186). Фрагменты варахшинского ганча хранятся в разных музеях Узбекистана и России: в Государственном музее искусств Узбекистана и Государственном музее истории Узбекистана в Ташкенте, в Бухарском историко-археологическом музее-заповеднике, в Государственном музее Востока в Москве; небольшое количество фрагментов – в Государственном Эрмитаже и в Термезском археологическом музее. Работами экспедиции музея Востока 1988–1991 гг. (Алпаткина, 1999; 2002) было окончательно установлено, что эта разрозненная коллекция происходит не только с одного памятника – загородного дворца раннесредневековых правителей Бухары, но даже из одного помещения этого дворца, а именно парадного зала, который В.А. Шишкин, первым исследовавший этот памятник, назвал айваном. Только изучение материала в целом, во всех музеях – разбор фрагментов по орнаментам и сюжетам, подготовка реальных и компьютерных реконструкций – позволит составить единое представление о резном ганчевом декоре дворца Варахши.

Эта работа уже проводится в Музее Востока, а начиная с 2006 г. у нас появилась возможность изучения фрагментов варахшинского ганча, хранящихся в фондах Термезского музея, Музея ис-

кусств в Ташкенте¹ и Эрмитажа. Таким образом, благодаря развитию международного научного сотрудничества и налаживанию связей между музеями разных государств начато комплексное изучение этой разрозненной коллекции.

Примером такого плодотворного сотрудничества может служить реконструкция уникального двустороннего ганчевого панно. Четыре фрагмента этого панно из коллекции ГМВ в 2002 г. были опубликованы (Алпаткина, 2002. С. 91–93. Рис. 2–3). На одной его стороне – орнамент с изображением вписанных в круги т.н. гранатовых яблок (мы считаем эту сторону лицевой). Обратная сторона восстановлению по найденным фрагментам не поддавалась.

Позднее в ходе разбора коллекций Музея Востока и Музея искусств Узбекистана были найдены еще девять подобных фрагментов. К настоящему моменту мы располагаем девятью фрагментами двустороннего ганча из коллекции ГМВ и четырьмя фрагментами из коллекции Музея искусств (рис. 1–3). Их размеры составляют от 5х6,5 до 10х19 см при толщине от 4 до 4,7 см, на всех сохранились следы ганчевой побелки: и на лицевой стороне, и на оборотной. Но только на лицевой стороне десяти фрагментов есть краска (рис. 1, 1,3–4; 2; 3, 1–2). Лицевая сторона панно с гранатовыми яблоками была целиком окрашена в красный цвет. Это видно по следам краски, которые мы находим не только на яблоках, но и на «плодоножках», и на кругах, в которые «вписаны» плоды.

Ранее был предложен вариант реконструкции двустороннего панно (Жулина, 2002. С. 99–101) (рис. 4, 1). Изучение найденных новых фрагментов показывает, что эта реконструкция в целом

верна. Основу композиции орнаментального сюжета лицевой стороны панно составляют повторяющиеся и взаимно пересекающиеся круги, в которые вписаны плоды гранатов. Из тринадцати фрагментов три сохранили дугу окружности, четыре – вписанную в нее окружность значительно меньшего размера, включающую плод граната. По длине дуги была восстановлена окружность орнаментального круга, ее диаметр составил около 39 см. Отсюда размеры всего панно – не менее 40х40 см. Диаметр круга с изображением граната на тех фрагментах, где его можно измерить, составляет 9 см, 11,5 см и на двух фрагментах ганча – по 12 см. Таким образом, в большой круг вписываются восемь кругов с плодами. Диаметр яблок поддается измерению на девяти фрагментах и составляет по 5 см – на двух из них, по 5,6 см – на двух других, по 6 см – на трех и еще на двух фрагментах – 6,3 и 6,5 см.

Орнамент, заполнявший центральное поле лицевой стороны двустороннего панно, был реконструирован по аналогии с орнаментальными кругами, известными в декоре дворца Варахши (Шишкин, 1963. С. 170, 177–179. Рис. 80, 93, 98), которые дали основание предложить здесь изображение многолепестковой цветочной розетки (рис. 4, 1).

Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты не стыкуются между собой, но, даже будучи расположены на лицевой стороне по кругу в произвольном порядке, на оборотной стороне панно они дают картину нескольких переплетающихся ветвей виноградной лозы как минимум с тремя крупными гроздьями винограда (рис. 5, 1–2). Интересно, что орнамент на одной стороне панно выполнен с соблюдением принципов геометризации – повторяемость фигур, наличие ритма в композиции и геометрическая основа при построении орнамента (Шишкин, 1963. С. 166–170; Булатов, 1988. С. 266), тогда как изображение виноградной лозы на другой стороне выполнено мастером в реалистичной манере.

С учетом найденных новых фрагментов в настоящий момент речь может идти уже не об одном, а как минимум о двух отдельных панно с виноградной лозой на оборотной стороне: в круг на лицевой стороне вписываются восемь яблок, у нас же есть десять фрагментов с яблоками, девять из которых – от такого панно (еще об одном фрагменте речь пойдет ниже). Это мог быть и фриз, состоявший из нескольких кругов, как, например, на панно «Розетки с гранатовыми яблоками» VI в. н.э. из Ктесифона (Ирак), которое хранится в Музее исламского искусства в Берлине (Splendeur des Sassanides, 1993. Cat. № 14). Его размеры составляют 24,5х49,2 см, т. е. диаметр каждого отдельного круга почти в два раза меньше на-

шего (рис. 4, 2). Однако, как отмечают специалисты, технико-технологические свойства ганча – прочность, пластичность, сравнительно замедленные сроки схватывания и повышенная водоустойчивость – позволяют изготавливать панели достаточно большого размера (Гражданкина, 1974. С. 90).

Один фрагмент двустороннего ганча не вписывается в орнаментальную схему реконструируемых панно: на его оборотной стороне часть цепочки из т. н. «Сасанидских» перлов (рис. 2, 2). У него сохранилась дуга окружности; восстанавливаемая по ней вся окружность равна кругам с виноградной лозой на обороте, т. е. это фрагмент от двустороннего панно таких же размеров, что и описанные выше. Как видно из реконструкции (рис. 6), цепочка перлов шла по краю панно; исходя из этого, яблоки на лицевой стороне могли быть расположены только попарно, «листочками» друг к другу. Сохранившийся единственный фрагмент не позволяет определить, были ли плоды вписаны в маленькие круги, и его недостаточно, чтобы делать предположение о заполнении остальной части панно.

Орнаментальные круги с перлами по краю – широко распространенный сюжет в восточном искусстве в живописи, тканях и ганче. Они известны в ганчевом декоре дворцов в Иране и Ираке (Splendeur des Sassanides, 1993. Cat. № 9–12, 19). Их достаточно много в убранстве дворца Варахши (Шишкин, 1963. Рис. 93, 98; Булатов, 1988. Рис. 191) и дворца Саманидов на Афрасиабе (Ахраров, Ремпель, 1971. Рис. 13–14, 16; Булатов, 1988. Рис. 195а). Большое количество фрагментов подобных кругов хранится в варахшинских коллекциях ГМВ и Музея искусств Узбекистана.

Двусторонние панно должны крепиться так, чтобы были доступны для обозрения обе стороны панно. При публикации первой реконструкции панно с виноградной лозой на оборотной стороне было указано место на айване дворца Варахши, где можно разместить подобное панно. Это «ниша» размером 1х1 м, заключенная в кладку стены – южной щеки прохода в западной стене, окруженной суфами (Алпаткина, 2002. С. 92–93). Поскольку теперь речь идет о нескольких панно либо о фризе с несколькими орнаментальными кругами, можно предположить, что это были невысокие (а высота панно, напомним, могла быть около 40 см) перегородки, которые разделяли суфы, располагавшиеся ступенями на разной высоте вдоль западной стены айвана (Алпаткина, 1999. С. 65. Рис. 2, 3; 2002. Рис. 1).

Подобные перегородки на суфах имеются, например, в одном из помещений постройки дворцового типа на раннесредневековой цитадели городища Хисорак в Горном Согде. Здесь вдоль стен

¹Работу по разбору коллекции варахшинского ганча в Музее искусств Узбекистана проводят Ш.Х. Рашидов, зав. Отделом изобразительного искусства Узбекистана, и старший научный сотрудник отдела А.Х. Муранов, которым авторы выражают огромную благодарность за помощь. Также благодарим старшего научного сотрудника Института археологии РУз С.Р. Ильясову.

тянулась сплошная суфа, на краю которой, отделяя ее от входа, располагалась тамбурная стенка, оформленная с обеих сторон окрашенным в красный цвет орнаментом, оттиснутым по глиняной штукатурке (Ставиский, Якубов, 1999. С. 112, 114, 118, 121). Известны перегородки на суфах в Зале царей на Топрак-кале: они были поставлены перпендикулярно стенам и образовывали ряд отсеков, названных исследователями ложами. В основе каждой из них — тонкая стенка, сложенная из кирпичей, поставленных на ребро. К этой стенке с двух сторон были примазаны дугообразные кир-

пичики, стоящие друг на друге и образующие решетки, на лицевой поверхности которых отмечены следы синей, красной, оранжевой, черной и белой краски (Топрак-кала, 1984. С. 116–117. Рис. 58, 60).

Дальнейшая работа по разбору и изучению коллекции ганчевого декора в музеях России и Узбекистана позволит не только восстановить целые панно из разрозненных частей отдельных орнаментальных композиций интерьера айвана дворца Варахши, но и, возможно, откроет новые уникальные мотивы и сюжеты.

Библиография

- Алпаткина Т.Г.* Парадный айван Варахши: новые исследования // Материальная культура Востока. М., 1999.
Алпаткина Т.Г. Ганчевый декор дворца Варахши из фондов Государственного музея Востока: новые открытия // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971.
Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. (историко-теоретическое исследование). М., 1988.
Гражданкина Н.С. Особенности технологии резного гипса Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
Жулина Д.А. Орнаментальный декор дворца Варахши: опыт реконструкции сюжета // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
Ставиский Б.Я., Якубов Ю.Я. Находки в бассейне Верхнего Зеравшана // Наследие предков. № 4. Душанбе, 1999.
Топрак-кала. Дворец // Тр. ХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984.
Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // Тр. ОВ ГЭ. Л., 1947.
Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
Шишкина Г.В. Варахша // Культура и искусство древнего Узбекистана. Кн. 2. М., 1991.
Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine [224–642]. Bruxelles, 1993.

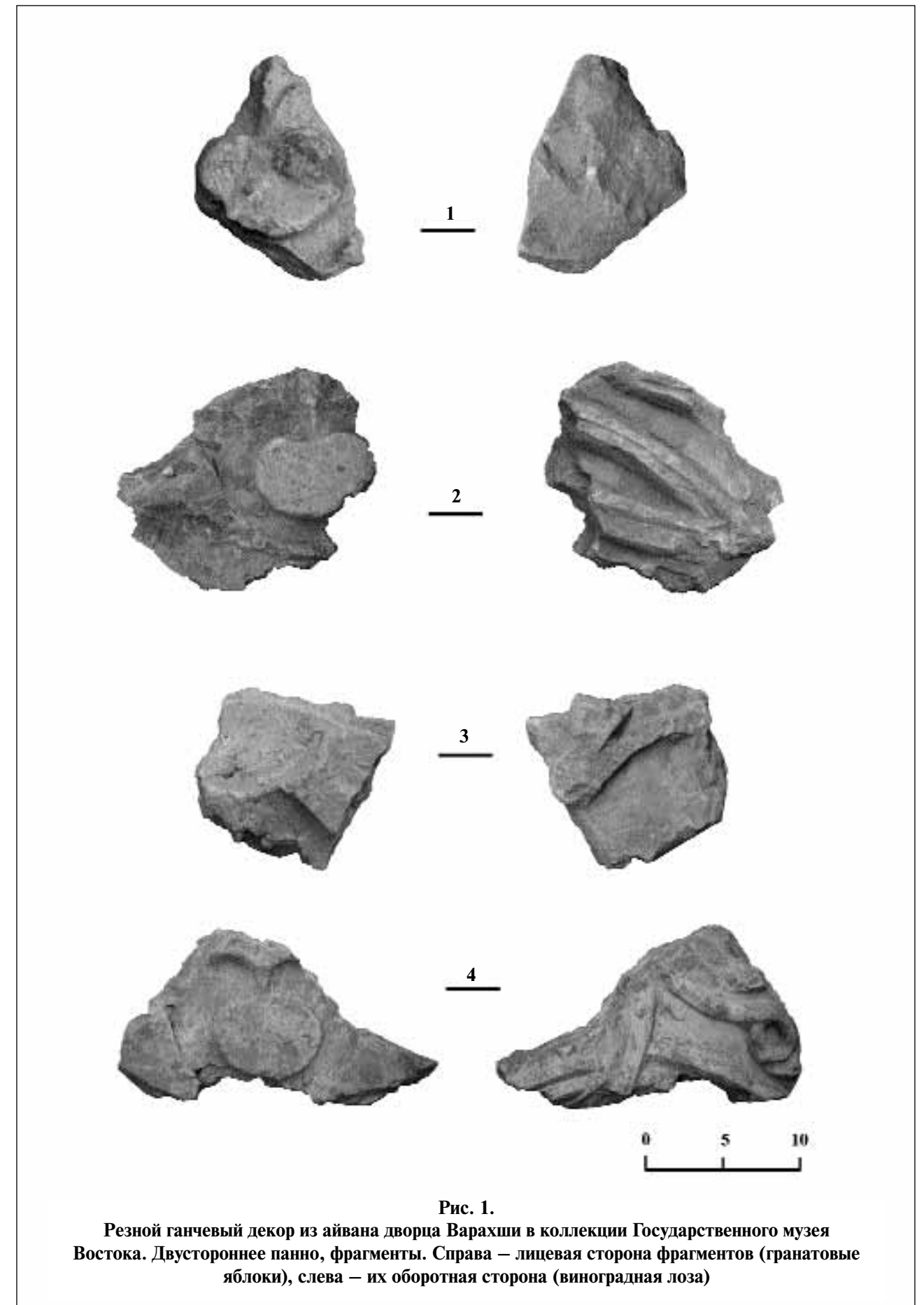

Рис. 1.
 Резной ганчевый декор из айвана дворца Варахши в коллекции Государственного музея Востока. Двустороннее панно, фрагменты. Справа — лицевая сторона фрагментов (гранатовые яблоки), слева — их оборотная сторона (виноградная лоза)

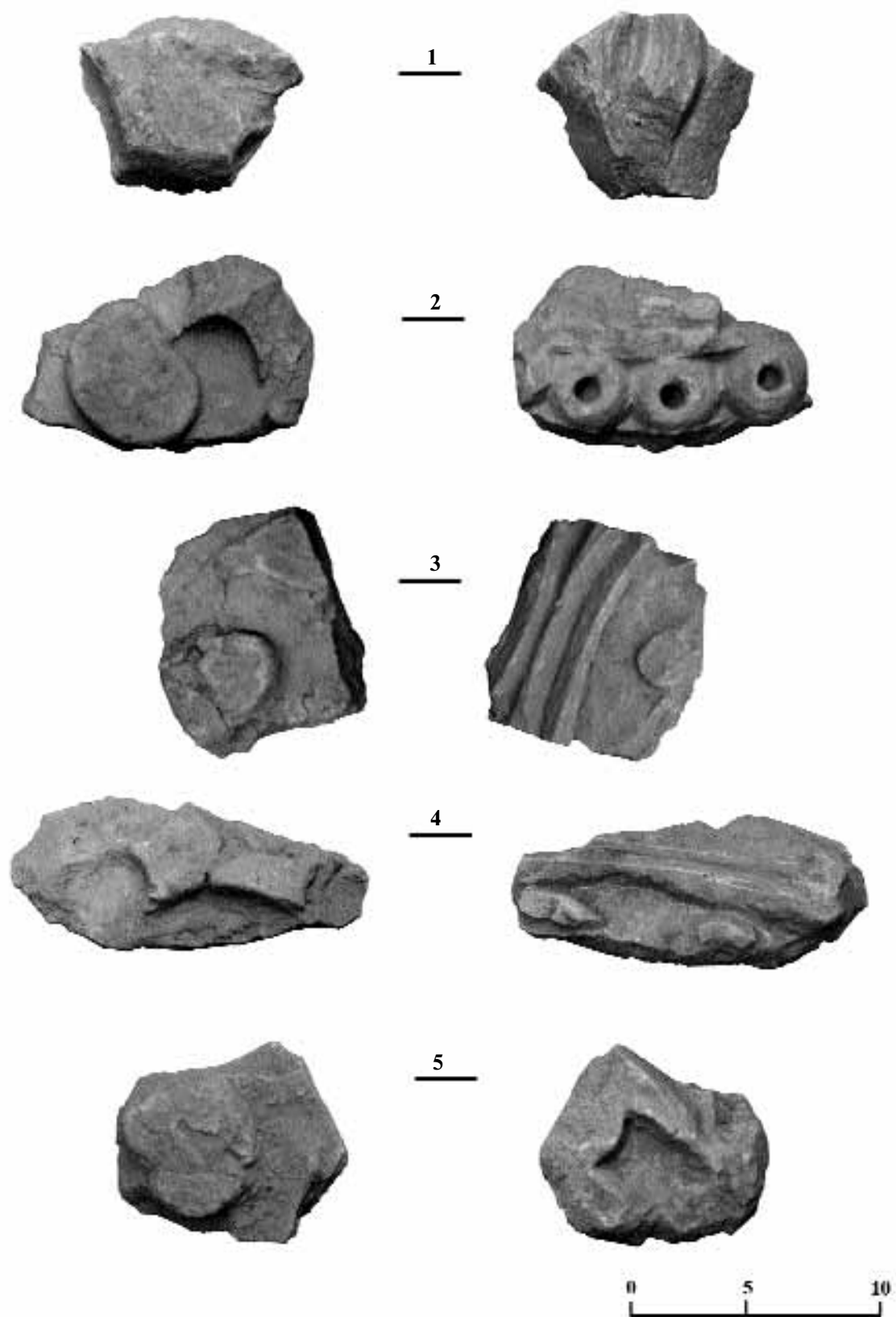

Рис. 2.

Резной ганчевый декор из айвана дворца Варахши в коллекции ГМВ. Двустороннее панно, фрагменты. 1, 3-5 – слева лицевая сторона фрагментов одного из панно (гранатовые яблоки), справа – обратная сторона (виноградная лоза); 2 – слева лицевая сторона фрагмента второго панно (гранатовое яблоко), справа – обратная («сасанидские перлы»)

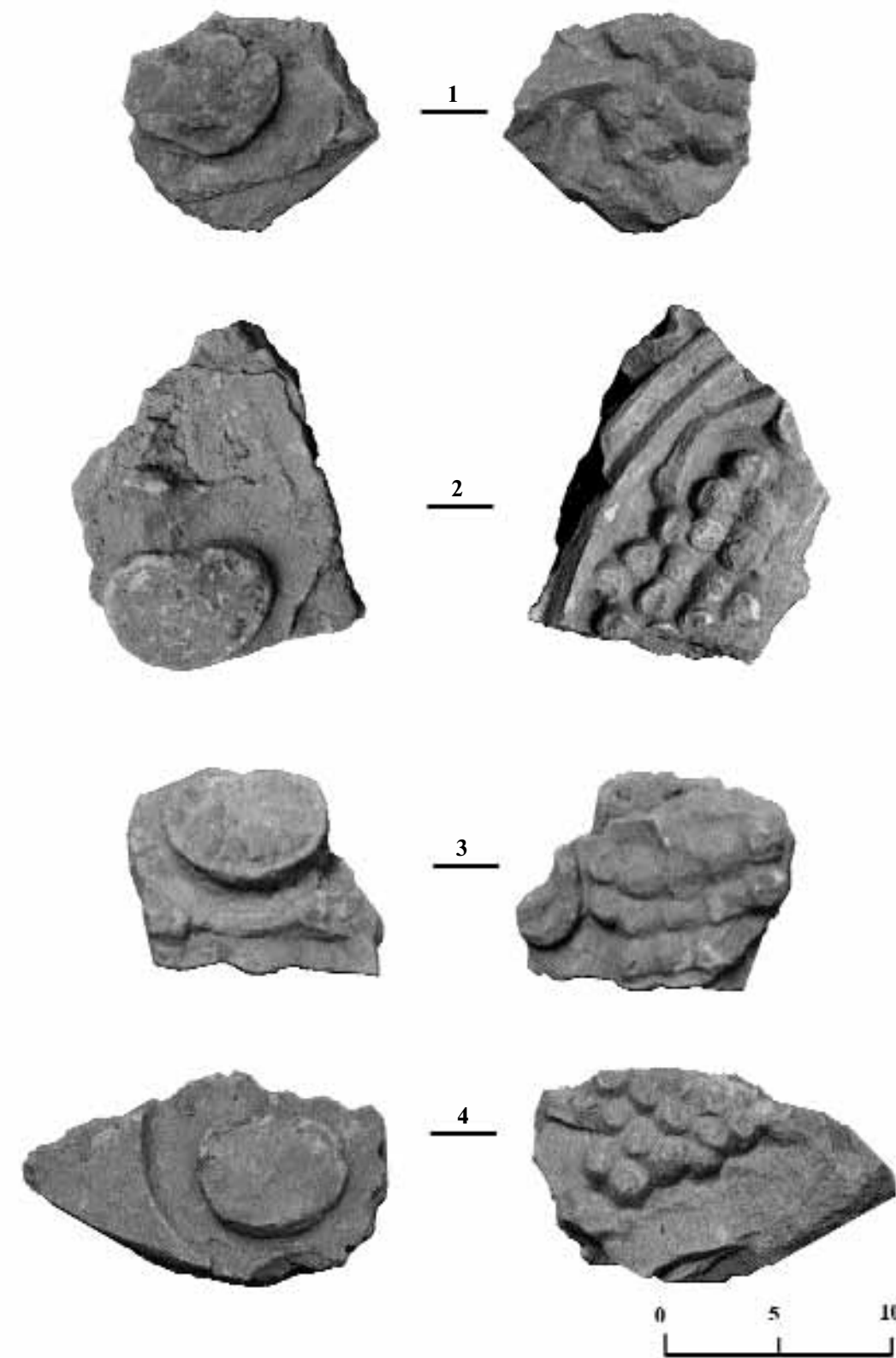

Рис. 3.

Резной ганчевый декор из айвана дворца Варахши в коллекции Государственного музея искусств Узбекистана. Двустороннее панно, фрагменты. Слева – лицевая сторона фрагментов (гранатовые яблоки), справа – их обратная сторона (виноградная лоза)

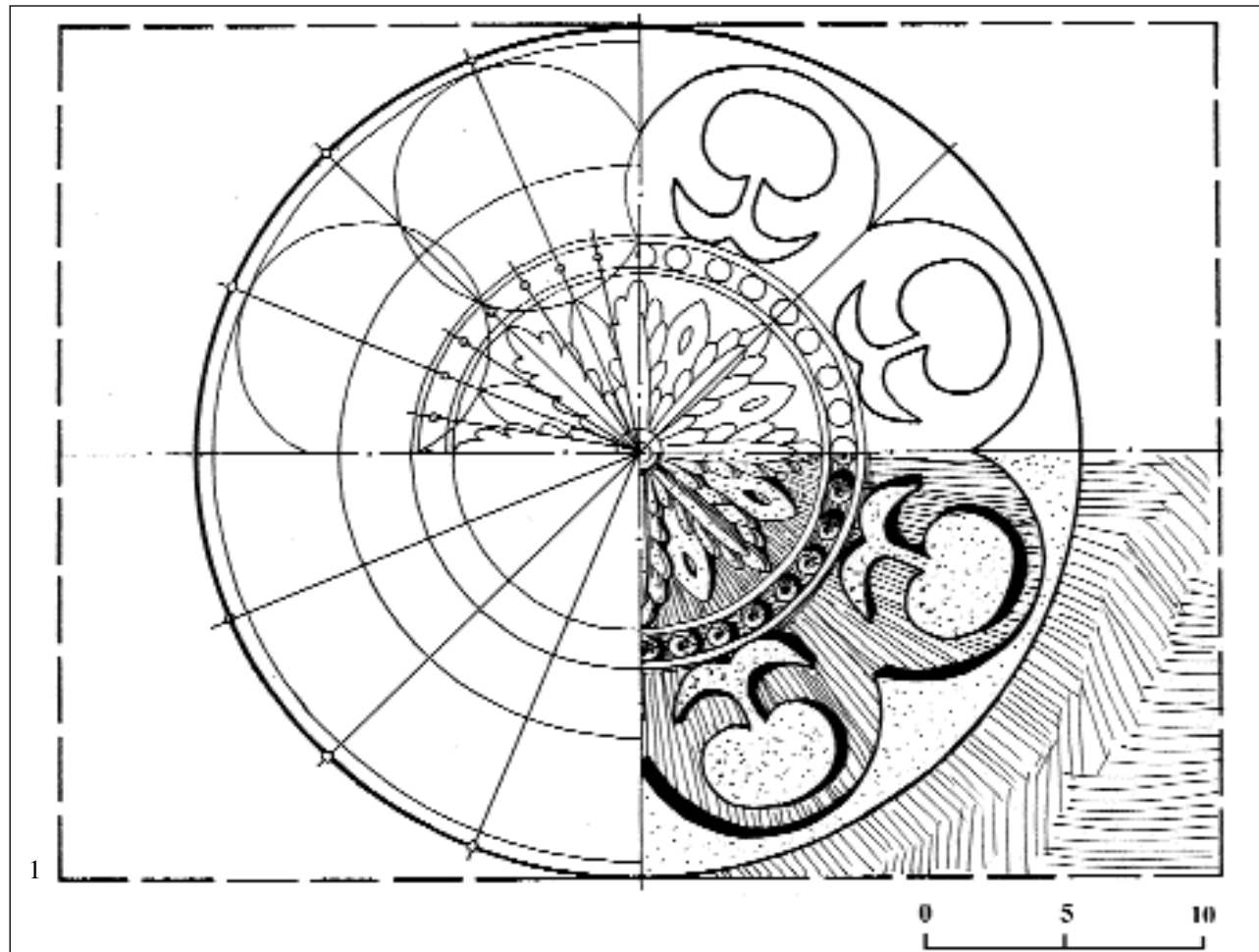

Рис. 4.

1 – Вариант реконструкции двустороннего панно. Лицевая сторона, сюжет с гранатовыми яблоками. Варахша, резной ганч. Публикуется по: Жулина, 2002. Рис. 1.
 2 – Панно “Розетки с гранатовыми яблоками”. Ктесифон, резной ганч. Музей исламского искусства, Берлин. Публикуется по: Splendeur des Sassanides. 1993. Cat. N 14.

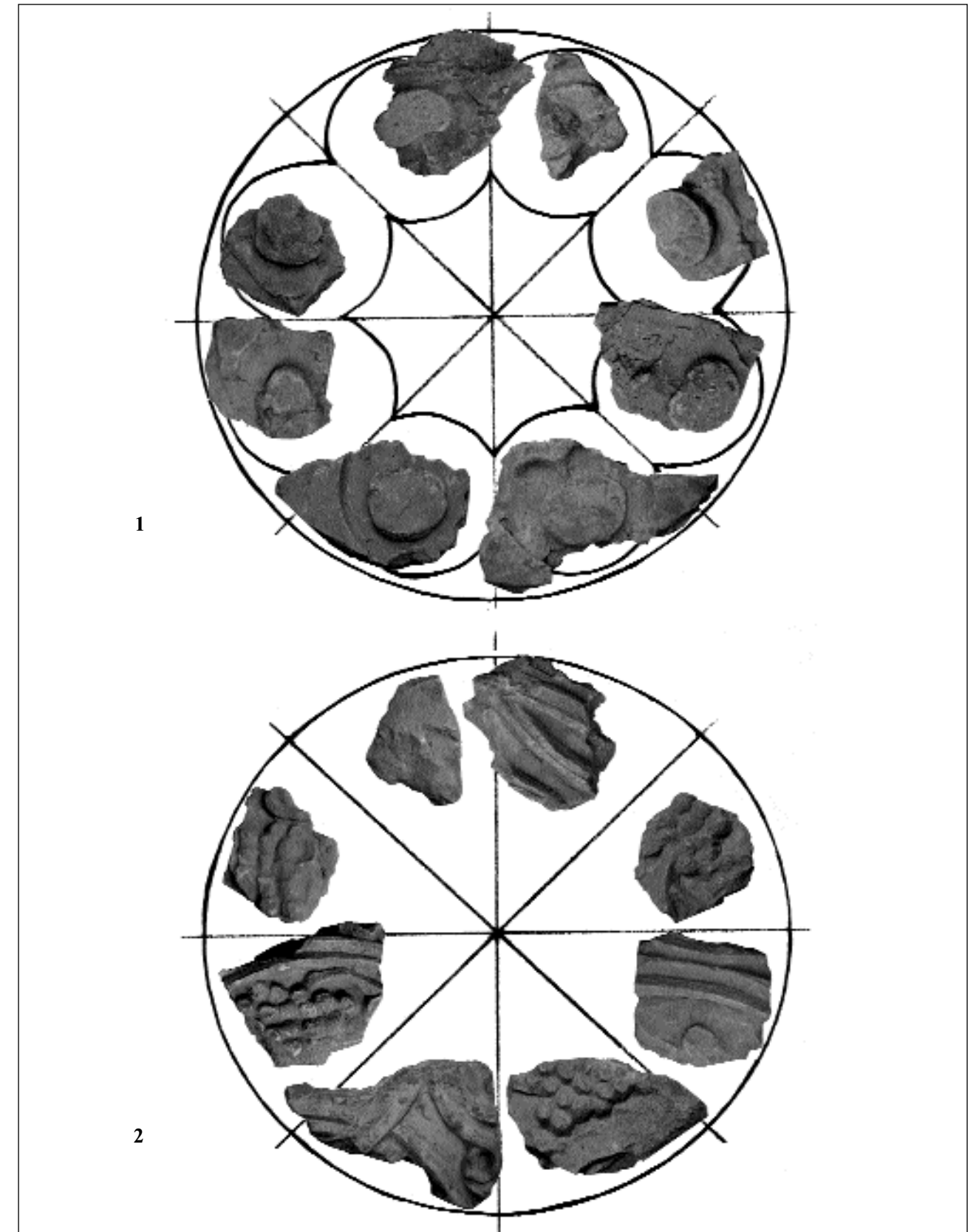

Рис. 5.

Двустороннее панно. Варахша, резной ганч. Вариант реконструкции с использованием фрагментов из коллекций ГМВ и Музея искусств Узбекистана.
 1 – лицевая сторона (гранатовые яблоки), 2 – оборотная сторона (виноградная лоза)

Зооморфные мотивы декора двух штампованных сосудов XII в. из коллекции ГМВ

В 1934 г. в собрание ГМВ (тогда – Государственного музея восточных культур) поступил керамический кувшин со штампованным орнаментом (инв. № 1934 III). Он был куплен у гражданина Шнейдермана, больше никаких данных о его происхождении в сохранившихся документах поступления нет. Уже в 1936 г. его прорисовка была опубликована В. Чепелевым. В кратком комментарии к рисунку указывается, что сосуд происходит из района древнего Мерва, ориентировочно датируется IX–XI вв., а также высказывается предположение, что он может являться копией с серебряного оригинала (Чепелев, 1936. С. 51).

Сероглиняный сосуд на дисковидном поддоне, с шаровидным туловом, цилиндрическим горлом и высокой вертикальной ручкой (рис. 1, 1) изготовлен в технике оттиска в двух орнаментированных формах-колыбах. Верхняя и нижняя части тулова перед обжигом соединялись по линии максимального диаметра. Верхняя часть тулова нашего кувшина украшена переплетенными лентами, перемежающимися отдельными медальонами с растительными мотивами. У самого основания горла сильно затертая по сырой глине полоса, возможно, эпиграфического орнамента. На дне кувшина многолепестковая розетка в круге, обрамленном растительным побегом. В придонной части расположен пояс, состоящий из круглых медальонов, соединенных в цепочку промежуточными мелкими звеньями (рис. 1, 2). В заполнении медальонов чередуются арабские надписи и фигурки животных. Замечу, что кувшин изготовлен довольно небрежно. Возможно, верхняя и нижняя половины оттиснуты в формах, предназначенных для разных сосудов: ленты плетенки и арки верхней части прерываются и не находят продолжения и завершения в орнаменте нижней. Кроме того, грубо оформлена линия соединения двух половин, обычно она маскируется орнаментальным пояском или концентрическими полосками. В верхней части многие детали декора небрежно смазаны по сырой глине.

Указывая, что кувшин происходит из района древнего Мерва, В. Чепелев был, очевидно, прав. В X – начале XIII в. в Мерве находился крупнейший керамический центр, производивший в числе прочего и штампованные в колыбах сосуды. Своей формой и орнаментальным стилем наш кувшин соответствует изделиям этого центра (Лунина, 1962. С. 298–300. Рис. 42–44). Штампованная керамика Мерва датируется XII – началом XIII в. (Лунина, 1962. С. 343).

Предположение В. Чепелева о существовании металлического прототипа кувшина также верно. Разумеется, керамический сосуд не является «копировкой с серебряного оригинала», но аналогии в торовитке у него имеются. Наиболее близки по форме и декору серебряный кувшин XI в. из Северного Ирана (Маршак, 1996. С. 133, 134. № 63) и серебряный кувшин с ручкой, на фигурном поддоне, датирующийся XI–XII вв. из Берлинского музея (SPA, 1939. Pl. 1353 A). Оба сосуда украшены эпиграфическим орнаментом и зооморфными изображениями. В первом случае надпись расположена под венчиком, на плечиках фриза с мотивом бега зверей, в нижней части отдельные медальоны с фигурами льва, джейрана и сирены. На берлинском кувшине расположение орнаментальных поясов несколько иное: на плечиках эпиграфический орнамент, по линии наибольшего диаметра располагаются отдельные медальоны (в одном из них геральдическая композиция с двумя птицами), а в придонной зоне фриз с сюжетом бега зверей.

К сожалению, на нашем кувшине удалось прочесть полностью лишь одну надпись. В расположенном справа от ручки медальоне почерком «куфи» имя мастера – «Сделал Абу Бакр». Еще в одном различается первое слово «сделал» или «дело» (чтение А.А. Иванова).

Рассмотрим зооморфные мотивы декора кувшина. Фигурки животных в медальонах развернуты влево и располагаются в следующем порядке: лев, сразу за ним заяц, три эпиграфических

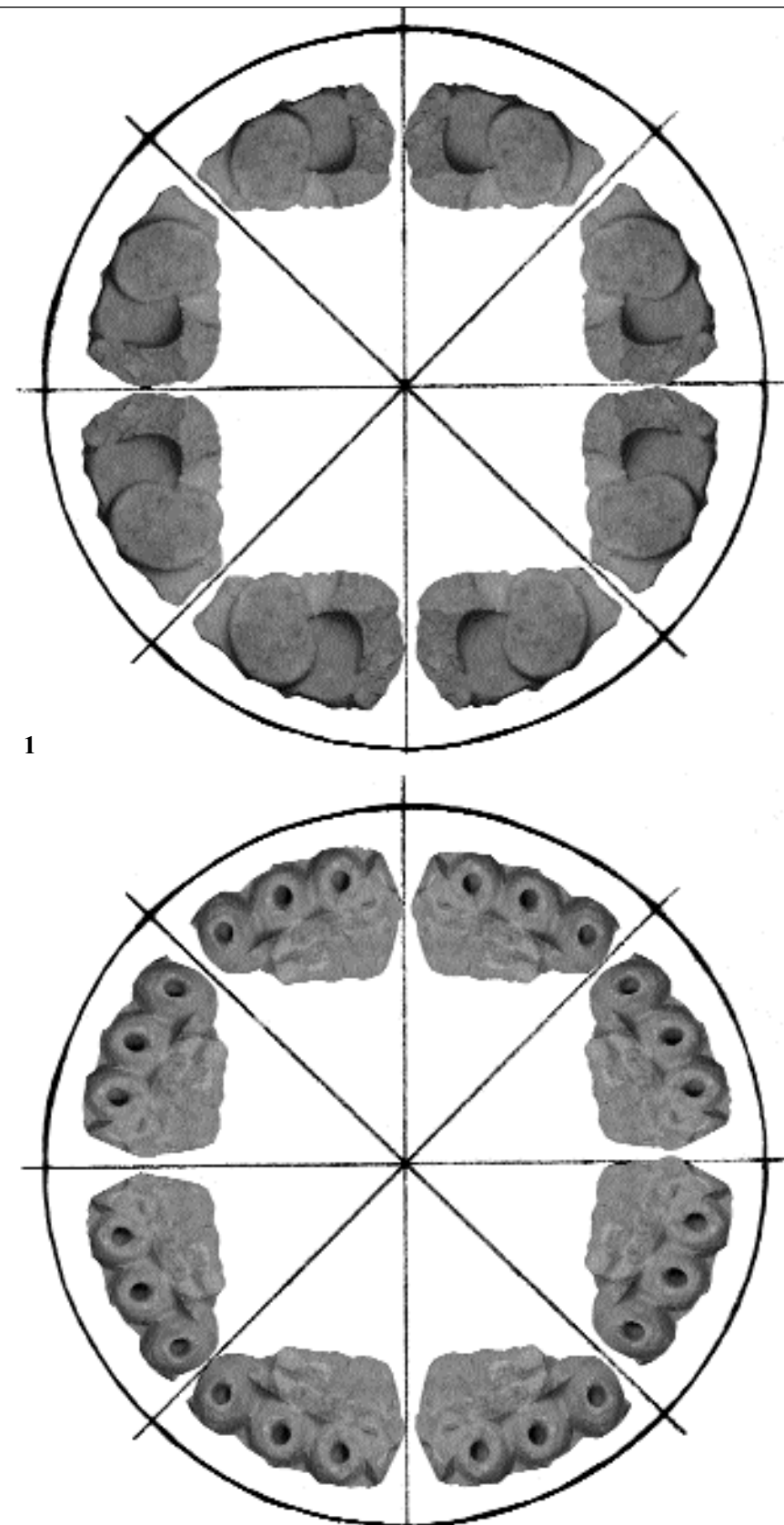

Рис. 6.

Двустороннее панно. Варахша, резной ганч.

Вариант реконструкции с использованием фрагмента из коллекции ГМВ.

1 – лицевая сторона (гранатовые яблоки), 2 – оборотная («сасанидские перлы»)

медальона, птицы, сразу за ними заяц (рис. 1, 3–6).

Лев — один из наиболее распространенных сюжетов на изделиях декоративно-прикладного искусства. Символика его и на Востоке, и на Западе вполне очевидна. Это олицетворение силы, власти, могущества, очень сильный благопожелательный и охранительный образ. Изображения львов на штампованной керамике Мерва подробно рассматриваются С.Б. Луниной (Лунина, 1962. С. 321). Иконография в нашем случае вполне традиционна. Поза, поворот головы, процветший полупальметтой кончик хвоста типичны для изделий исламского времени и восходят к сасанидской изобразительной традиции (Вишневская, 2007. С. 125. Рис. 6, 1–6). Добавлю лишь, что иконографическая схема через Византию проникла в Европу и к XII в. широко там распространилась. В этой манере выполнена фигура льва на диптихе слоновой кости IX–X в. из Франции (Debidour, 1961. Р. 17. III. 4) и на внутренней поверхности крышки чаши XII в. из Северной Европы (Маршак, 1996. С. 165. № 72). Неоднократно отмечалось сходство фигур львов на рельефах Дмитровского собора во Владимире с сасанидскими прототипами (Вагнер, 1969. С. 268–274. Рис. 176).

Изображения зайца часто встречаются во всех видах декоративно-прикладного искусства иногда как объект охоты в сценах гона зверей, иногда отдельно. Особенно популярны они становятся в исламский период (Вишневская, 2007. С. 126). Подробная библиография, относящаяся к этому сюжету, приводится в статье С.Б. Луниной (Лунина, 1962. С. 321–322). Она отмечает, что заяц в некоторых народных верованиях был посредником между человеком и божеством. В очень популярном цикле притч «Калила и Димна» заяц обладает умом, образованностью и играет сугубо положительную роль (Калила и Димна, 1934. С. 220). Какой-либо устоявшейся иконографии образа зайца не имеет. Фигурки зайцев в двух медальонах на нашем кувшине отличаются длинными хвостами, в одном случае кончик хвоста завершается двумя лепестками. Отметим также растительные побеги с полупальметтами, заполняющие фон.

В четвертом медальоне нашего сосуда изображены две птицы, повернутые спинками друг к другу, головы смотрят в противоположные стороны, хвосты соприкасаются. Поднятые вверх крылья смыкаются, и из этих сомкнутых крыльев вырастает некая фигура, напоминающая огрубленный трилистник (рис. 1, б). Видимо, эта симметрично расположенная по сторонам вертикальной оси геральдическая композиция является одним из вариантов универсальной иконографической схемы — две фигуры у мирового дерева. Однако в

искусстве Средней Азии исламского времени и более раннего сасанидского периода чаще используется другой вариант этой композиции. Как правило, четко выражена центральная ось (само дерево), фигуры животных, птиц, фантастических существ, всадников расположены по обе стороны и обращены лицом друг к другу (Вишневская, 2007. С. 124, 125. Рис. 5). В штампованной керамике Мерва есть композиции, близкие рассматриваемой нами, но головы птиц повернуты к центру, а такой элемент, как поднятые вверх сомкнутые крылья, прорастающие трилистником, пока не встречался (Лунина, 1962. С. 308. Рис. 51). Из изображений, известных в Средней Азии, композиционно ближе всего нашим птицам фигуры двух фантастических крылатых существ на бронзовом зеркале XI–XII вв. из Термеза (Пугаченкова, Ремпель, 1960. Ил. 194). Два зеркала с идентичными изображениями, изготовленные в Хорасане в начале XIII в., хранятся в музее Виктории и Альберта (Melikian-Chirvani, 1982. Р. 130, 131. № 58, 59). Обращаясь к более широкому кругу аналогий, выясняем, что геральдические композиции с птицами и крылатыми фантастическими существами (грифонами, сиренами), повернутыми друг к другу спинами, из сомкнутых крыльев которых вырастает трилистник, весьма типичны для искусства Византии (Даркевич, 1975. С. 38. Ил. 44) (рис. 1, 7). Подобные сюжеты изображены на чаше, входящей в группу вещей, выполненных в провинциально-византийском стиле в Северной Месопотамии (Маршак, 1996. С. 140. № 66). Автор отмечает широкий круг аналогий в мотивах декора от Западной Европы до стран ислама, объясняя это контактами мусульманского Востока, католического Запада, Византии и армянской Киликии. Из близких иконографических параллелей отмечу девятикратно повторяющиеся на фасадах Дмитровского собора во Владимире фигуры двух птиц с переплетенными хвостами и крыльями, прорастающими трилистником (Вагнер, 1969. С. 288–290. Ил. 193) (рис. 1, 8).

Доказано, что скульптурный декор Дмитровского собора создавался либо под сильнейшим влиянием романского стиля, либо собственно мастерами из Западной Европы. Известно, что bestiary романского стиля формировался во многом на основе византийского архитектурного декора и скульптуры (Debidour, 1961. Р. 27). Скорее всего, мотив двух птиц появился в декоре собора под непосредственным или же опосредованным (через романскую скульптуру) влиянием Византии.

Возвращаясь к медальону с птицами на сосудах из Мерва, мы вполне можем предположить, что художнику, изготовившему матрицу, было

знакомо аналогичное изображение на некоем предмете византийской работы из металла или слоновой кости, схему которого он воспроизвел на форме для изготовления штампованной керамики.

Второй кувшин из коллекции ГМВ (инв. № 4996 III) поступил в музей в 1965 г. в составе коллекции А.И. Смирнова — известного знатока и собирателя среднеазиатских древностей. В работе С.Б. Луниной опубликована плохо воспроизведенная прорисовка сосуда, найденного при раскопках в Мерве на раскопе 1 (Лунина, 1962. С. 303. Рис. 47). Насколько можно судить по нечеткому изображению, его декор идентичен нашему. Трудно себе представить, каким образом предмет из раскопок ЮТАКЭ мог оказаться в коллекции А.И. Смирнова. Возможно, наш кувшин был изготовлен в том же колыбе. В любом случае нет сомнений в том, что он происходит из Мерва и датируется XII в.

Отметим, что горло и ручка кувшина не сохранились, а уплощенное тулово на полом дисковидном поддоне было деформировано при обжиге.

Орнаментация сосуда весьма богата, а тонкий рисунок тщательно проработан. По плечикам — полоса эпиграфического орнамента (прочтению пока не поддается) в сочетании с пальметтами, ниже расположен фриз с сюжетом бега зверей (рис. 2, 1). В нижней части тулова цепочка круглых медальонов, в трех из них размещены изображения животных, а остальные заполнены растительными мотивами (рис. 2, 2). Придонная часть оформлена радиально расходящимися узкими вогнутыми каннелюрами, на дне — круг, разделенный на четыре сектора, в каждом из которых помещена пальметта.

Сосуды с туловом подобной формы встречаются среди изделий тореветики. Это одноручный кувшин X–XI вв. из Восточного Ирана и сосуд из Хорасана XII в. (Melikian-Chirvani, 1982. Р. 47. № 8; Р. 132. № 60). На подражание металлу указывает и оформление придонной части каннелюрами. Этот прием характерен для тореветики Ирана от ахеменидского периода (серебряный сосуд V–IV вв. до н. э.) (Guirschman, 1963. Р. 270. III. 333) до конца эпохи сасанидов (золотой кубок VI–VII вв.) (Луконин, 1977. С. 172).

Каннелюры встречаются и на сосудах раннего периода Аббасидского халифата (бронзовый кувшин VIII–IX вв. из собрания Эрмитажа). А.А. Иванов отмечает, что этот признак является свидетельством стойкости сасанидских традиций (Иран в Эрмитаже, 2004. С. 106. № 108). Для керамики XII в. эта деталь тем более архаична, однако в декоре штампованных сосудов из Мерва она используется довольно часто (Лунина, 1961. С. 288. Рис. 34; С. 299. Рис. 43).

Обратимся к первому фризу с изображением т.н. бега зверей (рис. 2, 3). Все животные двигаются влево. Перечислим их, начиная с фигуры, расположенной слева от основания ручки: 1) собака с необычным ухом, загнутым завитком; 2) заяц с длинным хвостом; 3) крылатый сфинкс с женской головой, повернутой анфас к зрителю; 4) фантастическое крылатое существо, возможно, собака с повернутой назад головой; 5) фантастическое крылатое копытное животное с рогами; 6) заяц.

Мотив бега зверей или, как его еще называют, звериного гона широко распространен в декоративно-прикладном и монументальном искусстве. Вопрос о происхождении этого сюжета решается неоднозначно. Процессии зверей по краю сосуда мы видим на металлических изделиях сасанидского Ирана (Gunter, Jett, 1992. Р. 205. № 38). Исследователи искусства Византии полагают, что изображения звериного гона появляются в результате синтеза двух слагаемых — византийского начала, восходящего к греко-римской традиции украшения металлических изделий, и восточного, сасанидского влияния (Strong, 1966. Р. 162–165, 171. Pl. 47a, 40, 51b). К XII в. в результате длительных взаимовлияний сюжет стал вполне универсальным для Западной Европы, Византии и мусульманского Востока. Приведу лишь несколько примеров. Блюдо начала XIII в. из Хорасана (Melikian-Chirvani, 1982. Р. 96, 97. № 27, 27A); бронзовый пенал и кувшин из Ирана XII — нач. XIII в. (SPA, 1939. Pl. 1288 B, 1293); серебряный сосуд XI в. из Северного Ирана (Маршак, 1996. С. 134, 135. № 63) серебряная чаша XII в. провинциальной византийской работы (Маршак, 1996. С. 142. № 67); византийское блюдо XII в. из Татар-Пасарджика (Банк, 1978. С. 57. Рис. 44); процессии зверей и монстров в скульптурном обрамлении порталов XII в. в церкви в Канонила на Корсике и собора Шатонеф-сюр-Шарант (Debidour, 1961. Р. 53–55. III. 50; Р. 357. III. 479).

Фриз с процессией зверей и фантастических существ на нашем сосудах, являясь одним из образцов этого стиля, отличается рядом интересных сюжетных и иконографических особенностей (рис. 2, 3).

Фигуры 1, 2 и 6 (собака и два зайца) наиболее часто встречаются в сценах звериного гона (Даркевич, 1975. С. 114–117. Ил. 176–179. Маршак, 1996. С. 145. № 67). Какая-либо устоявшаяся иконография в их изображениях не прослеживается.

Фигура 3 — крылатый сфинкс — в сюжете бега зверей появляется реже — как правило, встречаются его одиночные изображения. Один из наиболее ранних образцов — объемная бронзовая статуэтка из Ирана XI в. (Маршак, 1996. С. 136. № 64). К X–XI вв. относятся фигуры сфинксов на

скульптурном рельефе фасада Малой Метрополии в Афинах (Даркевич, 1975. С. 198. Ил. 306). В XII–XIII вв. этот древний образ повсеместно используется в искусстве христианского Запада и исламского Востока. Ряд исследователей склонны считать его появление в западном средневековом искусстве следствием восточного влияния. Не стоит вместе с тем забывать о греческом происхождении этого мифического существа, правда вобравшего в себя черты малоазиатского образа крылатой полудевы – полульвицы. Изобразительная традиция известна на примере греческих и этрусских памятников VI в. до н.э. (Ярко, 1982. С. 479–480). А.В. Банк считает этот персонаж вполне органичным для различных видов византийского искусства (скульптуры, книжной миниатюры, торевтики, украшений, керамики) (Банк, 1978. С. 49). Фигура сфинкса на нашем сосуде имеет ряд иконографических особенностей. Его крыло в отличие от крыльев двух других фантастических существ представляет собой четыре пера, слегка загнутых к голове. Эта изобразительная манера, несомненно, имеет корни в сасанидском искусстве. Именно так выглядят крылья грифона на иранской чаше VI–VII вв. (Guirschman, 1962. P. 219. III. 261). Затем иконография перешла в византийское искусство (грифон на каменном рельефе X–XI вв. из Халкиса) (Даркевич, 1975. С. 192. Ил. 297). Видимо, уже византийским влиянием объясняется идентичность крыльев грифона из церкви романского стиля на Корсике (Debidour, 1961. P. 53–55. III. 50) и грифонов на фасаде церкви Покрова на Нерли (Вагнер, 1969. С. 167. Ил. 107–110).

Другой характерной деталью нашего сфинкса является ошейник или ожерелье с отходящими от него подвесками (похожий атрибут есть у всех фигур на фризе). В точности тот же элемент находим в изображениях волков и барсов на рельефах Дмитровского собора (Вагнер, 1969. С. 405. Илл. 268; С. 409. Ил. 272). Своеобразная островерхая шапочка с загнутыми полями типична для антропоморфных фантастических персонажей на штампованной керамике Мерва (Лунина, 1962. С. 338–340. Рис. 40). Подробный свод персонажей в подобных головных уборах приводится в монографии Г.Г. Король (Король, 2008. С. 120–121. Рис. 19, 30. Табл. 7). В основном они происходят с памятников Саяно-Алтая и Восточного Туркестана VII–XII вв. и относятся к тюркскому кругу культур.

Фигура 4 – фантастическое крылатое существо с туловищем кошачьего хищника (?) и головой собаки (?). Точнее определить зоологическую принадлежность составляющих этого монстра не представляется возможным. Отметим, что крыло передано иначе, чем у сфинкса. Аналогичную ма-

неру мы видим на изображении грифона с песьей головой в штампованном медальоне на керамическом сосуде XII в. из коллекции ГМВ (Вишневская, 2007. С. 122. Рис. 3, 1). Это синкретический образ, возникший от смешения иконографии сенмурва и грифона. Подобные существа изображены на византийском блюде из Татар-Пасарджика (Банк, 1978. С. 57. Рис. 44).

Фигура 5 – фантастическое крылатое копытное животное с рогами на голове. Два крыла изображены в той же манере, что и у фигуры 4. Крылатый козел – древний иранский образ, известный в луристанских бронзах VIII–VII вв. до н.э. (Porada, 1962. S. 80) и в позднеахеменидский период IV в. до н.э. (Porada, 1962. S. 169). Практически без изменений этот персонаж изображен на иранской серебряной чаше XI в. (Маршак, 1985. С. 134, 135. Рис. 1, 2). На нашем кувшине крылатый козел воспроизведен в другой позе и в иной композиции.

Отмечу несколько характерных особенностей всего фриза в целом. Прежде всего обращают на себя внимание позы животных и монстров. Бегом или же гоном зверей это назвать нельзя. Фигуры как бы придавлены, стиснуты рамками фриза. Они не бегут, а скорее ползут или крадутся. Эта особенность нехарактерна для декора керамических сосудов и изделий из металла, обычно там передан именно бег. Подобная «придавленность» встречается на скульптурных фризах и капителях памятников романского стиля. В позе на согнутых лапах, с приподнятыми крупами изображены звери и чудовища на фризе церкви в Болье во Франции (Debidour, 1961. P. 81. III. 87). Сходную позу мы видим у львов на рельефах подкупольных столбов в интерьере Дмитровского собора (Вагнер, 1969. С. 347. Ил. 227–229).

Второй особенностью является заполнение фона пальметтами. Этот признак, а также близкий к нашему состав животных в процессии встречаем в декоре византийского блюда из Татар-Пасарджика, где изображены сфинкс, грифон, собака и заяц (Банк, 1978. С. 57. Рис. 44).

Обратимся теперь ко второму, нижнему фризу нашего кувшина (рис. 2, 4). Он представляет собой переплетенную цепочку, в которой большие круглые медальоны соединены более мелкими промежуточными звеньями. Свободное пространство целиком заполнено пальметтами. В трех медальонах размещены две фигуры копытных животных с рогами на голове и одна фигура фантастического крылатого существа, видимо идентичного фигуре 4 на верхнем фризе, но с крыльями из отдельных перьев, как у сфинкса. Все персонажи выполнены в той же условной манере, но размещены свободнее. На шеях у двух копытных мы видим простые ошейники, у кры-

латого персонажа – ошейник с подвесками. Остальные медальоны заполнены различными орнаментальными мотивами: розетками, пальметтами, растительными побегими. В одном случае по кругу идет имитация арабской надписи.

Мотив «плетенки» – излюбленный декоративный элемент в сасанидском искусстве, использовавшийся в архитектурном штукатурном декоре, на тканях и на других видах изделий (Guirschman, 1962. P. 187. III. 229; P. 229. III. 275, 276). Характерной деталью является промежуточное малое звено, заполненное розеткой, лунницей или пальметкой. Компонировка фигур животных в круге также типичный прием на изделиях сасанидского периода. Круглые медальоны, заполненные растительными элементами, мы видим на штукатурных панно из Бишапура и Ктесифона (Porada, 1962. S. 213, 214. Fig. 108, 109).

Из сасанидского искусства мотив плетенки перешел в византийское и широко использовался в архитектурном декоре (Tierry, 1968. P. 54, 55. Fig. 1, 2), на тканях (Райс, 2002. С. 68. Ил. 60, 61), в изделиях из слоновой кости (Банк, 1966. Ил. 134–139). В исламском декоративно-прикладном искусстве переплетенные медальоны встречаются реже, в XII в. преобладает геометрический, растительный и эпиграфический орнамент.

Наиболее близкие аналогии нашему фризу мы находим на колоннах, обрамляющих портал Георгиевского собора начала XII в. в Юрьеве-Польском (рис. 2, 5, 6) (Вагнер, 1975. С. 146, 147. Ил. 114). В этом случае совпадения в деталях почти буквальны: заполнение фона пальметтами, розетки в мелких звеньях, тип пальметты в орна-

ментальном медальоне. Нас не должно удивлять сходство стиля на столь разных типах памятников, удаленных географически друг от друга. Разбирая зооморфные мотивы декора наших сосудов, мы уже обращались к этому культурному региону. Наверняка могли существовать некие общие прототипы, скорее всего византийские. В.П. Даркевич справедливо отметил, что «белокаменная фауна Дмитровского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском свидетельствует о знакомстве резчиков с византийской резной костью» (Даркевич, 1975. С. 278). Точно так же с ней могли быть знакомы и мастера-керамисты из Мерва.

О тесных контактах Востока и Запада, взаимовлияниях и сложении некоей единой художественной системы написано много. Р. Гиришман приводит примеры генетического сходства византийского, исламского и романского искусства (Guirschman, 1962. P. 293–305). Б.И. Маршак на большой серии изделий торевтики выделяет группу сосудов, для которых характерно сочетание в тех или иных пропорциях византийских, исламских и западноевропейских элементов (Маршак, 1985. С. 135–149). А.В. Банк пишет о тесных взаимовлияниях исламского и западного мира в эпоху крестовых походов, не только разделявших, но и связывавших эти культуры (Банк, 1978. С. 50).

Анализ декора керамических штампованных сосудов из Мерва наглядно подтверждает выводы о сложении в искусстве образного и стилистического единства, существовавшего в XII в. на огромной территории.

Библиография

- Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., 1966.
Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978.
Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово. М., 1969.
Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975.
Вишневская Н.Ю. Штампованные фигуративные изображения на среднеазиатской керамике X–XIII вв. (из коллекции ГМВ) // РА. 2007. № 2.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975.
 Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки. СПб., 2004.
 Калила и Димна. М.-Л., 1934.
 Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.-Кемерово, 2008.
 Лукошин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
 Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
 Маршак Б.И. К вопросу о тюретике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: Сборник статей. Л., 1985.
 Маршак Б.И. Сокровища Приобья. Каталог выставки. СПб., 1996.
 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
 Райс Д.Т. Искусство Византии. М., 2002.
 Чепелев В. О народной линии в искусстве феодального Востока // Искусство. 1936. № 1.
 Ярко В.Н. Сфинкс // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982.
 Debidour V.-H. Le bestiaire sculpté du Moyen âge en France. Paris, 1961.
 Guirschman R. Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1962.
 Guirschman R. Perse. Protoiranien, Mèdes, Achéménides. Paris, 1963.
 Gunter A.C., Jett P. Ancien Iranian Metalwork. Washington, 1992.
 Melikian-Chirvani A.S. Islamic Metalwork from the Iranian World 8th–18th Centuries. Victoria and Albert Museum Catalogue. London, 1982.
 Porada E. Die Kunst in vorislamischer Zeit. Baden-Baden, 1962.
 SPA. Vol. VI. London, New-York, 1939.
 Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. London, 1966.
 Terry N. Peintures paléocretiennes en Cappadoce. L'église 1 de Balkan dere // Synchronon. Art et Archéologie du Moyen Age. Recueil d'études. Vol. II. Paris, 1968.

Рис. 1.
 Кувшин (инв. № 1934 III) и аналогии: 1 – общий вид; 2 – деталь; 3-6 – прорисовка медальонов фриза; 7 – деталь византийской чаши XII в. (прорисовка); 8 – деталь скульптурного декора Дмитриевского собора во Владимире (прорисовка)

Восточный бирюзовый амулет в европейском серебряном медальоне из собрания Государственного музея Востока

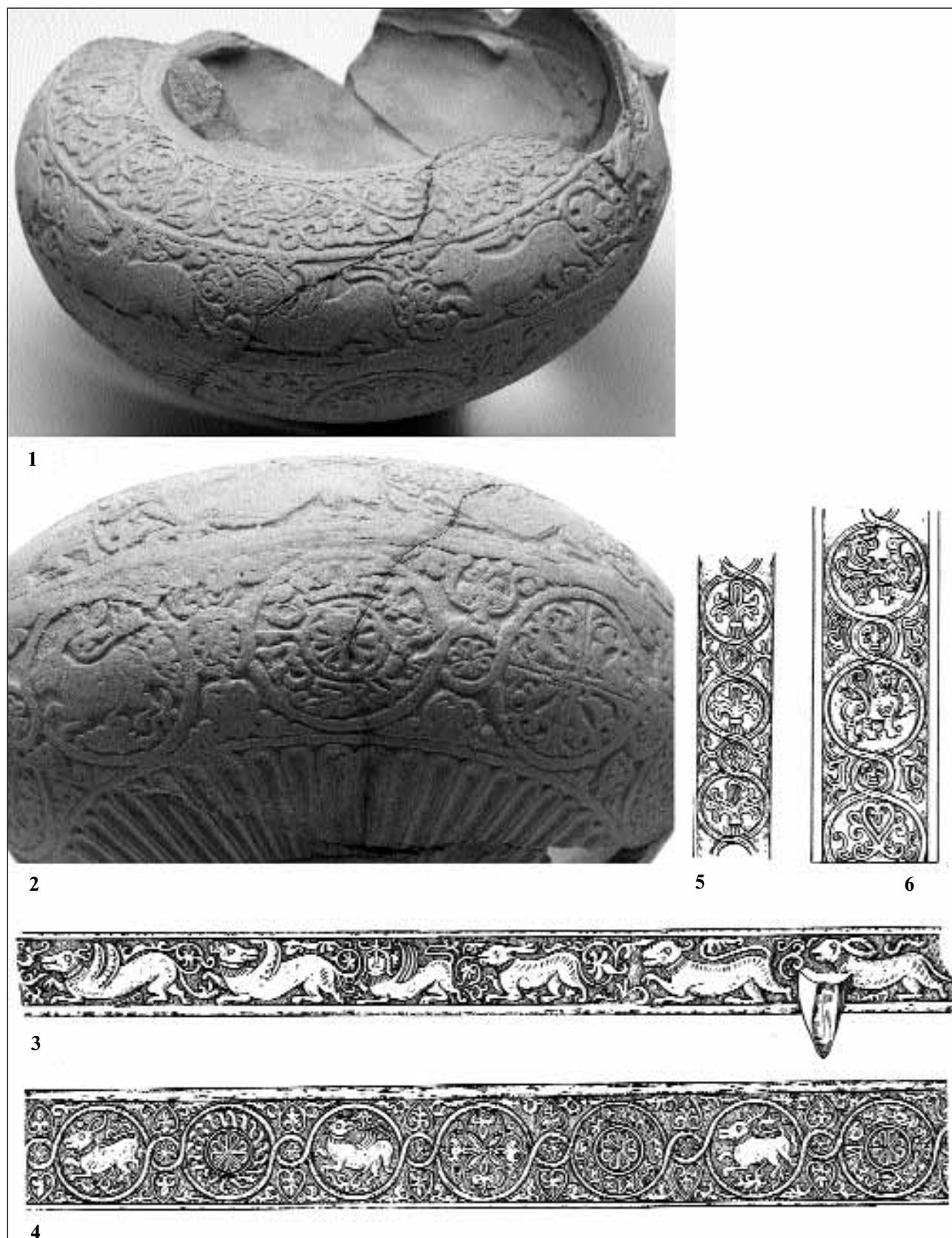

Рис. 2.

Кувшин (инв. № 4995 III) и аналогии: 1 – верхний фриз кувшина; 2 – придонная часть кувшина; 3 – прорисовка верхнего фриза; 4 – прорисовка нижнего фриза; 5-6 – детали архитектурного декора Гергьевского собора в Юрьеве-Польском

Бирюза – один из самых красивых ювелирных камней, известных человечеству с глубокой древности. Так, исследователи выделяют бирюзово-золотой звериный стиль в ювелирных изделиях европейских сарматов, возникший в первые века нашей эры (Яценко, 2000. С. 172–185). В средние века бирюза и украшения из нее были очень популярны в исламском мире и на территории Европы. Название бирюзы произошло от персидского слова «фируза», что означает «победа», а с арабского «фирузадж» переводится как «камень, приносящий удачу в делах». У европейцев начиная с XIII–XIV вв., когда бирюза стала проникать из Персии на Запад через турецких торговцев, она получила название «тюрокис», или «тюркуаз», что буквально означает «турецкий» (Пыляев, 1888. С. 199; Ферсман, 1954. С. 283; Бируни, 1963. С. 158; Менчинская, 1989. С. 8). Бирюзу чаще вправляли в серебро, так как считали, что в золоте она теряет свою красоту (Корнилов, Солодова, 1986 С. 168; Ахунбабаева, 1990. С. 31).

В изделиях Востока встречается гравировка бирюзы и инкрустация ее серебром и золотом. Чаще всего гравированную бирюзу использовали для изготовления амулетов. Как материал для печатей она не годилась в силу мягкости камня. Правда, известны редкие образцы бирюзовых печатей. Так, во времена правления иранского шаха Аббаса Великого (1587–1629) большие государственные печати вырезались из толстого куска бирюзы, на котором гравировали только имя правящего царя и дату (Chardin, 1811. Р. 461). Иранский шах Сулейман I (1669–1694) имел три больших печати из бирюзы. Одна из них, квадратной формы, служила его личной пе-

чатью, которую шах носил на шее (Rabino di Borgomale, 1973. Р. 23).

В Фонде гемм и печатей Востока ОИМКиДи Государственного музея Востока хранится восточный бирюзовый амулет¹, вставленный в европейскую серебряную оправу, образующую кулон² (рис. 1). Кулон овальной формы. Он состоит из серебряного основания, плоской бирюзовой вставки-геммы, и ушка для подвешивания. Ушко имеет соединительный элемент круглой формы. К краю оправы припаян тонкий витой шнур из серебряной проволоки.

Кулон поступил в собрание музея в 1996 г.³ из коллекции известного русского востоковеда Всеволода Владимировича Павлова, который в свое время был заведующим Отделом Древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва) и одним из лучших специалистов по глиптике – искусству резьбы по цветному камню. Он не только изучал, но и коллекционировал геммы. Некоторые из них опубликованы самим В.В. Павловым (Павлов, 1962. С. 327–335; 1964. С. 50–55; 1964а. С. 207–217; 1972. С. 223–230). Состав его коллекции был чрезвычайно разнообразен. Большую ее часть составляли произведения древневосточной и античной глиптики (Никулина, 2004. С. 134, 136; Померанцева, 1972. С. 239). Об истории появления в коллекции В.В. Павлова восточного бирюзового амулета ничего не известно. Можно предположить, что амулет был приобретен Всеволодом Владимировичем на антикварном рынке Москвы благодаря красоте камня, т. к. при покупке геммы его зачастую привлекала в первую очередь исключительная красота самого камня, тогда

¹Инв. № 719 Др-IV. Размеры: 4,9х3,9 см (камень без оправы); 5,2х4,2 см (с оправой).

²Кулон – нагрудное украшение в виде одного или нескольких камней, стекло, жемчуга и т. д. в единой оправе на удерживающем предмете (Система..., 2003. С. 64).

³Акт № 57 от 23.04.1996.

как изображение было для него вторично (Никулина, 2004. С. 140). Настоящая статья — первая публикация экспоната.

Бирюзовая вставка-гемма имеет овальную форму. Поле геммы содержит гравированный декор, состоящий из двух крупных цветков в левой ее части и свободно разбросанных по всему полю мелких цветов. Край геммы обрамлен тонким двухлинейным ободком с декором в виде мелких крестиков. Поверхность геммы заполняет арабско-графичная надпись в две строки на языке фарси, выполненная почерком *наста'лик*. Вторая строка выполнена на разных уровнях, что создает впечатление трехстрочной надписи. Конечная буква «та'» ت 3 слове مبارکت *изуально делит поле надписи пополам. Надпись, декор и цветочный орнамент выгравированы и покрыты сусальным золотом. Гравировка геммы неглубокая. Надпись читается с нижней строки вверх справа налево:*

*قریان وجود/ مبارکت شوم — Да буду я жертвой твоей благословенной жизни⁴. Надпись прямая, не зеркальная. Это свидетельствует о том, что гемма была предназначена и использовалась как амулет. Надпись носит традиционный благопожелательный характер. Обычно подобное персидское выражение применяли при обращении к людям великим, знатным и почтенным, демонстрируя крайнее уважение к адресату. В некоторых районах Хорасана арабское слово قریان *курбан* (жертва) употреблялось при обращении к уважаемому или почтенному человеку в значении «господин», потому что оно представляет сокращение известного персидского выражения при обращениях к другому лицу, особенно в письмах и официальных прошениях, قربانت شوم — *Да стану я твоей жертвой!* (Семенов, 1954. С. 35, сноска 2).*

По стилистическим и художественным признакам описываемую вставку можно отнести к первой половине XIX в. Овальная форма пластины, характер и расположение строк надписи, цветочный фон, ободок с декором в виде мелких крестиков свидетельствуют о среднеазиатском происхождении вставки. Местом ее изготовления, скорее всего, можно считать город Бухару. Подобный ободок с декором в виде мелких крестиков мы видим на бухарских монетах первых десятилетий XIX в. (Catalogue, 1997. Issue I. № 87, 88; Catalogue, 2000. Issue II. № 94; Catalogue, 2001, № 94).

Особенность публикуемого амулета состоит в том, что он был вставлен боком в европейскую се-

ребряную оправу с подвесным ушком и стал, таким образом, кулоном. Оправа была изначально позолочена. Но в результате долгой носки и соприкосновения с телом позолота потерялась, а серебро окислилось. Оправа глухая, сделанная выколоткой или штампом. Витой шнур из серебряной проволоки припаян к ее борту посередине. Ушко паяное. Оправа кулона сначала была покрыта золотом, а затем вставлен камень⁵. Обратная сторона оправы гладкая, без декора, содержит два клейма (рис. 2). Первое с буквами «ОВ», заключенными в овальный щиток и обозначающими инициалы мастера. Второе клеймо с цифрой 84, обозначающей пробу серебра, заключено в щиток неправильной формы, к которому примыкает другой щиток с гербом Петербурга — два скрещенных якоря и скипетр. Клеймо с гербом Петербурга было введено с 1741 г. и до конца XIX в. оставалось почти без изменений (Постникова-Лосева и др., 2003. С. 128). Форма клейма на нашей оправе характерна для последней четверти XIX в. (Постникова-Лосева и др., 2003. С. 178). В 1896 г. был введен новый пробирный устав, устанавливающий для всей России с 1899 г. единообразное клеймо с изображением женской головки в кокошнике, в профиль влево, заключенное в щитки различной формы (Постникова-Лосева и др., 2003. С. 128). Таким образом, оправа нашего амулета была сделана в Петербурге не позднее 1899 г.

Описываемая бирюзовая вставка имеет очень интересную историю и символику.

Считалось, что носящий бирюзу был защищен от укуса змей и скорпионов. Созерцание ее по утрам сохраняло и обостряло зрение. Ношение бирюзы укрепляло сердце, устраняло страх, предохраняло от потопления, болезни легких, удара молнии (Семенов, 1912. С. 299; Борозна, 1975. С. 292). Бирюза с благопожелательной надписью также являлась талисманом, которому приписывалась магическая способность приносить удачу, богатство, победу и т. д. Фигурные медальоны с пластинками из полудрагоценных камней, содержащие различные надписи — изречения из Корана, заклинания, молитвы, благопожелания, являлись талисманами. Они включались в нагрудные украшения, служили отдельными подвесками, принадлежали к украшениям знати (Ермакова, 2000. С. 104).

Небольшие сколы по краям камня из коллекции ГМВ свидетельствуют, о том, что изначально

он был вставлен в другую оправу и, по-видимому, некоторое время бытовал на Востоке, выполняя функции защитного амулета. Затем камень попал в Россию, где был вставлен в новую серебряную позолоченную оправу европейского типа. После присоединения Средней Азии к России усилился интерес русского общества к культуре и искусству этого малоизвестного края. Поэтому резко возрос и спрос на предметы среднеазиатской старины со стороны русских и иностранных любителей, проживающих в России (Лунин, 1963. С. 32). Большие восточные камни, вставленные в оправу, были очень популярны в России в конце XIX в. Описываемый кулон стал женским украшением. От долгой носки бирюза потеряла свой первоначальный цвет, а с серебра сошла почти вся позолота.

Ближайшей аналогией нашему амулету можно считать амулет, который хранится в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана (Москва) и находится в экспозиции (Галюк, 1971. С. 38). Автору была предоставлена возможность ознакомиться с этим амулетом и исследовать его⁶.

Это серебряная одночастная резная пряжка с гравированной бирюзовой вставкой⁷, которая поступила в Минералогический музей в 1930 г. Вставка представляет собой вытянутую бирюзовую пластину овальной формы. По краю геммы идет широкий пояс, заполненный треугольниками с цветочным орнаментом. Внутри надпись почерком *наста'лик* на языке фарси в две строки на цветочном поле. Надпись читается с верхней строки вниз: *ياقاضي/الحاجات* — *О, решающий нужды*. Надпись равномерно распределена по поверхности камня. Все буквы выполнены четко с соблюдением пропорций. Это свидетельствует, что надпись была сделана высокопрофессиональным гравером-каллиграфом, который обладал чувством росчерка и чувством движения калыма.

Особенность изготовления геммы в том, что первоначально был нанесен цветочный фон, который состоит из трех крупных цветочных форм, а также множества растительных завитков, стебельков и маленьких цветочков. По этому фону была выгравирована надпись в две строки, занимающая центральное поле геммы, а уже потом (возможно, другим мастером) выполнен широкий бордюр с вписанными в него треугольниками и цветочным орнаментом. Качество обработки по-

ля очень высокое. Надпись прямая, не зеркальная, что показывает: гемма предназначалась быть амулетом.

Оформление поля, надпись и оправа исполнены с разным уровнем мастерства, поэтому можно считать, что гемму делали несколько человек и, возможно, из разных мест. Надпись и фон делали один или два иранских мастера-профессионала. Рамка с треугольниками выполнена другим стилем, уровень работы ниже, скорее всего, это работа городского ремесленника уже в Средней Азии. Разный уровень гравировки камня можно объяснить тем, что подобные резные камни-заготовки привозили в Среднюю Азию из Ирана (Фахретдинова, 1988. С. 149). Затем они дополнялись декоративной рамкой и вставлялись в оправу среднеазиатскими ювелирами. Однако не исключается и другая возможность: амулет мог быть сделан иранскими мастерами в самой Бухаре, т. к. там работали мастера, приезжавшие из Ирана и Индии.

Гемма была вставлена в серебряную оправу с выступающими фестонами, обратная сторона которой декорирована гравированным сложным рисунком в виде птицы, сидящей на цветущей ветке или в кроне дерева. Судя по технике обработки, оправа была сделана в Хиве⁸.

Что касается места происхождения поделочного материала для описываемых вставок, то это, скорее всего, бирюза нишапурского происхождения, т. к. по своему качеству она более зрелая и более синяя. В Средней Азии полудрагоценные и поделочные камни добывались больше для внутреннего потребления и в основном в небольших количествах (Бубнова, 1980. С. 125). Бухарская бирюза не использовалась для вставок в ювелирные украшения. Подполковник Бутенев (Бутенев 2-й), бывший в Бухаре в 1842 г., отмечал плохое качество бирюзы, «недавно открытой в Бухарии в горах Курама» (Кураминские горы). Зеленоватый цвет этой бирюзы и наличие темных и белых пятнышек делало ее почти совершенно не пригодной для вставок в качестве драгоценного камня (Бутенев 2-й, 1842. С. 145).

Восточный амулет из собрания ГМВ характерен для бухарских мастерских. Подобные геммы из привозной нишапурской бирюзы производились как для внутреннего, так и внешнего рынка, т. к. пользовались большим спросом на террито-

⁴Благодарю Владимира Ниловича Настича, зав. Отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН (Москва), за помощь в переводе надписи.

⁵Материал и особенности технологии определил Д.А. Иванов, художник-реставратор Лаборатории археологической фиксации, консервации и реставрации Государственного музея Востока. Он же проводил реставрационную чистку.

⁶Благодарю сотрудников Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН: главного хранителя музея Михаила Евгеньевича Генералова, куратора коллекции драгоценных и поделочных камней, ст.н.с. Марианну Борисовну Чистякову, научного сотрудника музея Дарью Дмитриевну Новгородову за оказанную автору помощь.

⁷ПДК 4186. Размеры без оправы: 8 x 5 см, размеры в оправе: 8,4 x 5,7 см, толщина с оправой: 1,1 см.

⁸Благодарю Екатерину Станиславовну Ермакову, заведующую третьим научно-исследовательским отделом ГМВ, за предоставленные сведения.

рии Российской империи (Небольсин, 1856. С. 30–31). В Бухару, слывшей законодательницей мод, съезжались многие иностранные купцы. Отдельная группа татарских купцов из Казани вела среднеазиатскую торговлю в основном через Бухару. Здесь они имели возможность продавать и покупать украшения (Ермакова, 2000. С. 99; Мукминова, 1976. С. 198–199).

Известны татарские изделия, в которых присутствуют бирюзовые вставки бухарского происхождения. Например, в «хаситэ» – национальном ювелирном украшении казанских татар, которое хранится в Музее изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань)⁹, имеются вставки из бирюзы с гравированными арабографичными надписями, происходящие из Бухары. В собрании Государственного этнографического музея

(Санкт-Петербург) хранится цепеобразный браслет поволжских татар¹⁰, выполненный из крупных камней бирюзы в оправе. Каждый камень содержит арабографичную надпись и имеет характерный среднеазиатский ободок с декором в виде мелких крестиков. Бухарские амулеты из бирюзы встречаются также в ювелирных изделиях Кавказа. В фондах Государственного музея Востока хранится кавказский праздничный пояс с бухарскими вставками из гравированной бирюзы¹¹.

Таким образом, на примере восточного бирюзового амулета из ГМВ мы можем проследить процесс превращения сакрального предмета, выполнявшего функции талисмана и амулета на Востоке, в экзотическое европейское женское украшение.

Померанцева Н.А. Памяти Всеволода Владимировича Павлова (1898–1972 гг.) // Народы Азии и Африки. М., 1972. № 4.

Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (территория России, СНГ и ближнего зарубежья). СПб., 2003.

Пыляев М.И. Драгоценные камни их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1888.

Семенов А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. Т. I. № 3. СПб., 1912.

Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Труды АН Тадж.ССР. Т. 25. Сталинабад, 1954.

Система научного описания музейного предмета. Классификация, методика, терминология. Справочник. СПб., 2003.

Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. Т. I. М., 1954.

Ювелирное искусство народов России (ювелирные украшения). Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1974.

Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000.

Chardin J. Voyages du Chevalier Chardin en Perse, par L.Langlès. Vol. 5. Paris, 1811.

Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. Authors: R.Azimov, E.Rtveladze. Tashkent, 1997. Issue I.

Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. Compiler and editor E.Rtveladze. Tashkent, 2000. Issue II.

Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. Anniversary edition. Compiler and editor E.Rtveladze. Tashkent, 2001.

Rabino di Borgomale H.L. Coins, medals, and seals of the Shahs of Iran, 1500–1941. Dallas, Texas, 1973.

Библиография

Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Перевод А.М. Беленицкого. М., 1963.

Ахунбабаева Н. Каменные украшения из Фархадстроа // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Бубнова М.А. Состояние добычи драгоценных и поделочных камней в среднеазиатских владениях в XVI–XIX вв. // Памяти Александра Александровича Семенова: Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душанбе, 1980.

Бутнев 2-й. Минеральные богатства Бухарии // Горный журнал. Ч. IV. Кн. XI. СПб., 1842.

Галюк В. В мире камня. М., 1971.

Искусство ислама. СПб., 2001.

Ермакова Е.С. Женские ювелирные украшения Бухары конца XIX – начала XX века. М., 2000.

Корнилов Н.И., Солодова Ю.П. Ювелирные камни. М., 1986.

Лунии Б.В. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1963. № 6.

Менчинская Т.И. Бирюза. М., 1989.

Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976.

Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией. СПб., 1856.

Никулина Н.М. Портрет в обрамлении. К столетию со дня рождения Всеволода Владимировича Павлова. М., 2004.

Павлов В.В. К вопросу о малоазиатской глиптике // Древний мир: Сборник статей. Академику В.В. Струве. М., 1962.

Павлов В.В. Геммы и камеи // Художник. М., 1964. № 3.

Павлов В.В. Две восточные геммы // СА. М., 1964а. № 3.

Павлов В.В. Две восточные геммы // В.В. Павлов. Образы прекрасного. Избранные труды. М., 1972.

⁹Инд. № КВП-4/29 (Искусство..., 2001. С. 84, 86–87. № п/п 144).

¹⁰Инд. № 3281-41 (Ювелирное искусство..., 1974. Илл. 98).

¹¹Инд. № 13377 III.

Раскопки кургана Ульской группы в 2007 году

Рис. 1.
Лицевая сторона амулета

Рис. 2.
Оборотная сторона амулета

Ульские курганы – один из ключевых памятников скифской эпохи на юге России. Весьма важна его хронологическая позиция: ранние Ульские курганы по времени смыкаются с Келермесскими, а наиболее поздние с Семибратними курганами.

Исследование этого памятника началось в 1898 г. профессором Петербургского университета Н.И. Веселовским, который раскопал в Ульской группе два кургана (АИИМК. Д. 60/1898. Л. 13–18, 65; ОАК, 1901. С. 30–32). К этому памятнику он вновь обращается в 1908 и 1909 г. (АИИМК. Д. 60/1908. Л. 4, 5, 18; ОАК, 1912. С. 118; АИИМК. Д. 41/1909. Л. 161–164; ОАК, 1913. С. 147–152). Всего им было раскопано здесь девять курганов. Лишь один курган, занятый в период раскопок Н.И. Веселовского черкесским кладбищем, спустя почти 70 лет раскопал А.М. Лесков (Архив ИА РАН. Р-1. № 8672). Еще одна небольшая насыпь (курган 11) была разрушена при строительстве дороги в 80-е годы XX в.

В настоящее время материалы Ульских курганов хранятся в трех музеях России. Вещи из раскопок Н.И. Веселовского были поделены между двумя музеями – Историческим в Москве и Государственным Эрмитажем в Петербурге. Вещи из раскопок А.М. Лескова поступили в Государственный музей Востока. Коллекция Ульских курганов сейчас подготовлена к публикации и, надеемся, в самое ближайшее время увидит свет.

Однако проведенная коллективом авторов работа отнюдь не ставит точку в исследовании этого замечательного памятника, а лишь послужит стимулом к дальнейшему изучению его следующими поколениями исследователей.

Хронология памятника. Ульская группа входит в комплекс археологических памятников скифского времени, располагающихся в районе аула Уляп в Адыгее (рис. 1). Наиболее ранний курган был раскопан в 1910 г. профессором Н.И. Веселовским на западной окраине аула и содержал мате-

риал, синхронный древнейшей (Старшей) группе Келермеса (третья четверть VII в. до н.э.). В километре к востоку от Ульских курганов находились не менее знаменитые Уляпские курганы-святилища первой половины IV в. до н.э. и грунтовые могильники скифского времени. Таким образом, можно предполагать, что высокая левая терраса р. Лабы осваивалась местным населением последовательно с запада на восток.

Коллекцию из Ульских курганов, хранящуюся в трех музеях, можно разделить на четыре хронологических периода.

1. Древнейшим в Ульских курганах является курган 1/1908 г. В его коллекцию входят трехплетельчатые железные архаические псалии и бронзовые удила со стремячквидными окончаниями, находящие ближайшие аналогии благодаря литому орнаменту в курганах Младшей Келермесской группы (курганы Д.Г. Шульца). Последняя, в свою очередь, имеет целый ряд соответствий с материалами кургана 16 могильника Новозаведенное на Ставрополье. Из этого кургана происходят находки двух североионийских сосудов – ойнохоя и чаша на ножке, дата которых «по самым смелым оценкам не может быть заглублена ниже конца VII – начала VI в. до н.э.» (Петренко и др., 2000. С. 238 и сл.). Таким образом, курган 1/1908 г. корректно датировать в пределах первой половины VI в. до н.э.

2. Во второй хронологический горизонт мы объединяем сейчас курганы 2 и 3/1908 г., 1 и 2/1909 г., а также курган 10, раскопанный А.М. Лесковым в 1982 г. В них преобладает уже другая уздечная система – здесь найдены двудырчатые псалии, переход к которым, по нашему мнению, происходит в середине VI в. до н.э. Лишь в одном кургане (10/1982 г.) встречен фрагмент трехплетельчатого псалия, хотя преобладают двудырчатые. Вещевые комплексы достаточно тесно связаны между собой и помимо узды имеют соответствия в ряде золотых украшений – это пронизи, зооморфные и

геометрические бляшки. Из курганов 2/1909 и 10/1982 г. происходят бронзовые парные навершия в виде головы хищной птицы, причем вторые (к. 10/1982 г.), очевидно, подражают первым (к. 2/1909 г.). Несмотря на относительно большое для этих ограбленных курганов количество изделий из драгоценных металлов, греческие импорты в этой хронологической группе отсутствуют. Единственный восточно-греческий импорт в районе Уляпа — родосско-ионийский килик первой половины VI в. до н.э. происходит из соответствующего по времени Ульским курганам погребения 51 кургана 15 Уляпского могильника (Лесков и др., 2005. Рис. 203, 1).

3. В третий хронологический горизонт мы включаем курганы 1/1898 г. (Большой Ульский) и 2/1898 г., в которых присутствуют аттические импорты конца VI — начала V в. до н.э. — фрагменты киликов, сифон, фрагмент закрытого сосуда гидрии или амфоры. Как считает исследовавшая греческий импорт Ульских курганов И.В. Ксенофонта, его поступление в глубинные районы Прикубанья связано со вторым этапом колонизационной деятельности Афинского государства конца VI — первой трети V в. до н.э. (Ксенофонта, 2000. С. 81, 82).

4. Наиболее поздним является курган 11 Ульской группы, имевший небольшую насыпь, которая повреждена была при строительстве дороги. Уздечный комплекс, обнаруженный здесь, можно уверенно датировать в пределах V в. до н.э. (Габуев, Эрлих, 2001. С. 116, 117. Рис. 4). Конская бляха-нащечник из этого комплекса (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 61) находит соответствия с бляхой из 4-го Семибратнего кургана и погребения 16 кургана 5 могильника Кривая Лука V в. до н.э. в Поволжье (Артамонов, 1966. С. 35. Табл. 64; Степи Европейской части..., 1989. Табл. 66, 21; Ogi-Gorjaeva, 2005. Abb. 58, 2a, 2b).

Функциональное назначение курганов. Другой немаловажный вопрос — функциональное назначение и планиграфия курганной группы. Долгое время Ульские курганы считались классическими погребальными памятниками скифской культуры на территории Северного Кавказа (Ростовцев, 1925. С. 310; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 68, 69; Петренко, 1989. С. 221—223; Махортых, 1991). Большинство специалистов и сейчас рассматривают эти курганы как погребальные комплексы, продолжающие келермесскую традицию, датируя их VI—V вв. до н.э. Эту точку зрения оспорил А.М. Лесков, раскопав в 1982 г. единственный нетронутый Н.И. Веселовским курган (к. 10), который оказался святилищем, а не погребальным комплексом. Под насыпью была открыта земляная платформа высотой около 1 м. Ее вершина имела вид плоской площадки диаметром 20 м с пологим

пандусом с южной стороны. В центре сооружения был открыт деревянный сруб. Внутри его находилась ритуальная площадка, большей частью ограбленная, на которой обнаружен огромный бронзовый котел, два скопления бронзовых колокольчиков, детали конских уздечек. Вокруг ритуальной площадки найдены остатки 29 конских жертвоприношений, перекрытых деревянным навесом, лежащим одной стороной на обвязке сруба, другой — на внешнем земляном валу. Вход в сооружение вел с юга, где имелся разрыв вала. Здесь же были обнаружены и два бронзовых плоских навершия (Сокровища..., 1985. С. 26, 28). По найденным в кургане уздечным принадлежностям его можно отнести ко второй половине VI в. до н.э. После раскопок этого кургана и Большой Ульский курган 1/1898 г. стали интерпретировать как святилище (Балонов, 1987. С. 22; Галанина, Лесков, 1996. С. 14; Эрлих, 2001. С. 118; Канторович, Эрлих, 2006. С. 20, 21). Следует отметить, что Н.И. Веселовский в своих отчетах об Ульских курганах нигде не упоминал об остатках человеческих костей и погребальных ямах-гробницах.

В то же время ритуальные комплексы-святилища, восходящие еще к протомеотскому периоду (Эрлих, 2007. С. 69—71), типичны для меотской археологической культуры (Эрлих, 2001. С. 15—19; Канторович, Эрлих, 2006. С. 20—26). В настоящее время нам известно уже около 40 подобных памятников. Ближайшими в территориальном отношении к Ульским курганам являются подкурганые святилища Уляпского некрополя первой половины IV в. до н.э. (Leskov, 1990) и святилища второй половины IV в. до н.э. на некрополе II Тенгинского городища, расположенном в 10 км к северу от Уляпа (Эрлих, 2006. С. 37—49).

В 1996 г. А.М. Лесков и Л.К. Галанина высказали предположение, что Ульская курганная группа имела двойственный характер — в центральной и западной части группы располагались святилища: курган 10 и Большой Ульский курган (курган 1/1898 г.). Основываясь на обрывочных и весьма невнятных сведениях отчетов Н.И. Веселовского, они полагали, что строительство курганов началось с востока. Наиболее ранние из них являлись погребальными комплексами и находились в восточной части группы. Причем самым крайним восточным курганом был курган 1/1908 г., комплекс которого, хранящийся в фондах Государственного Эрмитажа, сопоставим по времени, как мы уже указывали, с материалами из курганов Шульца Келермесского могильника (Галанина, Лесков, 1996. С. 13—15).

Работы 2007 года

Летом 2007 г. Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока¹,

провела исследование останца насыпи одного из Ульских курганов, имевшего большую «глухую» траншею с юга — результат раскопок Н.И. Веселовского². Для исследования был выбран крайний восточный курган Ульской группы, который, по мнению А.М. Лескова, являлся курганом 1/1908 г. (рис. 2).

Исследуя повторно насыпь, уже раскопанную Н.И. Веселовским, мы ставили перед собой следующие задачи:

— во-первых, необходимо было выяснить, все ли Ульские курганы являются ритуальными комплексами — святилищами, или ранние курганы — это погребальные сооружения, как это полагали А.М. Лесков и Л.К. Галанина;

— во-вторых, мы пытались верифицировать гипотезу А.М. Лескова о том, что курганы последовательно сооружались с востока и самым ранним (к. 1/1908 г.) является крайний восточный курган группы;

— третьей целью этих работ являлось сопоставление полученных материалов с коллекциями из Ульских курганов, хранящимися в музеях;

— и наконец, мы пытались еще раз проверить достоверность сведений, приведенных в отчетах Н.И. Веселовского, о планиграфии конкретных курганов и характере имевшихся в них конструкций.

Высота насыпи кургана в 2007 г. с севера составляла 3,2 м, с юго-запада 3,5 м и с юго-востока 3,0 м. Насыпь имела «подковообразную» форму (рис. 2). По линии север—юг ширина насыпи была 36,5 м, а запад—восток 36 м. С юга останец насыпи имел большую траншею — след работ Н.И. Веселовского. Ширина траншеи 10—15 м, а длина от края насыпи по ее поверхности 22 м. Траншея в насыпи кургана использовалась местным населением под свалку и была забита мусором, поэтому дно траншеи находилось на 123—283 см ниже нулевого репера. С северной стороны насыпь кургана была частично подрезана при прокладке грунтовой дороги, с этой стороны она наиболее крутая. Северо-западная полая кургана к моменту раскопок заросла молодым лесом и кустарником.

Земляным работам предшествовала съемка подробного топографического плана кургана, которая была проведена после удаления всей растительности с поверхности насыпи. Тогда же была произведена и разбивка бровок. Насыпь кургана

вскрывалась землеройной техникой (бульдозер Т-130) методом параллельных траншей, идущих с севера на юг. Для изучения стратиграфии кургана было оставлено три бровки. Восточная бровка имела длину 35,1 м и толщину 2 м. Центральная бровка короткая, так как насыпь кургана здесь с юга обрывалась в траншею Н.И. Веселовского. Ее длина составляла 18,3 м, а ширина 2 м. Западная бровка имела длину 34,7 м, а ширину 2 м. За нулевой репер кургана была принята самая высокая точка на восточной бровке кургана. Встреченные в сохранившейся части насыпи остатки деревянных конструкций были расчищены вручную и зафиксированы.

После снятия насыпи кургана на уровне древнего горизонта была произведена расчистка и фиксация остатков деревянного сооружения — настила и «коновязи». Траншея Н.И. Веселовского была пройдена до дна, ее заполнение и отвалы исследовались металлодетектором, что позволило выявить не замеченные раскопщиками в начале XX в. золотые бляшки. В материке была обнаружена столбовая ямка.

Стратиграфия кургана.

Описание разрезов

Восточная бровка

Западный фас (рис. 5, 1). Под слоем дерна мощностью 15—20 см в северной части разреза была прослежена насыпь, состоящая из серого суглинка. Ее границы 8 м на севере от R и около 2 м к югу. Это заполнение прослеживалось на глубину 3,10 — 3,20 м от R, т. е. до уровня древней дневной поверхности. Приблизительно под восточным репером R(в) в разрезе насыпи фиксируется пятно серо-коричневого суглинка. Оно полуовальное в разрезе и находится над остатками деревянного настила, лежащего на уровне древнего горизонта. Мощность пятна 1,5 м по вертикали и около 3 м по горизонтали. Приблизительно на расстоянии 1,75 м к югу от R(в) насыпь разрывалась ямой с натеком темно-серого суглинка, входящей в профиль боковой прирезкой траншеи Н.И. Веселовского. По верху траншея прослеживалась до 8,5 м к югу от R(в). Она имела в профиле коническую форму, доходя до остатков дерева (настила), лежащего на уровне древнего горизонта. Внизу ширина заходящей в профиль прирезки траншеи имела мощность около 1,5 м. К югу от

¹Работы проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-01-18003е).

²Работы велись по открытому листу № 775, выданному на имя начальника экспедиции В.Р. Эрлиха. В работе экспедиции участвовали следующие научные сотрудники: О.А. Брилева (заместитель начальника экспедиции), О.И. Куринских (графические работы), В.Е. Маслов, Ф.К. Джигунова, А.И. Джоупа. Топографические работы на кургане были проведены М.Ю. Луневым. Остеологический материал исследован Ю.Н. Спасовским.

пятна прирезки опять начинался серо-коричневый суглинок. Здесь он доходил внизу до уровня деревянного и растительного (камышового?) настила, лежавшего в южной части насыпи на древнем горизонте. С юга к нему примыкал на 15 м серый суглинок насыпи.

Восточный фас (рис. 6, 3). Под слоем дерна мощностью 15–20 см в северной части профиля прослежена насыпь из сероватого суглинка. На 2,2 м к югу от R(в) фиксировалось мешаное натечное пятно боковой прирезки траншеи Н.И. Веселовского. Над ней имелся небольшой «прогиб» поверхности. Поверху ширина прирезки составляла 5,5 м. В этом профиле прирезка не доходит до уровня древнего горизонта, ее максимальная мощность в профиле 1,2 м. Под ней и дальше на юг лежит слой серо-коричневого суглинка, перекрывающий деревянный и камышовый настил. Приблизительно на 16 м к югу к нему примыкает серый суглинок. Следует отметить, что границы между серым и серо-коричневым суглинком нечеткие, размытые. В профиле прослежены остатки деревянной конструкции, лежащей на глубине 3,0–3,2 м от нулевой точки. Она начинается на отметке 1 м и заканчивается на 9 м к югу от R(в). На 16 м к югу от R(в) прослеживается также плаха от конструкции из камыша и дерева, лежащая южнее деревянного радиального настила на уровне древней дневной поверхности. Светлый материк появляется на глубине 3,4 м.

Центральная бровка³

Западный фас (рис. 5, 2). Дерновый слой над останцем составлял 15–20 см. В его верхней части прослежен серый суглинок, который в нижней части переходит в серо-коричневый суглинок. В южной части останца зафиксирован натечный слой, западающий в траншею Н.И. Веселовского. К нему с севера примыкает линза темно-серого суглинка с органическими включениями, в которой видны остатки деревянных плах шатрового перекрытия, лежащих с наклоном к югу. Ее мощность 1,5 м, к северу от края натечков она прослеживается на 4,0 м. Линза также имеет наклон к югу, она образовалась, очевидно, в результате разрушения шатровой конструкции. На глубине 3,1–3,2 м на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки деревянного настила. Край настила прослеживается на расстоянии 2 м к северу от R(центр).

Восточный фас (рис. 6, 2). В восточном фасе останца центральной бровки наблюдается сходная с западным фасом картина. Под слоем дерна

мощностью 15–20 см идет насыпь, в верхней части состоящая из серого суглинка, а в нижней — из серо-коричневого. С юга примыкает натек траншеи Н.И. Веселовского. От края траншеи в линзе темно-серого суглинка с органическими включениями, лежащей с наклоном к югу, отмечены остатки шатрового перекрытия — деревянных плах, имевших такой же наклон. На уровне древней дневной поверхности прослеживаются плахи деревянного настила, которые идут от края траншеи Н.И. Веселовского до 4,0 м к северу от R(центр).

Западная бровка

Западный фас (рис. 5, 3). Под слоем дерна мощностью 15–20 см находился слой насыпи из серого суглинка. В южной части профиля между 12–19 м к югу от R(зап.) фиксируется выходящая в профиль боковая прирезка к траншее Н.И. Веселовского. Ее длина 6 м, а максимальная мощность 1,8 м. С южной стороны прирезка имеет небольшой уступчик. Материк достаточно четко обозначился на глубине 3,45 м от нулевой точки. Над ним местами виднелась темная полоска мощностью 5–10 см — слой погребенной почвы.

Восточный фас (6, 1). Под слоем дерна мощностью 15–20 см обнаружен слой серого суглинка. В южной части насыпи, начиная от 16 м к югу и заканчивая на 12 м к югу, обнаружена натечная яма, вероятно, оставшаяся от уступа боковой прирезки к траншее Н.И. Веселовского. Ее максимальная мощность около 1,8 м. В центральной части разреза от 1 м к югу — до 8 м к югу от западного репера на глубине 1,74 м имеется крупная линза светлых высолов мощностью около 0,65 м. Под ней и несколько южнее (от 10 м до 0,5 м к югу от западного репера) на глубине 2,8 м от нулевого репера кургана достаточно отчетливо заметна полоска камыша с деревянными плахами, лежащими над ним и под ним. Она имеет небольшой прогиб в центральной части. Предположительно, это остатки перекрытия над конскими погребениями — «коновязи». Остатки настила с деревянной конструкцией, лежащего на уровне древней дневной поверхности, прослежены с глубины 3,2 м. Материк обнаружен на глубине 3,62 м. Полоска погребенной почвы в этом разрезе почти не прослеживалась.

Изучение разрезов насыпи позволило сделать следующие заключения.

1. Курган имел одну насыпь, перекрывающую все сооружение.

2. В насыпи отсутствуют следы выкида могильной ямы.

3. Имеющаяся конструкция была сооружена с уровня древней дневной поверхности.

4. В насыпи присутствуют следующие элементы конструкции: деревянный настил, рухнувшее шатровое перекрытие (либо навес), лежавшее предположительно одним концом на валу из серо-коричневого суглинка, который фиксируется в центральной и восточной бровках, и остатки перекрытия «коновязи», отмеченные в западном фасе восточной бровки.

5. В бровках прослеживаются следы раскопок Н.И. Веселовского — боковые уступы траншеи и натечи в его траншею.

При исследовании насыпи были обнаружены фрагменты керамики. Из восточной полы происходят два фрагмента доньев лепных сосудов: возможно, крупных горшков — черноглиняного и сероглиняного.

В западной поле найдены венчики двух сероглиняных лепных горшков, а в северной — два фрагмента венчика лепной светло-глиняной мисочки.

Остатки шатрового перекрытия

(рис. 3, врезка)

Обнаружены в северной части насыпи кургана: в первой восточной траншее, в половине западной траншеи и в останце центральной бровки. Восточный край деревянной конструкции слегка заходил в восточную бровку.

Остатки шатра представляли собой фрагменты деревянных плах (общим контуром в форме сегмента круга), лежащих радиально с сильным наклоном к центру. Очевидно, их внешние концы опирались на какой-то земляной вал, который в плане не удалось зафиксировать и который, скорее всего, состоял из серо-коричневого суглинка, прослеженного в центральной и восточной бровках. Внутренние концы опирались на столбовую обвязку, рухнувшую под массой насыпи, в результате чего внутренние концы плах шатра оказались ниже внешних.

Перепад высот для шатра следующий: внешние концы плах находятся на глубине 1,74–1,94 м, а внутренние 2,8–3,0 м от нулевой точки, таким образом, почти смыкаясь по уровню с поверхностью деревянного настила.

Поскольку остатки шатра удалось зафиксировать лишь на небольшом участке длиной 8 м с запада на восток и около 3 м с севера на юг, то из-за разрушения кургана траншеей Н.И. Веселовского сказать определенно имеем мы дело с шатровой конструкцией или полшатром (навесом) невозможно.

Деревянный настил (рис. 3; 4)

Деревянный настил обнаружен в центральной части кургана на уровне, близком древней дневной поверхности. Остатки деревянного настила прослеживались на участках, не затронутых траншеей Н.И. Веселовского: в первой западной траншее, под центральной бровкой, в первой восточной траншее и под восточной бровкой. Небольшой участок настила был отмечен во второй восточной траншее. В первой западной траншее дерево фиксировалось на глубине 2,8–3,2 м от нулевой точки. В первой восточной траншее настил выходил на глубину 2,92–3,15 м. Край плах во второй восточной траншее находились на глубине 3,03–3,21 м. Таким образом, можно говорить, что настил лежал на горизонтальной поверхности. Остатки плах толщиной 25–30 см лежали радиально. Сохранность дерева очень плохая, несколько лучше она была в западной части. В центре же и на востоке остатки настила представляли собой мгновенно высыхающий на солнце древесный тлен. Тем не менее в процессе расчистки удалось проследить и небольшие ямки от вертикальных жердей в настиле. Например, в 1 м к западу от центрального репера был расчищен след от балки и небольшие ямки. Их глубина 3,39 м от нулевой точки, т. е. около 20 см от поверхности настила, а диаметр около 7 см. Об их назначении судить трудно, можно лишь предполагать, что вставленные в них жерди являлись какими-то подпорками верхней шатровой конструкции.

У края траншеи Н.И. Веселовского плахи обрывались, поэтому нельзя сказать определенно, сходил ли настил к центру или нет. Возможен и второй вариант, т. к. на значительном участке в западной траншее в районе сохранившейся «коновязи» (конское погребение 1 и 2), где сохранность дерева лучше, плахи обрываются задолго до края траншеи. В целом диаметр всего сооружения по линии запад-восток составлял 16,6 м. По линии север-юг сооружение в большей степени сохранилось под восточной бровкой. Здесь его протяженность была 16,2 м. Однако в юго-восточной части настил имел другую структуру. На расстоянии 10 м к югу от восточного репера поверх плохо сохранившихся плах лежал белый прозеленный тлен — предположительно кора дерева, а несколько дальше на расстоянии 12,5 м от восточного репера дерево заканчивалось и начиналось скопление растительного тлена от хвороста, рогоза⁴ или камыша красного цвета. Стебли лежали хаотично в разных направлениях. Лишь на самом юге этого скопления были расчищены три деревянные плахи, две из них имели направленность к центру

³Останец центральной бровки был нами зачищен над уровнем остатков шатрового перекрытия в насыпи. Далее останец бровки был разобран частями с фиксацией отдельных деталей.

⁴Вид болотного растения с длинными листьями красного цвета.

кургана. Скорее всего, это указывает на то, что на юге сооружения конструкция настила и всего сооружения была иной. Вероятно, где-то близко был вход в сооружение, как и в кургане 10/1982 г. Однако именно в месте предполагаемого входа находилась самая широкая часть траншеи Н.И. Веселовского, где ее ширина по уровню древней дневной поверхности достигала 9 м.

В процессе зачистки нами были выявлены три столбовые ямки (рис. 4), предположительно несущие балки обвязки, поддерживающие верхний шатер, и конские погребения (КП).

Яма 1 глубиной 81 см обнаружена у внутренней границы деревянного настила в северо-западной части с уровня древней дневной поверхности (отм. — 316 от Ro). Заполнение ямы — рыхлая земля с органическими включениями. В заполнении ямки найдено 14 фрагментов стенок от двух сероглиняных лепных сосудов. Обжиг грубый, в тесте примесь дресвы.

Яма 2 глубиной 71 см выявлена у самого внутреннего края деревянного настила, в его северной части. Как и яма 1, она прослеживается с уровня древнего горизонта. Диаметр ямы по верху — 40 см, по дну — 30 см. Заполнение — рыхлая земля с органическими включениями.

Яма 3 — пятно ямы зафиксировано при проходке траншеи Н.И. Веселовского на глубине 4,03 м при зачистке материка. Дно ямы находилось на глубине 4,07 м. Диаметр ямы по дну — 30 см.

Конское погребение 1 (рис. 7, 1) обнаружено в восточной части деревянного настила. Здесь прослежены кости двух коней. Кости коней лежали отчасти поверх плах деревянного настила, отчасти за его пределами; под костями зафиксирован органический тлен, не исключено, что это была подстилка. Две деревянные плахи перекрывали кости коней. Одна северная балка (гл. 3,09 м) лежала на задних конечностях коня 1. Другая балка (гл. 3,07 м) перекрывала передние конечности. Можно предполагать, что плахи относились к наветсу «коновязи», у которой находились лошади.

Конь 1 (взрослый, мужская особь) лежал на глубине 3,13–3,2 м, головой на юг, предположительно на животе с подогнутыми ногами. Позвоночник изогнут и, возможно, смещен к востоку. Сохранились кости черепа, передних и задних конечностей, ребра, позвонки. Под черепом коня найдены железные удила из массивного прута с петельчатым окончанием звеньев, длина звеньев 9 и 11 см (рис. 8, 7). Здесь же обнаружена костяная пронизь для перекрестных ремней, изготовленная из эпифизной кости животного. Лицевая сторона-щиток имеет округлую форму и отполирована. Часть «щитка» утрачена. Боковые грани имеют четыре отверстия для перекрестных ремней. Размеры пронизи — 4,2х3,5 см (рис. 8, 6).

К северо-западу от коня 1, на глубине 3,09–3,21 м, выявлены отдельные кости второй лошади — *конь 2*. Это остатки позвонков, сочленение ноги, ребра и костный тлен (черепа?). Судя по ним, можно предполагать, что конь 2 лежал параллельно коню 1. О его позе судить трудно.

Конское погребение 2 (рис. 7, 2) обнаружено в северо-западной части настила на расстоянии 2,5 м от КП 1. Погребение содержало фрагментарные останки костей двух лошадей.

Конь 1 лежал предположительно на животе головой на юг, на глубине 3,12–3,16 м поверх деревянных плах настила. Сохранились фрагменты костей конечностей, ребра, позвонки, остатки костей черепа. Ноги лошади подогнуты, за исключением правой задней ноги, которая выпрямлена. В районе черепа найдены фрагментированные железные петельчатые удила. Внешние петли удил утрачены, длина удил 13,5 см (рис. 8, 8). Восточнее обнаружены остатки костей и костный тлен второго коня (*конь 2*). Они представляли собой кости ноги (задней?) в сочленении, тлен второй ноги и позвоночника, а также мелкие фрагменты передней ноги. Можно предположить, что вторая лошадь лежала параллельно первой.

На поверхности настила были расчищены следующие находки. В северо-восточной части настила — фрагменты двух точильных плиток. Одна из них — тонкая, из серого мелкозернистого песчаника имела размер 8х4,5 см (рис. 8, 1). Фрагмент второй плитки подпрямоугольной в плане и трапезовидной в сечении с одной необработанной стороной имел размер 10х4х2,5 см (рис. 8, 2). В северо-западной части настила обнаружены четыре фрагмента бронзовой пластины, предположительно щитка бляшки. Размер наиболее крупной пластинки — 2,3х2,2 см. (рис. 8, 4) Здесь же найдена фрагментированная бисерина кольцевидной формы из серого непрозрачного стекла диаметром 0,5 см (рис. 8, 5). При разборе настила выявлены стенки коричнево-глиняных и желтоглиняных лепных сосудов и кремневый отщеп (рис. 8, 3).

Кроме того, в процессе работ расчищены три развала керамики (РК) (рис. 4).

Развал керамики 1 обнаружен в северной части кургана под шатровым перекрытием у северной границы траншеи Веселовского, на глубине 3,03–3,18 см. Скопление представляло собой развал крупного толстостенного коричнево-глиняного лепного сосуда. Большинство фрагментов имели характерные налеты-валики.

Развал керамики 2 находился на расстоянии 1,5 м — к востоку от РК 1, на глубине 3,22–3,25 м и представлял собой скопление фрагментов крупного толстостенного коричнево-глиняного лепного сосуда. Как впоследствии выяснилось, того

же что и в развале керамики 1. Размеры скопления по линии СЮ — 25 см; по линии ЗВ — 30 см

В процессе реставрации из фрагментов керамики, встреченных в развалах 1 и 2, удалось восстановить и реконструировать форму сосуда. Он представлял собой крупную лепную корчагу с реповидным туловом, высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Тулово сосуда покрыто крупными вертикальными налепными валиками, идущими от дна сосуда. Валики слегка изгибаются, образуя в плане вихревую розетку. Максимальная ширина сосуда 49 см, высота сохранившейся части 37,5 см, общая высота (с остатками горла) около 60 см (рис. 8, 9).

Развал керамики 3 обнаружен у северо-западной границы траншеи Н.И. Веселовского, у края сохранившегося деревянного настила на глубине 3,09–3,11 м. Представлял собой скопление фрагментов лепного коричнево-глиняного лепного горшка. Его обжиг неровный, в тесте крупные включения шамота. Удалось восстановить только дно сосуда, его диаметр 12,5 см (рис. 8, 10). Размеры скопления фрагментов по линии СЮ — 0,5 м, по линии ЗВ — 0,4 м.

Траншея Н.И. Веселовского

(рис. 3; 3, 4).

Благодаря стратиграфическим наблюдениям в бровках и зачистке траншеи до материка удалось проследить первоначальную форму раскопа. Первые исследователи кургана «вошли» с юга траншеей, прорезавшей насыпь. Ширина траншеи на уровне 6 м к югу от линии реперов была 9,25 м (по верху) и 7 м (у дна). У входа в траншею с запада Н.И. Веселовским была сделана боковая прирезка-уступ. Северная граница западного уступа проходила по верху на 10 м к югу, а нижняя — на 12 м к югу от линии реперов кургана. Ширина траншеи с прирезкой составляла у дна 14 м. Еще один уступ траншеи был зафиксирован в восточной бровке между 1 м к югу и 5 м к югу от восточного репера. Он доходил до уровня деревянного перекрытия (остатков шатра).

В заполнении траншеи Н.И. Веселовского в юго-восточной поле кургана обнаружены следующие находки.

1. Фрагмент бронзового предмета, предположительно венчика бронзового котла. Размеры фрагмента: 4,5х4,5 см (рис. 8, 11).

2. Фрагмент петельчатых железных удил. Сохранились часть грызла и внешняя петля. Размеры фрагмента: 4,7х2,5 см (рис. 8, 13).

3. Фрагмент бронзового предмета (сосуда?). Представляет собой слабоизогнутый бронзовый лист, с одной стороны имеется утолщение — бортик. Размеры 2,5–2,4 см (рис. 8, 12).

4. Пряслице округлой формы, изготовленное из стенки красноглиняного сосуда. В центре — круглое отверстие, просверленное с одной стороны. Обратная сторона имеет следы зеленой поливы. Диаметр 5,5 см, толщина 1,25 см (рис. 8, 15).

5. Два отщеп коричневато-красного кремня. Длина — 3,5 и 2,5 см (рис. 8, 16, 17).

Отвал из заполнения траншеи Веселовского и ее придонная часть ниже уровня настила исследовались металлодетектором, в результате чего были обнаружены золотые украшения и железная ворворка, незамеченные или потерянные раскопщиками в начале XX в.

1. Бляшка золотая, изготовленная техникой выколотки по матрице, в виде горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. На обороте имеются маленькие петельки для пришивания. Размеры бляшки 2,2 х 2,3 см (рис. 10, 6).

2. Бляшка золотая полусферической формы. Диаметр 0,85 см (рис. 10, 1).

3. Бляшка золотая полусферической формы. Диаметр 0,8 см (рис. 10, 2).

4. Бляшка золотая полусферической формы. Диаметр 0,8 см (рис. 10, 3).

5. Пронизь золотая в виде свернутой в трубочку пластинки, украшенная рельефным «жемчужником». Длина 2,2 см, диаметр 0,5 см (рис. 10, 4).

6. Бляха-обойма золотая круглой формы с загнутыми краями, образующими гнездо для вставки. Вставка (предположительно костяная) утрачена. Диаметр 3,5 см (рис. 10, 5).

7. Железная ворворка усеченно-конической формы. Высота 2 см, максимальный диаметр 2,5 см (рис. 8, 14).

Из заполнения траншеи Н.И. Веселовского также происходит ряд фрагментов стенок сероглиняных и коричнево-глиняных лепных сосудов. В верхней части заполнения обнаружен фрагмент ручки и стенки красноглиняной амфоры, попавшей вероятно сюда из насыпи.

Костный материал, собранный в процессе исследования насыпи кургана, происходящий из траншеи Веселовского, был проанализирован сотрудником Кавказского биосферного заповедника Ю.Н. Спасовским. Трижды были встречены кости крупного рогатого животного, в одном случае — кости овцы или козы. Костей человека в траншее Н.И. Веселовского обнаружено не было.

Радиоуглеродное исследование образцов

В процессе раскопок нами брались образцы для радиоуглеродного исследования и определения пород дерева. В данный момент были получены даты по С-14 двух образцов из шатрового перекрытия настила, выполненные в Киевской лаборатории. Они следующие:

№№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст C14	
			BP	BC/AD
1	Ульский курган 1 (2007), шатер, дерево	Ki-14546	2340±50	1σ520–350BC 2σ550–200BC
2	Ульский курган 1 (2007), настил, дерево	Ki-14547	2330±50	1σ520–350BC 2σ550–200BC

Наши представления об археологической дате кургана не вполне соответствуют датам, полученным по С-14, которые попадают в основном в V в. до н.э. Археологическая дата (вторая половина VI в. до н.э.) находится на нижнем пределе доверительного интервала.

Основные выводы

Несмотря на то что данный курган уже был раскопан Н.И. Веселовским (его траншея разрушила более 2/3 площади центрального сооружения), полученные результаты в целом говорят о перспективности повторного исследования Ульской группы, как и других памятников, исследованных Н.И. Веселовским.

Проведенные археологические работы показали, что в кургане имелась наземная деревянная конструкция, располагавшаяся на уровне древней дневной поверхности в виде настила из радиально выложенных бревен, а также хвороста и камыша (рогоза). Она была, скорее всего, частично перекрыта шатровым сооружением или навесом, лежавшим одним концом на обвязке столбовой конструкции (нами зафиксированы остатки трех столбов), другим — предположительно, на валу из серо-коричневого суглинка. Перекрытие при сооружении насыпи рухнуло, и плахи шатра получили наклон к центру кургана. На краю настила находилась деревянная «коновязь» с погребениями жертвенных коней, лежавших по кругу. Весьма вероятно, что она была перекрыта небольшим навесом, т. к. балки перекрытия лежали поверх КП 1. В кургане не были обнаружены остатки и признаки могильной ямы (выкид из нее) и человеческие кости. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем отнести раскопанное сооружение к культовым памятникам — святилищам. По предложенной нами классификации, сооружение относится к четвертому виду меотских святилищ, имеющих деревянные конструкции — шатры или полушатры. К этому же типу святилищ относятся курганы 2 и 5 Уляпской группы, Начерзийский

курган 30, Тенгинские курганы 1 и 2, а также курганы Ульской группы 1/1898 г и 10/1982 г. (Эрлих, 2001. С. 118; Канторович, Эрлих, 2006. С. 26). План сохранившейся части исследованного нами сооружения наиболее близок плану кургана 10/1982 г. (рис. 9).

Немногочисленные находки, обнаруженные *in situ* и в траншее Н.И. Веселовского, тем не менее весьма выразительны. Они не только позволяют отождествить открытый нами курган с определенным комплексом, но и дополняют наши знания о материальной культуре населения, оставившего подобные памятники.

Весьма необычна корчага, имеющая каннелированное тулово. Близкие аналогии ей в меотской керамике нам неизвестны. На лепных меотских сосудах этой категории иногда встречались вертикальные валики, но они никогда не покрывали сплошь тулово сосуда (Беглова, 1995. Рис. 4, 2; 5, 1, 2). Например, несколько валиков имеется у корчаги из погребения 23 кургана 15 Уляпского могильника (Лесков и др., 2005. Рис. 185, 4). В то же время сплошное покрытие тулова валиками или каннелюрами встречается у сосудов из погребения 21(68) и 32(80) могильника Гуадику в Абхазии, которые М.М. Трапш отнес к старшей хронологической группе и датировал VI–V вв. до н.э. (Трапш, 1969. С. 52. Табл. 1, 5, 7). В Украинской Левобережной лесостепи корчага с подобной орнаментацией найдена в слое городища Циркуны, датированного IV–III вв. до н.э. (Пеляшенко, Гречко, 2007. С. 32. Рис. 29).

Впервые в Прикубанье встречена и костяная уздечная бляха-пронизь, подражающая бронзовым пронизям «сиалковского» типа. Аналогии ей известны в курганах 8 и 9 могильника Новозаведенное-II, отнесенных В.Г. Петренко к ранней хронологической группе этого могильника и датированных в пределах второй половины VII в. до н.э. (Petrenko, 1994. P. 374; Fig. 1, 8; Членова, 1997. Рис. 50, 9)⁵. Кроме этого, подобные костяные пронизи известны и в архаических комплексах

украинской лесостепи — в зольнике № 12 Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 15), а также в курганах Журовка 448, Райгород 1, Аксютинцы 2 (Могилов, 2006. Рис. 134, 10–14)⁶.

Найденные в траншее Н.И. Веселовского золотые нашивные бляшки и пронизка (рис. 10, 1–4) по форме и размерам имеют полное сходство с золотыми украшениями, обнаруженными в кургане 2/1909 г. и хранящимися в Эрмитаже (рис. 10, 7–10) (Ульские курганы. Кат. 112, 119, 115, 116). Особую близость показывают золотые нашивные бляшки в виде фигурки горного козла с поджатыми ногами и повернутой назад головой (рис. 10, 6, 14). Эти две бляшки (хранящаяся в Эрмитаже и найденная в 2007 г.) предположительно были сделаны при помощи одного штампа. Кроме этого, бляшка-обойма из кургана 2007 г. абсолютно идентична двум обоймам из кургана 2/1909 г. из Эрмитажа (рис. 10, 5, 11), у одной сохранилась костяная вставка (Ульские курганы, кат.119)⁷. Подобные обоймы в коллекции Ульских курганов имеются только в этом кургане. Близкая аналогия этим предметам известна в кургане № 6 могильника Новозаведенное II в составе конской узды коня № 1 (Петренко и др., 2006. Рис. 4, 5). Курган датирован авторами в пределах VI в. до н.э. (Петренко и др., 2006. С. 408). Возможно, что и ульские обоймы служили для украшения конской уздечки.

Таким образом, курган, раскопанный нами, можно соотнести с материалами из кургана 2/1909 г. Из этого же кургана происходят и знаменитые Ульские навершия в виде головы хищной птицы с аналогичным рельефным изображением горного козла с обращенной назад головой (Ульские курганы. Кат. 171, 172), а также уникальные серебряные налобники и псалии (Ульские курганы. Кат. 126–141) (рис. 11). Судя по комплексу этого кургана (2/1909 г.), его следует отнести ко второй хронологической группе Ульских курганов и датировать в пределах второй половины VI в. до н.э., как и курган 10/1982 г.

Мы уже отмечали выше, что в Ульских курганах второй хронологической группы отсутствует греческая керамика. Не была она обнаружена и при исследовании кургана в 2007 г. Найден лишь невыразительная стенка и ручки амфоры, которые происходят из верхней части натека в траншее Н.И. Веселовского и, очевидно, связаны с обрушением насыпи.

Вызывает сомнение и аргументация Г.И. Боровки, отнесшего бронзовую ручку в виде фигурки оленя из этого кургана (ОАК, 1913. Рис. 212;

Ульские курганы. Кат. 118) (рис. 11, 1) к работе «греческого мастера, принадлежавшего к художественной школе, стоящей в теснейшей связи со школой так называемых милетских или родосских ваз, работавшего предположительно в Фанагории». Этот вывод был сделан на основании отдаленного сходства с изображениями животных на восточно-греческой керамике (Боровка, 1922. С. 193–203). Однако другие подобные произведения греческой металлопластики этой мастерской нам не известны. Гораздо ближе ручки в виде животных на металлических сосудах из Малой Азии или Ирана. Это могла быть ручка металлического сосуда-амфоры, подобного тем, которые несут делегации данников Лидии и Армении на рельефах персепольской Ападаны. В музейных собраниях известны близкие по стилю металлические ручки амфор или курильниц, происходящие из Ирана и Лидии (Луконин, 1977. С. 83, 92; Özgen, Öztürk, 1996. P. 118, 119. Cat. 73).

Это не единственный малоазийский импорт в данном комплексе. Загадку представляют и 14 серебряных ажурных фаларов, или налобников, из кургана 2/1909 г. (ОАК, 1913. Рис. 218) (рис. 11, 5). Л.К. Галаниной справедливо были указаны ближайшие им аналогии — ажурные фалары Мильского кургана (Галанина, 1983. С. 117). В этой же работе она напомнила, что М.И. Ростовцев высказал «не лишнее оснований мнение о закавказском, скорее всего урартском их происхождении» (Галанина, 1983. С. 45. Срав.: Ростовцев, 1925. С. 317). Однако нужно учесть то обстоятельство, что хронологический разрыв между мильскими фаларами и ульскими налобниками более 100 лет. В эпоху сооружения рассматриваемого нами Ульского кургана урартских мастерских в Закавказье уже не было.

Происходящие из этого кургана серебряные и бронзовые S-овидные псалии (ОАК, 1913. С. 150. Рис. 213–214), покрытые гравированными изображениями, также не находят нигде близких синхронных аналогий. Е.В. Переводчикова в подготовленном издании Ульских курганов относит их к смешанному переднеазиатско-скифскому стилю. В то же время она обращает внимание на сходство изображения на концах псалиев и изображения на бутероли ахеменидского времени из Ирана, где выгравирован хищный зверь с таким же огромным выпуклым глазом, обведенным концентрическим рельефом, и примыкающей непосредственно к нему «лотосовидной» пастью с ноздрей в виде завитка. Ближневосточные параллели имеет и хищник с повернутой головой, с ко-

⁵Благодарю В.Е. Маслова за указание на эти пока полностью не опубликованные комплексы.

⁶Благодарю А.Д. Могилова за консультацию.

⁷Л.К. Галанина называет их фаларами.

роткой пастью и треугольным ухом. По стилистике его можно сопоставить с хищниками на ахеменидском сосуде из Уляпского кургана-святилища 1 (Сокровища..., 1985. С. 105. Кат. 63).

Золотой наконечник в виде головы лошади с зооморфными изображениями и элементами инкрустации из исследованного нами кургана также выполнен в «смешанном» стиле, подверженном малоазиатскому влиянию (ОАК, 1913. С. 149. Рис. 211, а–в)– (рис. 11, 3). Фигурки зайцев, обозначающие ноздри животного, – типичный для скифского звериного стиля случай «зооморфных превращений», и по ряду деталей (преувеличенные уши, глаза, концы лап, следы моделировки плоскостями в трактовке морды и ушей) они также вполне «скифские». Однако не менее явно выделяются и признаки переднеазиатского искусства: это рубчатый кант вокруг зрачков и полоска из треугольников, проходящая по лбу и щекам. Треугольники похожи на гнезда для инкрустации на ухе «пантеры» из Келермеса – эта черта традиционно трактуется исследователями как переднеазиатская.

Все примеры, приведенные нами выше, ставят вопрос: какие мастерские, ближневосточные либо закавказские, могли обслуживать меотскую знать во второй половине VI в. до н.э., когда толь-

ко начиналось активное расширение Ахеменидской державы?

Сопоставление исследованного нами кургана с комплексом кургана 2/1909 г. противоречит данным отчета Н.И. Веселовского. Из него видно, что в 1909 г. он вел раскопки в районе Большого Ульского кургана, т. е. в центральной или западной части группы (ОАК, 1913. С. 147–152; АИ-ИМК. Д. 41/1909. Л. 162, 163)⁸. Таким образом, либо данные отчетов Веселовского заведомо неверны, либо произошла путаница при поступлении комплексов Ульских курганов в хранилище Эрмитажа.

Основываясь на результатах последних исследований, можно предположить, что ритуальные комплексы были расположены как в западной, так и в восточной частях группы Ульских курганов. Вполне вероятно, что вся курганная группа не была предназначена для погребений.

Также не нашло подтверждения предположение А.М. Лескова о том, что курганы создавались в направлении с востока на запад. Самый ранний среди Ульских курганов – комплекс кургана 1/1908 г., датируемый началом VI в. до н.э., – не был обнаружен под самой восточной насыпью группы.

Лукошин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Махортых С.В. Скифы на Кавказе. Киев, 1991.

Могилев А.Д. снаряжение коня скифского времени в Восточноевропейской Лесостепи: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2006.

ОАК за 1898 г. СПб., 1901.

ОАК за 1908 г. СПб., 1912.

ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913.

Пеляшенко К.Ю., Гречко Д.С. Липний посуд населения Сіверськодонського Лісосостепу скіфської доби // Археологія. 2007. № 4.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М., 2006.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Ульские курганы (в печати).

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.

Трапи М.М. Труды. Том II. Сухуми, 1969.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Эрлих В.Р. Святылища в меотской культуре скифского времени (к постановке проблемы) // Боспорский феномен: Матер. междунар. науч. конф. Ч. II. СПб., 2001.

Эрлих В.Р. Святылища некрополя II Тенгинского городища в Краснодарском крае // Вестник РГНФ. 2006. № 3.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). М., 2007.

Leskov A.M. Grabschätze der Adygeen. München, 1990.

Öcir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschir aus Choşeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. B. 19. Mainz, 2005.

Özgen I., Öztürk J. The Lydian Treasure. Istanbul, 1996.

Petrenko V.G. On the Interpretation of Early Sites in the Central Ciscaucasia // The Archeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994.

Библиография

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага-Л., 1966.

Балонов Р.Ф. Святылища скифской эпохи в Адыгее // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.

Беглова Е.А. Керамика Закубанья VI–IV вв. до н.э. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

Боровка Г.И. Бронзовый олень из ульского кургана // ИРАИМК. Т. II. Л., 1922.

Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. 3. М., 2001.

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 24. Л., 1983.

Галанина Л.К., Лесков А.М. Ульские курганы как исторический источник. Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв до н.э. Киев, 1983.

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейной искусство из курганов Адыгеи. М., 2006.

Ксенофонтова И.В. Античные импорты Тенгинского могильника и Ульских курганов // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2000.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI– начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005.

⁸В то же время Н.И. Веселовский сообщает в отчете по кургану 2/1909 г. о «прирезках в разные стороны», которые он сделал после обнаруженного в грабительском ходе золотого наконечника в виде головы лошади. Такие прирезки прослежены в кургане 1/2007 г.

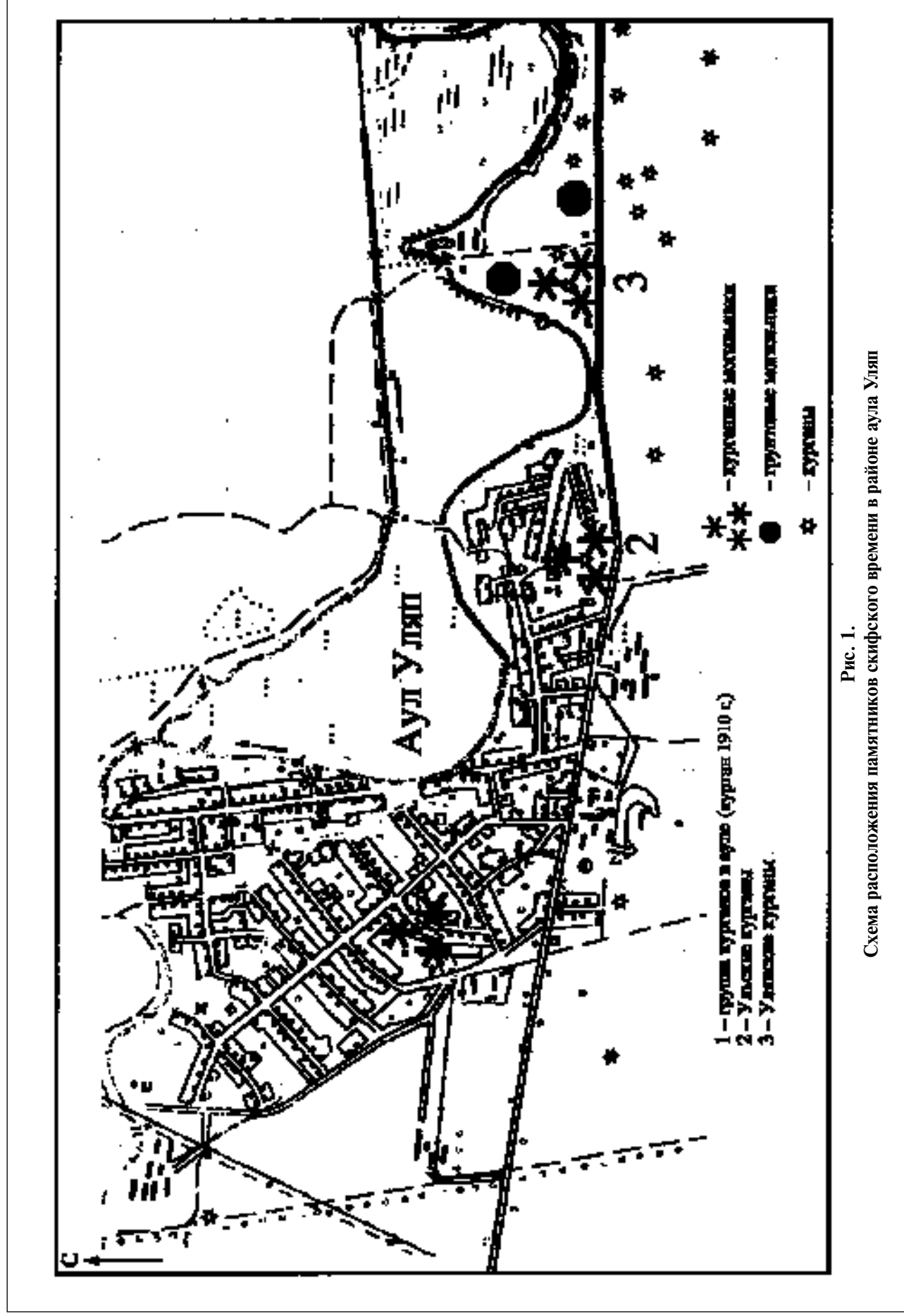

Рис. 1.
 Схема расположения памятников скифского времени в районе аула Ульск

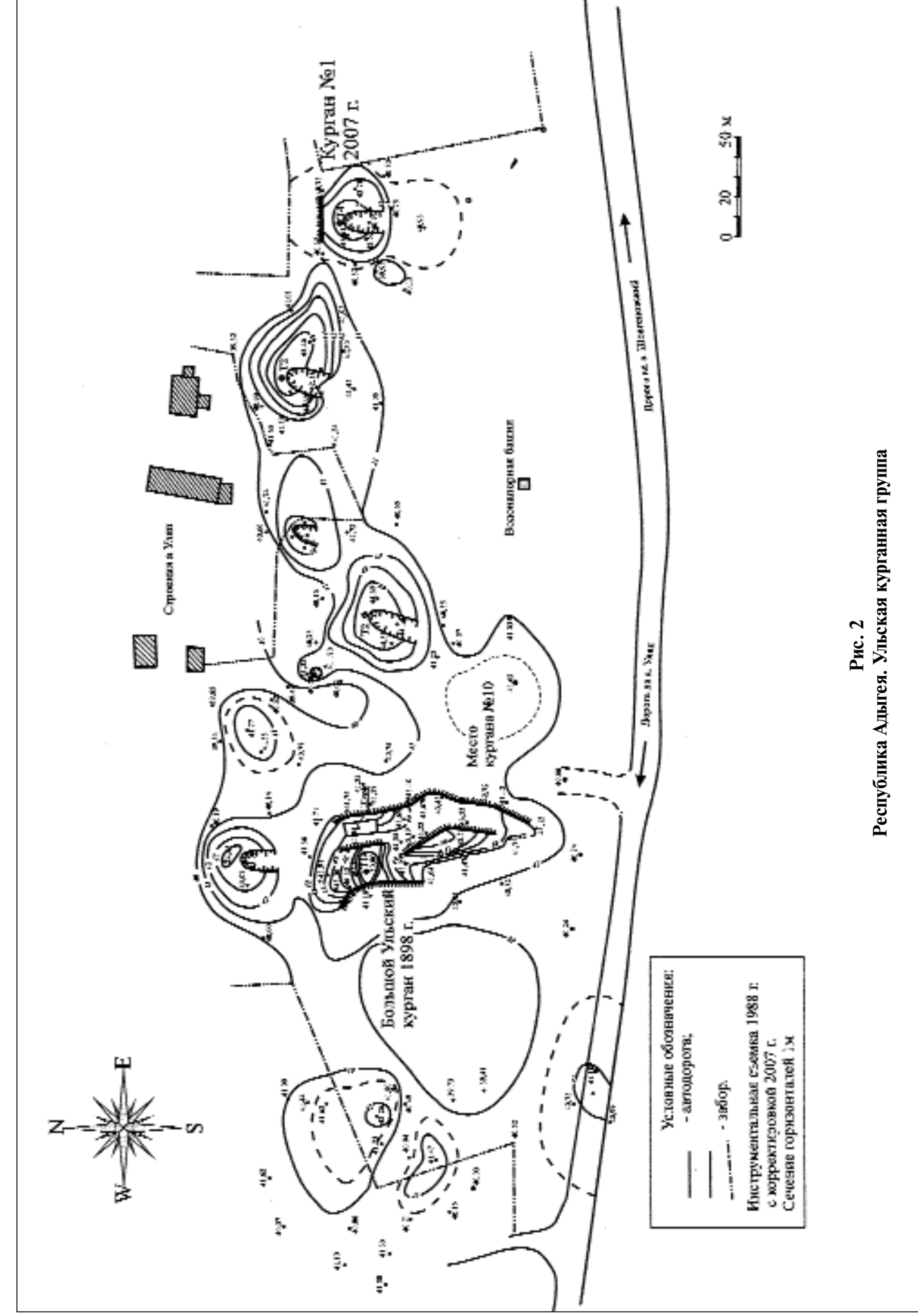

Рис. 2
 Республика Адыгея. Ульская курганная группа

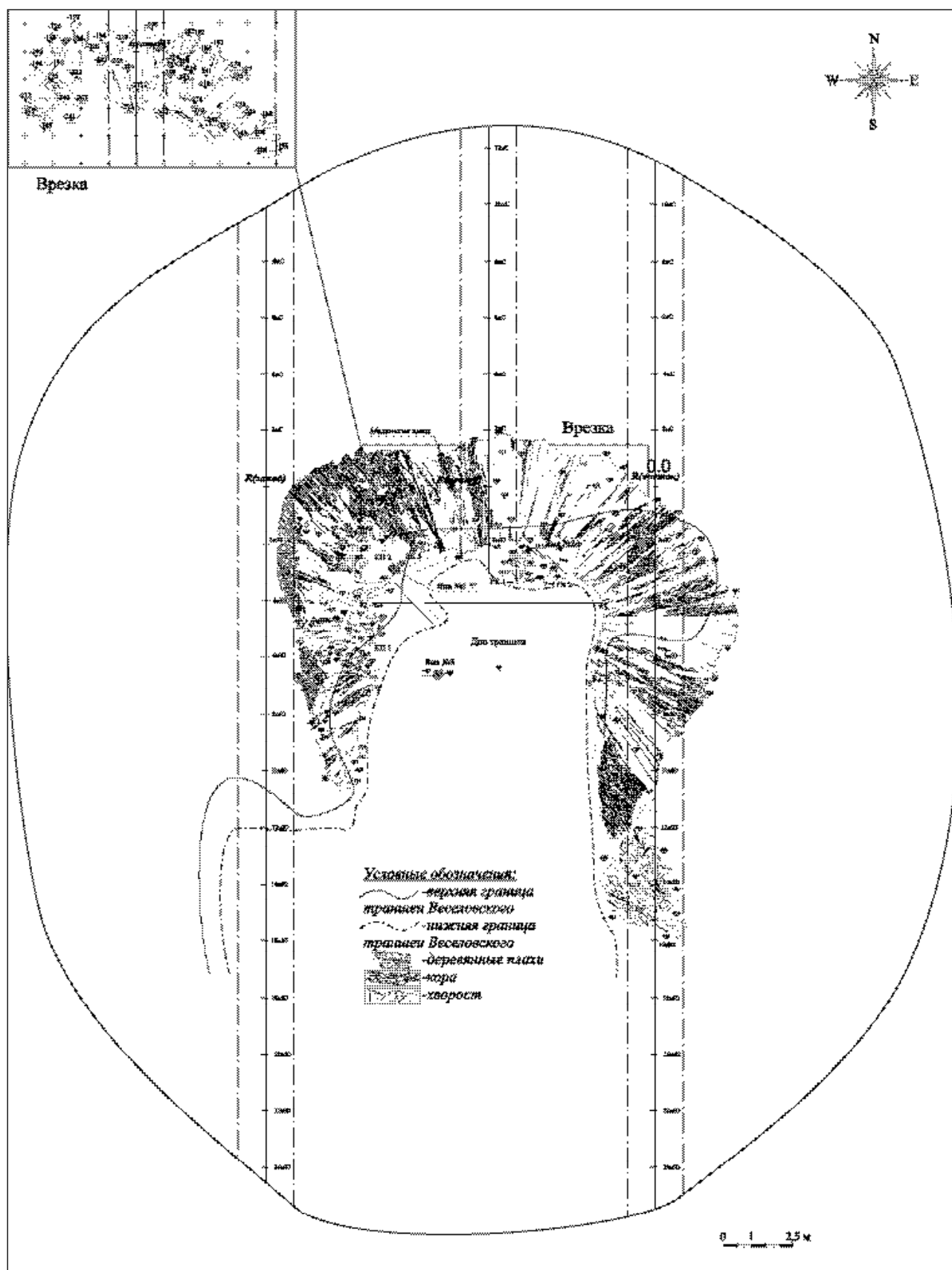

Рис. 3.
Ульский могильник, курган 1

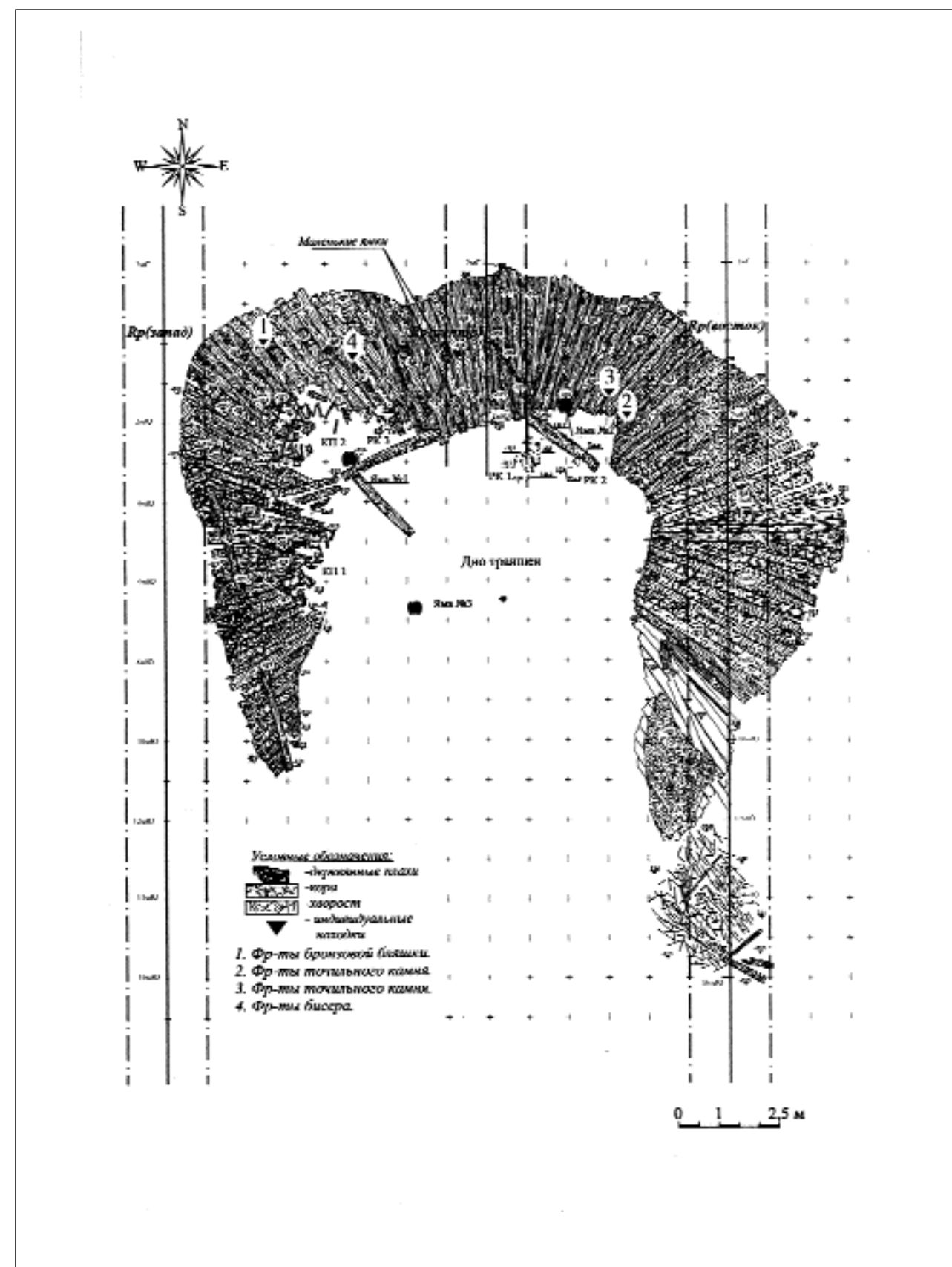
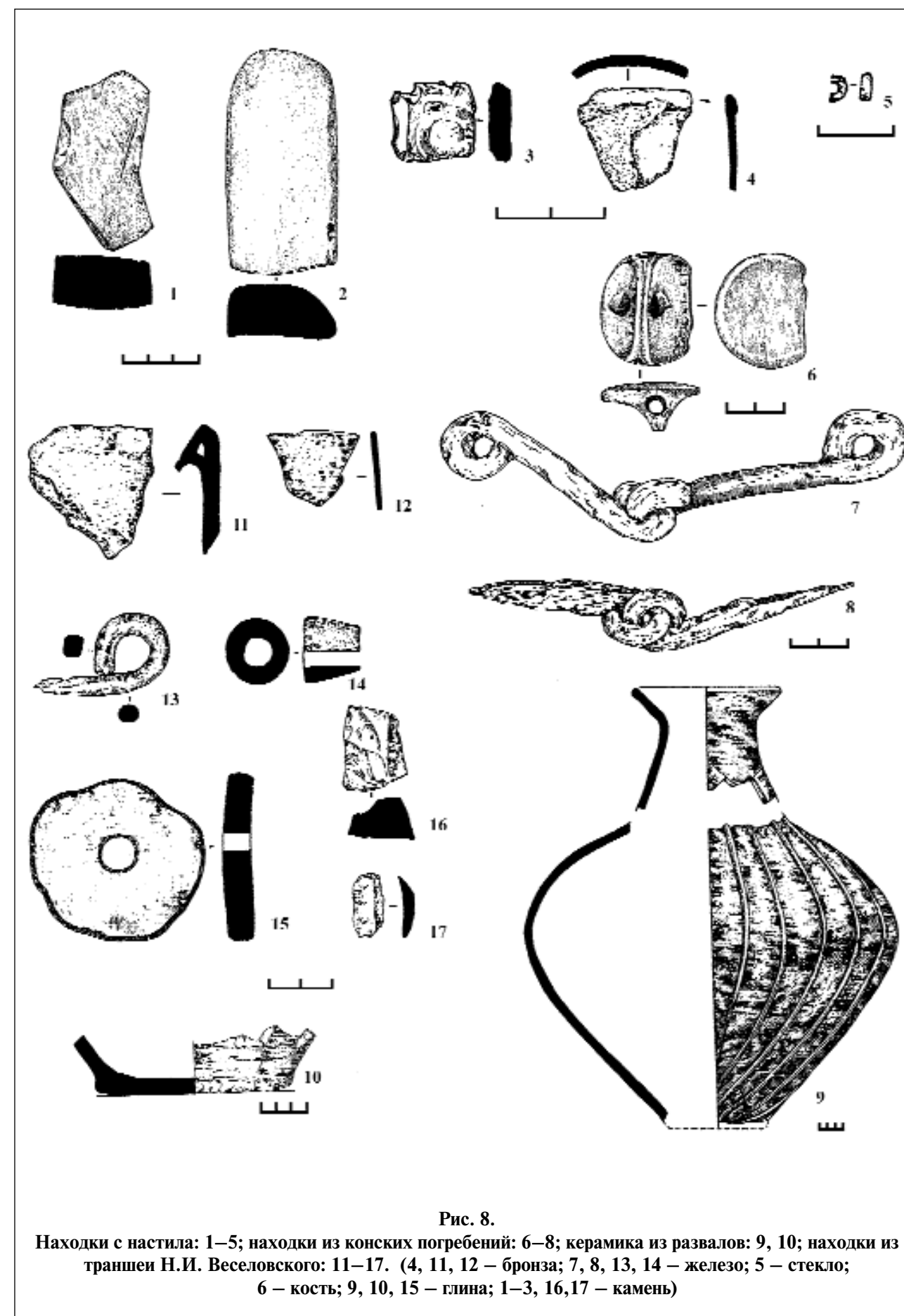
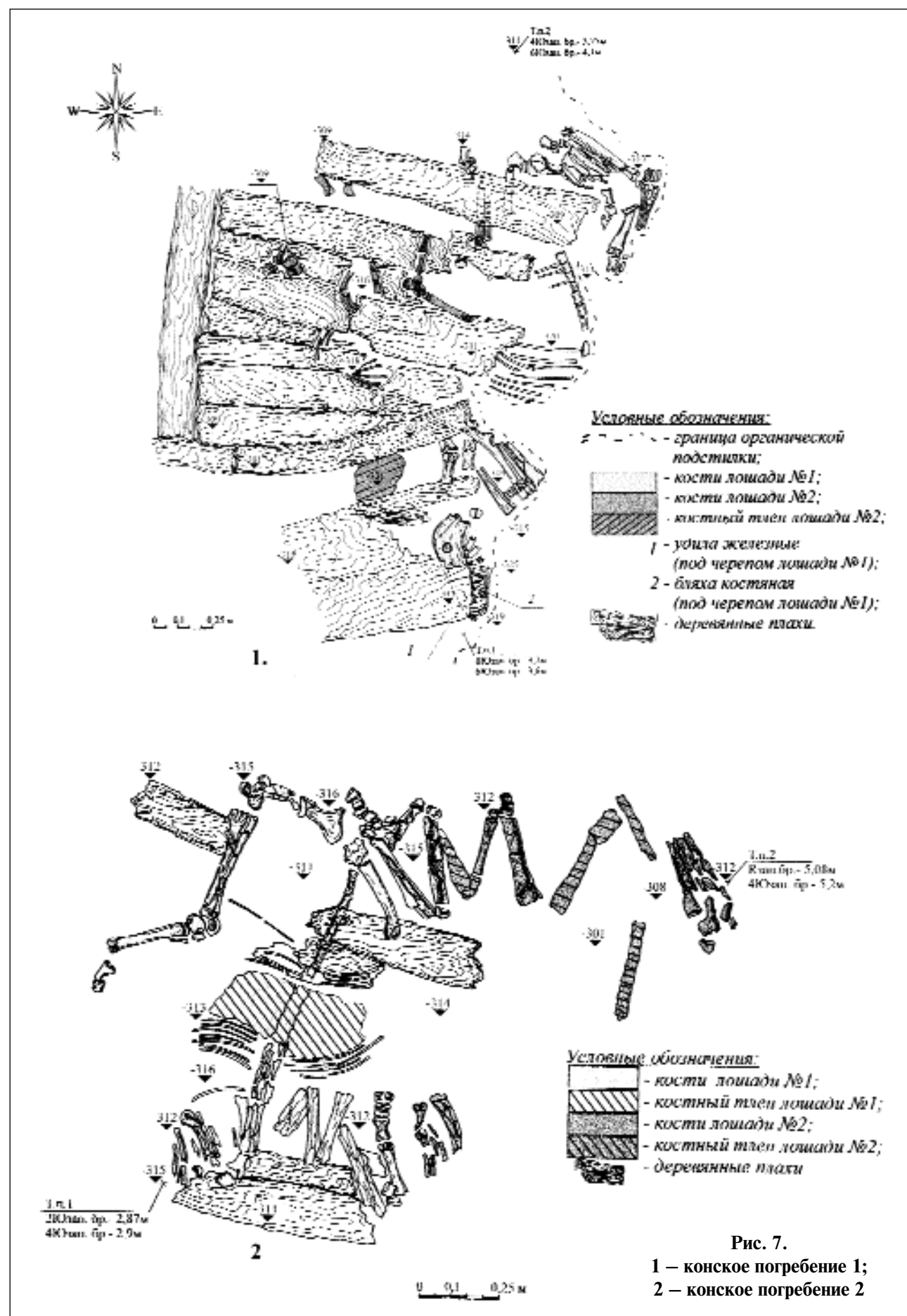

Рис. 4.
Ульский могильник, курган 1.
План деревянного настила на уровне древнего горизонта

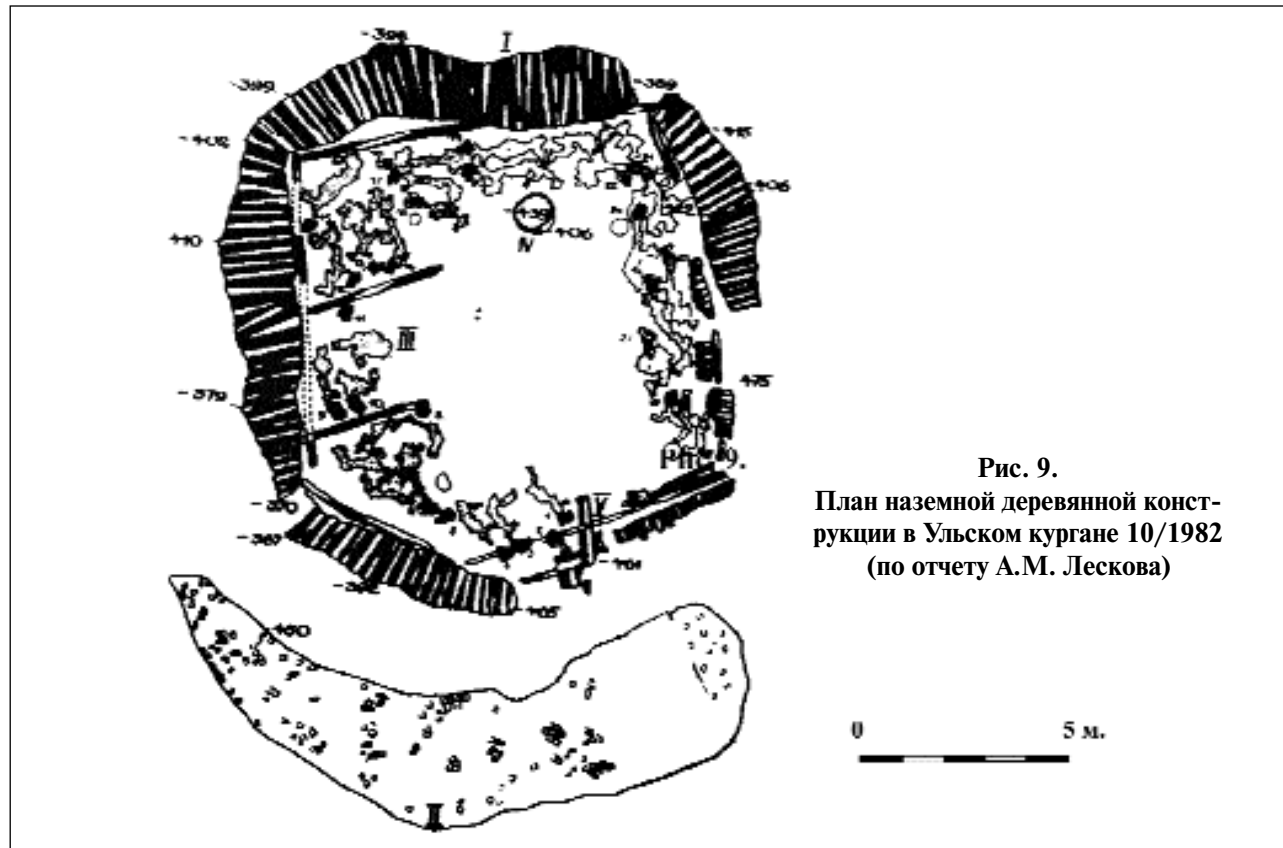

Рис. 9.
План наземной деревянной кон-
струкции в Ульском кургане 10/1982
(по отчету А.М. Лескова)

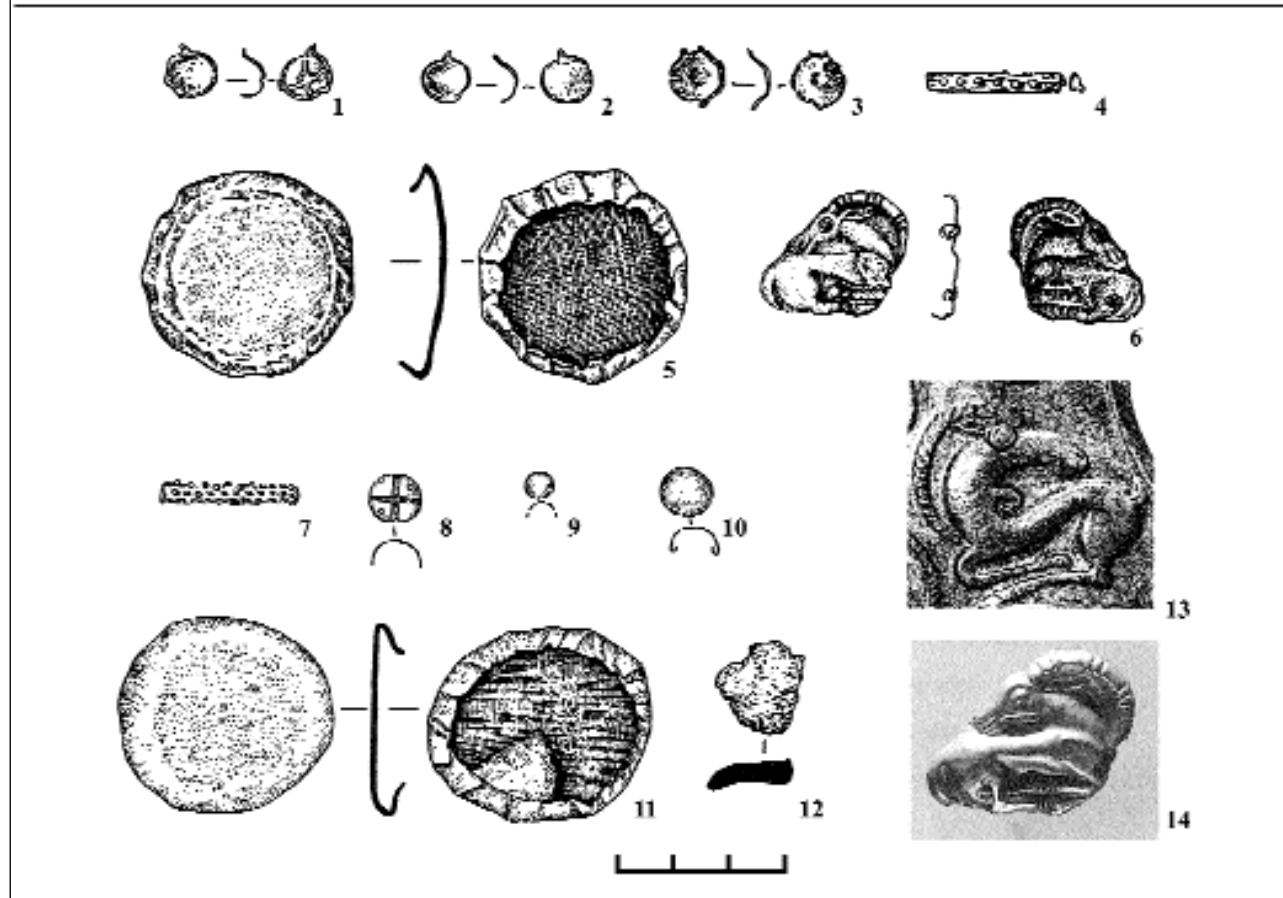

Рис. 10.
Ульский курган 1/2007 г. Золотые вещи из траншеи Н.И. Веселовского (1–6);
предметы из Ульского кургана 2/1909 г. (фонды Гос. Эрмитажа) (7–14)

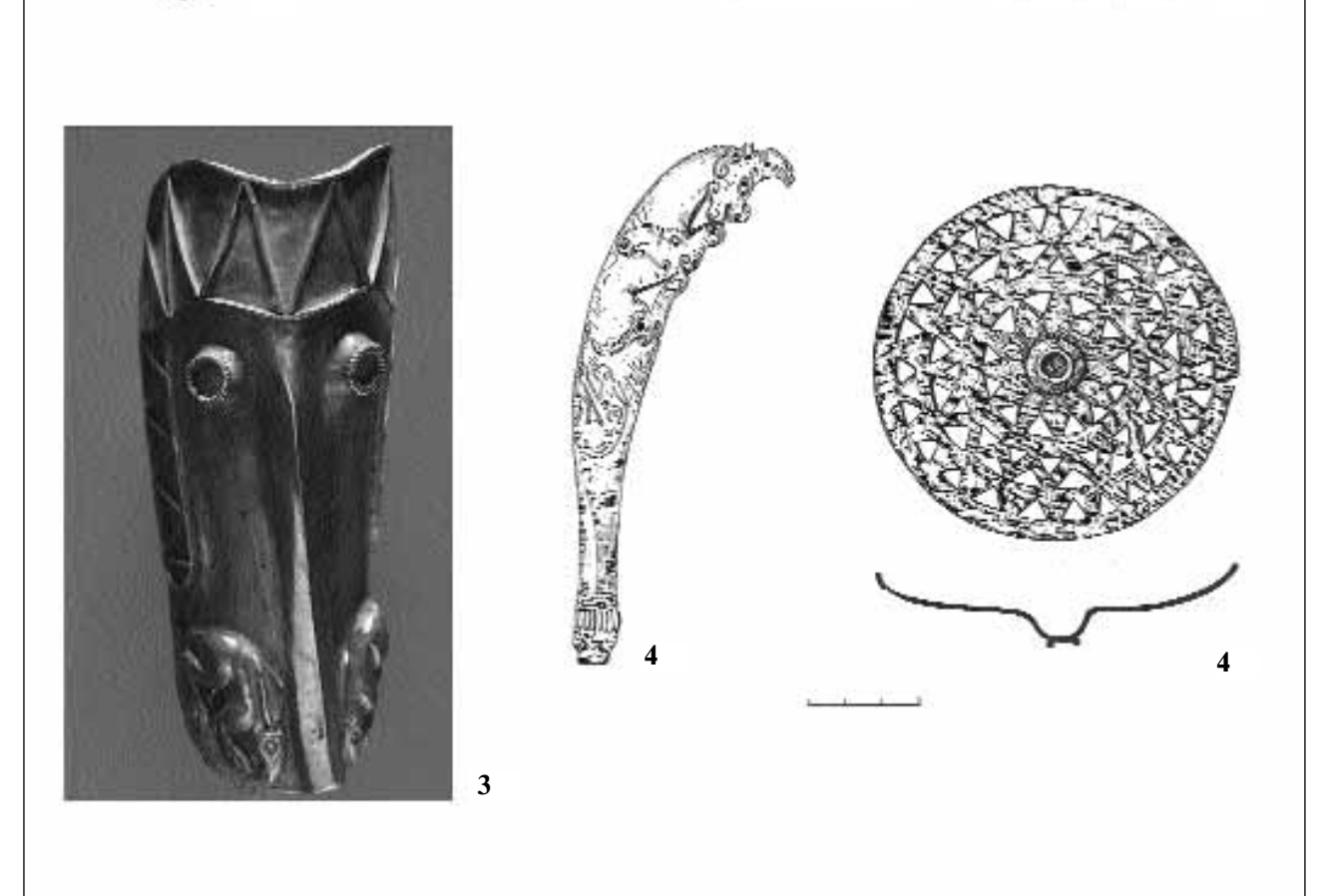

Рис. 11.
Вещи из Ульского кургана 2/1909 г. (фонды Гос. Эрмитажа)

Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ

Общепризнано, керамическая тара является одним из важных источников для изучения экономических связей государств античного мира с варварскими территориями. Хронология этой категории массовой керамики достаточно подробно разработана, в силу чего остродонные амфоры также не менее важный источник для определения датировок археологических объектов, особенно таких «закрытых» комплексов, как захоронения и однократные ритуальные комплексы. Различный сопутствующий материал, прежде чем попадал в эти комплексы, мог существовать значительный промежуток времени (например, украшения, дорогая посуда, предметы вооружения и конской упряжи и т. д.). Срок же бытования керамической тары, как отмечают исследователи, значительно короче. Остродонные амфоры — самая недолговечная категория, они завозились на варварские территории вскоре после их изготовления (Брашинский, 1965а. С. 91; Виноградов, 1972. С. 8, 9). Как считает Ю.Г. Виноградов, они попадали в захоронения «едва ли более чем 20-летнего возраста» (Виноградов, 1972. С. 8). Конечно, они были наполнены вином тех центров производства, в мастерских которых изготавливались. В коллекции ГМВ хранится 23 целых экземпляра и фрагменты остродонных амфор нескольких центров производства, обнаруженные в погребениях и ритуальных комплексах Уляпского могильника в 1981–1982 гг. КАЭ ГМВ под руководством А.М. Лескова (Лесков, 1981; 1982).

Морфологические признаки амфоры кат. 1 (рис. 1, 1) характерны для так называемых «амфор на сложнопрофилированной ножке». И.Б. Зеест выделила их в протофасосскую серию (Зеест, 1960. С. 79). Н. Лейпунская относит этот тип амфор к группе амфор на поддонах III подгруппы. Рассматривая вопрос о месте их производства, она полагает, что это один из этапов эволюции амфор II подгруппы, которые обычно связывают с Самосом. Автор отмечает, что формы амфор подгруп-

пы III примыкают к традициям фасосского производства, откуда и происходит их наименование «протофасосские» (Лейпунская, 1981. С. 23–24). В то же время, принимая во внимание разнообразие характера теста и вариации форм, допускается вероятность их производства в разных центрах (Лейпунская, 1981. С. 23). В дальнейшем исследователями выдвигались различные предположения о происхождении этой тары (Милет — Рубан, 1991; Фасос *Κοικουλή-Χρυσανθακη* 1979; Абдеры — теосская колония на фракийском побережье — Peristeri-Otatzi, 1986). К настоящему времени место производства амфор этого типа локализуется в нескольких центрах на фракийском побережье Эгеиды (Монахов, 2003. С. 38, 42). Амфора из Уляпского могильника, несомненно, относится к третьей серии по классификации С.Ю. Монахова (Монахов, 2003. С. 40–41. Табл. 24). Морфологические особенности этой серии, датируемой концом VI — началом V в. до н.э.: небольшая высота (около 50 см), воронковидное горло с отогнутым венцом, округлые пологие плечи, коническое тулово (Монахов, 2003. С. 40).

Наиболее полно представлены амфоры Фасоса и круга Фасоса. Фасосских биконических амфор найдено три целых экземпляра и один крупный фрагмент — нижняя часть корпуса (кат. 2–6; рис. 1, 2–6), все они происходят из ритуального комплекса кургана 5, на двух имеются клейма. Метрические и морфологические признаки соответствуют группе А по И.Б. Зеест (Зеест, 1960. С. 83. Табл. VII, 20 а,б; III, 20 д), типу ПГ-1, ИД-1 и ИЕ-1 по А.П. Абрамову (Абрамов, 1993. С. 37. Рис. 30) или коническо-биконическому типу П-В-2 по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003. С. 67. Табл. 43, 5, 6), датирующимся первой половиной IV в. до н.э. или первыми тремя четвертями этого же столетия. С.Ю. Монахов отмечает, что П-В-2 развивается из варианта П-В-1 начиная со второй половины 70-х гг. IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 67). Это так называемый классический или развитый вариант

типа, отличающийся биконической формой всего корпуса, с горлом, расширяющимся непосредственно от устья. Характер глины также соответствует глине амфор Фасоса. Характерное для фасосских биконических амфор этого типа постоянное соотношение высоты верхней части к максимальному диаметру, равное 2/5 общей высоты, выведенное И.Б. Зеест, также наблюдается и на амфорах из Уляпа. Их датировка подтверждается клеймами на ручках. На ручке амфоры кат. 2 (рис. 1, 2) клеймо в прямоугольном поле: эмблема — канфар, два имени и этникон, расположенные по трем сторонам вокруг эмблемы (текст не читается). По Е.М. Придику оно может быть отнесено к штемпелям 5-й группы с датой 370–340 гг. до н.э. (Придик, 1917. С. 43. № 148–149. Табл. III, 4 — № 149). Ю.Г. Виноградов объединяет клейма с эмблемой в центре поля и надписью, расположенной по трем или четырем сторонам вдоль рамки, в группу 3. Канфар — эмблема эпонимов ранней группы 3-го второго стабильного периода, датирующейся 370–340 гг. до н.э. (Виноградов, 1972. С. 25. Табл. VI, 3). На ручке амфоры кат. 3 (рис. 1, 3) расположено также прямоугольное клеймо с двойным отпечатком: эмблема — лук, над ним и слева от него имя (эпоним или гончар) и этникон (*Θα | σταν | Θεοφιλος*). По классификационной системе Ю.Г. Виноградова оно может быть отнесено к группе 4в, которую объединяет общий признак — наличие одного имени, сопровождаемого этником, расположенными по четырем или трем сторонам рамки. Датируется вся группа временем около 350–330 гг. до н.э. (Виноградов, 1972. С. 34, 35). Среди фрагментов профилирующих частей фасосских биконических амфор была обнаружена и ручка с клеймом 1В группы с надписью в прямоугольном поле: эмблема отсутствует, расположение надписи двухстрочное (*Λαβρο Κιρων*) (кат. 5, рис. 1, 5). Это клеймо может быть отнесено к группе 1в по типологии Ю.Г. Виноградова (Виноградов, 1972. Табл. II; IV, 3,6). Эта подгруппа характеризуется наличием двух строчек, в которых в нашем случае в верхней строке нанесен эпоним Лавр, в нижней — гончар Кирон. Аналогичные уляпскому клейма, найденные в закрытых комплексах, датируются 400–370 гг. до н.э. (IOSPE, III. № 224; Брашинский, 1965б; Виноградов, 1972. Приложение 1) и 380–370 гг. до н.э. (IOSPE, III. № 225; Брашинский, 1965б. С. 10 и сл.; Виноградов, 1972. Приложение 1).

Корпус амфоры из кургана 6 (кат. 8; рис. 1, 8) имеет форму, приближающуюся к биконической, но с несколько более округлой образующей. В связи с тем, что профилирующие части утрачены, о морфологических признаках ничего сказать нельзя. Характер глины отличается от глины фасосских амфор. Возможно, это один из вариантов

амфор «круга Фасоса» неизвестного центра. Форма корпуса схожа с сосудами псевдо-Фасос-3 (тип Эванта) по классификации С.Ю. Монахова, но характер глины отличается (Монахов, 2003. С. 83. Табл. 56, 4).

Амфора из 5 кургана (кат. 7; рис. 1, 7) имеет все признаки фасосских амфор: форма венца приближается к трапециевидной с прямой верхней образующей, соответствует этому типу и форма ножки. Форма корпуса может указывать на конический вариант позднеконической серии П-С-3, которая датируется самым концом IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 73. Табл. 49, 4, 6). Но горло уляпской амфоры расширяется кверху, по форме приближаясь к воронке, а ножка имеет значительно более широкую подошву с округлой образующей. находка этого сосуда с биконическими амфорами в ритуальном комплексе кургана 5 дает возможность с уверенностью датировать его не позднее середины IV в. до н.э.

Амфоры Менды представлены несколькими вариантами формы (кат. 9–15, рис. 2). Состав глины светло-коричневых тонов характерен для изделий этого центра, с довольно большим количеством слюды и отошителем в виде примеси песка. Венцы слегка отогнуты наружу, немного больше толщины стенки горла, формой приближаются к треугольнику с округлой образующей изнутри и выпукло-вогнутой снаружи. Наиболее характерна для амфор этого центра форма ножки, благодаря которой они были выделены в отдельную группу «амфор с рюмкообразными ножками» (Зеест, 1960. С. 88). Они имеют высокий цилиндрический ствол, сильно расширяющийся у подошвы выпукло-вогнутой формы с неглубокой полукруглой ямкой в центре. В месте наибольшего расширения ножки бывает горизонтальный поясок. Учитывая практически неизменные форму венчика и подошвы, тенденция хронологического развития этих амфор выводится из соотношения диаметра к высоте, то есть сокращения модуля. Амфоры этого центра имеют сравнительно невысокое расширяющееся книзу горло, широкие плечи и конусовидный корпус. В процессе развития формы они становятся более стройными. Наиболее ранние — два целых экземпляра (кат. 10, 11; рис. 2, 1–2) и фрагмент нижней части (кат. 13; рис. 2, 4) — можно датировать концом V или началом IV в. до н.э. (Брашинский, 1976. С. 68). Следуя классификации С.Ю. Монахова, они могут быть отнесены к раннему варианту П-А, который выходит из употребления к концу второй четверти IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 91. Табл. 61, 6; 62, 1, 2). Два экземпляра (кат. 12 и 13; рис. 2, 3–4) имеют пояски красной и коричневой краски. Немного более поздним временем может быть датирована амфора кат. 12, происходящая из того же

комплекса. Она несколько более вытянута (имеет меньший диаметр, более высокое горло), линия плечиков имеет округлую линию образующей, но ствол ножки вытянут еще не настолько сильно, как, например, у сосуда, изданного И.Б. Брашинским и датированного первой половиной IV в. до н.э. (Брашинский, 1976. С. 72. Рис. 1, 5). Венчик ее аналогичен венчику амфоры из Ольвии (Лейпунская, 1981. Табл. 21, 4).

В погребении 29 кургана 4 обнаружена амфора этого типа иного варианта формы — так называемой Мелитопольской (кат. 15; рис. 2, 5). В хронологическом ряду типологической разработки И.Б. Брашинского этот тип амфор занимает последнее место, определенное автором последней четвертью или концом IV в. до н.э. (Брашинский, 1984. С. 38. Табл. XIII, XIV). По классификации С.Ю. Монахова сосуд из 4-го кургана относится к Мелитопольскому варианту II-C, который, как отмечает автор, являлся единственным видом мендеевской тары на протяжении третьей и, вероятно, самого начала последней четверти IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 93. Табл. 64). Амфора отличается стройностью пропорций, конусовидный вытянутый корпус имеет округлые образующие, горло высокое цилиндрическое, сильно вытянутый цилиндрический ствол ножки, другие профилирующие детали соответствуют морфологическим признакам этой группы тары.

Амфору кат. 9 (рис. 2, 6) по характеру глины и морфологическим признакам следует отнести к мендеевским амфорам конического типа III (Монахов, 2003. С. 94. Табл. 66). Этот тип характеризуется строго коническим или слегка вогнутым туловом с высоким цилиндрическим горлом. С.Ю. Монахов отмечает, что выпуск амфор этого типа продолжался на протяжении третьей четверти V в. до н.э., не исключая возможности их производства и в начале IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 95). Условия находки уляпской амфоры в ритуальном комплексе кургана 1 совместно с мендеевскими вариантами II-A (см. выше) подтверждают это предположение.

Фрагмент амфоры кат. 14 (рис. 2, 7) по характеру глины и форме сохранившейся части венчика также мендеевского производства. Возможно, это образец фракционных амфор этого центра.

Амфоры типа *Солоха I* представлены двумя целыми экземплярами и фрагментом верхней части (горло), обнаруженными в ритуальном комплексе кургана 1 (кат. 17; рис. 3, 2), в конском погребении 3 кургана 6 (кат. 16, рис. 3, 1) и в поле кургана 5 (кат. 18, рис. 3, 3). Этот тип имел широкое распространение в Причерноморье в IV в. до н.э. Относительно их локализации единого мнения нет. На основании отличий в составе глины и деталях профилированных частей, можно пред-

положить, что эти амфоры изготавливались не в одном, а в нескольких центрах, из которых не все пока поддаются убедительной локализации (Брашинский, 1980. С. 27). И.Б. Зеест высказала предположение об их происхождении из какого-то южного островного центра Эгейского моря, находившегося в торговой системе Родоса — Коса и Делоса (Зеест, 1960. С. 94), И.Б. Брашинский — о возможном происхождении этих амфор из Коса или же из центра, тесно связанного с ним (Брашинский, 1965а. С. 96). В. Грейс часть амфор с «грибовидными» венцами относит к раннему типу родосских амфор конца IV в. до н.э., называя его «протородосским» (Grace, 1963. P. 322 ff. Fig. 1, 1–2). Другая же группа является, по ее предположению, самосской (Grace, 1971. P. 67. Pl. 15, 11, 13). Ж.И. Амперер и И. Гарлан предполагают в качестве гипотезы на основании находок небольшого количества грибовидных венцов в мастерских Пепарета, что эти амфоры изготавливались на Пепарете, обозначив их группой Пепарет II (Амперер, Гарлан, 1992. С. 20). В ритуальном комплексе кургана 5 была обнаружена амфорная ручка с рельефным монограммным клеймом НР на углубленном сердцевидном поле (кат. 19; рис. 3, 4). Характер глины указывает на принадлежность этого фрагмента амфоре типа Солоха I. Аналогичная монограмма НР, но расположенная в поле прямоугольной формы, имеется на ручке фрагментированной амфоры, хранящейся в Евпаторийском музее (Зеест, 1960. С. 92. Табл. XIV, 32а). Клейма на амфорах этого типа встречаются редко, они рельефные, монограммные, датируются первыми тремя четвертями IV в. до н.э. (Зеест, 1960. С. 92; Абрамов, 1993. С. 39).

Гераклейские мастерские представлены одним экземпляром (кат. 20; рис. 3, 5). По всем параметрам он относится к типу I по И. Б. Брашинскому и И. Б. Зеест (Брашинский, 1980. С. 23. Табл. IV, IX, 58, 100; Зеест, 1960. Табл. XXII, 42), пифоидному типу варианта I-2 по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003. С. 127. Табл. 86, 5). Этот тип характеризуется конусовидной формой корпуса с округлыми образующими всех деталей, небольшой короткой ножкой с расширением книзу, округлая подошва имеет конусовидное углубление. Небольшой венчик в сечении приближается к кругу. Датировки амфор этого типа колеблются от конца V — начала IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 127), первой — начала второй четверти IV в. до н.э. (Брашинский, 1980. С. 24) до середины — второй половины IV в. до н.э. (Зеест, 1960. С. 100). Условия находки амфоры из Уляпа в ритуальном комплексе кургана 5 совместно с фасосскими биконическими амфорами с клеймами (см. выше) позволяют определить дату производства этого сосуда первой — второй четвертью IV в. до н.э.

Амфора кат. 21 — *синопского* производства (рис. 3, 7). Морфологические признаки уляпской амфоры соответствуют типу I по классификационной системе С.Ю. Монахова (Монахов, 1992. С. 166; 2003. С. 146). Она имеет коническое тулово со слегка округлыми образующими, резкий переход к плечам и слегка расширяющееся в нижней части горло с плавным переходом в плечи. Далее автор делит тип на 6 вариантов согласно таким морфологическим признакам, как форма венца и ножки, здесь же учитываются и метрические признаки. Следуя этой классификации, амфора из собрания ГМВ может быть отнесена к варианту IV, который отличается от варианта IA пропорционально меньшими размерами (Монахов, 1992. С. 167–168; 2003. С. 147). Трапезиевидная форма венца соответствует этому типу амфор, форма же резко профилированной ножки несколько отличается (вместо острого ребра — вертикальный пояс в месте наибольшего расширения подошвы) (Монахов, 1992. С. 167, 168. Табл. 3, 1–6; 2003. Табл. 100, 3–6; Зеест, 1960. С. 91. Табл. XIV, 30 в, г; Лейпунская, 1981. Табл. 28). По всем остальным параметрам она соответствует типу IV, датирующемуся рубежом первой — второй четверти IV в. до н.э. (Монахов, 1992. С. 168; 2003. С. 147).

Амфора кат. 22 — несомненно, относится к типу *колпачковых амфор хиосского* производства (рис. 3, 6). Размеры сосуда, его форма и характер профилирующих деталей и глины соответствуют амфорам из Феодосийского музея (Зеест, 1960. С. 79. Табл. V, 14в) и Елизаветовского могильника (Брашинский, 1980. С. 16. Табл. VII, 13–15). Ножка амфоры из Уляпа не сохранилась, но по аналогии с указанными сосудами она должна быть маленькой, с небольшим углублением снизу, сформированной в один прием с нижней частью сосуда. По классификационной системе С.Ю. Монахова она соответствует фракционным амфорам конического типа V — с коническим туловом и колпачковой ножкой (Монахов, 2003. С. 20–21). Исходя из разнообразия глин амфор с колпачковыми ножками, некоторые исследователи считали местом их производства не только Хиос, но и другие центры (Зеест, 1960. С. 78–79; Лейпунская, 1981. С. 30–31), теперь их хиосское происхождение признается всеми исследователями (Anderson, 1954. P. 169; Брашинский, 1980. С. 17; 1984. С. 99). Сопутствующий материал комплекса кургана 2 позволяет с достаточной определенностью датировать наш экземпляр первой половиной IV в. до н.э., то есть в пределах принятой для таких амфор широкой даты IV — начало III в. до н.э. (Зеест, 1960. С. 78; Лейпунская, 1981. С. 30; Абрамов, 1993. С. 37. Рис. 29, 3, 5; Монахов, 2003. С. 21), что совпадает с датой амфоры с колпачковой ножкой из Елизаветовского могильника (Брашинский, 1980. С. 17).

В одном из скоплений кургана 8 была найдена амфора довольно большого размера (кат. 23; рис. 3, 8). И.Б. Зеест относит подобные амфоры к типу Пантикапейских (Зеест, 1960. С. 94 и сл. Табл. XVII, 34). Однако локализация боспорских амфор еще недостаточно разработана и спорна. Поэтому, вероятно, правильнее называть этот тип *Боспорским*. Обломки боспорских амфор найдены в массовом материале Пантикапея, Мирмекия, Киммерика, Фанагории, в могильниках Прикубанья (Зеест, 1960. С. 95). Целых форм немного. Датируется этот тип IV в. до н.э. Характерен уплощенный, косо подрезанный снизу венчик клювовидной, по терминологии С.Ю. Монахова, формы, который сочетается с остросеребряными ножками двух разновидностей: с плавным переходом от ствола к утолщению ножки либо ножки с резким переходом к утолщению под прямым или острым углом (Монахов, 1989. Приложение II. Табл. I–II. С. 69, 71). Уляпский сосуд наиболее близок по морфологическим признакам амфорам из кургана Карагодеуаш и из пос. Партизанский близ Керчи, датированным началом III в. до н.э. (Зеест, 1960. С. 95. Табл. XVII, 34а, 34е).

Таким образом, как мы видим, в коллекции остродонных амфор из Уляпского могильника преобладает тара из мастерских Фасоса и Менды, что является подтверждением наиболее тесных торговых отношений Боспора, а следовательно, и связанных с ним варварских территорий с этими центрами. Кроме того, как уже было указано выше, нахождение этой категории керамики дает возможность более узкой датировки комплексов.

Каталог

1. 92 Кр-IV (Уляп 83.15-241) (рис. 1, Л).

Глина коричневая с красноватым оттенком, значительные примеси слюды, редкие включения белых частиц.

Высота 51,4 см, диаметр 29 см (венчика — 12,2 см), глубина 48 см.

Венчик высокий массивный в виде полувалика, в разрезе имеет вытянутую форму со скошенной верхней образующей. На горле под венцом — узкий врезной пояс. Горло короткое цилиндрическое, слегка расширяется кверху. Корпус конусовидный с округлыми плечами. Ножка низкая в виде узкого кольцеобразного поддона с наружной вертикальной гранью пояса, в середине подошвы — широкая выемка с умбовидным выступом в центре.

Конец VI — начало V в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 15, погр. 66.

2. 29 Кр-IV (Уляп 82.5-371) (рис. 1, 2).

Глина красновато-коричневая, тонкозернистая, содержит большое количество мелких блесток слюды.

Высота 72,2 см, диаметр 27,7 см (венчика — 11,8 см), глубина 59,8 см.

Венец массивный, в сечении приближается к треугольнику, верхняя образующая плоско срезана, расположена горизонтально. Горло сильно расширено книзу, сливается с покатыми плечиками. Корпус сильно вытянут, его нижняя часть, постепенно суживаясь, переходит в массивную цилиндрическую ножку, расширенную у подошвы. Подошва сложнопрофилирована, по месту ее максимального диаметра проходит вертикально срезанный поясок. Под пояском образующая скошена внутрь и переходит в широкую выемку. Ручки овальные в сечении. На одной ручке — клеймо. Под ручками — пальцевые вдавления, между венцом и ручками красная краска, следы краски на клейме, пятно краски на горле в верхней части, внизу горла знак дипинто V.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

3. Уляп 82.5-372 (аналог. № 2) (рис. 1, 3).

Глина коричневая с красноватым оттенком, тонкозернистая, содержит большое количество мелких блесков слюды.

Высота 73,1 см, диаметр 27,6 см (венчика — 11,3 см), глубина 67,8 см.

На ручке клеймо. Под ручками пальцевые вдавления, между венцом и верхними основаниями ручек красная краска, на горле в верхней его части знак дипинто H.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

4. Уляп 82.5-348 (аналог. № 2) (рис. 1, 4).

Глина бежевая с красноватым оттенком, тонкозернистая, содержит большое количество мелких блесков слюды.

Высота 72 см, диаметр 27,6 см (венчика — 12,7 см), глубина 58,5 см.

Под ручками пальцевые вдавления.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

5. Уляп 82.5-б/н (рис. 1, 5).

Глина светло-коричневая с красным оттенком, примеси слюды.

Высота 12,4 см, диаметр венца 5,5 см.

Фрагмент горла с венчиком и ручкой. Венец массивный, в сечении приближается к треугольнику, верхняя образующая плоско срезана, расположена горизонтально. Ручка овальная в сечении. На ручке клеймо.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

6. Уляп 82.5-373 (рис. 1, 6).

Глина светло-коричневая с красноватым оттенком, значительные примеси слюды.

Высота 44,8 см, диаметр 26,6 см (подошвы — 6,4 см).

Сохранилась нижняя часть корпуса в форме вытянутого конуса, завершающегося массивной цилиндрической ножкой, расширяющейся к основанию. Подошва сложнопрофилированная, имеет скошенный поясок в месте наибольшего диаметра, нижние образующие тоже скошены. В середине подошвы неглубокая коническая ямка.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

7. Уляп 82.5-375 (табл. 1, 7).

Глина красновато-коричневая, включения частиц слюды.

Высота 71 см, диаметр 29,5 см (венчика — 11,1 см), глубина 63 см.

Венец массивный, в сечении приближается к трапеции, с уплощенной верхней образующей, расположенной горизонтально. Горло сравнительно высокое, расширяется в верхней и нижней части, где плавно переходит в покатые плечики. Корпус имеет форму вытянутого треугольника. Ножка массивная, цилиндрическая, расширяющаяся книзу. Подошва имеет выпуклый контур, по месту ее максимального диаметра проходит вертикально срезанный поясок, в центре — широкая выемка конусовидной формы. Ручки овальные в сечении, в их основаниях пальцевые вдавления.

Середина IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

8. Уляп 82.6-8 (рис. 1, 8).

Глина светлая бежевая с желтоватым оттенком (в изломе оттенок красный), значительные примеси слюды.

Высота 47 см, диаметр 28,4 см.

Форма корпуса приближается к биконической, имеет округлую линию образующей в месте наибольшего диаметра. Сохранились нижние части (основания) ручек овальной в сечении формы. В основаниях ручек пальцевые углубления.

1-я половина IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 6, юго-западный сектор, развал № 5.

9. Уляп 81.1-107 (рис. 2, 6).

Глина светлая бежевая с розовым оттенком, тонкозернистая, содержит большое количество мелких блесков слюды.

Высота 56,7 см, диаметр 31,5 см (венчика — 11,9 см), глубина около 56 см (утрачено дно).

Венец массивный, отогнут наружу, в сечении приближается к треугольнику с наибольшим рас-

ширением в верхней части, верхняя образующая прямая горизонтальная, внешняя — вогнутая, внутренняя — выпуклая. Венец имеет характерный выступ над горлом. Горло сравнительно высокое, прямое, немного расширяется в нижней части. Плечи слегка покатые. Корпус конический. Ножка утрачена. Ручки овальные в сечении, под ними пальцевые углубления.

IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

10. 2 Кр-IV (Уляп 81.1-32) (рис. 2, 1).

Глина бежевая с красноватым оттенком, примесь большого количества слюды и песка. Поверхность шероховатая.

Высота 62,4 см, диаметр 40,5 см (венчика — 12,4 см), глубина 51,6 см.

Венец массивный, отогнут наружу, в сечении приближается к вертикально вытянутому прямоугольнику, внутренняя образующая выпуклая, внешняя — вогнутая. Венец имеет при переходе к горлу характерный уступ. Горло невысокое, цилиндрическое, расширяющееся книзу при переходе к широким, слегка скругленным плечикам. Корпус конусовидный, с округлыми образующими. Ножка высокая цилиндрическая, сильно расширена в подошве. Подошва имеет выпукло-вогнутую поверхность с выделенным ребром в месте наибольшего расширения и широким углублением в центре. Ручки овальные в сечении, с пальцевыми углублениями в основаниях.

1-я треть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

11. Уляп 81.1-87 (аналог. № 10) (рис. 2, 2).

Глина бежевая желтоватого оттенка, с примесью большого количества песка и слюды. Поверхность шероховатая.

Высота 62,2 см, диаметр 39,8 см (венчика — 12,2 см), глубина 52,7 см.

В месте наибольшего диаметра подошвы вертикальный, слегка скошенный поясок. Сохранился след пояса, нанесенного красной краской на нижней части тулова и два черных пятна на тулове.

1-я треть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

12. Уляп 81.1-106 (аналог. № 10) (рис. 2, 3).

Глина бежевая розоватая с примесью слюды. Высота верхней части 23,8 см, диаметр венчика 11,8 см, высота нижней части 44,4 см, диаметр 37,2 см, глубина около 57,8 см.

Амфора сохранилась практически целиком, но из-за утрат невозможно соединить верхнюю и нижнюю части. Внизу горла — небольшой кружок, проделанный острым инструментом по сырой глине. Под одной ручкой — знак дипинто

красной краской E. В основаниях ручек пальцевые вдавления. В месте наибольшего диаметра подошвы скошенный поясок, ямка в центре подошвы неглубокая, уплощенная. Внизу тулова поясок, нанесенный красной краской.

1-я треть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

13. Уляп 82.4-301 (рис. 2, 4).

Глина бежевая красноватого оттенка, примеси слюды.

Высота 36 см, диаметр около 33,6 см, диаметр подошвы 8,6 см.

Сохранилась нижняя часть корпуса с ножкой. Корпус конусовидный с округлыми образующими. Ножка цилиндрическая массивная длинная, расширяющаяся к основанию. Подошва широкая с выраженным изломом в месте наибольшего диаметра (небольшой округлый поясок), слегка выпуклая с небольшой ямкой в центре. Поясок коричневой краски на корпусе и по верху подошвы.

1-я треть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 4, погребение 39.

14. Уляп 82.4-16 (рис. 2, 7).

Глина бежевая с желтоватым оттенком.

Высота 27,6 см, диаметр 28,8 см.

Сохранилась верхняя часть. Венец поврежден, но соответствует метрическим признакам: слегка отогнут, имеет характерный уступ при переходе к горлу, верхняя и внутренняя образующие выпуклые, внешняя — вогнута. Горло цилиндрическое, расширяется книзу, переходя в слегка покатые плечики. Ручки овальные в сечении, с пальцевыми углублениями в основаниях. На горле след от дипинто, нанесенного красной краской.

IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 4, скопление 2.

15. Уляп 82.4-222 (рис. 2, 5).

Глина красновато-бежевая, с включениями частиц белого кварцевого песка и слюды.

Высота 79,5 см, диаметр 34 см, глубина 64,5 см.

Венец в сечении приближается к треугольнику с наибольшим расширением в верхней части. Горло высокое, слегка расширено книзу, плавно переходит в широкие слегка покатые плечи. Корпус конусовидный. Ножка высокая, стройная, расширяющаяся книзу, со слегка вогнутой подошвой. По месту наибольшего расширения ножки проходит кольцевой вертикальный поясок. Выемка на подошве неглубокая, полукруглой формы. Ручки в сечении овальные, несколько уплощенные.

Середина — 3-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 4, погребение 29.

16. Уляп 82.6-35 (рис. 3, 1).

Глина бежевая с красноватым оттенком, примесь чешуек слюды.

Высота 62,4 см, диаметр 38,5 см (венчика — 13,9 см), глубина около 62,6 см (утрачено дно).

Венец широкий, выступающий («грибовидный»), треугольной в сечении формы. Горло невысокое цилиндрическое. Плечи широкие. Нижняя часть корпуса конусовидная с округлыми образующими. Ножка утрачена. Ручки овальные в сечении, в основаниях имеют пальцевые вдавления.

2-я — 3-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 6, конское погребение 3.

17. 39 Кр-IV (Уляп 82.5-436) (рис. 3, 2).

Глина светло-коричневая с желтоватым оттенком, со значительными примесями чешуек слюды.

Высота 73 см, диаметр 39,5 см (венчика — 16,4 см), глубина 68,1 см.

Венец широкий, выступающий («грибовидный»), треугольной в сечении формы с наибольшим расширением в нижней части. Горло невысокое, цилиндрическое. Плечи широкие, корпус округлый, яйцевидной формы. Ножка короткая с кубаревидным основанием с округлыми образующими и неглубокой выемкой на подошве. Ручки овальные в сечении.

2-я — 3-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, пола.

18. Уляп 82.5-17 (рис. 3, 3).

Глина светло-коричневая слюдянистая.

Высота 19,5 см, диаметр венца 17,2 см.

Сохранились: цилиндрическое горло с грибовидным венцом и верхние части ручек.

2-я — 3-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, скопление 1.

19. Уляп 81.1- б/н (рис. 3, 4).

Глина бежевая с красноватым оттенком, примесь чешуек слюды.

Ручка овального сечения с клеймом.

Длина 17 см.

1-я — 3-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

20. 30 Кр-IV (Уляп 82.5-406) (рис. 3, 5).

Глина кирпично-красная, крупнозернистая, с включениями мелких черных частиц пироксена, поверхность шероховатая.

Высота 69,8 см, диаметр 27 см (венчика — 10 см), глубина 62,4 см.

Венец небольшой, валикообразный, внутренняя часть образующей закруглена, есть небольшая подсечка. Горло прямое, высокое, плавно расширяясь, переходит в слегка покатые плечи. Нижняя часть корпуса конусовидная с округлыми образующими. Ножка короткая цилиндрическая, расширяющаяся книзу. Подошва выпуклая, с гранью на месте максимального диаметра и сравни-

тельно глубокой конусовидной выемкой. Ручки овальные в сечении.

1-я половина IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 5, ритуальный комплекс.

21. 1 Кр-IV (Уляп 81.1-3) (рис. 3, 7).

Глина светло-коричневая розоватого оттенка (?) с включениями кварцевых песчинок и мелких черных частиц пироксена. Поверхность шероховатая.

Высота 59 см, диаметр 30,9 см (венчика — 11 см), глубина 53,2 см.

Венец трапециевидной в сечении формы, горло прямое, слегка расширяется книзу, плавно переходя в слегка покатые плечи. Тулово конической формы. Ножка расширяется книзу, подошва выпуклой формы с гранью в виде вертикального пояса в месте максимального диаметра и глубокой конусовидной выемкой. Ручки овальные в сечении, с пальцевыми вдавлениями в основаниях.

Рубеж 1-й — 2-й четверти IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 1, ритуальный комплекс.

22. 5 Кр-IV (Уляп 82.2-91) (рис. 3, 6).

Глина оранжево-красная, с заметными вкраплениями белых частиц и незначительными включениями слюды.

Высота 69 см, диаметр 26,5 см (венчика — 8 см), глубина 68,6 см.

Венец в форме уплощенного полуэллипса, с несколько скошенным внутрь прямым верхним контуром, образующим острый угол с выпуклым внешним контуром. Горло высокое прямое, с овальной формой устья, сжатого со стороны ручек. Плечи почти горизонтальные, имеют резкий излом. Корпус конусовидный. Ножка утрачена. Ручки овальные в сечении.

Середина IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 2, южная пола.

23. 52 Кр-IV (Уляп 83.8-81) (рис. 3, 8).

Глина кирпично-красная оранжевого оттенка, плотная, незначительные вкрапления слюды, мелкие железняковые включения.

Высота 69,4 см, диаметр 37,2 см (венчика — 11,8 см), глубина 65,6 см.

Венец небольшой, в сечении приближается к треугольнику, подрезан снизу (клювовидный). Горло короткое прямое, слегка расширено книзу. Корпус яйцевидной (овоидной) формы. Ножка приземистая массивная, в виде сужающегося книзу налета с неглубокой полукруглой выемкой на подошве. Ручки овальные в сечении, с пальцевыми вдавлениями в основаниях. На горле — знак дипинто бурой краской В.

3-я — 4-я четверть IV в. до н.э.

Уляпский могильник, курган 8, ритуальный комплекс 2.

Библиография

- Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М., 1993.
- Амперер Ж.И., Гарлан И.* Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. Praha, 1965a.
- Брашинский И.Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской // Нумизматика и эпиграфика. Вып. V. М., 1965b.
- Брашинский И.Б.* Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками») // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Брашинский И.Б.* Греческий импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984.
- Виноградов Ю.Г.* Керамические клейма острова Фасос // Нумизматика и эпиграфика. Вып. X. М., 1972.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83.
- Лейптунская Н.А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981.
- Лесков А.М.* Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8848.
- Лесков А.М.* Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8672.
- Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989.
- Монахов С.Ю.* Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
- Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917.
- Рубан В.В.* Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. 1991. №2.
- Anderson J. K.* Excavation on the Rofina Ridge. Chios // BSA. XLIX. 1954.
- Grace V. R.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. Vol. XXXII. 1963.
- Grace V. R.* Samian Amphoras // Hesperia. Vol. XL. 1971.
- Κουκουλιή-Χρυσανθάκη Χ.* Αρχαιολογικόν δελτίον. Vol. 34. Αθήναι, 1979.
- Peristeri-Otatzis C.* Amphores et timbres amphoriques d'Abdere // BCH. 1986.

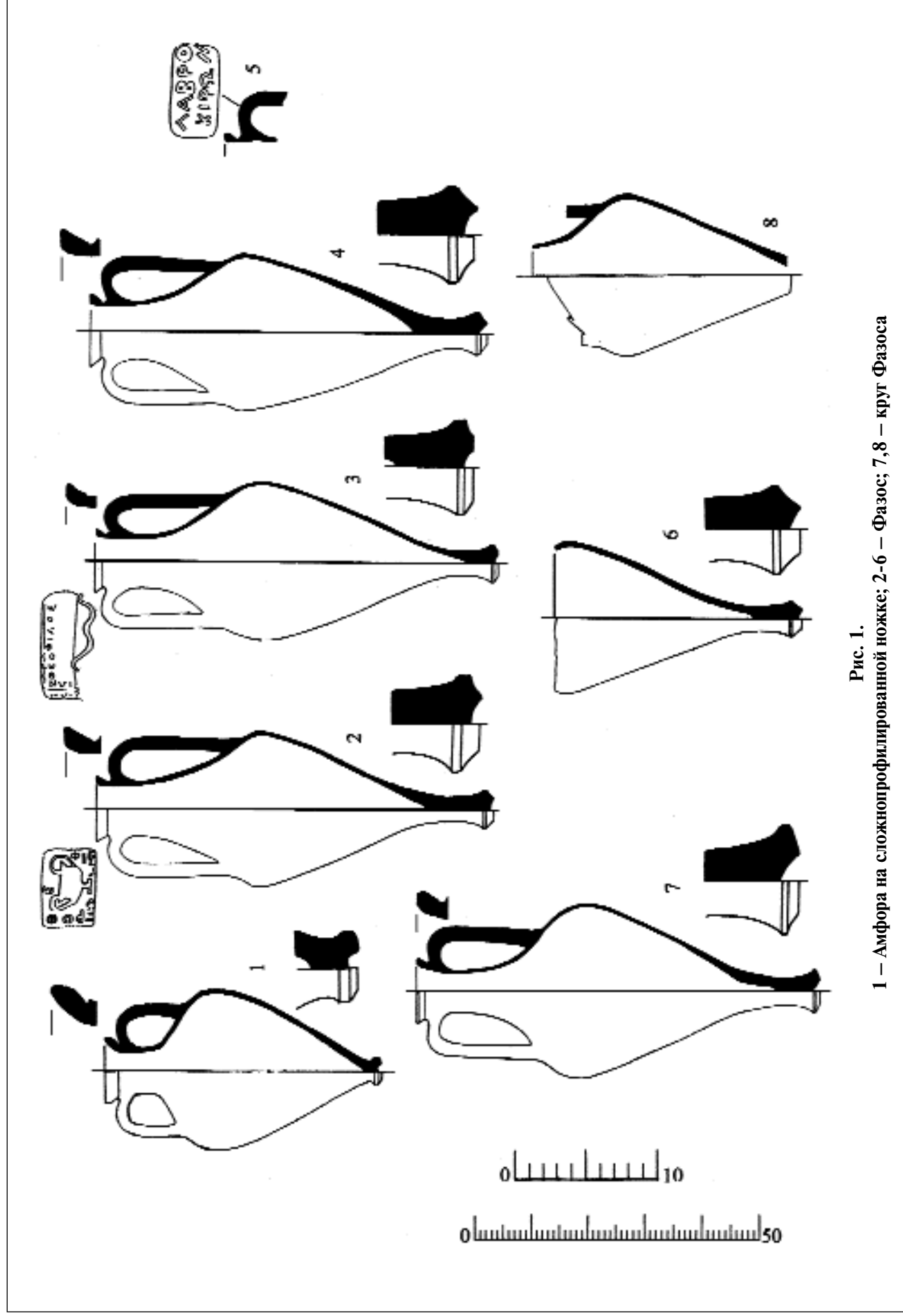

Рис. 1.
1 – Амфора на сложнопрофилированной ножке; 2-6 – Фазос; 7,8 – круг Фазоса

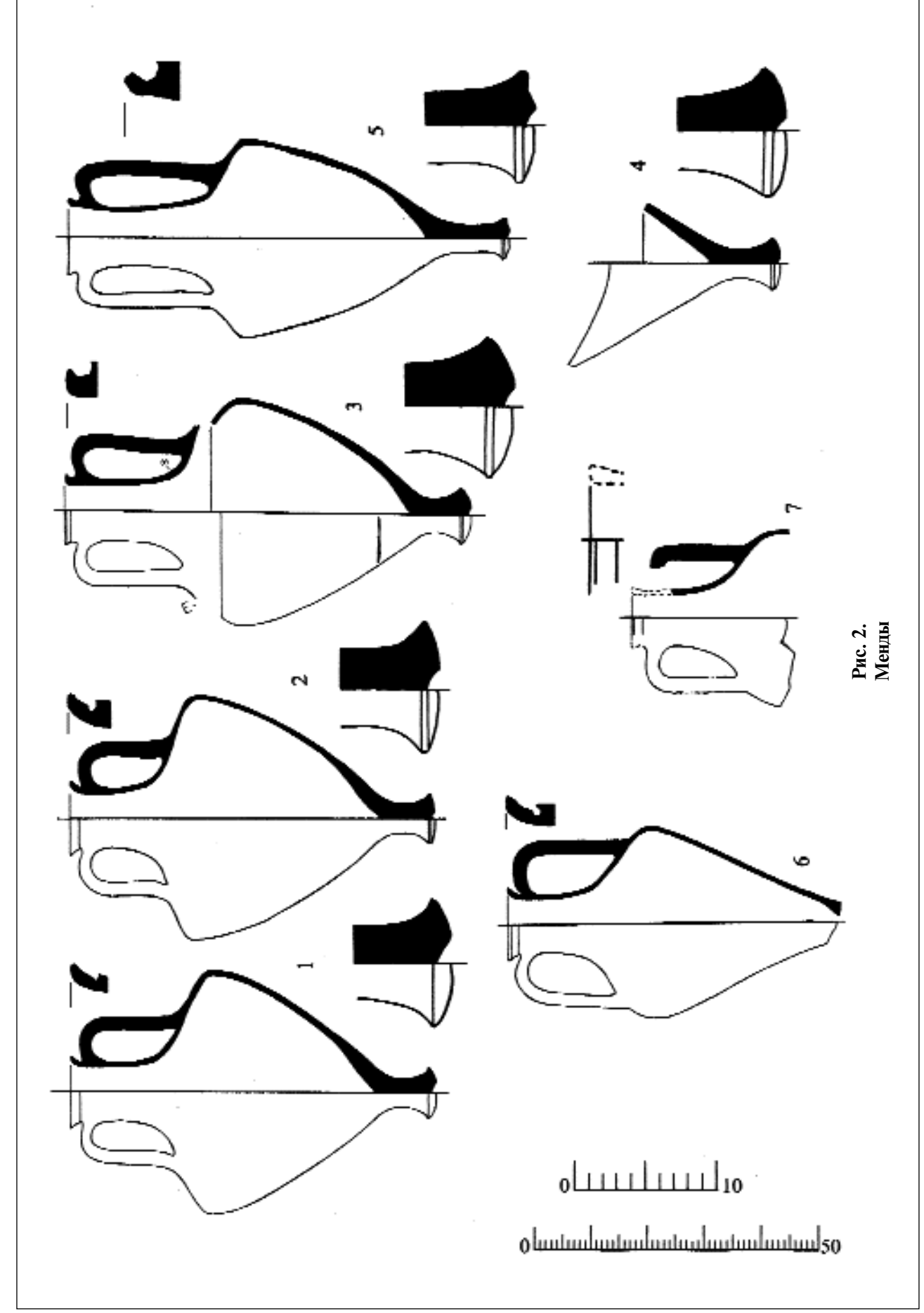

Рис. 2.
Менды

Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника

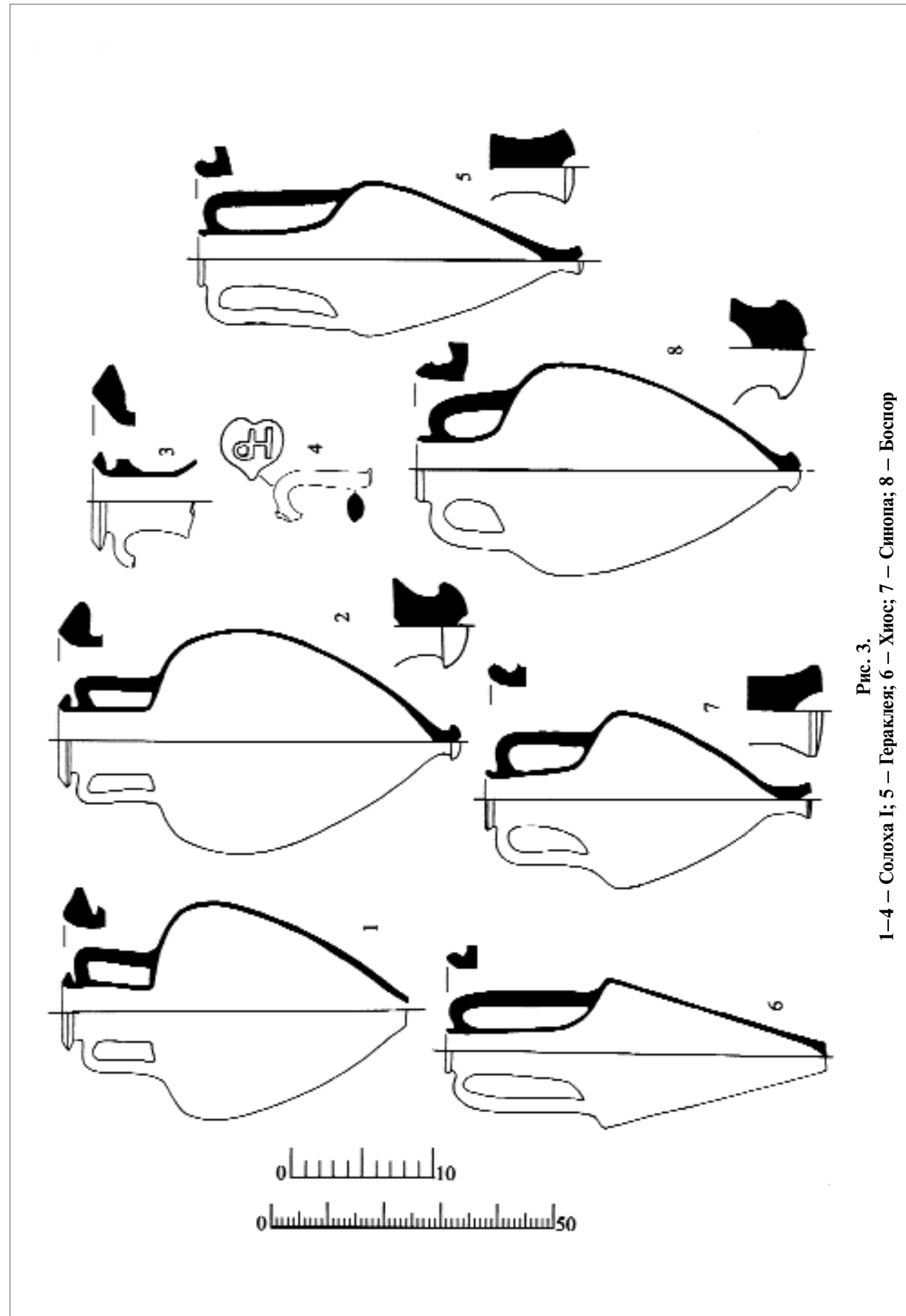

Рис. 3.
1–4 – Солоха I; 5 – Гераклея; 6 – Хиос; 7 – Синопа; 8 – Боспор

С 1994 по 2003 год Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока проводила исследование грунтового могильника на западной окраине станицы Тенгинской Усть-Лабинского района Краснодарского края. За эти годы на могильнике было исследовано 271 погребение III в. до н.э. – II в. н.э. Могильник относится к меотской археологической культуре.

Основным объектом исследования в данной статье стали воинские погребения грунтового могильника – 53 комплекса (19,6 % от всех исследованных), в которых обнаружены останки 63 индивидов¹. Признаками отбора воинских комплексов были возраст погребенного (старше 14 лет) и наличие оружия.

В данную выборку не включены два детских погребения (до 10 лет), где были найдены одиночные наконечники стрел и перекрестие меча, а также кенотафы и многочисленные конские погребения.

Из 53 комплексов 6 – это коллективные захоронения: парных – 3 комплекса (п. № 19, 252, 255), тройных – 2 комплекса (п. № 3, 5), в одном комплексе были погребены четыре человека (п. № 39). Состав погребенных в них выглядит следующим образом: в двух *парных* захоронениях (п. № 19, 255) погребены мужчина и подросток 14–16 лет, предметы вооружения положены только у мужчин. В обоих случаях присутствуют захоронения коней. В комплексе № 252 захоронены мужчина и женщина.

В *тройных* захоронениях: в одном случае (п. № 3) двое мужчин и подросток, предметы вооружения только при мужских скелетах. Во втором комплексе (п. № 5) захоронены трое мужчин с весьма полной паноплией – копья, дротики, стрелы, у одного из них – меч. Конские костяки в обоих комплексах отсутствуют. В погребении № 39 зафиксированы останки четырех погребен-

ных: двое мужчин, один из которых старше 50 лет, второй 20–30 лет, пол и возраст двух других не установлены из-за плохой сохранности костяков. Предметы вооружения отсутствуют лишь у одного из погребенных. Захоронение сопровождалось одним конским скелетом.

47 комплексов с оружием – *одиночные* захоронения. Из них 5 погребений женские.

Возрастные группы погребенных распределились следующим образом: подростки 14–16 лет – два индивида, которые зафиксированы в коллективных комплексах. Среди мужчин наиболее многочисленна группа от 20 до 40 лет – 31 индивид, от 40 и старше – 14 индивидов. Среди женских захоронений три индивида от 20 до 30 лет и два – от 30 до 40 лет.

Погребальный обряд исследуемой группы принципиально не отличается от прочих захоронений могильника. Подавляющее большинство погребенных имели вытянутое на спине положение, кроме двух случаев: женщина в парном погребении № 252 лежала на левом боку лицом к мужчине, в погребении № 39 один из четырех мужчин, обращенный лицевой частью к остальным, также покоился на левом боку. Большая часть погребенных имеют юго-восточную ориентировку.

Исключение составляют лишь 9 комплексов, где погребенные направлены в северо-восточный сектор, из них 6 комплексов с надежными датами (п. № 22, 28, 136, 208, 224, 252) относятся ко второй половине I в. до н.э. – II в. н.э.

Большинство захоронений совершено в грунтовых ямах, и лишь в 15 случаях из 53 зафиксированы погребения в могилах со ступенькой вдоль одной из длинных сторон ямы (чаще – с восточной стороны). Эти 15 захоронений сопровождалась костяками одного или нескольких животных.

¹ Антропологические определения сделаны д.и.н. М.Б. Медниковой и к.и.н. М.А. Балабановой.

Погребения лошадей вместе с умершим воином отмечены в 18 случаях (34 % от всех воинских погребений). В 12 комплексах в могилу помещен один конь, в четырех — лежали скелеты двух лошадей, в погребении № 78, кроме лошадей, была положена корова. В погребении № 162 в грунтовой яме без ступени поверх погребенного мужчины были уложены три лошади. В женском погребении № 218 обнаружены скелеты пяти коней. Корреляция признаков «возраст погребенного» и «наличие лошади» показала, что здесь преобладают погребения более молодых воинов (от 20 до 40 лет) — 14 случаев, в группу которых входит и захоронение женщины 20–25 лет (п. № 218), в четырех случаях возраст воинов, погребенных с конем, превышал 40 лет.

Конская узда встречена в 13 комплексах. В 12 из них находившиеся в могиле лошади были взызданы, в одном комплексе I в. до н.э. (погребение № 208) колесовидные псалии лежали рядом с телом погребенного.

Набор вооружения представлен следующими категориями: копьа, дротики, стрелы, мечи и кинжалы.

Копья присутствовали в 34 комплексах, дротики в 29. Лишь в трех погребениях были найдены дротики без копий, в остальных 26 — дротики и копьа встречены вместе. Количество копий в погребении колеблется от 1 до 5, в большинстве случаев по одному. Количество дротиков в наборе от 1 до 3. Местоположение наконечников копий и дротиков в могиле достаточно стабильно — у головы погребенного (чаще справа). Лишь в пяти захоронениях они лежали в области ног.

Наконечники стрел зафиксированы в 26 комплексах как единичными экземплярами, так и в горитах по 30–70 шт. Наличие горита в погребении подтверждается следующими признаками: во-первых, все наконечники лежат компактно, остриями в одну сторону; во-вторых, в некоторых комплексах с горитами найдены бронзовые бляшки-скорлупки, украшавшие футляр. В погребении № 237 бляшки располагались вертикальными рядами. В-третьих, на поясе погребенного часто находился колчаный крюк.

Традиционное местоположение горита — у левой ноги. В нескольких случаях колчан лежал на левом плече, на уровне головы или в ногах. Единичные экземпляры наконечников стрел были обнаружены как на корпусе погребенного, так и в других местах могилы.

Мечи обнаружены в 11 комплексах. Традиционное местоположение меча — на поясе, у бедра (чаще у левого). Навершие меча часто располагалось у кисти правой руки. Зафиксировано также положение меча рядом с телом лошади (п. № 260), поверх правого плеча человека (п. № 19).

Кинжалы найдены лишь в трех погребениях (п. № 208, 266, 269), в двух случаях — у правой руки, в одном — слева от ног. В погребении № 266 у правой кисти погребенного мужчины лежал кинжал, вдоль левой ноги — меч (рис. 7).

Наиболее многочисленной, выделенной по набору вооружения, оказалась группа вооруженных только копьями и дротиками, условно названная «копейщиками». В нее попали 25 индивидов, что составляет 39,6 % от 63 погребенных с оружием. В половозрастном плане эта группа разнообразна: 11 мужчин до 40 лет, 8 мужчин старше 40 лет, 4 женщины, возраст двух определен до 40 лет, в двух случаях возраст не определен. В трех погребениях зафиксированы конские костяки.

Группа «лучников» насчитывает 12 индивидов (19 %). Все они мужчины в основном до 40 лет, сюда же входят подросток 13–14 лет и двое мужчин старше 40 лет. В пяти комплексах встречены сопровождающие конские костяки.

Колющее оружие (меч или кинжал) зафиксировано в четырех погребениях (6,4 %). В двух случаях — это мужчины старше 50 лет, в двух других — пол и возраст погребенных не определены из-за плохой сохранности. Конские костяки зафиксированы в двух захоронениях.

Вооружение следующей группы составляет набор: копьа — дротики — стрелы. В нее вошли 9 индивидов (14,3 %). Среди них одна женщина 20–25 лет, ее погребение сопровождают пять конских костяков. Возраст мужчин в этой группе не превышает 40 лет. Кроме женского погребения (№ 218) конские костяки встречены еще в трех комплексах.

Группа, вооружение которой составляют копьа — дротики — меч или кинжал, насчитывает всего два погребения (3,2 %) (п. № 19а, 269) с мужскими захоронениями от 30 до 45 лет. В обоих захоронениях зафиксированы конские скелеты.

Следующую группу составляют два комплекса (3,2 %), в которых состав вооружения представлен набором: стрелы — меч или кинжал (п. № 53, 247). В погребении № 247 был погребен мужчина 24–30 лет, в погребении № 53 скелет сильно поврежден, половозрастных определений нет. Лошади в этих комплексах отсутствовали.

Полная паноплия, состоящая из копий — дротиков — стрел — меча или кинжала, зафиксирована лишь в пяти погребениях (7,9 %) (п. № 5 — костяк А, 25, 208, 251, 266). Все они принадлежат молодым мужчинам 20–30 лет, кроме одного: в погребении № 266 был погребен мужчина 40–50 лет. Лишь в одном комплексе данной группы встречен конский костяк, сопровождающий захоронение человека — это погребение № 25.

Полученные данные для наглядности отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Количество индивидов в воинских погребениях	Копья, дротики	Стрелы	Мечи, кинжалы	Копья, дротики+стрелы	Копья, дротики+меч, кинжал	Стрелы+меч, кинжал	Копья, дротики+стрелы+меч, кинжал	Без оружия
63	25	12	4	9	2	2	5	4
100 %	39,6 %	19 %	6,4 %	14,3 %	3,2 %	3,2 %	7,9 %	6,4 %

Отметим также, что максимальное количество лошадей (по 5 на каждую группу) отмечено для «лучников» и «лучников» с копьями.

Процентное соотношение открытых на могильнике погребений и воинских дает лишь общее представление о составе войска группы населения, оставившей Тенгинский грунтовой могильник.

По сводке С.П. Кожухова, составленной по ранее исследованным меотским могильникам Закубанья (Кожухов, 1994. С. 15–16), распределение основных категорий вооружения выглядело следующим образом: процент воинских захоронений на Ново-Вочепшийском могильнике (III–I вв. до н.э.) составляет 28,4 %. Среди них копьа встречены в 80 % погребений, дротики — в 48 %, мечи — в 16 %, стрелы — в 10 %. Всадники составляли лишь 6,5 % от общего количества захоронений. В Серегинском могильнике на раскопе II (II в. до н.э. — I в. н.э.) процент воинских погребений от общего количества исследованных составляет 28 %. Среди них: копейщики 69 %, дротики встречены у 25 %, мечи — в 56 % и стрелы в 19 % воинских погребений. Всадники от общего количества захоронений составляли около 50 %. Воинские погребения из кургана I Серегинского могильника (I в. до н.э. — I в. н.э.) составляли 41 %. Из них 80 % вооружены копьями, 33 % — дротиками, 27 % — мечами, 27 % — стрелами. Количество всадников от общего количества захоронений составило более 25 %.

Таким образом, основное оружие воинов-меотов — это копьа.

Иное распределение дает Курганинский курган-кладбище (II в. до н.э. — II в. н.э.), на котором процент воинских захоронений от общего количества исследованных составляет 24 %. Среди них: с копьями — 15 %, с дротиками — 37 %, с мечами — 18 %, со стрелами — 70 %. Всадники составляют 66 % от общего количества захоронений на данном памятнике. Основную часть войска здесь представляют конные лучники, а метатели дротиков и копий не превышают 37 %. Не исключено, что приведенные цифры являются отражением иного этнического состава населения, оставившего Курганинский могильник. По мнению

С.П. Кожухова, данный памятник является смешанным, сармато-меотским (Кожухов, 1994. С. 16). Краснодарские исследователи считают его сарматским (Берлизов и др., 1995. С. 121–122).

Краткая характеристика инвентаря из погребений Тенгинского грунтового могильника.

Конская узда (рис. 1) представлена железными удилами и псалиями (13 экз.). Все удила двусоставные, сделаны из круглых или квадратных в сечении прутьев, концы которых загнуты в кольца. Внутренние кольца меньшего диаметра, чем внешние. Иногда на грызле у внешнего кольца имеется утолщение для фиксации псалия. Количественно преобладают крестовидные псалии (тип II по классификации И.И. Марченко) (Марченко, 1996. С. 72), представленные пятью вариантами. Иногда в одном наборе встречаются разновариантные псалии, как в погребениях № 255, 260 (рис. 1, 1, 5). Наиболее ранними среди крестовидных являются псалии, на гладких крестовинах которых имеются зубчатые выступы, рамка, как правило, округлая (вариант «а») (рис. 1, 1, 3). Следующий вариант («б») — концы крестовин оканчиваются шаровидными или округлыми утолщениями, рамка псалия округлая (рис. 1, 1, 4, 6). Развитием этого варианта являются псалии с округлым «шишкообразным» окончанием, оконтуренным снизу валиком (вариант «в») (рис. 1, 2). Синкретичным вариантом («г») являются псалии, на крестовинах которых расположены зубчатые выступы, как на варианте «а», а концы оформлены «шишечками» с валиком, как у варианта «в» (рис. 1, 5, 7). Эти варианты псалий датируются III — началом II в. до н.э. (Марченко, 1996. Рис. 20а). К варианту «д» отнесены псалии (п. № 154) с квадратным основанием и гладкими, круглыми в сечении, крестовинами (рис. 1, 8). Датировка этого варианта детально аргументирована И.И. Марченко в рамках последней четверти III — начала I в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 74). В погребении № 208 найдены фрагментированные колесовидные псалии (тип III по классификации И.И. Марченко), дата которых I в. до н.э. — начало III в. н.э. (Марченко, 1996. С. 75–76). Единичным экземпляром (рис. 1, 9) представлены стержневидные двудырчатые псалии, концы которых раскованы в

лопасти (тип IV по классификации И.И. Марченко), большинство исследователей относит их к III — первой половине I в. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 78–79; Кожухов, 1994. С. 13–14; Марченко, 1996. С. 75–76; Беглова, 2005. С. 167–168).

Наконечники копий (51 экз.) наиболее многочисленная категория вооружения. Следуя классификации наконечников копий из памятников Закубанья, предложенной С.П. Кожуховым (Кожухов, 1994. С. 9), они делятся на три отдела по форме пера: I отдел — перо лавролистной формы с максимальным расширением на середине длины пера или чуть ниже; II отдел — перо остролистной формы с наибольшим расширением в нижней части; III отдел — перо имеет форму вытянутого треугольника, нижняя часть лопастей переходит ко втулке под прямым или близким к нему углом. По сечению пера выделены типы: 1 тип — с выделенным ребром; 2 тип — ромбовидное сечение; 3 тип — линзовидное сечение.

Большая часть наконечников копий относится к I отделу 1-му типу (п. № 3, 75, 78, 99, 100) (рис. 2, 1). По сводке С.П. Кожухова (им учтено 8 подобных экземпляров) время бытования этого типа II в. до н.э. — II в. н.э., с преобладанием во II — I вв. до н.э. (Кожухов, 1994. С. 9). Комплексы Тенгинского могильника, откуда происходят наконечники данного типа, датируются в основном концом III — II в. до н.э.

II отдел представлен двумя типами. В 1-м типе выделено два варианта: 1-й вариант — с выделенным ребром жесткости на пере — один наконечник из погребения № 19 (рис. 2, 5), относящегося ко второй половине II — началу I в. до н.э. С.П. Кожухов отмечает отсутствие наконечников копий первого варианта I типа в данное время в памятниках Закубанья (Кожухов, 1994. С. 9). 2-й вариант отличается пером подромбической формы, сюда могут быть включены наконечники из шести комплексов (п. № 28, 196, 208, 217, 224, 252) (рис. 2, 6; 6, 14). Все они наиболее поздние в Тенгинском могильнике, их дата I в. до н.э. — I в. н.э.

2-й тип — сечение пера ромбовидное — представлен тремя экземплярами (п. № 161, 163, 218) (рис. 2, 7). Комплексы датируются второй половиной III в. до н.э. Аналогичное копье происходит из второго ритуального комплекса, относящегося к концу III в. до н.э. (Беглова, 2005а. Рис. 2).

III отдел представлен наконечниками с треугольной формой пера, ромбовидной в сечении (2-й тип) (п. № 190) (рис. 2, 3), или уплощено-линзовидной формой сечения (3-й тип) (п. № 86, 176) (рис. 2, 4). С.П. Кожухов датирует их IV—III вв. до н.э. (Кожухов, 1994. С. 9). В погребение № 176 Тенгинского могильника вместе с копьем находилось бронзовое зеркало с боковой трапециевидной ручкой, диск украшен концентрическими

кругами и пояском из полуов (тип IV, вариант I по классификации И.И. Марченко), подобные зеркала характерны для конца III — II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 18). Это дает основание поднять верхнюю дату наконечников копий с треугольным пером до конца II в. до н.э.

Все *наконечники дротиков* (36 экз.) имеют длинный стержень между втулкой и пером, поэтому в соответствии с классификацией С.П. Кожухова отнесены к I отделу дротиков, который делится на два типа по форме пера. 1-й тип — перо треугольной формы с опущенными жальцами. Подобные дротики встречены в 26 комплексах Тенгинского могильника (рис. 2, 9–11). Наконечники дротиков 2-го типа с пером листовидной формы найдены лишь в трех погребениях (п. № 75, 102, 163) (рис. 2, 8). Массовое распространение дротиков 1-го типа относится к III — I вв. до н.э. Дротики 2-го типа встречаются реже, в основном в комплексах IV — III вв. до н.э. (Кожухов, 1994. С. 10).

Наконечники стрел (более 500 экз.) все железные, делятся на две группы: втульчатые и черешковые. Втульчатые наконечники стрел все трехлопастные. Различия между ними наблюдаются в размерах и в соотношении высоты головки и втулки. В больших колчанах (п. № 218) встречены разноразмерные наконечники, что указывает на их одновременное бытование в рамках III — I вв. до н.э. Черешковые наконечники стрел появляются в комплексах Тенгинского могильника в начале II в. до н.э. (Беглова, 2004. С. 96). Несмотря на довольно раннее появление, черешковые наконечники остаются достаточно редкой находкой в погребениях Тенгинского могильника. Трехлопастные черешковые наконечники (2 шт.) найдены в колчане погребения № 208 (рис. 2, 16) вместе с колесовидными псалями и мечом с кольцевым навершием, дата комплекса I в. до н.э. Из погребения № 86 происходит один трехгранный черешковый наконечник (рис. 2, 15).

Мечи железные (11 экз.), их описание дается на основе классификации И.И. Марченко (Марченко, 1996. С. 48). Во второй отдел этой категории автор включил мечи с серповидным навершием. К типу 2 (без перекрестия) этого отдела мы можем отнести три экземпляра: меч из погребения № 68 (рис. 3, 6) имеет антенновидное навершие, мечи из погребений № 39 и 251 — серповидное (рис. 3, 9; 5; 11). На последнем — сохранились следы деревянных ножен с бронзовой скобой в нижней части. И.И. Марченко ограничивает время бытования этих мечей второй четвертью III — II в. до н.э. (Марченко, 1966. С. 51). Эту же дату подтверждают материалы тенгинских погребений. К 3-му типу, подтипу 1 относится меч из погребения № 19 с серповидным навершием и пря-

мым перекрестием, лезвие которого усилено ребром жесткости (рис. 3, 11). По мнению И.И. Марченко, данный тип наиболее характерен для второй четверти III — II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 53).

В III отдел классификации входят мечи с кольцевидным навершием. Из Тенгинского могильника происходит один экземпляр (п. № 208) (рис. 3, 8), который может быть отнесен к I типу, поскольку имеет прямое перекрестие. В Прикубанье данный тип получает распространение в I в. до н.э. — II в. н.э. (Марченко, 1996. С. 55). В погребении № 208 вместе с мечом были обнаружены колесовидные псалии III типа варианта «а» и наконечник копья с пером ромбовидной формы, поэтому дату погребения можно ограничить I в. до н.э. — началом I в. н.э.

IV отдел, по классификации И.И. Марченко — мечи без металлического навершия, представляет экземпляр из погребения № 108 (рис. 3, 10). Он относится к типу 2, поскольку у него отсутствует перекрестие, рукоять-штырь обломана. Данный тип находок из Прикубанья датируется I — II вв. н.э. (Марченко, 1996. С. 58). Дату комплекса из Тенгинского могильника уточняет находка лучковой подвязной фибулы II в. н.э., относящаяся к варианту 3 из серии проволочных одночленных (рис. 4, 2) (Амброз, 1966. С. 49).

Из погребения № 266 (рис. 7) происходят меч «синдо-меотского» типа и кинжал. Меч имеет валютообразное навершие, которое частично рассыпалось, рукоять прямоугольная, слегка расширяется в середине, плечи клинка слегка покатые, лезвие треугольное вытянутое. На лезвии сохранились следы дерева от ножен. Длина меча 86 см, длина рукояти 12 см, максимальная ширина клинка 8 см (рис. 7, 2). Аналогичный меч с валютообразным навершием происходит из погребения № 31 раскопа II Серегинского грунтового могильника в Адыгее. В.Р. Эрлих датировал данный комплекс IV — III вв. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 41). С.П. Кожухов пересмотрел дату и отнес это погребение, а на его основании и мечи с валютообразным навершием, во II — I вв. до н.э. (Кожухов, 1994а. С. 24).

Короткий кинжал (общая длина 34,5 см) с брусковидным навершием (длина навершия 8 см), прямым перекрестием и коротким треугольным клинком, усиленным ребром (рис. 7, 4) — весьма редкая находка в меотских могильниках. По форме навершия и перекрестия кинжал наиболее близок мечу из насыпи кургана № 2 у поселка Острый Донецкой области. Автор статьи, посвященной прохоровским мечам Украины,

А.В. Симоненко отмечает, что почти прямое навершие относится к достаточно редкому, но встречаемому в прохоровской культуре типу (тип 6). Комплекс у пос. Острый А.В. Симоненко датирует концом III—II в. до н.э. (Симоненко, 2007. С. 9).

В погребении № 266 помимо оружия найдена чернолаковая мисочка со штампованной розеткой на дне. По форме она близка небольшим чашам с вертикальными стенками из эллинистических слоев афинской агоры, верхняя дата этих сосудов ограничена 275 г. до н.э. (Rotroff, 1997. Cat. 978. Fig. 62). По совокупности обнаруженных предметов погребение № 266 вполне укладывается в рамки второй половины — конца III в. до н.э., этому не противоречат и другие находки комплекса (зеркало, бусы, наконечники стрел и копий, сосуды).

Хронология. Большинство исследованных погребений Тенгинского могильника (более 70 %) относятся к III — первой половине I в. до н.э. В эту хронологическую группу входят 40 воинских погребений*. Хронологическими маркерами здесь являются помимо конской узды (крестообразные псалии), мечей и кинжалов (синдо-меотского типа, с антенновидным и серповидным навершиями), бронзовые зеркала, предметы импорта, украшения, некоторые характерные формы керамики (миски с загнутым бортиком, сероглиняные канфары, кувшины с ойнохоевидным устьем), сосуды, украшенные веревочным орнаментом). Подавляющее большинство зеркал в этой группе относятся к типу IV, варианту 1 (по классификации И.И.Марченко) — это зеркала в виде диска с трапециевидной боковой ручкой, имеющей одно или два отверстия для подвешивания (Марченко, 1996. С. 18), фестоны на зеркалах отсутствуют. Примерно половина зеркал украшена орнаментом в виде полуов, ломаной линией с точками, центр орнаментирован концентрическими кругами (рис. 4, 4,5). Время их бытования, по мнению И.И. Марченко, последняя четверть III—II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 18). Из импортов в этой хронологической группе встречены стеклянный кубок из погребения № 39 (рис. 4, 9) второй половины II в. до н.э. (Засецкая, Марченко, 1995. С. 98) и бронзовая патера с боковой ручкой, аналогии которой неизвестны, обнаруженная в погребении № 19 (рис. 4, 6). Комплекс датируется мечом с серповидным навершием II в. до н.э. К импортам относится и чернолаковая мисочка из погребения № 266, датированная концом III до н.э., о которой было сказано выше. В двух мужских погребениях (п. № 39, 251) най-

* Погребения № № 3, 5, 19, 25, 39, 53, 64, 68, 75, 77, 78, 86(?), 96, 99, 100, 101, 114, 119, 147, 149, 152, 162, 163, 174, 175, 176, 182, 189, 190, 204, 218, 225, 237, 247, 251, 254, 255, 260, 266, 269

дено по одной золотой серьге в виде желудя, украшенного сканью (рис. 4, 1; 5, 8), которые характерны для второй половины II в. до н.э. (Беглова, 2005. С. 170).

Следующей хронологической группой являются комплексы второй половины I в. до н.э. – II в. н.э., к ней относятся 10 воинских погребений: № 22, 28, 108, 136, 196, 208, 217, 224, 252, 261, где хроноиндикаторами являются следующие категории предметов: колесовидные псалы, мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и без навершия, копья с ромбовидным пером, в меньшей степени черешковые наконечники стрел, а также фибулы, зеркала определенных типов, только в погребениях этой группы были найдены серпы (п. № 224, 252) (рис. 4, 8; 6, 4), характерные типы бус. О конской упряжи, предметах вооружения, фибуле было сказано выше. Зеркала этой группы представлены двумя типами: из погребения № 261 происходит кованое зеркало в виде диска без ручки (рис. 4, 3), его диаметр 9,5 см (тип V, вариант 2 по классификации И.И. Марченко), время бытования I в. до н.э. – I в. н.э. (Марченко, 1996. С. 20. Рис. 3). Зеркало-подвеска найдено в погребении № 252, где были обнаружены также серп, тесло и долото (рис. 6, 4, 16, 17). Округлый диск зеркала с лицевой стороны заполирован, по краю оборотной стороны проходит массивный валик полукруглый в сечении. Обратная сторона украшена рельефным трилистником. Ручка прямоугольная с небольшим валиком по краю, в верхней части – круглое отверстие для подвешивания диаметром 0,5 см, диаметр диска 7,2, ширина валика 0,5 см, высота ручки 3,3 см, ширина ручки 2,1 см (рис. 6, 2). Данное зеркало (тип IX вариант 2 по классификации И.И.Марченко) относится ко II в. н.э. (Марченко, 1996. С. 24. Рис. 5).

Из погребения № 28 происходит подвеска зеленоватого прозрачного стекла в виде стилизованного сосулика (тип 193 вариант «а» по классификации Е.М. Алексеевой), датируются подобные подвески I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 74. Рис. 34, 40). Пряжки из погребений № 196, 208 с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 3,

3–4) имеют аналогии в материалах четвертой хронологической группы Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов, 1951. С. 201. Рис. 18, 16).

Три комплекса (п. № 121, 212, 216) не могут быть отнесены к какой-либо хронологической группе, так как содержат лишь дротики и фрагменты наконечников копий, форма которых не восстанавливается.

Таким образом, материалы воинских погребений из Тенгинского грунтового могильника позволяют сделать следующие выводы:

– основной контингент войска составляли мужчины 20–40 лет. В военных событиях участвовали и женщины того же возраста. Предположение С.П. Кожухова об участии женщин в боевых действиях, высказанное им на основе легенды о Таргитао (Кожухов, 1994. С. 16), подтверждено и антропологическими заключениями на материалах Тенгинского грунтового могильника;

– большая часть воинов была вооружена только копьями и дротиками. Второй по численности группой были «лучники», в погребениях которых были найдены лишь стрелы. Прочие категории паноплии, представленные мечами и кинжалами, встречаются значительно реже. Полный набор вооружения зафиксирован лишь в пяти погребениях;

– в 18 погребениях встречены конские костяки. Наибольшее количество конских костяков – пять особей – отмечены в женском захоронении № 218. Наиболее часто (10 комплексов) лошади встречались в погребениях «лучников»;

– анализ погребального инвентаря позволил выделить две хронологические группы: конца III – первой половины I в. до н.э. и второй половины I в. до н.э. – II в. н.э. Первая группа наиболее многочисленна, в нее вошли 40 комплексов. На период ее бытования приходится подъем и расцвет расположенного рядом городища. Вторая хронологическая группа, в которую входит всего 10 воинских погребений, отражает сокращение населения данного памятника и постепенное затухание здесь жизни;

– инвентарь выделенных хронологических групп иллюстрирует эволюцию и особенности основных категорий вооружения и конской упряжи.

Приложение 1. Погребальный обряд воинских погребений

№ № погр.	Кол-во скелетов	Пол	Возраст	Положение	Ориентировка	Яма	Яма с уступом	Лошадь	Узда
№ 3	А	М	Ст. 45	Выг.	ЮВ	+			
	Б	М	25–35	Выг.	ЮВ				
	В	М	11–15	Выг.	ЮВ				
№ 5	А	М	20–25	Выг.	ЮВ	+			
	Б	М	20–30	Выг.	ЮВ				
	В	М	35–40	Выг.	ЮВ				
№ 19	А	М	40–45	Выг.	ЮВ	+		1	+
	Б	Подросток	12–15	Выг.	ЮВ				
№ 22	1	М?	?	Выг.	С	+			
№ 25	1	М	20–30	Выг.	ЮВ		+	1	+
№ 28	1	Ж	20–25	Выг.	СВ	+			
№ 39	А	М	Ст. 50	Выг.	ЮВ		+	1	
	Б	М	20–30	Лев. бок	ЮВ				
	В	?	?	Выг.	ЮВ				
	Г	?	?	Выг.	ЮВ				
№ 53	1	?	?	?	ЮВ				
№ 64	1	М	30–40	Выг.	ЮЮВ	+			
№ 68	1	М	Ст. 50	Выг.	ЮВ				
№ 75	1	М	40–50	Выг.	ЮВ		+	1	
№ 77	1	М	40–50	Выг.	ЮВ	+			
№ 78	1	М	14–17	?	Ю		+	2 коровы	
№ 86	1	М	25–30	Выг.	ЮВ	+			
№ 96	1	М	45–50	Выг.	ЮЮВ				
№ 99	1	М	Ст. 50	Выг.	ЮВ				
№ 100	1	М	35–40	Выг.	СВ		+	+	
№ 101	1	М	30–40	Выг.	ЮВ	+			
№ 108	1	М	Ст. 50	Выг.	ЮВ	+			
№ 114	1	М	25–30	Выг.	ЮЮВ		+	1	+
№ 119	1	М	Ст. 50	Выг.	СВ	+			
№ 121	1	Ж?	30–40?	?	ЮВ	+			
№ 136	1	?	12–14	Выг.	СВ	+			

№147	1	М	20–24	Выг.	Ю	+			
№149	1	М	30–34	Выг.	Ю	+			
№152	1	М	35–39	Выг.	ЮВ	+			
№162	1	М	До 16	Выг.	Ю	+		3	
№163	1	М	Ок. 25	Выг.	Ю	+			
№174	1	М	30–40	Выг.	Ю		+	1	
№175	1	М	30–40	Выг.	Ю	+			
№176	1	М	20–29	Выг.	Ю		+	1	+
№182	1	М	Ок. 40	Выг.	ЮЮЗ	+		+	
№189	1	М	Ст. 40	Выг.	Ю		+	1	+
№190	1	М	30–34	Выг.	СВ	+		1 жере- бенюк	+
№196	1	М	20–29	Выг.	ВЮВ	+			
№204	1	М	25–29	Выг.	Ю		+	1	+
№208	1	М	20–29	Выг.	ВСВ	+			+
№212	1	Ж	30–40	Выг.	Ю	+			
№216	1	Ж	?	Выг.	Ю	+			
№217	1	М	40–44	Выг.	ЮВ	+			
№218	1	Ж	20–25	Выг.	ЮЮВ		+	5	+
№224	1	М	30–35	Выг.	В	+			
№225	1	М	25–30	Выг.	ЮЮВ	+			
№237	1	М	40–50	Выг.	ЮВ	+			
№247	1	М	24–30	Выг.	Ю	+			
№251	1	М	Ок. 30	Выг.	Ю	+			
№252	А	М	Ок. 45	Выг.	В	+			
	Б	Ж	20–25	Лев. бок					
№254	1	М	30–35	Выг.	ЮВ	+			
№255	А	М	Ок. 25	Выг.	Ю		+	2	+
	Б	Подросток	13–14	Выг.	Ю				
№260	1	?	?	?	ЮВ		+	2	+
№261	1	М	30–35	Выг.	ЮВ	+			
№266	1	М	40–50	Выг.	ЮЮВ	+			
№269	1	М	30–40	Выг.	ЮВ		+	2	2

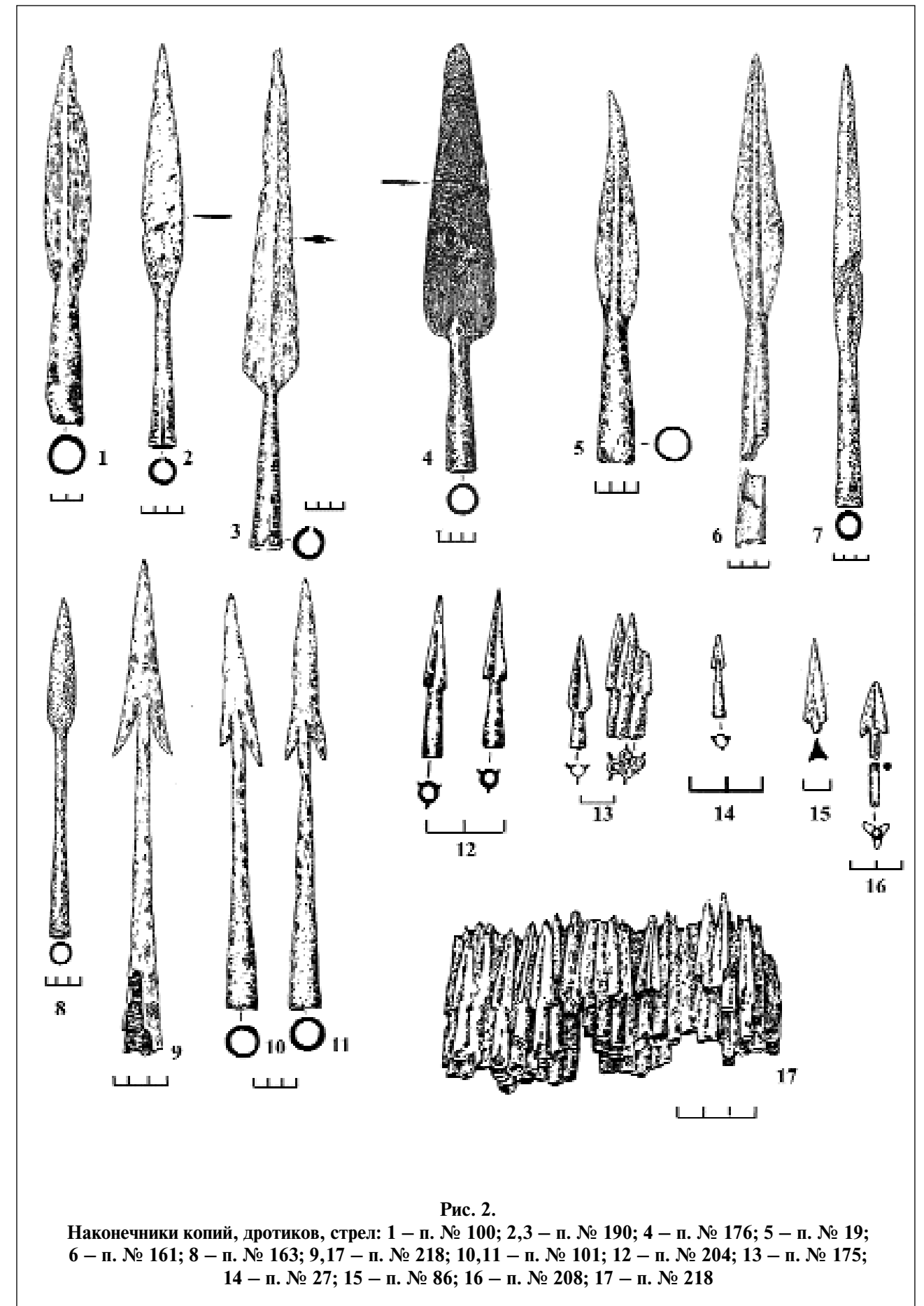
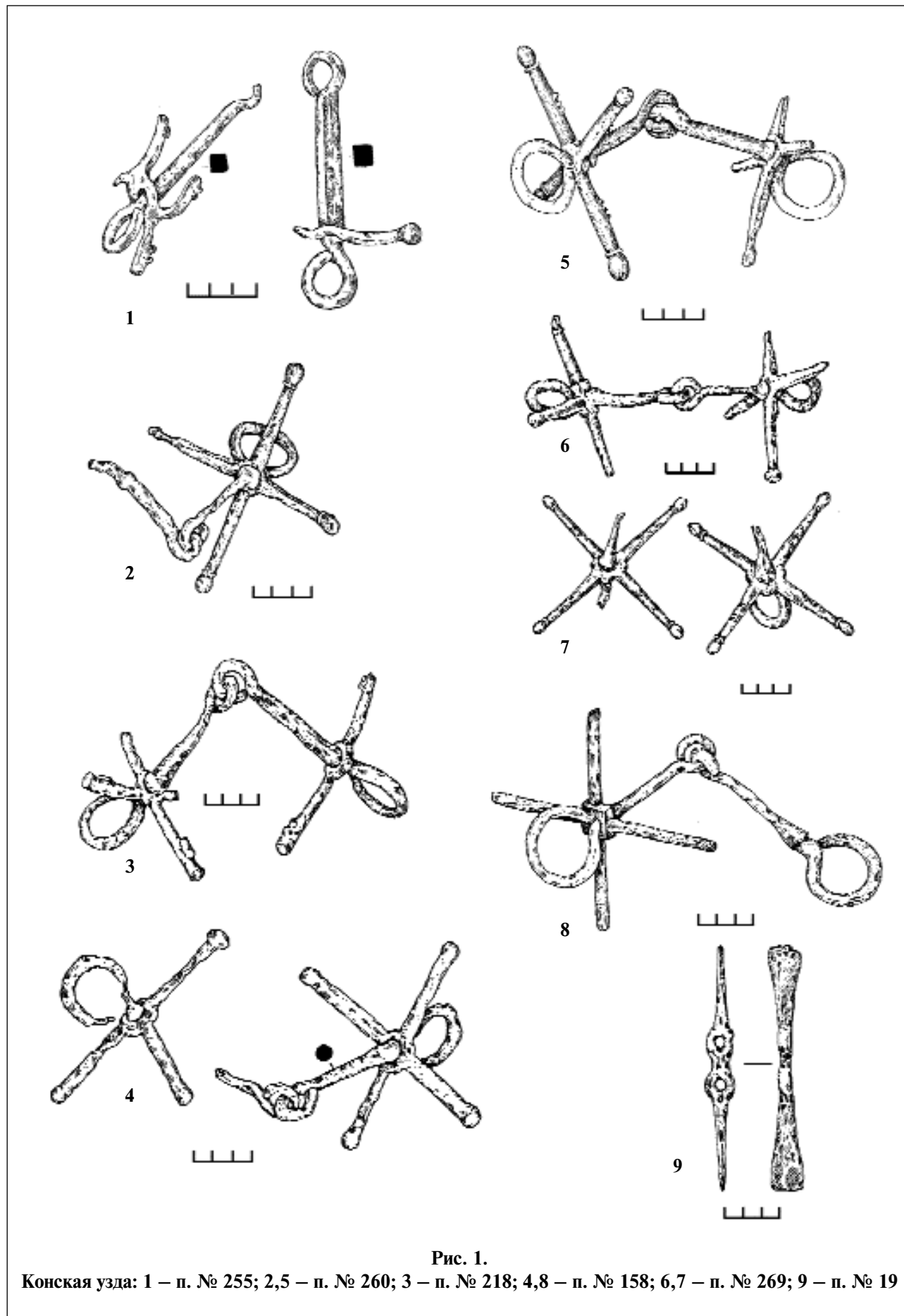
Приложение 2. Категории вооружения в воинских погребениях

№ № погр.	Кол-во погр.	Пол	Возраст	Копье	Дротик	Стрелы	Меч	Кин-жал	Колч. крюк	Блаш-ки горита
№ 3	А Б В	М М М	Ст. 45 25–35 11–15	1	3					
№ 5	А Б В	М М М	20–25 20–30 35–40	7 1 2	1 1 1	+	+		+	+
№ 19	А Б	М Подросток	40–45 12–15	1			+			
№ 22	1	М?	?			+				
№ 25	1	М	20–30	1	1	+	+			
№ 28	1	Ж	20–25	1	1					
№ 39	А Б В Г	М М ? ?	Ст. 50 20–30 ? ?	1				+		
№ 53	1	?	?			+	+			
№ 64	1	М	30–40	1	1					
№ 68	1	М	Ст. 50				+			
№ 75	1	М	40–50	1	1					
№ 77	1	М	40–50		1					
№ 78	1	М	14–17	1	1					
№ 86	1	М	25–30	1		+				
№ 96	1	М	45–50		2					
№ 99	1	М	Ст. 50	1	1					
№ 100	1	М	35–40	1	1					
№ 101	1	М	30–40	1	2	3 горита			+	
№ 108	1	М	Ст. 50				+			
№ 114	1	м	25–30			+				
№ 119	1	М	Ст. 50			1 горит				
№ 121	1	Ж?	30–40?	1	1					
№ 136	1	?	12–14			+				
№ 147	1	М	20–24	1						
№ 149	1	М	30–34		2					
№ 152	1	М	35–39			+				
№ 162	1	М	До 16		1					
№ 163	1	М	Ок. 25	1	1	1 горит				
№ 174	1	М	30–40			+				
№ 175	1	М	30–40			+				
№ 176	1	М	20–29	2	1	2 горита			+	
№ 182	1	М	Ок. 40	1		1 горит				
№ 189	1	М	Ст. 40	1	1	+				
№ 190	1	М	30–34	2						
№ 196	1	М	20–29	1						
№ 204	1	М	25–29			1 горит				
№ 208	1	М	20–29	1	1	+		+		
№ 212	1	Ж	30–40	1	1					

№ 216	1	Ж	?		2				
№ 217	1	М	40–44	2					
№ 218	1	Ж	20–25	5	1	2 горига		+	
№ 224	1	М	30–35	1	1				
№ 225	1	М	25–30	1	1				
№ 237	1	М	40–50			1 горит			+
№ 247	1	М	24–30			1 горит	+		+
№ 251	1	М	Ок. 30	1	2	1 горит	+	+	+
№ 252	А	М	Ок. 45						
	Б	Ж	20–25	1	1				
№ 254	1	М	30–35				+		
№ 255	А	М	Ок. 25			1 горит			
	Б	Подросток	13–14			1 горит			
№ 260	1	?	?				+		
№ 261	1	М	30–35	1					
№ 266	1	М	40–50	4	1	2 горига	+	+	
№ 269	1	М	30–40	1				+	

Библиография

- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1–12.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. 1966. Вып. Д1–30.
- Анфимов Н.В.* Меото–сарматский могильник у станицы Усть–Лабинской // МИА. 1951. № 23.
- Беглова Е.А.* Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // Орус: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- Беглова Е.А.* Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
- Беглова Е.А.* Второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005а.
- Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н.* Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко–археологический альманах. Армавир, Москва, 1995.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Засецкая И.П., Марченко И.И.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. № 32. СПб., 1995.
- Кожухов С.П.* Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото–сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Кожухов С.П.* Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото–сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994а.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Симоненко А.В.* Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Доклады к шестой международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Эрлих В.Р.* Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Rotroff Susan I.* Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey, 1997.

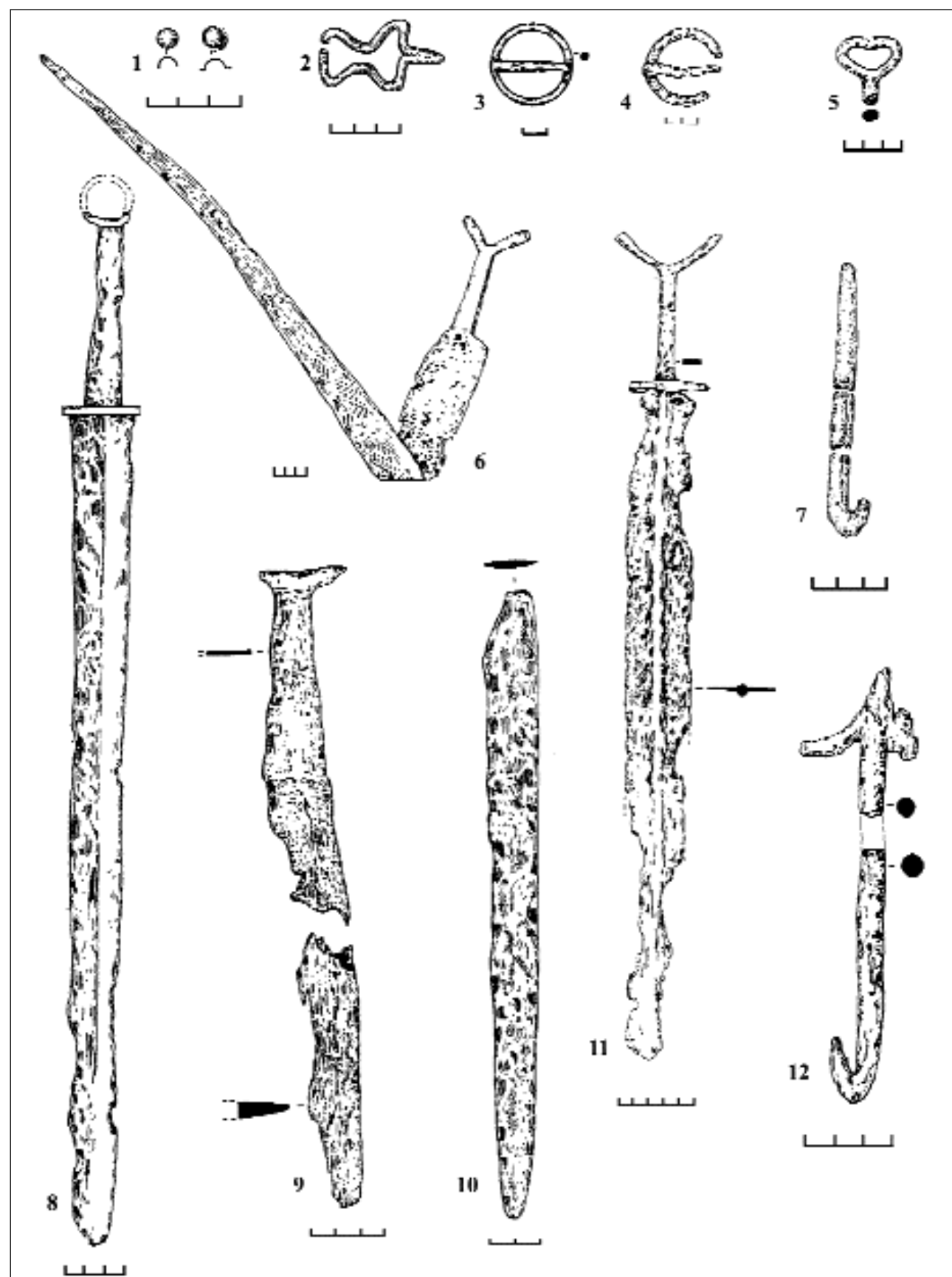

Рис. 3.

Бляшки, пряжки, колчаные крюки, мечи: 1 – п. № 237; 2 – п. № 247; 3 – п. № 196; 4 – п. № 208; 5 – п. № 101; 6 – п. № 68; 7 – п. № 5; 8 – п. № 208; 9 – п. № 39; 10 – п. № 108; 11 – п. № 19; 12 – п. № 218

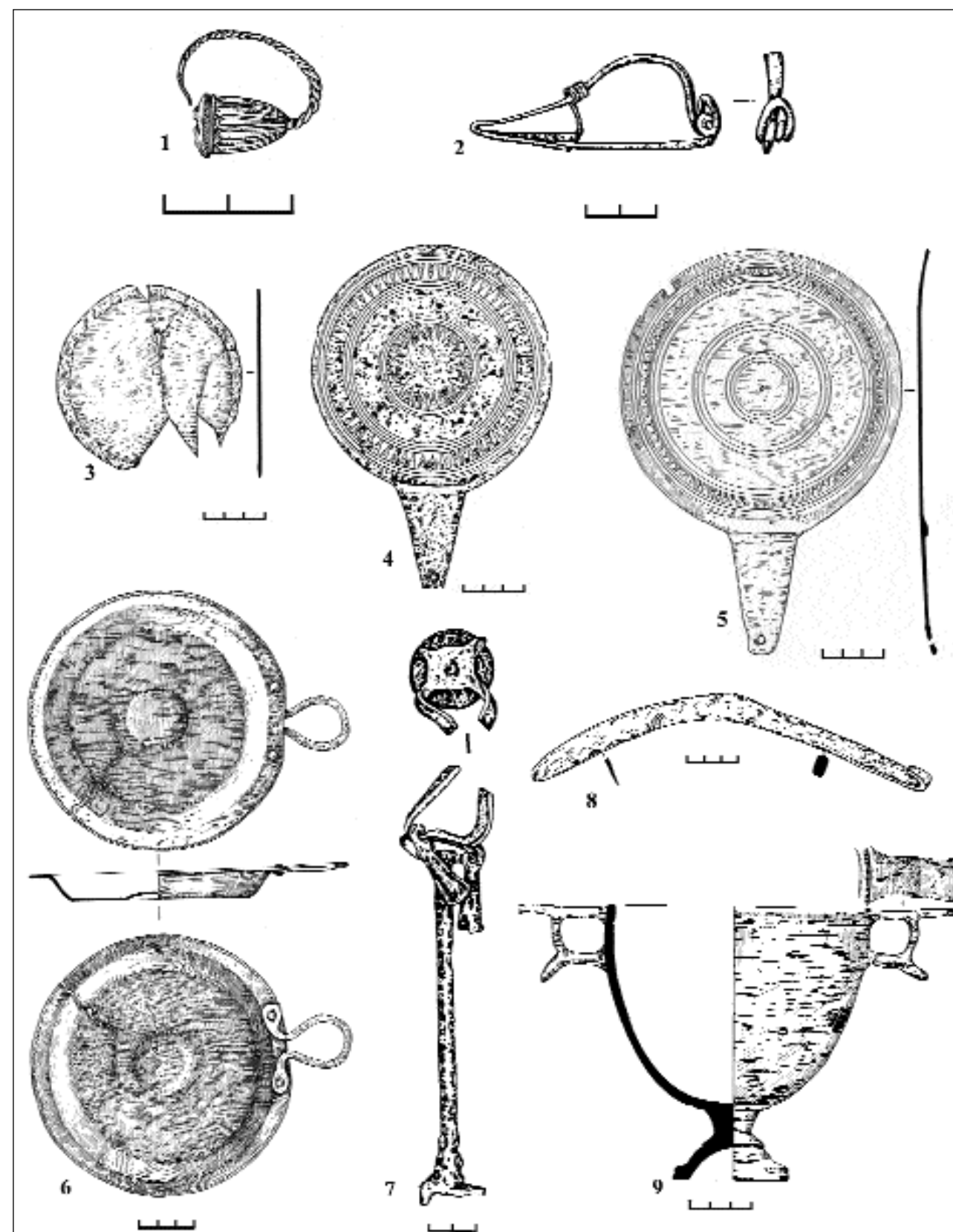

Рис. 4.

Инвентарь воинских погребений: 1, 9 – п. № 39; 2 – п. № 108; 3 – п. № 261; 4 – п. № 189; 5 – п. № 255; 6 – п. № 19; 7 – п. № 189; 8 – п. № 224

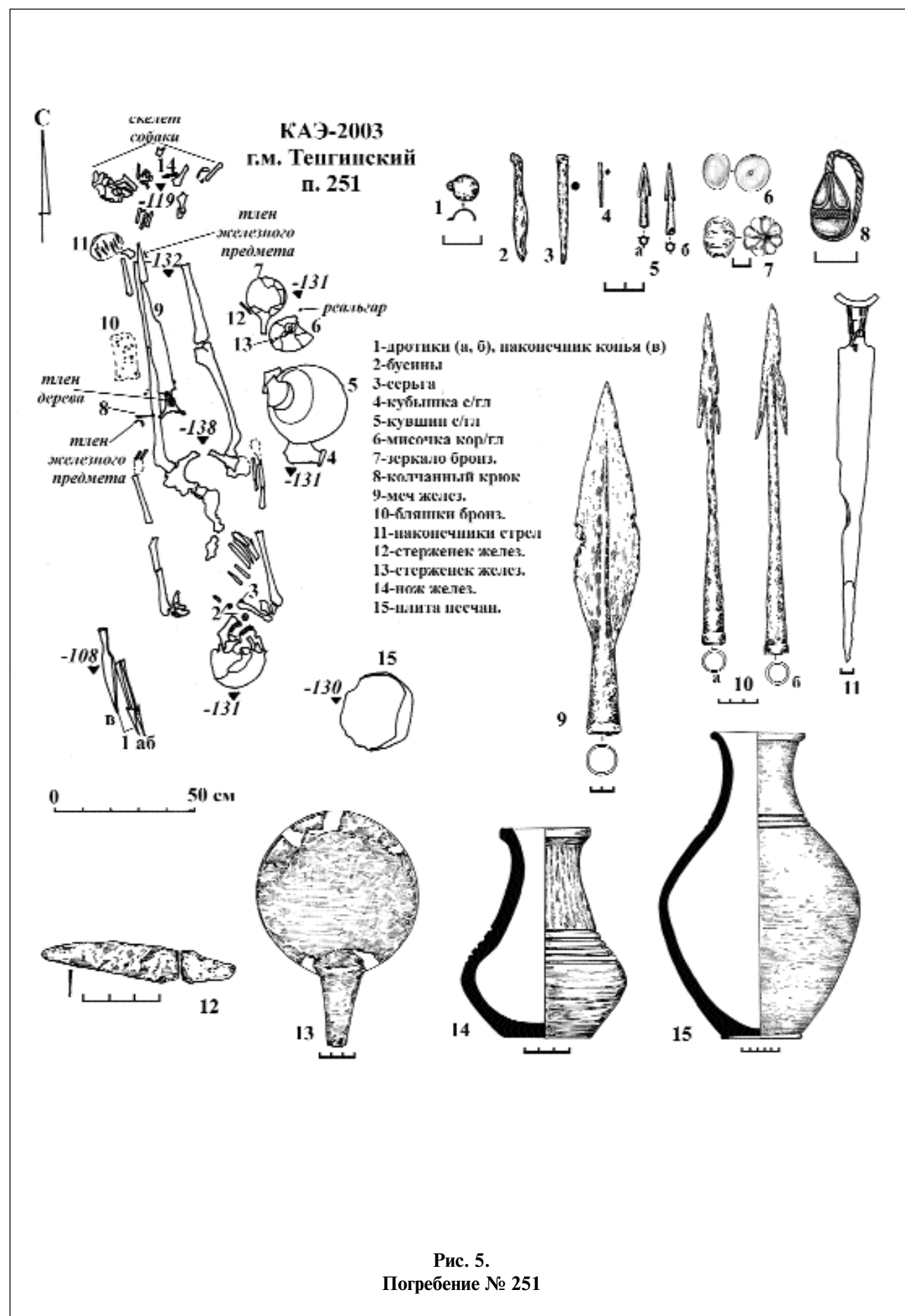

Рис. 5.
Погребение № 251

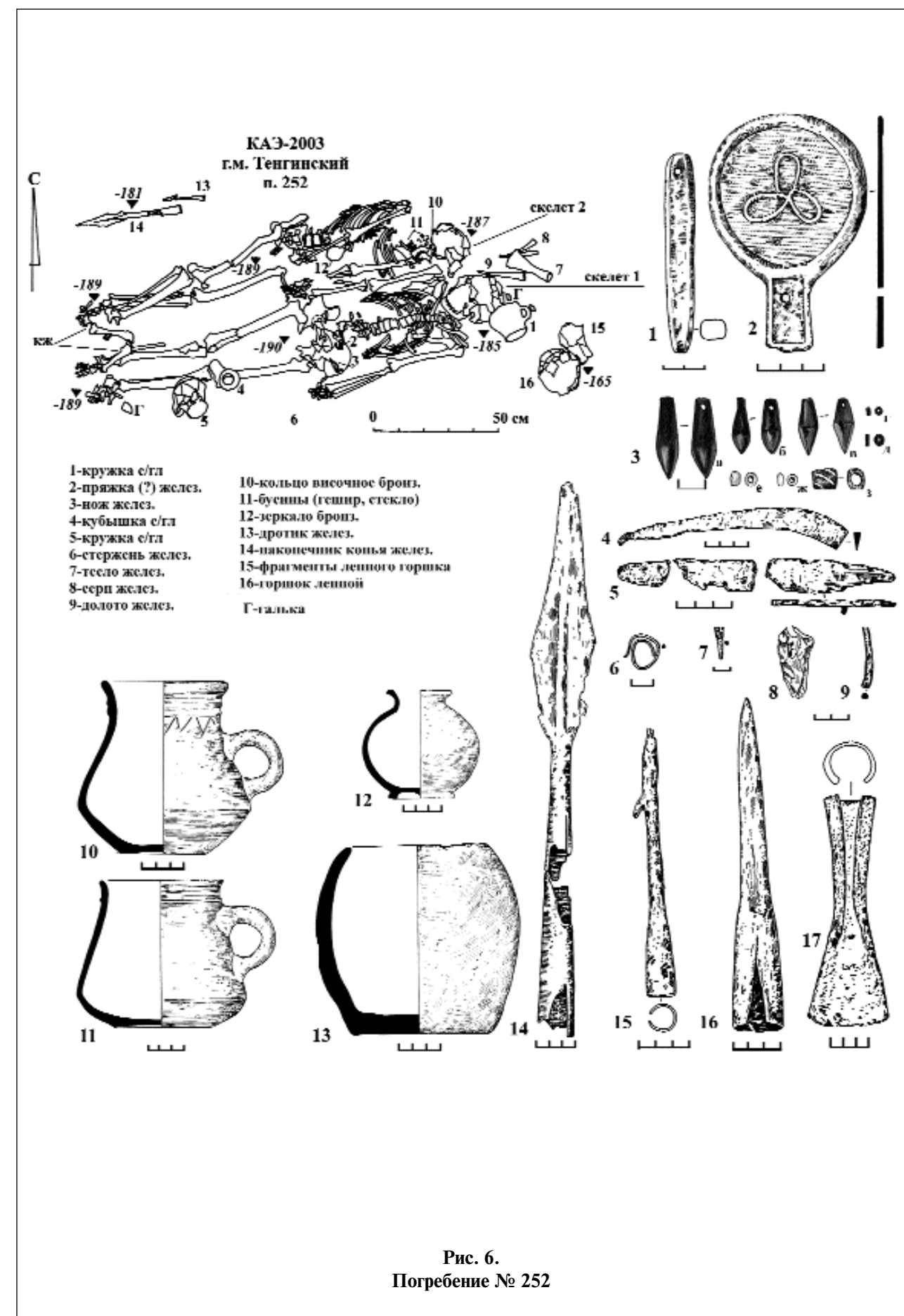

Рис. 6.
Погребение № 252

Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика

(по материалам раскопок 1990 года)

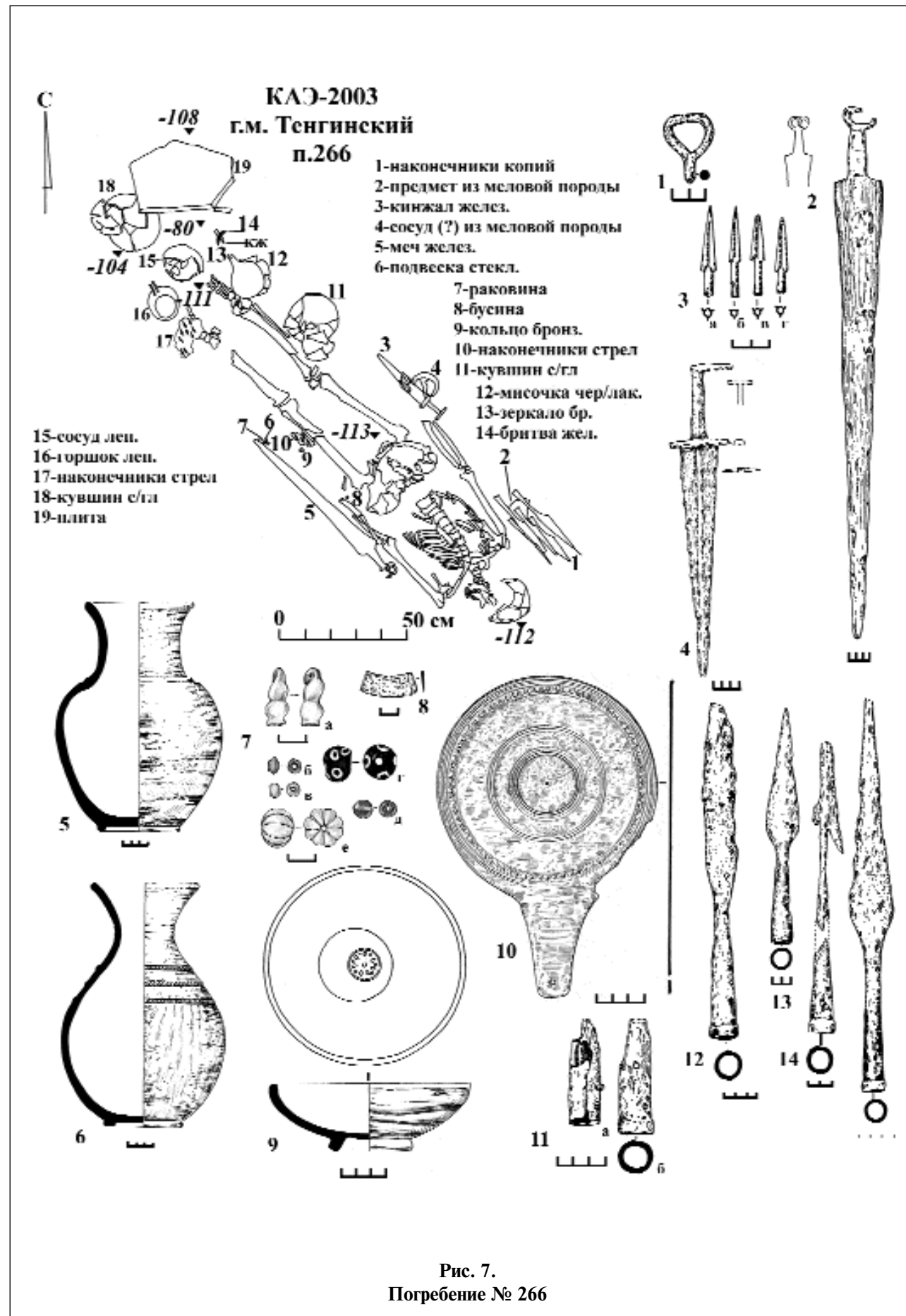

Рис. 7.
Погребение № 266

Могильник в пос. Кабардинка близ Геленджика (Краснодарский край) в научный оборот был введен в конце XIX в. Первая информация о нем была опубликована В. Сизовым в «Материалах по археологии Кавказа» за 1889 г., когда по его просьбе местным учителем госп. Даринским были раскопаны две курганные насыпи с кремационными захоронениями и каменными ящиками (Сизов, 1889. С. 58, 69, 70). Относились ли эти курганы к некрополю, который исследовался Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции ГМВ в 1990 году, сказать трудно, но, судя по курганному массиву, занимавшему обширную территорию, раскопанные госп. Даринским курганы вполне могли быть его частью. К моменту начала наших раскопок часть могильника была занята корпусами и хозяйственными постройками санатория «Жемчужина моря», оставшаяся – располагалась в лесу, заросла крупными деревьями, мелким кустарником, и большинство насыпей было разрушено грабительскими раскопками.

При съемке ситуационного плана было зафиксировано около 200 курганов полусферической формы высотой не более 0,5–1,0 м, диаметром от 4 до 9 м (рис. 1). При визуальном осмотре четко выделялись курганные насыпи двух типов: каменные с оградками из плоских каменных плит сланцевых пород и простые земляные, при этом в количественном отношении преобладали первые – около 80 %. Для всех каменных курганов характерен кремационный обряд погребения, земляные насыпи сооружались над каменными ящиками с ингумациями. За полевой сезон был раскопан 51 курган.

Кремационный обряд. 24 кургана¹ содержали кремационные захоронения, практически все они были разрушены грабительскими раскопками, поэтому не всегда удавалось восстановить си-

стему устройства погребальной конструкции. Три кургана (№ 42–44) к кремационным отнесены лишь по структуре насыпи (щебень с мелким галечником); другие характерные признаки: каменные оградки, следы золы, пепла и др. – обнаружены не были. Для большинства насыпей использовался щебень и мелкий галечник, в ряде случаев (к. 1, 2, 4, 7, 8, 10, 48) курганы сооружены из плотно уложенного галечника, сверху перекрытого слоем мелкодробленого сланцевого щебня. В курганах 3, 5, 6 удалось зафиксировать нижний уровень каменной насыпи, представлявший собой площадки из выложенных в один или два ряда плоских каменных плит или уплощенных окатанных галек средних размеров, под которыми шла материковая щебенка. Как правило, курганы имели каменные оградки из плоских плитчатых блоков подпрямоугольной и округлой формы с рваными краями. Они вкапывались в материк, так что дно кургана было заглублено на 10–20 см. Иногда оградки отсутствовали (к. 9, 39, 46, 48), и границы захоронения обозначены либо площадкой из плоских сланцевых плит, либо отдельными камнями, выложенными по контурам зольного пятна.

Судя по тому, что в большинстве случаев курганные насыпи были разрушены в центральной и восточной части, кремационные захоронения чаще всего располагались в центре кургана или в его восточной половине. Исключением являются лишь курган 2, где остатки погребения обнаружены к югу от центра, и курган 11 с урной и золой в северо-западном секторе. Большая часть захоронений была уничтожена, и погребальный обряд в относительно полном виде восстанавливается лишь в нескольких случаях (к. 7, 8, 40, 46, 48), каждый раз различаясь в деталях.

В кургане 8 урна с прахом (кальцинированные кости) погребенного и ожерельем из раковин и костяных пластинок была помещена в яму округлой формы (размерами 1,5x1,10 м, глубиной

¹Курганы № 1–12, 38–49

40–50 см), вырытую в материке, обложенную каменными плитами и заполненную толстым слоем золы, пепла и угля. Горло урны закрыто плоско лежащей плиткой. Здесь же на дне ямы находилась вторая урна, судя по фрагментам — лепной горшок, и остатки железных ножниц, а в заполнении — бронзовые пуговицы и несколько невыразительных фрагментов керамики (рис. 6, I–III). Такая же ситуация наблюдалась в кургане 39, где на дне ямы (размерами 1,8x1,6 м, глубиной 22 см) лежал погребальный инвентарь и остатки урны — несколько фрагментов придонной части, заканчивающейся короткой цилиндрической ножкой с четырьмя отверстиями.

Кроме того, отмечены случаи, когда урна (чаще всего уже фрагментированная) находилась просто на дне кургана, иногда слегка вкопанная в материк (рис. 2, I–II; 4, I) (к. 2, 7, 40, 47, 48). В кургане 46 погребальный сосуд (сохранилась придонная часть толстостенной плоскодонной корчаги) стоял на материке и был обложен вертикально поставленными каменными плитами; рядом лежали вещи: нож, кресало, отдельные детали сабли — перекрестие, наконечники рукояти и ножен, а также рассыпавшиеся кусочки мелких колец, видимо, от кольчуги.

Возможно, в некоторых случаях кремационное захоронение совершалось без урны. Так, в кургане 9 золой и пеплом было заполнено искусственно сделанное в материке углубление неправильной овальной формы (размерами 2,4x2,05 м, глубиной до 10 см), на дне которого лежали вещи. Явных следов присутствия погребальной урны не обнаружено, если не считать невыразительного фрагмента донца небольшого красноглиняного сосуда, который вряд ли мог использоваться для хранения праха.

Особо выделяется кремационное погребение в кургане 3, единственное из исследованных на могильнике, где было совершено ритуальное захоронение коня. Судя по следам золы и пепла, находкам вещей и фрагментам толстостенного сосуда, урна с прахом находилась в восточной половине кургана. Конское захоронение было расположено в северо-западном секторе в неглубокой яме, с одной стороны обложенной камнями и перекрытой плоскими плитами сланцевой породы. Лошадь лежала на правом боку с подогнутыми конечностями, имела западную ориентировку. При ней находились детали конской узды — удила с кольцами, пара стремян, обломки бронзового бубенчика и бронзовое височное колечко (рис. 3, I–III).

Однако основная масса разрушенных курганов дает крайне мало информации как о самом обряде, так и о вещевом материале. С уверенностью можно говорить лишь о том, что кремация умершего происходила на стороне, а захоронение праха совершалось в сосудах. В качестве погребальных урн, судя по сохранившимся фрагментам, использовались сосуды различной формы и разных размеров. Чаще всего это были большие толстостенные корчаги, из-за плохой сохранности форму и размеры которых восстановить не удалось². Профильные части найдены лишь в трех кремационных захоронениях (к. 2, 39, 40; рис. 2, 3; 16, I, 9), в остальных случаях это только фрагменты стенок. Подобные сосуды характерны для кремационных захоронений Восточного Причерноморья (Саханев, 1914. С. 180). В кургане 39 были найдены фрагменты урны, дно которой заканчивалось короткой цилиндрической ножкой. Близкие параллели известны из курганов, распланных В. Сизовым в Мысхако (Сизов, 1889. Табл. V, 3B) и в материалах урновых трупосожжений могильника Бжид I, которые автор раскопок А.В. Пьянков датирует XII в. (Пьянков, 1998. Рис. 2, 8. С. 22).

В целом виде погребальная урна сохранилась лишь в кургане 8. Это небольшой сосуд по форме близкий корчагам с двумя небольшими петлевидными ручками на месте наибольшего расширения яйцеобразного тулова. Дно сосуда плоское и тонкое. Тулово украшено лощеным орнаментом в виде «косой сетки», наклепным валиком и зигзагообразным орнаментальным пояском под ним. Размеры сосуда: высота 25,2 см, диаметр горла 12 см, диаметр дна 11,5 см (рис. 6, I3). Подобные специальные урны хорошо известны в кремационных могильниках конца XI — первой половины XIII в. восточного, западного и центрального Закубанья: Колосовском, Абинском 4, Ленинохабльском и др. (Дитлер, 1985. Табл. II, 8; Пьянков, 1993. Рис. 3, 6; 6, 2; Носкова, 1999. Рис. 11, I). Некоторые различия наблюдаются лишь в размерах и пропорциях сосудов, закубанские отличаются более крупными размерами и более удлиненной формой тулова. Второй сосуд, восстановленный из фрагментов и который дает форму, происходит из кургана 1. Это красноглиняная амфора, имеющая коническое тулово с расширяющимся кверху корпусом, покрытым частым горизонтальным рифлением, короткое цилиндрическое горло со слабо выраженным венчиком и высокие массивные (овальные в сечении) вертикально поднимающиеся ручки с резким перегибом в верхней части,

круто спускающиеся к плечикам. Дно не сохранилось, судя по профилю придонной части, оно могло быть плоским. Размеры сосуда: высота 61,5 см, высота тулова 38,5 см, диаметр тулова 32 см, диаметр горла 6,5 см (рис. 2, I). Амфора относится к поздним типам, А.Л. Якобсон датировал их XII–XIII вв. (Якобсон, 1951. С. 340–342. Рис. 10, 35, 36). Возможно, они существовали и позже, в начале XIV в. В Крыму плоскодонные амфоры, изготовленные в местных мастерских, встречаются в Херсонесе в слоях XIII–XIV вв. Привозные амфоры XII–XIV вв. с высокоподнятыми ручками с круглым или плоским дном известны в Крыму и в золотоордынском Азаке (Волков, 1992. С. 8, 9. Табл. 2, 2; Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. С. 85).

В кремационных захоронениях курганов 7 и 8, судя по сохранившимся фрагментам, для погребальных урн использовались специально изготовленные лепные горшки. Оба сосуда по форме тулова были идентичны и различались лишь оформлением массивных венчиков. В одном случае по венчику шли длинные косые насечки (к. 7; рис. 5, 34), в другом — на венчике имелся широкий прямоугольный в сечении валик, украшенный врезными углублениями (к. 8; рис. 6, I4).

Наряду с погребальными урнами в качестве сопровождающего инвентаря в курганах найдены фрагменты керамических сосудов, по всей видимости, это были небольшие красноглиняные кувшинчики со сливом. Восстановить удалось один, из кургана 39 (рис. 16, 2), по тесту, характеру обжига и форме он практически не отличается от подобных кувшинчиков из каменных ящиков этого же могильника.

Так же как и сосуды, другой погребальный инвентарь в захоронениях чаще всего был в разрозненном состоянии, лишь в нескольких курганах удалось зафиксировать вещи, лежавшие *in situ*, — курганы 3 (конское захоронение), 7, 8, 40, 41. В остальных случаях они находились в зольном заполнении или в разных концах погребальной площадки, чаще в югу и северу от урны или ее обломков, видимо, сдвинутые во время грабительских раскопок.

Погребальный инвентарь в курганах с трупосожжением немногочисленен. Чаще всего встречается оружие — сабли в целом виде и отдельные детали (к. 7, 12, 39, 40, 41, 48), наконечники стрел (к. 7, 46, 48, 39).

Сабли обнаружены в целом виде или их отдельные детали в шести погребениях. Все экземпляры деформированы: согнуты пополам, а из кургана 41 свернута в кольцо (рис. 5, 35; 7, 2; 16, I6; 17, 9). Практически все сабли относятся к типу длинных узколезвийных (ширина клинка 3 см) с обоюдоострым концом, по ширине клина (4 см)

несколько выделяется сабля из кургана 12. В двух случаях отмечается незначительный наклон (4–6°) рукояти в сторону лезвия (к. 7 и 41). У основания клинка имеются накладные пластины (иногда с фигурно вырезанными краями) для укрепления перекрестия. Размеры: длина 104–121 см, длина клинка 97–112 см. *Перекрестия* сохранились у трех сабель, и одно найдено в погребении, где клинок не обнаружен (рис. 16, I4). Все перекрестия пластинчатые, напускные и относятся к двум типам. Тип I — линзовидное в плане с чуть оттянутыми почти не выделенными концами и подтреугольным боковым щитком (к. 7; рис. 5, 36); тип II — прямое или слегка изогнутое с выделенными концами. Их можно разделить на два варианта: вар. 1 — с подтреугольным боковым щитком и прямыми или опущенными вниз концами с шишечками (к. 40, 41; рис. 16, I4, I6), вар. 2 — без бокового щитка с длинными стержневидными концами, имеющими грибовидное окончание (к. 12; рис. 7, 2). Сабли с перекрестиями I типа известны в Западном Закубанье: в кремационных захоронениях Циплиевского и Абинского 4 могильников, датированных А.В. Пьянковым XI — первой половиной XIII в. (Пьянков, 1989. Рис. 366, I; 1993. Рис. 11, 3). На восточночерноморском побережье такие же перекрестия встречаются у сабель из ингумационных погребений 42, 45, 47 Цемдолинского могильника, которые авторы раскопок относят к двум хронологическим группам — концу XII–XIII в. и концу XIII–XIV в. (Армарчук, Малышев, 1997. С. 95, 109). Клинки с перекрестиями II типа найдены исключительно в кремационных захоронениях. Аналогичные образцы происходят из погребений с конем Цемдолинского могильника (погр. 20 и 33), выделенных исследователями данного памятника в раннюю хронологическую группу — конец XII–XIII в. (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 18, 4, 6. С. 109). Практически тем же временем (XII — первая половина XIII в.) датируются сабли с перекрестиями 2-го варианта из кочевнических курганов Подонья и Поднепровья (Евглевский, Потемкина, 2000. Рис. 4, 2, 3; С. 172–176, приложение).

Наконечники ножен сохранились у всех четырех сабель и в двух случаях найдены в погребениях, где клинки не обнаружены. Наконечники имеют вид трубки овальной в сечении. По форме трубки и по оформлению нижнего конца среди них можно выделить два типа. Тип I — цилиндрическая трубка с глухим вогнутым дном и выступающим бортиком (к. 7; рис. 5, 37) или укрепленным по внешнему краю дуговидной обоймой (к. 39; рис. 16, 4). У сохранившихся экземпляров верхний конец имеет резные вырезы. Длина целых наконечников 7,5 см и 8,7 см. Тип 2 — уплощенная трубка, сужающаяся от устья книзу, с закруглен-

²Исключением является корчага из кургана 40, по сохранившимся фрагментам удалось сделать графическую реконструкцию и восстановить форму сосуда (рис. 16, 9).

ным концом. У целых экземпляров верхний конец имеет треугольные вырезы (к. 41 и 48; рис. 16, 19; 17, 11). Длина наконечников от 12 до 28,5 см. Наконечники 2-го типа известны в Абинском 4 могильнике (Пьянков, 1993. Рис. 3, 8; 6, 18), аналогичные экземпляры происходят из кремационных курганных захоронений Борисовского могильника (Саханев, 1914. Рис. 50, 10) и погр. 31 Цемдолинского могильника (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 18, 7). Аналогии 1-му типу также дают материалы Цемдолинского могильника — погр. 50, которое входит во вторую хронологическую группу и датируется концом XIII—XIV в. Хотя цемдолинский экземпляр отличается оформлением края — орнаментацией в виде рельефной волны, но форма и размеры наконечника вполне соответствует кабардинским образцам (Армарчук, Малышев, 1997. С. 109; Рис. 20, 9). Аналогичный экземпляр найден в каменной гробнице кургана 7, по времени более поздней, чем кремационное захоронение 5. Такой же наконечник происходит из ингумационного погр. 35 Ленинохабльского кремационного могильника в среднем Закубанье.

Навершие рукояти обнаружено только в кургане 40, оно имеет вид овального в плане колпачка с двумя острыми опускающимися вниз концами, через которые проходит штырь для крепления к рукояти. Длина 2,1 см, диаметр 2х1,7 см (рис. 16, 12). Подобные навершия известны по кочевническим древностям и выделены в тип II (Евглевский, Потемкина, 2000. Рис. 5, 7). Учтивая, что навершие найдено в комплексе с перекрестием 2-го типа, весь комплекс можно отнести к концу XII — XIII в. Идентичная находка происходит из кочевнического погребения в курганной группе Старонижестеблиевской I, которое автор публикации датирует в пределах второй четверти XIII — начала XIV в. (Чхаидзе, 2006. Рис. 2, 3).

Кроме того, в захоронениях сохранились железные оковки ножен, петли, заклепки и кольца для крепления оружия к ремню (к. 7, 40, 41, 48; рис. 5, 28, 29; 16, 13, 17; 17, 10).

Наконечники стрел найдены в небольшом количестве — всего 5 экземпляров, и все они относятся к разным типам. Два наконечника из погр. 5 кургана 7 (рис. 5, 32, 33) — шиловидные ромбического сечения без упора и с простым упором — типы 93 и 94 (С. 84)³, третий, из кургана 46 (рис. 17, 3) — остролистый — тип 61 (С. 73), четвертый, из кургана 39 (рис. 16, 3) — ромбовидный с расширением в нижней трети пера — тип 40 (С. 64) и пятый, из кургана 48 (рис. 17, 12) — листовидный с

выемкой на месте ребра⁴. Размеры их стандартны и вполне укладываются в рамках типа: длина их колеблется в пределах от 52 до 86 мм, длина пера (головки) 25—55 мм, ширина 9—18 мм. Все представленные типы были широко распространены на Северном Кавказе в период позднего средневековья, некоторые ограничены более узкими хронологическими рамками. К ним относятся наконечники стрел из курганов 7 и 48, известные по материалам XII — первой половины XIII в. (Пьянков, 1993. Рис. 5, 21; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 11, 4—5; 12, 16—17).

На присутствие в кремационных погребениях защитного вооружения указывают остатки распавшихся колечек, возможно, от кольчуги, обнаруженные в кургане 40.

Ножи и их фрагменты были найдены почти во всех погребениях с оружием (к. 7, 12, 39, 40), в двух полностью разрушенных курганах 43 и 47 и в кургане 9, где комплекс вещей отличается от основной массы. Из 7 экземпляров в относительно целом виде сохранилось только пять (к. 7, 9, 12, 39, 43; рис. 5, 30; 6, 23; 7, 4; 16, 5; 17, 1), у остальных — лишь передняя часть лезвия (к. 40, 47; рис. 16, 15; 17, 6). Почти все ножи имеют прямую спинку и плавный переход от лезвия к черенку рукояти. Длина их колеблется в пределах от 8,5 см до 14 см, ширина лезвия от 1,0 см до 1,4 см. От них отличается нож из кургана 39, имеющий уступы у основания черенка и узкую бронзовую обойму и более крупные размеры: длина (без сохранившегося острия) равна 16,5 см, ширина клинка 1,7 см (рис. 16, 5).

Три ножа из курганов 7, 43 и 47 имели узкие канавки, идущие по клинку вдоль спинки. Подобный технологический прием встречается на изделиях этой категории еще в хазарский период. Примером может служить бронзовый нож из кремационного захоронения конца VIII—IX в. на р. Псекупс (Сокровища..., 1985. Кат. № 468. Ил. 94). Такие же ножи известны в Абинском 4 кремационном могильнике XII в. (Пьянков, 1993. Рис. 3, 10), в погр. 33 с кремацией и конем из Цемдолинского могильника (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 12, 14).

В кургане 48 был найден костяной предмет неправильной овальной формы с двумя сквозными отверстиями и выпуклой лицевой стороной (рис. 16, 18). Вполне вероятно, это «затыльник», использовавшийся для оформления концевой части рукоятки ножа. Подобные изделия хорошо известны по материалам Волжской Болгарии домон-

гольского периода и в золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья (Закирова, 1988. С. 222. Рис. 97, 1—14; Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 34, 8). Аналогичный предмет из каменной гробницы у станицы Натухайской В. Сизов определяет как подвеску (Сизов, 1889. С. 84. Ф.т. XIV, 4).

Остальные вещи найдены в единичных экземплярах.

Кресала происходят из двух захоронений — курганы 12 и 40, относятся к типу калачевидных, имеют загнутые прямые концы и невысокий подтреугольный выступ (язычок) на ударной стороне лезвия (рис. 7, 1; 16, 6). Этот тип был распространен в позднем средневековье и имеет очень широкие географические рамки.

Оселок в единственном экземпляре найден в кургане 7, имеет форму прямоугольного бруска со слегка скошенными верхними гранями и круглым отверстием на верхнем конце (рис. 5, 31). Размеры: длина 6,4 см, ширина 2,2 см, толщина 0,9 см.

Крюк-вилка для доставания мяса из котла обнаружен в кургане 9 (рис. 6, 22). Подобные предметы встречаются в погребальных комплексах Северо-Западного Кавказа еще со скифского времени (Лесков и др., 2005. Рис. 114, 2). На восточно-черноморском побережье они известны с эпохи Хазарского каганата. В.В. Саханев упоминает о «железном витом стержне, согнутом в форме буквы Г с заостренным концом, имевшим, вероятно, назначение вилки для вытаскивания из котла кусков мяса», найденном в погребении № 134 третьей части Борисовского могильника (Саханев, 1914. С. 150). Е.П. Алексеева включает подобные вилки в число предметов, типичных для адыгских средневековых захоронений восточного Причерноморья и Закубанья (Алексеева, 1971. Табл. 366, 11).

Ножницы из кургана 8 (рис. 6, 12) относятся к типу пружинных и чаще встречаются в позднесредневековых могильниках с каменными ящиками на Черноморском побережье, а также в курганах и могильниках белореченской культуры в Закубанье (Левашова, 1953. Рис. 5, 5; Тарабанов, 1984. С. 167; Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 14; Носкова, 1991. Рис. 4, 1).

Пряслице из кургана 9 (диаметр 5,6 см, толщина 0,9 см) сделано из камня (рис. 6, 24). В Борисовском могильнике подобное пряслице было найдено в кургане 2 с кремацией и конским захоронением (Саханев, 1914. С. 198), единственное пряслице из Абинского 4 могильника изготовлено из песчаника (Пьянков, 1993. Рис. 5, 26), однако в основном подобные изделия происходят из погребений в каменных ящиках.

Украшений в курганах с кремациями немного.

Браслеты найдены только в одном погребении, в кургане 9. Один серебряный сильно деформированный, разломанный на две части. Судя по фрагментам, он имел несомкнутые заостренные концы, сегментовидное сечение в средней части и уплощенное линзовидное на концах (рис. 6, 17). Второй браслет (диаметр 6,5 см, диаметр сечения 0,5 см) был изготовлен из перебитого железного прута и имел закрученные в спираль концы (рис. 6, 20).

Серьги или височные кольца по одному экземпляру обнаружены в курганах 3 и 9. В одном случае это бронзовое колечко с несомкнутыми заходящими концами, сделанное из круглой в сечении проволоки; диаметр 2,2 см, диаметр сечения 0,2 см (рис. 3, 1). В другом — кольцо с разомкнутыми концами, из серебряной проволоки; диаметр 3,2 см, диаметр сечения 0,2 см (рис. 6, 15). Аналогии таким украшениям широко известны. На Черноморском побережье они встречаются и в кремациях, и в каменных ящиках (Саханев, 1914. Рис. 51, 7, 8; 52, 3).

Бусина из горного хрусталя (рис. 5, 25) шаровидной формы с продольным отверстием, высота 1,3 см, диаметр 1,5 см, происходит из кремационного захоронения кургана 7. Найденная в единичном экземпляре, она могла использоваться как подвеска.

Ожерелье из трех раковин и двух костяных пластин с отверстиями из кургана 8 (рис. 6, 7—11). Морские раковины *passa* имеют местное происхождение и использовались в качестве украшений, иногда даже в комплекте со стеклянными бусинами. Примером может служить ожерелье из детского погребения 34 Беловежского могильника, где основная часть захоронений относится к первой половине XI в. (Артамонова, 1963. Рис. 113, 2). Подвеска из такой же раковины известна из курганов с каменными ящиками близ ст. Натухайской (Сизов, 1989. Ф.т. XIV, 5).

*Бляшка*⁵ из кургана 9 штампованная из тонкой серебряной пластины с двумя отверстиями для крепления к одежде или к головному убору, гравированный орнамент сохранился только в отдельных местах по краю (рис. 6, 16).

В этом же погребении найдена литая бронзовая подвеска в виде парных стилизованных конских головок; высота 2 см, длина 5,3 см (рис. 6, 19). Подобные подвески-амулеты для вещевых комплексов Северо-Западного Кавказа эпохи позднего средневековья не характерны, но в памятниках хазарского времени в Северо-Восточном Причерноморье и на территории Закубанья коньковые привески известны (Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 23). Наш экземпляр по форме и стилистически значительно отличается от них, но как по-

³Определение типов наконечников стрел дается по классификации А.Ф. Медведева в археологическом своде «Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII — XIV вв.».

⁴Идентичный тип в классификации А.Ф. Медведева мне найти не удалось.

⁵Сохранилась во фрагментах.

зднее подражание может быть вполне с ними связан общим сакральным назначением.

Возможно, ритуальное значение имела найденная в кургане 39 обработанная створка раковины (рис. 16, 8).

К деталям одежды относятся *пуговицы*. Всего в курганах 7, 8, 9, 46, 48 найдено 10 шт., из них: девять бронзовых и одна стеклянная. Среди металлических пуговиц можно выделить два вида: литые и полые внутри. Литые бронзовые пуговицы представлены в нескольких вариантах: биконической формы с петлей трапецевидной (к. 7, 8; рис. 5, 26; 6, 3, 4) или округлой формы (к. 7, 8; рис. 5, 27; 6, 5), пуговица из кургана 9 округлой формы в нижней части украшена насечками в виде расходящихся лучей (рис. 6, 18). Полые бронзовые пуговицы — округлой формы и припаянной проволоочной петлей (к. 8, 48; рис. 6, 2; 17, 7). Пуговицы обоих видов имеют широкий географический диапазон. Они известны по материалам древнерусских городов, Волжской Болгарии, в степных кочевнических погребениях (Седова, 1981. Рис. 61, 3–7; Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 144, 145; Полякова, 1996. Рис. 65, 11; Плетнева, 1973. Табл. 11, 12; 18, 13).

На Северном Кавказе литые пуговицы биконической формы появляются на рубеже XI–XII вв. (Степи Евразии..., 1981. Рис. 946). На восточно-черноморском побережье они известны в курганах с трупосожжениями Борисовского могильника (Саханев, 1914. Рис. 51, 5). Значительно реже встречаются литые пуговицы с рельефной ornamentацией, близкие экземпляры из кургана 9. К этой группе относятся пуговицы с граненой поверхностью в виде «кистеня» из Ленинохальского кремационного могильника из Среднего Закубанья (Носкова, 1999. Рис. 5, 3), а ближайшей аналогией может служить бронзовая пуговица из кочевнического кургана XII в. у деревни Зеленки на Украине (Плетнева, 1973. Табл. 5, 6).

Кроме того, в кургане 47 были найдены фрагменты маленького бронзового бубенчика грушевидной формы (рис. 17, 5), аналогии которому дают материалы северо-кавказских могильников X–XII вв.: Змейского в Северной Осетии, Коловского на р. Фарс в Адыгее, Ленинохальского, 4-го Абинского и др. (Кузнецов, 1963. Рис. 4; Дитлер, 1961. Табл. XIX, 6; Носкова, 1999. Рис. 6, 2; Пьянков, 1993. Рис. 8, 10; 9, 27). Бубенчики либо пришивались к одежде, либо могли подвешиваться на цепочках, обрывок подобной цепочки найден в разрушенном кургане 4 (рис. 2, 2).

Конское снаряжение из кургана 3 представлено парой стремян, удилами, фрагментом бронзового бубенчика и, возможно, фрагментированной железной пряжкой, хотя она и найдена не рядом с конем, а в слое зольного пятна в районе утраченной урны.

Стремена железные с подтреугольно-округлым контуром, пластинчатой дужкой и шелевидным отверстием, пробитым вверху дужки. Подножка узкая, овальная в плане с ребром жесткости. Размеры: высота 14 см, высота дужки 12 см, ширина 15,5 см, ширина подножки 4,3 см (рис. 3, 5, 6). Е.А. Армарчук, собравшая весь соответствующий материал по Северо-Восточному Причерноморью, датирует стремяна этого типа XII — первой половиной XIII в. (Армарчук, 2006. С. 27–29; Рис. 16, 4). К этому же времени относятся и железные удила (рис. 3, 4) — двусоставные с грызлами неравной длины и маленькими (диаметр 3,7 см) круглыми кольцами. Хотя хронологические рамки подобных удили гораздо шире, но находка их со стремянами дает основание считать этот комплекс одновременным. Бронзовый бубенчик (к. 3; рис. 3, 2) имеет каплевидную форму и вертикальное рифление в виде ложбинки в нижней части (высота 2,1 см, диаметр 2,2 см). Вероятнее всего, он являлся деталью сбруйного украшения, аналогичный происходит из погребения лошади I цемдолинского кургана 4, датированного концом XII–XIII в. Этот вариант встречается крайне редко и за пределами Северо-Восточного Причерноморья почти неизвестен (Армарчук, 2006. С. 60–61. Рис. 30, 5). Железная пряжка, сохранившаяся во фрагментах, относится к типу прямоугольно-рамчатых с язычком, закрепленным на задней стенке рамки (рис. 3, 3). Судя по размерам (ширина 5 см, длина язычка 6 см), она вполне могла использоваться для крепления подпружных ремней.

Ингумационный обряд. Все ингумационные захоронения⁷ совершены в каменных ящиках. Был исследован 21 курган, содержащий ингумации. Восемь курганов⁸ полностью разрушены и к ингумационным отнесены лишь на основании структуры земляной насыпи, характерной для почти всех курганов, где находились каменные гробницы. Исключение составляют лишь курганы 7 и 10, где каменные ящики были впущены в более ранние насыпи из камня и щебня с каменными обкладками, содержащие кремации. В двух случаях (к. 22, 32) земляные насыпи сооружены на месте полностью разрушенных кремационных

захоронений, о чем свидетельствуют единичные дикарные камни, оставшиеся от оградок. Основная часть курганов⁹ содержала по одному ящику, которые обычно были установлены в центре. Лишь в курганах с двумя гробницами (к. 23, 24; рис. 11) наблюдается отступление от общего правила — ящики располагались со сдвигом от центра к северу и югу, но на одной оси с некоторой разницей в уровне залегания в материке. В кургане 22 две гробницы находились на одной глубине, и только месторасположение третьего ящика в юго-восточной поле дает основание считать это сооружение более поздним (рис. 10). Устройство погребальных сооружений в восточной половине насыпи наблюдается и в кургане 7 (рис. 4, 1), который неоднократно использовался для подзахоронений. Судя по стратиграфии, каменная насыпь первоначально была возведена над кремационным погребением, в дальнейшем курган, видимо, служил своего рода семейной усыпальницей. Первое захоронение в каменном ящике (погр. 4 — женское¹⁰), наиболее раннее, находилось к югу от зольного пятна с кремацией и имело юго-западную ориентировку. Два следующих ящика, по размерам детские, сооруженные позднее, были направлены на запад, и одно из них (погр. 3) перекрывало погребение 4. Последним по времени стало погребение 1 (мужское), с юго-западной ориентировкой, частично разрушившее кремацию.

Как уже указывалось выше, в основном в курганах было по одному каменному ящику. Все они сооружены в единой традиции: в плане имели прямоугольную форму, были сложены из обработанных прямоугольных плит. Продольные стороны обычно выкладывались из двух длинных блоков с каждой стороны, а торцовые — из коротких, чаще более высоких, так что они выступали над материковой ямой, куда был вкопан ящик. Иногда одна из стенок, обычно северная, была сделана из одной монолитной плиты (к. 19, 20, 36), лишь в кургане 21 из подобного монолита выложена южная сторона. Дно плитами не выкладывалось, только в кургане 7, где каменные ящики впущены в каменную насыпь, оно было выровнено тонким плитняком. На уровне материка гробницы перекрыты положенными поперечно обработанными плитами подпрямоугольной формы (по пять–восемь штук), которые плотно примыка-

ли друг к другу (рис. 15, I–III). В кургане 37 плиты были выложены в два ряда. Средние размеры ящиков равнялись 220x50x40 см, детские были значительно меньше (85x30x35 см), более крупные, изначально предназначенные для коллективных захоронений в длину достигали до 250 см, в ширину до 80 см. Ориентировка ящиков широтная, преимущественно 3–В (11 погребений)¹¹, в семи случаях наблюдается Ю33–СВВ, что, видимо, связано с сезонным отклонением. Это предположение можно отнести и к кургану 36, где гробница ориентирована с С33 на ЮВВ. В остальных случаях¹² ящики имели Ю3–СВ направление.

Соответствующую ориентировку имели и погребенные в гробницах умершие, черепа которых лежали в западной половине склепа. Из 28 исследованных каменных ящиков в 18 находилось от двух до шести подзахоронений, в результате чего первоначальное положение костяков было нарушено: большая часть костей удалена при последующем захоронении либо сдвинута в сторону. В сохранившихся нетронутыми гробницах погребенные лежали вытянуто на спине, кисти рук чаще всего находились на тазовых костях, а ноги были сомкнуты в коленях. Расположение инвентаря в большей части погребений нарушено, лишь в отдельных случаях вещи находились «in situ» — в кургане 7, где были одиночные захоронения, и в относительно хорошо сохранившихся гробницах курганов 20, 21, 22 погр. 3, 37.

Погребальный инвентарь. Вещевые комплексы смешанные: в гробницах представлены как типично женские наборы — украшения, туалетные принадлежности и предметы рукоделия, так и мужской инвентарь, состоящий в основном из оружия, остатков колчанов, орудий труда. Общей категорией для всех являлась посуда, которая обычно стояла в ногах погребенных, иногда в гробницах находилось по несколько сосудов в соответствии с количеством захоронений, иногда кружальная керамика дополнялась небольшими лепным горшочками.

*Посуда*¹³ в ингумационных погребениях представлена в основном красноглиняными кувшинами самых разнообразных форм и размеров. Характерным признаком большинства сосудов является наличие бокового слива или ойнохоевидное оформление венчика.

⁶Номер рисунка в таблице не указан.

⁷К. 7, 10, 13–25, 29, 33, 35–37, 50

⁸К. 26–28, 30–32, 51

⁹К. 10, 13–21, 25, 33, 35–37, 50

¹⁰Антропологические определения проводились старшим научным сотрудником ИА РАН к.и.н. Г.А. Романовой.

¹¹К. 7 (погр. 2, 3), 14–16, 22 (погр. 1, 2, 3), 23 (погр. 1, 2), 33.

¹²К. 7 (погр. 1, 4), 19, 21, 24 (погр. 1, 2).

¹³Из-за отсутствия у автора возможности сделать рисунки некоторых сосудов, в таблицах часть кувшинов нарисована по фотографиям.

По функциональному назначению и морфологическим признакам: размеры, форма тулова и горла, оформление венчиков — среди кувшинов можно выделить несколько групп.

1-я группа представлена небольшими кувшинчиками-кружками (высота 12,5–17 см) с невысоким раструбообразным горлом, венчик которого имеет боковой слив (к. 7, 25, 36). Различаются сосуды в основном формой тулова: у одних наибольшее расширение приходится на нижнюю треть общей высоты (к. 7; рис. 4, 12, 14; 5, 24), у других — наибольший диаметр находится в средней части (к. 25, 36; рис. 12, 32; 14, 31). Кувшины этого типа известны в Убинском могильнике из Западного Закубанья и в Восточном Причерноморье (Ловпаче, 1995а. Табл. XXII, 11; LI, 280–281). В качестве ранней аналогии можно привести кувшинчик из Ленинохобльского кремационного могильника конца XI в. (Носкова, 1999. Рис. 6, 3). По функциональному назначению к этой же группе можно добавить два сосуда из курганов 37 и 50. Оба кувшина небольших размеров (высота 12 и 15,5 см), у одного — выделенное цилиндрическое горло с сильно отогнутым венчиком, имеющим боковой слив (рис. 15, 12), у другого — горло не обозначено, а отогнутый венчик заканчивается сливом, расположенным напротив ручки (рис. 17, 14).

Во 2-ю группу входят кувшины с округлым туловом и выделенным широким подцилиндрическим горлом (высота 20,5–26 см). У части сосудов венчики отбиты, поэтому сказать об их форме ничего нельзя (к. 21, 24, 33, 37; рис. 9, 42; 12, 17; 13, 30; 15, 15). У сохранившихся кувшинов (к. 20 и 23) они имеют либо ойнохоевидное оформление (рис. 9, 23), либо боковой слив (рис. 7, 48). Как отдельные разновидности к этой группе можно отнести два сосуда из курганов 16 и 37 (рис. 8, 9; 15, 16). Кувшины имеют высокое горло, заканчивающееся сильно отогнутым ойнохоевидным венчиком, и слабо расширяющееся, почти баночной формы тулово. Эти формы традиционны и появляются еще в раннем средневековье. Интересно, что кувшин, идентичный кабардинскому из кургана 16, найден в погребении ранней группы Борисовского могильника под Геленджиком (Саханев, 1914. Рис. 24, 1).

По функциональному назначению к этой группе близки три крупных кувшина (высота 21–28 см) с удлинёнными пропорциями тулова. Два из них имеют широкое, но слабо выраженное горло, заканчивающееся ойнохоевидным венчиком (к. 22, 24; рис. 10, 3; 12, 15), у третьего — высокое широкое горло со сливом «на себя» (к. 18; рис. 8, 46).

В 3-ю группу выделяются крупные кувшины с узким цилиндрическим горлом и яйцевидным туловом, высота 26,5–28 см, которые в быту могли

использоваться в качестве тарной посуды. Почти все сосуды имеют либо слив «на себя» (к. 22, 33; рис. 10, 23; 13, 31), либо ойнохоевидный венчик (к. 24, 33; рис. 12, 25; 13, 32). Лишь у кувшина из кургана 29 он прямой (рис. 13, 9). Два сосуда (к. 21 и 29; рис. 9, 43; 13, 8) отличаются более мелкими размерами (высота 21,5 и 19,5 см). Тулово чаще всего покрыто сплошным полосчатым лощением. Иногда в качестве украшения используются налпные валики или сложный арочный орнамент, выполненный мелким зигзагом (к. 21, 25, 29; рис. 9, 43; 12, 33; 13, 8). Кувшины данного типа хорошо известны по материалам позднесредневековых памятников Закубанья и восточного Причерноморья. Близкие параллели можно найти в ингумационных захоронениях Убинского могильника и в каменных гробницах побережья в районе Сочи и Геленджика (Ловпаче, 1995а. Табл. LI, 241, 244, 246, 87, 109, 117).

К тарной посуде, видимо, следует отнести и кувшин из кургана 37 (рис. 15, 14). Он имеет узкое, но слабо выраженное горло, заканчивающееся ойнохоевидным венчиком. Вся его поверхность украшена сплошным горизонтальным рифлением и двумя горизонтальными поясками из вертикальных бороздок на плечиках под ручкой и в придонной части тулова. Сосуды такого типа известны в грузинской керамике XII–XIII вв., но отличаются формой слива (Крым, Северо-Восточное Причерноморье ..., 2003. Табл. 129, 5). Также они встречаются на Черноморском побережье, в частности, аналогичный по форме происходит из Борисовского могильника, здесь же найден кувшин с похожей орнаментацией (Ловпаче, 1995 а. Табл. XLI, 8, 9).

4-я группа представлена двумя кувшинами из курганов 23 и 24. Оба сосуда объединяют форма тулова и узкое длинное горлышко, в одном случае с обычным слегка отогнутым венчиком (рис. 12, 18), в другом — воронкообразным со сливом «на себя» (рис. 11, 19). Кувшин из кургана 23 украшен арочным орнаментом из неглубоких вдавлений в виде «елочки», а нижняя часть горла выделена уступом с косыми насечками. Такой же способ орнаментации на двуручном сосуде из каменного ящика кургана 4 могильника Лобанова щель (Козюменко, Раев, 2002. Табл. 10, 1). Кувшин с носиком из кургана 24 относится к категории посуды, появившейся в керамическом наборе Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период, и может служить своего рода индикатором при датировке погребальных и бытовых комплексов. Находки подобных кувшинов-кумганов известны во всему региону: в восточных предгорьях, в среднем и западном Закубанье и на восточночерноморском побережье (Ловпаче, 1995а. Табл. LI, 7, 10, 99, 108, 251, 263; Носкова, 1991а. Рис. 2, 7).

Основная масса посуды из погребений могильника, по мнению специалистов, была сделана мастерами ручным способом, а потом для выравнивания формы подправлена на гончарном круге¹⁴.

Исключением являются три сосуда, по своему назначению и оформлению относящиеся к категории столовой посуды, но изготовленные вручную без кружальной доработки. Это грубо вылепленный маленький кувшинчик с почти цилиндрическим туловом и высоким широким горлом с едва намеченным боковым сливом из кургана 24 (рис. 12, 16). Небольшой двуручный сосуд из кургана 37 (рис. 15, 13) с грушевидным туловом и широким венчиком в виде «воротничка», изготовлен более тщательно и украшен вертикальным полосчатым лощением. Другой двуручный сосуд из кургана 37 (рис. 15, 17) более крупных размеров с широким баночной формы туловом и резко отогнутым венчиком, оформленным четырьмя сливами. Прямых аналогий они не имеют и, по всей видимости, имитировали уже известные гончарные формы (Ловпаче, 1995а. Табл. LI, 123, 265, 275).

Кухонная посуда в могильнике представлена небольшими лепными горшками высотой до 15 см. Они имеют баночную форму и слабо отогнутый невысокий венчик (к. 7, 13, 29, 23). У двух сосудов под венчиком проходит налпной валик, в одном случае в виде волнистого жгутика (к. 23; рис. 11, 17), в другом — валик украшен надрезами (к. 29; рис. 13, 7), такими же, как на урне из кремационного захоронения в кургане 7.

Стеклянные сосуды — целые стеклянные сосуды найдены в трех погребениях (к. 7, 24, 36) и два небольших фрагмента (к. 7, 17), по которым форма не восстанавливается. Два сосуда относятся к одному типу (к. 24, 37; рис. 12, 24; 14, 30), это стаканы с вогнутым дном, высоким цилиндрическим туловом и слегка отогнутым венчиком, изготовленные из прозрачного стекла (высота 9,8 и 15 см, диаметр по краю 6,7 и 7 см, диаметр дна 5 и 4,5 см). Один был украшен росписью цветными красками (возможно, арабская надпись), которая не сохранилась. Подобные изделия часто находят в каменных ящиках восточного Причерноморья (Сизов, 1889. Ф.т. XXVI; Саханев, 1914. С. 201). Местом их производства являются ближневосточные стекольные мастерские XIII–XIV вв., аналогичные сосуды хорошо известны по зарубежным музейным коллекциям (Сизов, 1889. С. 145–146. Табл. XXIV; Kühnel, 1970. Pl. XIV; Venezia ..., 2007. III. P. 86). Третий стакан (к. 7; рис. 5, 23) отличается и формой, и способом декорирования. Изготов-

лен он из прозрачного зеленого стекла, имеет форму стакана с отогнутым высоким венчиком и вогнутое дно с кольцевым поддоном. Тулово покрыто каплевидными «налпями», а в месте перехода к венчику — тонкий рельефный поясок. Высота 9,3 см, диаметр венчика 6,6 см, диаметр дна 6 см. Сосуд относится к более ранним формам, чем два описанных выше. Близкие аналогии можно найти среди стеклянной посуды из мастерской XI–XII вв. на агоре в Коринфе (Шапова, 1998. С. 88. Рис. 26а). Вполне вероятно, подобные стаканы изготавливались и позже в XIII–XIV вв., сосуд с идентичным рельефным налпным декором найден близ Дузу-кале в ингумационном захоронении именно этого времени (Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. Табл. 102, 8).

Предметы вооружения присутствуют в большей части гробниц с многократными подзахоронениями и представлены наконечниками стрел, наконечниками копий и саблями.

Наконечники стрел обнаружены в 15 погребениях, всего 69 экземпляров, из которых 11 штук не определяются. Практически во всех наборах фиксируются наконечники:

— броневые (15 шт.; к. 13–15 22–24 33, 37; рис. 7, 5, 19, 21, 40; 10, 9, 21; 11, 14; 12, 5; 13, 14, 15, 19–21; 15, 6, 7) двух типов — шиловидные ромбического сечения без упора и с простым упором — типы 93 и 94 (С. 84)¹⁵. В одном случае (к. 15; рис. 7, 39) найден пирамидальный трехгранный наконечник с короткой головкой — тип 76 (С. 79);

— с пером лавролистной и остролистной формы (17 шт.; к. 13, 17, 19, 21–24, 36; рис. 7, 7, 22; 8, 25; 9, 8, 30, 33; 10, 20, 22; 11а, 23; 12, 8, 9, 20–23; 14, 23–25) — типы 61 и 63 (С. 73–74);

— с ромбовидным пером (14 шт.; к. 13, 15, 17, 21–24, 33, 36; рис. 7, 20, 37, 38; 8, 22, 23; 9, 32; 10, 18; 11, 21, 22; 12, 7, 19; 13, 13; 14, 20, 22) — типы 47 и 48 (С. 63).

Единичными являются срезни (4 шт.; к. 15, 22, 24, 33; рис. 7, 36; 10, 17; 12, 6; 13, 16) в виде узкой вытянутой лопаточки и широкой лопаточки с тупоугольным острием — типы 67 и 70 (С. 75–77); наконечники с пером треугольной формы (5 шт.; к. 17, 21, 22, 36; рис. 8, 24; 9, 31; 10, 19; 14, 21) — тип 37 (С. 63) и два наконечника (к. 22, 24; рис. 10, 8; 12, 10) относятся к килевидным — тип 38 (С. 64). Подобные наконечники известны во многих комплексах XIII–XV вв. восточного Причерноморья (Саханев, 1914. Рис. 52, 13–14; Воронов, 1979. Табл. II, 8–11; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 10, 4–9, 21–22; 16, 2–11), в адыгских курганах Степ-

¹⁴Благодарю за помощь в определении технологии производства керамики к.и.н. С.Б. Болелова и к.и.н. И.В. Волкова.

¹⁵Определение типов наконечников стрел дается по классификации А.Ф. Медведева в археологическом своде «Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XIV вв.» М. 1966.

ного Закубанья (Левашова, 1953. Рис. 3, 1–9; Носкова, 1991. Рис. 3, 1–7; 6, 3–9; Пьянков, 2000. Рис. 4, 2–5), в кабардинских курганах Ингушетии и Кабардино-Балкарии (Крупнов, Мунчаев, 1963. Рис. 11, 2; Нагоев, 1987. Рис. 19, 6, 8–10).

В кургане 21 в наборе средневековых железных наконечников стрел обнаружен бронзовый со скрытой втулкой и трехгранной головкой (рис. 9, 39), относящийся к скифской эпохе и датирующийся VI–V вв. до н.э. (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. Табл. 64, 4). Как он оказался в погребении неизвестно, возможно, это случайная находка.

В некоторых захоронениях вместе со стрелами были положены колчаны. В гробницах курганов 13, 15, 33, 36 найдены фрагменты длинных железных пластин, которые могли служить обкладками колчанов, некоторые были изогнуты (рис. 7, 25; 13, 25–26). Кроме них были еще мелкие детали: фрагменты скобок, круглых заклепок и др., которые, по всей видимости, являлись деталями крепежа (рис. 7, 41–44; 14, 16, 17). Возможно, две железные бляхи из кургана 13 также могли украшать футляр колчана (рис. 7, 12, 13). Одна из них в виде подпрямоугольной плоской пластины с выделенными фигурными углами (длина 3,7 см, высота 2,9 см), другая сегментовидная со штырьком на оборотной стороне (длина 2,7 см, высота 2,8 см). В кургане 15 вместе с Т-образными и крестовидными пластинами, концы которых имели завершение в виде круглых розеток с отверстием в центре, лежала железная фигурная бляха с полусферической выпуклостью в центре и отходящими от нее пятью лучами, концы которых заканчивались такими же полусферическими выпуклостями (диаметр 7,2 см)¹⁶. Не совсем понятно назначение прямоугольной железной накладки со штырьками по углам и в центре (длина 5 см, высота 4,1 см) из погребения 1 кургана 23 (рис. 11, 15). Судя по размерам пряжки из этого же каменного ящика (рис. 11, 5), накладка вряд ли могла являться частью поясной гарнитуры. По всей видимости, ее также следует связывать с колчанными деталями.

Наконечники копий найдены в трех захоронениях (к. 25, 29, 37). Два наконечника имеют средние размеры: длина 18 и 24,2 см, длина пера 11 и 13 см, ширина 2 см. У одного (к. 25) перо четырехгранное, у другого (к. 29) перо вытянуто-треугольной формы, овальное в сечении (рис. 12, 37; 13, 4). Наконечник из кургана 37 (рис. 15, 11) отличается крупными размерами: длина 40 см, длина пера 19 см, ширина 3 см, имеет перо вытянуто-треугольной формы, ромбическое в сечении. Судя по

малочисленности подобных находок, копья не входили в состав основных видов вооружения населения. Этот же факт отмечают исследователи других позднесредневековых памятников на восточном побережье Черного моря (Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. С. 223). Можно привести лишь единичные аналогии: это наконечник из кургана № 7 могильника Хазаровой щели в Туапсинском районе (Стрельченко, 2002. Рис. 2, 2), наконечник из каменных ящиков близ Геленджика и Борисовского могильника (Сизов, 1889. С. 68; Саханев, 1914. С. 198. Рис. 50, 11), один наконечник из урнового погр. 118 могильника Бжид 1, но его отличают от кабардинских экземпляров иные пропорции (Пьянков, 1998. С. 22. Рис. 1, 8). Иногда копья встречаются в позднесредневековых комплексах степного Закубанья и в зоне распространения кабардинских курганов. О находках наконечников копий в курганах у станицы Псебайской в восточном Закубанье упоминает Н.И. Веселовский (ОАК, 1897. С. 134–135), некоторое их количество происходит из курганов Убинского могильника. Чаше наконечники копий находят в более ранних (X–XIII вв.) биритуальных могильниках Закубанья: Колосовка 1, Абинский 4, Черноклан (Дитлер, 1961. Табл. XV, 7; XVI, 9; Пьянков, 1993. Рис. 5, 3).

Сабли обнаружены только в двух ингумационных захоронениях (к. 7, 20), одна происходит из случайных находок (рис. 17, 15). В кургане 19 найден только фрагмент перекрестия. Наиболее сохранилась сабля из кургана 20. Относится она к типу длинных узколезвийных (длина 110 см, длина клинка 101 см, ширина 3 см) с обоюдоострым концом, имеет прямую рукоять со штырьками на черенке для крепления обкладок и железное навершие в виде овального в плане колпачка с плоским верхом и двумя стержневидными концами, спускающимися вниз. Длина 6,5 см, диаметр 2х1,7 см (рис. 9, 20–22). Перекрестие (длина 10 см) асимметричное напускное изогнутое с опущенными раскованными концами разной длины, в центральной части – треугольный выступ. К этому же типу, возможно, относится фрагмент перекрестия из кургана 19 (рис. 9, 9). Находки аналогичных сабель на восточночерноморском побережье встречаются лишь в курганах с каменными ящиками. В Цемдолинском могильнике подобная сабля происходит из ингумационного погребения 35, которое датируется концом XIII – XIV в. (Армарчук, Малышев, 1997. С. 109. Рис. 18, 3). В Закубанье близкие параллели дают материалы белореченских курганов (Левашова, 1953. Рис. 3, 29). В

Убинском могильнике М.Л. Стрельченко клинки с перекрестием в виде полумесяца относят к XIV–XV вв. (Стрельченко, 1960. С. 150). Вторая сабля, найденная в погр. 1 кургана 7 (рис. 4, 6, 7), значительно отличается от предыдущего экземпляра: широкий (4 см) слабоизогнутый клинок с двусторонней накладкой у основания, напускное прямое перекрестие с ромбической центральной частью и длинными стержневидными концами (длина 110 см, длина клинка 102 см, длина перекрестия 12 см)¹⁷. Сохранился наконечник ножен в виде уплощенной овальной трубки с глухим вогнутым дном и выступающим бортиком, верхний конец имеет вырезы (длина 8,7 см, сечение 3,5х1,9 см). По форме он практически идентичен найденным в кремационном погребении этого же кургана и в кургане 39. Вполне вероятно, что данный клинок по времени более ранний, чем сабля из кургана 20, очень похожий происходит из погребения 44 Цемдолинского могильника, которое авторы раскопок относят к концу XII–XIII в. (Армарчук, Малышев, 1997. С. 109. Рис. 18, 5).

Орудия труда являются второй наиболее представительной и разнообразной по составу категорией предметов среди погребального инвентаря.

Ножи найдены практически во всех ингумационных погребениях. В каменных ящиках с несколькими захоронениями они иногда встречаются по два-три экземпляра. В процентном отношении преобладают ножи с прямой спинкой и уступами при переходе от черенка к лезвию (к. 7 погр. 1, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 29, 36). Чуть меньше изделий, у которых четкая ступенька отсутствует и лезвие, плавно сужаясь, переходит в черенок (к. 7 погр. 4, 13, 16, 21, 25, 33, 35, 37). Нож с покатою к острию спинкой найден лишь один раз (к. 21; рис. 9, 38). Некоторые экземпляры у основания клинка имеют выделенный бортик для упора обкладок рукоятки (к. 17, 22; рис. 8, 28; 10, 4), в одном случае на ноже сохранилась узкая костяная обойма с бронзовой пластиной (к. 36; рис. 14, 26). У относительно целых экземпляров длина не превышает 20 см. Исключением является нож из кургана 20 длиной 29,5 см. Рукоять его сделана из трубчатой кости животного и украшена на одном конце тонкой гравированной линией (рис. 9, 18). Вполне вероятно, что найденные в других погребениях костяные и металлические полые втулки также могли являться обкладками рукоятей ножей¹⁸ (рис. 8, 32; 9, 7, 36). Подобные длинные ножи встречаются довольно редко, аналогией могут служить такие же сходные по размерам эк-

земпляры из могильников Среднего Закубанья, датирующихся XIV – первой половиной XV в. (Табанов, 1984. С. 166; Носкова, 2005. Рис. 4, 1).

Ножницы обнаружены в семи захоронениях: (к. 7, 18, 24, 33, 35, 36, 37). Все экземпляры относятся к типу пружинных с узкими лезвиями, длина от 24 до 31 см. Аналогии на Северном Кавказе находят повсеместно, в том числе в адыго-кабардинских курганах, грунтовых могильниках Прикубанья и позднесредневековых каменных ящиках Черноморского побережья (Левашова, 1953. Рис. 5, 5; Минаева, 1954. Рис. 10, л; Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 14; Воронов, 1979. Табл. III, 1).

Мотыжки-тесла найдены в шести погребениях (к. 15, 22, 23, 29, 33, 35) и, как в случае с серпами, зафиксированы лишь в захоронениях, совершенных в каменных ящиках. Все предметы однотипны, имеют практически стандартные размеры: длина 12–13 см, ширина 6,5–7,6 см. Изготовлены из одной пластины, верхние боковые края свернуты в разомкнутую втулку, образуя при переходе в рабочую часть плечики-уступы (рис. 7, 46; 10, 5; 11, 16; 13, 4, 23; 14, 7). В массовом количестве в погребальном инвентаре они начинают появляться с XI–XII вв.: в могильниках предгорного Закубанья (Дитлер, 1985. С. 133. Табл. I, 8), в кремационных погребениях Абинского 4 могильника (Пьянков, 1993. Рис. 2, 6; 5, 26; 7, 2; 8, 3), в позднесредневековых захоронениях на р. Псекупс (Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 7). От найденных в Кабардинском могильнике экземпляров закубанские образцы отличаются отсутствием четко выраженных плечиков-уступов, и эта особенность является устойчивым признаком закубанских мотыжек-тесел на протяжении всего средневековья.

Серпы представлены тремя целыми экземплярами и одним фрагментом (к. 17, 18, 23, 36; рис. 8, 29, 36; 11, 25; 14, 27). Длина 24–28 см, ширина лезвия 2,2 см. Подобные изделия известны и на Черноморском побережье и в Закубанье (Саханев, 1914. Рис. 50, 9; Носкова, 2005. Рис. 4, 10, 11).

Кресала найдены в четырех каменных ящиках (к. 22, 23, 25, 36), и все относятся к типу калачевидных. Среди них можно выделить два варианта: со слегка загнутыми прямыми концами и невысоким подтреугольным выступом на ударной стороне лезвия (рис. 11, 24; 12, 36) и образцы с узким вертикально вытянутым язычком, который смыкается с утолщенными концами, деля кресало пополам (рис. 10, 15; 14, 18). В средневековых адыгских курганах кресала с кремнем являются обычной находкой в мужских захоронениях. Аналогии

¹⁶Описание дается по полевому отчету, так как данный набор зарисован не был и, видимо, не сохранился. (Носкова, 1991. С. 32–33)

¹⁷Описание дается по отчету, так как перекрестие и накладка не сохранились.

¹⁸А. В. Пьянков и И. И. Марченко в публикации материалов раскопок кургана 37 в Лобановой щели определяют подобные костяные изделия как иольники, возможно, они и правы (Марченко, Пьянков, 2002. С. 171. Рис. 6, 1).

им можно найти в могильниках Восточного Причерноморья: Борисовском, Цемдолинском, в Лобановой щели (Саханев, 1914. Рис. 54, 10; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 2, 10; 17, 7; Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 19, 8).

Оселки известны из двух каменных ящиков (к. 15, 36). Все экземпляры имеют вид узких прямоугольных брусков со слегка расширенным основанием и снабжены отверстием для подвешивания (рис. 7, 47; 14, 28). В погребальных комплексах эпохи позднего средневековья находки оселков немногочисленны. В.П. Левашова отмечает, что в белореченских курганах они найдены только в двух могилах (Левашова, 1953. С. 181). Чаще они встречаются на Черноморском побережье. Несколько экземпляров известно из Цемдолинского могильника (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 2, 8; 13, 22), в Борисовском могильнике оселки найдены и в кремационных погребениях, и в каменных ящиках (Саханев, 1914. Рис. 51, 16; 52, 8).

Пряслица происходят из восьми ингумационных захоронений (к. 17, 19, 21, 23, 29, 33, 35, 36), причем в кургане 33 – в двух экземплярах. В основном все они каменные, и только два сделаны из стенки глиняных сосудов (к. 29, 35). По форме можно выделить два типа: дисковидные прямоугольного и линзовидного сечения, диаметром от 3,5 до 5,5 см, высотой от 1,2 до 1,7 см (рис. 8, 12; 9, 6, 40; 13, 6, 29; 14, 5) и округлые слегка поперечно-сжатые, диаметром 3,3–3,7 см и высотой 2,1–2,5 см (рис. 11, 12; 13, 28; 14, 29).

Наперстки найдены в двух экземплярах. Один (к. 19; рис. 9, 2) в виде колпачка со слегка выпуклым доньшком, другой (к. 20; рис. 9, 12) имеет конусообразную форму и отверстие в верхней части. Поверхность покрыта сплошными пунсонными вдавлениями в виде горизонтальных рядов. Наперстки первого вида известны в адыгских могильниках золотоордынского времени в Закубанье (Носкова, 2005. Рис. 4, 15, 16); второй тип изредка встречается в погребальном инвентаре каменных ящиков восточного Причерноморья (Саханев, 1914. Рис. 52, 2; Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 11, 3).

«*Проколки*» обнаружены в четырех погребениях (к. 16, 17, 20, 23; рис. 8, 3–7, 30; 9, 24; 11, 8, 9). В основном это круглые в сечении стержни с заостренным нижним концом и сквозным отверстием в верхней части, служившим для продевания шнура. Некоторые из них украшены нарезным гравированным орнаментом в виде поясков из косой сетки и простых параллельных линий. Длина проколки колеблется от 7 до 12 см, диаметр

в сечении 0,5–0,6 см. Исключением является лишь экземпляр из кургана 20, отличающийся от остальных своими размерами: длина 20 см, диаметр сечения 0,8 см (рис. 9, 24). Аналогии подобным предметам хорошо известны в белореченских и кабардинских курганах (Левашова, 1953. Рис. 5, 6; Милорадович, 1954. Рис. 3, 3. Алексеева, 1971. Табл. 416, 15, 16; Нагоев, 1987. Рис. 18, 12, 13), однако назначение их не вполне ясно. В основном их определяют как «костяные шилья» (Минаева, 1954. С. 286; Нагоев, 1987. С. 205). Какие-то изделия, возможно, могли использоваться в качестве проколки (рис. 8, 6, 7, 30; 11, 8), другие со слабо заостренным концом для этой цели не годились. В.П. Левашова высказала предположение, что они служили «для продевания шнура в шаровары» (Левашова, 1953. С. 183)¹⁹. В отдельных случаях такие предметы могли выполнять роль оберегов, как, например, набор «проколки» из кургана 16, найденный в комплекте с птичьей косточкой (рис. 8, 6). Аналогичные косточки-обереги встречаются в погребениях салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967. Рис. 47, 15).

Клык для глажения найден в кургане 33 (рис. 13, 27), подобные предметы известны в ингумационных погребениях Цемдолинского курганного могильника (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 15, 22), встречаются они и в материалах позднесредневековых поселений в кубанском регионе (Ловпаче, 1995. С. 240, 247).

Украшения представлены серьгами, кольцами бусами.

Серьги или височные кольца присутствуют практически во всех захоронениях в каменных ящиках. Серьги изготовлены из тонкой проволоки, в основном круглого и в одном случае прямоугольного сечения, имеют круглую или овальную форму, разомкнутые, иногда заходящие друг на друга концы (к. 14, 21, 35, 36; рис. 7, 8, 9; 9, 27, 28; 14, 2–4, 11). Обычные размеры: диаметр 2–3 см, диаметр сечения проволоки 0,2 см. Такие серьги имеют очень широкий хронологический и географический диапазон. Из кургана 20 происходит пара серебряных серег с проволочной дужкой и круглой петелькой (рис. 9, 14). Подвеска в виде напускной биконической бусины, полый внутри, украшена по месту стыка насечками (высота серьги 4 см, размер подвески 1,7x2,1 см). Близкие параллели таким украшениям хорошо известны в кочевнических древностях (Плетнева, 1973. Табл. 17, 1, 2), а идентичные – в каменных гробницах восточно-

го Причерноморья (Сизов, 1889. Табл. XIII, 20; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 20, 1; Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 14, 5). Но наиболее массовыми являются так называемые «дугие» кольца в 1,5 или 2 оборота, сделанные из скрученной в трубочку бронзовой пластины, иногда покрытые позолотой (к. 17, 50) и имеющие стандартные размеры: диаметр 2 см, сечение 0,3 см (рис. 7, 14, 31; 8, 17, 18, 43, 44; 9, 3, 26; 11, 20; 12, 3; 13, 1–3, 12; 14, 10; 15, 2, 3; 17, 13). В восточном Причерноморье они появляются лишь в золотоордынское время и характерны для погребального инвентаря каменных ящиков (Сизов, 1889. Табл. XIV, 14; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 15, 11). В Закубанье они также встречаются в позднесредневековых адыгских могильниках на южном берегу Краснодарского водохранилища²⁰ и в кочевнических курганах Прикубанья (Голубев, 2004. Рис. 1, 4).

Кольца найдены всего в двух экземплярах (к. 7, 15). Одно колечко из тонкой проволоки с заходящими заостренными концами, диаметром 2 см (рис. 5, 13), от другого сохранился небольшой фрагмент, по которому можно сказать лишь, что оно было сделано из тонкой проволочной пластины и имело небольшое расширение в средней части дужки (рис. 7, 32).

Бусы найдены в 9 каменных ящиках (к. 7, 10, 15, 17, 18, 19, 21, 23). Стекланные бусы в основном одноцветные из глухого стекла желтого, синего, зеленого и черного цвета средних и крупных размеров (их высота или диаметр – в пределах 0,6–1,5 см). Изредка попадаются мозаичные бусины (5 шт.) средних и крупных размеров из глухого черного стекла со вставками белого, желтого, голубого, красного цвета (рис. 7, 30; 8, 37, 40; 9, 4) и с волнисто-линейным орнаментом (2 шт.) из нитей голубого и белого цвета или желтого цвета (рис. 5, 1, 2). Форма бусин разнообразная – бочковидная, зонная, дисковидная, цилиндрическая, эллипсоидная. Подобные бусы были широко распространены на всем пространстве Восточной Европы и Северного Кавказа. Более узкую дату имеют две бусины из глухого желто-золотистого и зеленого стекла с бело-красными глазками, обрамленными «ресничками» (рис. 8, 39), и одна – из глухого зеленого стекла, орнаментированная зонным орнаментом в виде двух полос красного цвета и центрального пояса с белыми и желтыми четырехлистниками (рис. 8, 38). В единичных экземплярах они встречаются в славянских могильниках, в Саркеле-Белой Веже, в домонгольских слоях Волжской Болгарии, в позднесредневеко-

вых городах Хорезма (Шапова, 1956. С. 177–178; Артамонова, 1963. Рис. 52, 12 з, и; Валиулина, 2005. Рис. 29, 43, 44; Бусятская, 1976. С. 41–42). В массовом количестве они появляются в золотоордынское время, когда налаживается собственное производство подобных изделий в городах Золотой Орды (Федоров-Давыдов и др., 1970. Табл. VII, 5; Галкин, 1984. Рис. 3, 10, 12, 15). Из общей массы по форме выделяется одна бусина из белого кашина (к. 7 погр. 1). Форма сложная – в основе куб, на четырех сторонах которого рельефно выделены дисковидные выступы; две другие стороны (где отверстие) оформлены кольцевидными выступами (рис. 4, 1). На бусине сохранились следы бирюзовой глазури. На территории Северного Кавказа такой тип почти не встречается. Один экземпляр «из особой глиняной массы с глазированным узором» происходит из раскопок В. Сизова в районе ст. Натухайской (Сизов, 1889. С. 84. Ф.т. XIV, 2). Кашинные бусы, покрытые бирюзовой поливой, больше известны по материалам средневековых городищ Средней Азии, где они распространяются с XII в. и бытуют весь последующий послемонгольский период (Шишкина, 1979. Табл. LXXX, 1; Вишневская, 2001. С. 103. Рис. 41, 1, 2). Иногда они попадают в золотоордынских и древнерусских городах²¹.

Основная масса бус из каменных ящиков сделана из стекла. Лишь в погр. 4 кургана 7 найдена одна бусина из горного хрусталя (рис. 5, 2) и семь янтарных (рис. 5, 3–8). Из них выделяются два экземпляра, которые по форме и размерам можно отнести к категории подвесок. Одна бусина дисковидной формы диаметром 2,7 см (рис. 5, 3), другая – плоская округлой формы с отверстием сверху, высотой 1,8 см (рис. 5, 7). Такие бусы-подвески могли носиться «как отдельные украшения на шнурке на шее, в косе или в качестве центральной бусины в ожерелье, составленном из бус обычной формы» (Полубояринова, 1988. С. 184). Так же как и стекланные бусы, каменные имеют широкий географический и хронологический диапазон. Вообще бус в раскрытых курганах найдено немного, в основном от одной до трех штук, и только в трех захоронениях (к. 7 погр. 4, 18, 19) они составляли небольшие ожерелья из 8, 10, 12 бусин. В остальных случаях они либо пришивались к одежде, как это предполагают В.П. Левашова и Е.А. Армарчук (Левашова, 1953. С. 203; Армарчук, Малышев, 1997. С. 106), либо их использовали как отдельные привески, придавая им значение оберегов. Такими же амулетами-обере-

¹⁹Этого же мнения придерживается д.и.н. В.И. Козенкова на основании этнографических параллелей, причем добавляет, что подобные предметы использовались не только для продевания шнура, но служили своего рода «наконечниками», закрепляющими шнур.

²⁰Хранятся в ГМВ, инв. № 1203, 1591, 1597 М–IV.

²¹Благодарю за информацию Т.В. Гусеву, проводившую раскопки в Нижегородском Кремле, где кашинные бусы были найдены в слоях XIV века.

гами были найденные в погребениях маленькая овальной формы костяная подвеска (к. 24; рис. 12, 2) и подвеска из клыка с отверстием для подвешивания (к. 23; рис. 11, 7).

Поясная гарнитура в погребениях практически отсутствует. От ремней сохранились в основном пряжки, найденные в восьми каменных ящиках. Из них три бронзовые с круглой, сегментовидной и овальной рамками и плоскими язычками (к. 13, 17, 36). Диаметр двух пряжек 2 см, размеры третьей – 2,7 см (рис. 7, 15; 8, 16; 14, 12). Железные пряжки (к. 7, 15, 20, 23) изготовлены из прута прямоугольного, квадратного, круглого и овального сечения. Форма рамок пятиугольная, прямоугольная, сегментовидная (рис. 4, 4; 5, 19; 7, 34; 9, 16; 11, 5), фрагментированная пряжка из кургана 15, видимо, имела рамку в виде сжатого с боков овала (рис. 7, 33). Подобные поясные пряжки были распространены повсеместно.

К поясной гарнитуре, по всей видимости, относятся шесть железных бляшек округлой формы со штырьком на оборотной стороне (диаметр 2,1–2,5 см) из кургана 25 (рис. 12, 26–31), а также пять железных накладок подтреугольной формы с фигурными углами (длина 2,2–3 см, высота 1,9–2 см) и три бронзовые заклепки в виде шайбочек (диаметр 0,6 см) из кургана 36 (рис. 14, 14, 15). Пояса являлись частью мужского и женского костюма, об этом свидетельствуют пряжки из одиночных захоронений женщин и мужчин (к. 7 и 25).

Пуговицы найдены в четырех ингумационных (к. 7 погр. 1 и 4, 23, 35), среди них выделяются две группы: бронзовые и костяные. Бронзовые пуговицы все полые внутри, имеют округлую или биконическую форму и припаянную круглую провололочную петлю (к. 7, 23, 35; рис. 5, 10; 11, 4; 14, 1). Они были достаточно широко распространены в кочевническом мире и на прилегающих территориях, в том числе на Северном Кавказе (Левашова, 1953. С. 193; Федоров-Давыдов, 1966. С. 112; Армарчук, Малышев, 1997. С. 107). Костяные пуговицы из погр. 1 и 4 кургана 7 (рис. 4, 5; 5, 14, 15) плоско-выпуклые, сегментовидные в сечении, с орнаментом в виде косых насечек по краям, также хорошо известны по материалам древнерусских городов и у средневековых кочевников (Плетнева, 1973. Табл. 17, 4, 9). Прямые аналоги можно найти в Болгарах золотоордынского времени (Закирова, 1988. Рис. 102, 15–17).

Бубенчики представлены четырьмя экземплярами (к. 7, 19, 20, 22). Почти все они сферической формы с горизонтальным швом и прорезью, имеющей на концах круглые отверстия, либо Т-образную форму (высота 1,8–2,4 см, диаметр 1,8–1,9 см) (рис. 5, 11; 9, 13; 10, 2). Исключением является фрагментированный бубенчик из кургана 19, нижняя часть которого украшена сквозны-

ми насечками (рис. 9, 1). В основном бубенцы данного типа характерны для ингумационных погребений золотоордынского времени. То же самое наблюдается и в других могильниках восточнопричерноморского региона: например, в Цемдолинском (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 7, 3; 15, 12). На территории Восточной Европы подобные бубенчики также получают широкое распространение и хорошо известны в материалах поволжских городов (Федоров-Давыдов и др. 1974. Табл. IV, 18; Полякова, 1996. Рис. 65, 33, 34).

Из кургана 29 происходят фрагменты текстильных украшений из толстой крученой пряжи, сплетенной в сложные декоративные узлы, наподобие тех, что были найдены в могильнике Лобанова щель (Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 14, 1–3) и у станицы Раевской (Сизов, 1889. Ф.т. XIII, 11).

Предметы туалета – их в могильнике немного, причем только в каменных ящиках.

Зеркала найдены в курганах 7 и 17. Целый экземпляр происходит из погребения 4 кургана 7 и представляет собой диск с рельефным ободком по краю и петлей для подвешивания в центре. На оборотной стороне орнамент в виде четырех симметрично расположенных рельефных овалов. Диаметр 8 см (рис. 5, 20). Два других зеркала представлены фрагментами, оба имеют валик по краю, на одном читается орнамент из концентрических кругов, изображение на другом определить невозможно из-за плохой сохранности фрагмента (рис. 4, 9; 8, 19). Судя по опубликованным материалам, подобные предметы известны как в погребениях с кремациями (Армарчук, Малышев, 1997. С. 107; Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. Табл. 100, 50), так и в каменных ящиках, чаще в последних (Сизов, 1889. С. 140; Армарчук, Малышев, 1997. С. 107; Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 12, 1). Более распространены были зеркала двух типов: с валиком по краю и крестовидным орнаментом и простые неорнаментированные диски без валика; и те и другие имеют широкие аналогии и встречаются в могильниках Северного Кавказа начиная с XI–XII вв. до позднего средневековья. Единственное целое зеркало из нашего могильника по орнаментации отличается от указанных выше, наиболее близкие параллели дают материалы золотоордынского Поволжья: из Болгара и Увека (Полякова, 1996. Рис. 71, 10, 11; Недашковский, 2000. Рис. 11, 6).

Ногтечистки и копоушка происходят из двух захоронений – курганы 22 и 23, причем в кургане 23 они найдены в наборе. И те и другие имеют вид витого стерженька с петелькой на одном конце и различаются лишь окончанием. У копоушки нижний конец оформлен в виде миниатюрной ложечки (рис. 11, 10), а у ногтечисток он уплощен и отогнут в сторону (рис. 10, 7; 11, 11). Подобные туалетные инструменты хорошо известны по материалам

адыгских могильников Закубанья (Левашова, 1953. С. 185; Grabschätze..., 1991. Kat. № 332;) и в восточном Причерноморье (Сизов, 1889. Табл. XIV, 9; Саханев, 1914. Рис. 52, 6; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 15, 13, 14). В кургане 16 был найден железный предмет, по форме напоминающий пинцет, но более массивный, чем те, которые встречаются в туалетных наборах. Он имеет вид двух соединенных плоских пластин²², внизу на концы надето тонкое железное колечко, длина 8 см, ширина пластин 0,8 см (рис. 8, 1). Назначение предмета неясно, но так как он найден в погребении с костяными проколами, то вполне вероятно, мог использоваться для женского рукоделия.

Датировка могильника. Анализ обряда и инвентаря могильника у пос. Кабардинка позволяет отнести его к кругу адыгских погребальных памятников периода развитого и позднего средневековья на Северо-Восточном побережье Черного моря, которые выделены Е.П. Алексеевой в восточно-причерноморскую группу (Алексеева, 1979. С. 145–149). Составленный ею список в дальнейшем был значительно расширен Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым, составившими новую карту, дополненную новыми объектами, открытыми в последующие годы (Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. Рис. 14). Среди них значительная часть курганных могильников содержала два обряда захоронений – трупосожжения и ингумационные (Армарчук, 2006. С. 8–11). Датировка курганов с урновыми погребениями в основном укладывается в рамки XII–XIII вв. (Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. С. 216–220). К этому же времени относятся, по-видимому, и кремационные захоронения могильника у пос. Кабардинка. По крайней мере, это можно сказать об отдельных исследованных комплексах. В погребальном инвентаре, несмотря на его немногочисленность, ряд вещей дает довольно узкие датировки, что позволяет определить его хронологические рамки. В первую очередь это касается оружия. Сабли из курганов с кремациями по морфологическим признакам: размеры, перекрестия, форма наконечников ножен и рукоятей, относятся к более ранним типам, чем такое же оружие из каменных ящиков, и датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. В наборе наконечников стрел также попадаются экземпляры, которые не выходят за пределы XIII в. К этому же времени

относятся железные стремяна из конского захоронения.

К сожалению, малая выборка раскопанных курганов с урновыми захоронениями не позволяет понять систему формирования могильника во времени. Можно лишь сказать, что он создавался в два этапа. Курганы с гробницами не вклиниваются хаотично в кремационный некрополь, а плотным массивом примыкают к нему с западной стороны и тянутся на запад к береговой линии (рис. 1). Вполне вероятно, что хронологический разрыв между поздними кремациями и ранними захоронениями в каменных ящиках был минимальным. Возможно, это предположение может подтвердить находка средневековой амфоры позднего типа из кургана 1, который по расположению близок к границе распространения ингумационных захоронений. Об этом также свидетельствуют отдельные находки из кургана 7: идентичные наконечники сабель из кремационного захоронения и мужского ингумационного погребения, ранний тип стеклянного сосуда, кашинная поливная бусина; а также некоторые детали погребального обряда. В отличие от большинства каменных ящиков с многократными подзахоронениями здесь мы наблюдаем иную картину – одноразовое использование погребальных сооружений, как бы начальный этап нового погребального обряда, сменявшего кремации.

Однако основная масса каменных гробниц датируется XIV в., а поздние – может быть, XV в. Это подтверждается монетами хана Узбека²³ из курганов 23 и 37. Вещи так же характерны для золотоордынского периода и хорошо известны по находкам в идентичных могильниках Северо-Восточного Причерноморья и в городах Золотой Орды.

Могильник у пос. Кабардинка вполне сопоставим с синхронными некрополями Северо-Восточного Причерноморья. Их объединяет общность погребального обряда, близость вещевых комплексов. Отличия, которые проявляются в конструкциях погребальных сооружений и отдельных деталях погребального ритуала, в большей степени заметны при сравнении с памятниками, расположенными в контактных зонах и районах, где отмечается присутствие иного этнического компонента. Наибольшее сходство с нашими курганами дают погребения Борисовского могильника близ Геленджика. Оба памятника почти идентичны, что позволяет говорить об однородности состава населения этой части восточночерноморского побережья.

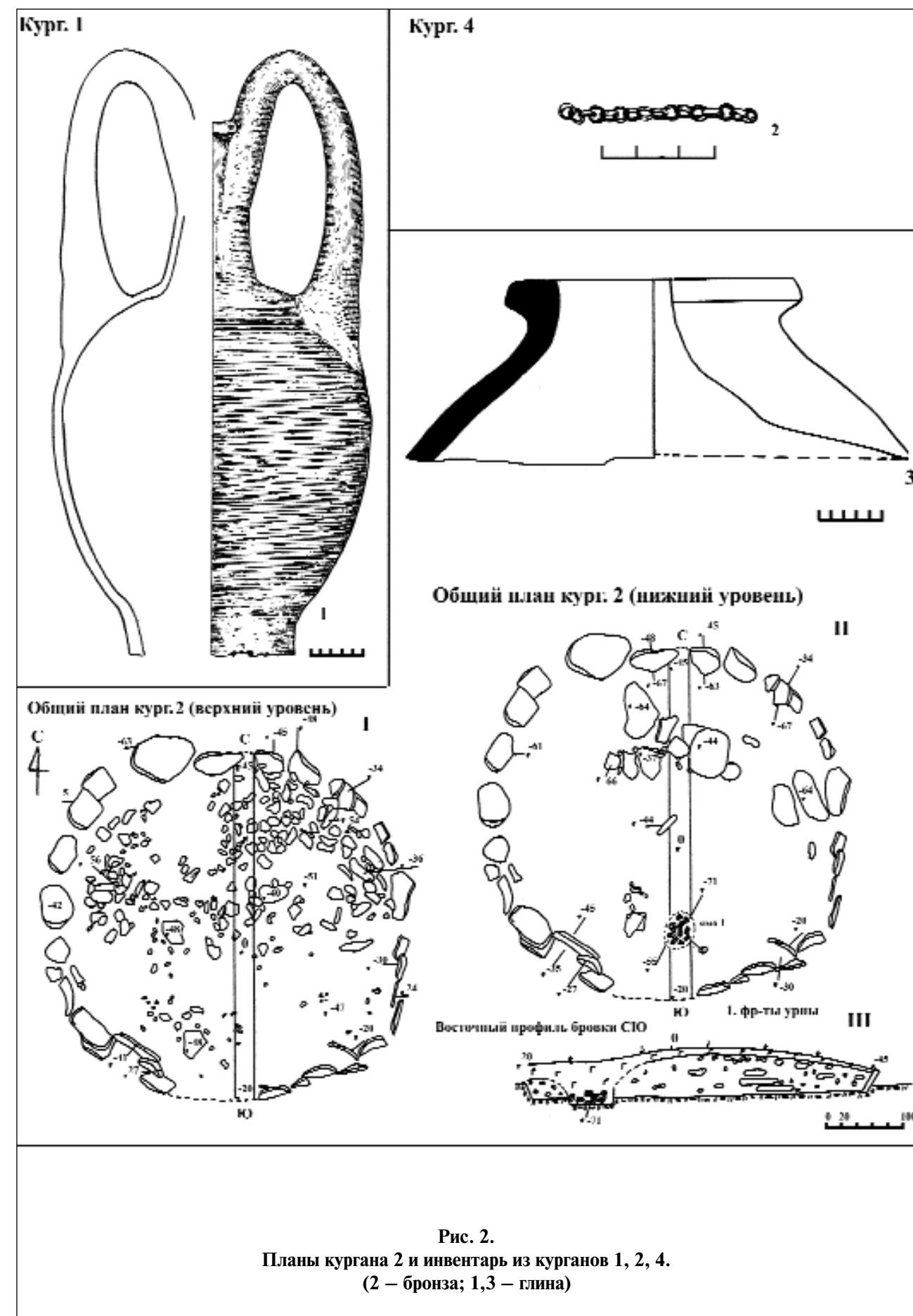
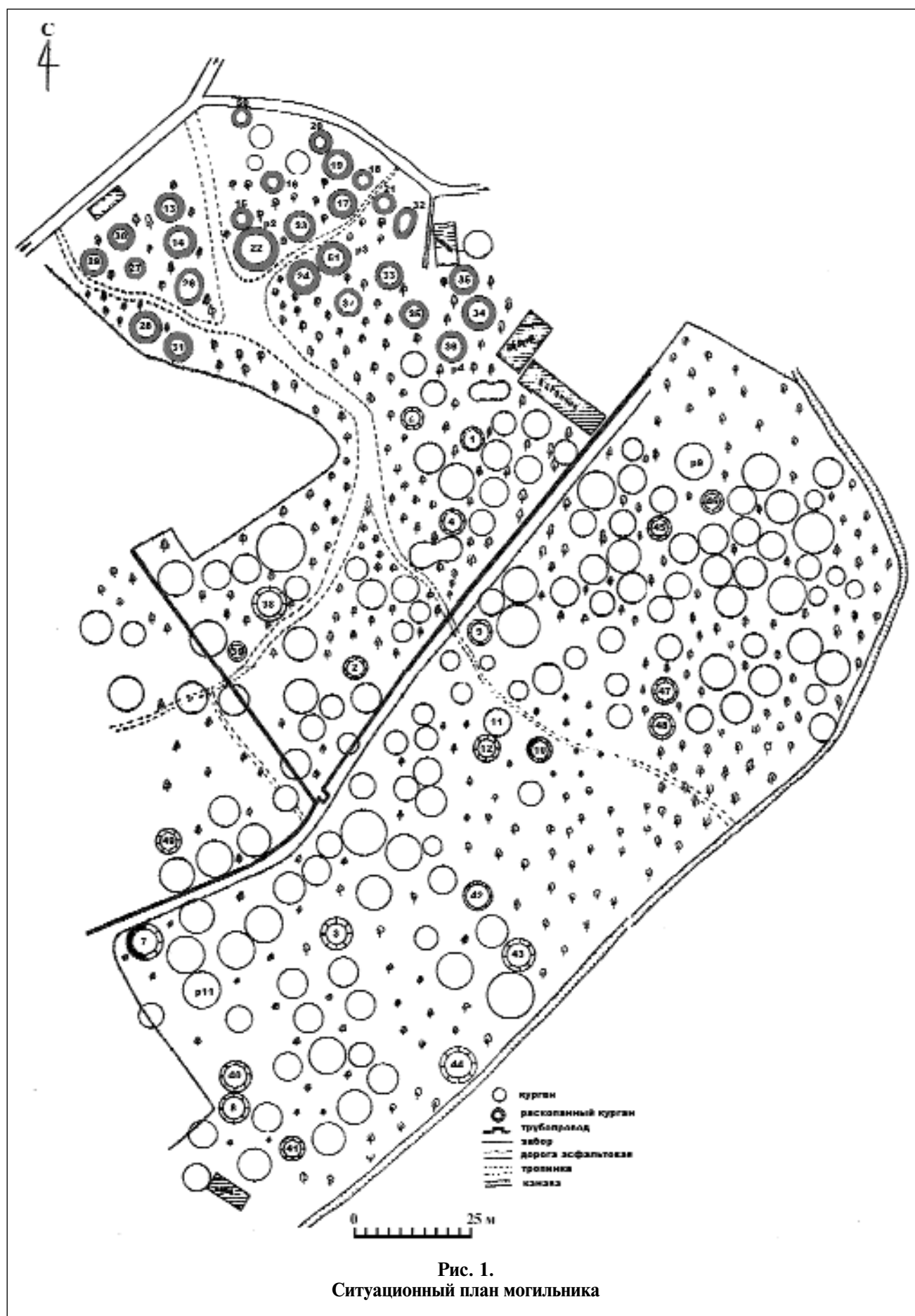
²²Из-за сильной коррозии металла способ соединения установить не удалось.

²³Монеты определены д.и.н. Г.А. Федоровым–Давыдовым.

Библиография

- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- Алексеева Е.П.* Кабардинские и западнечеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Армарчук Е.А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М., 2006.
- Армарчук Е.А., Мальшев А.А.* Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 3. Армавир, Москва, 1997.
- Артамонова О.А.* Могильник Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III. МИА. 1963. № 109.
- Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии. Казань, 2005.
- Вишневская Н.Ю.* Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.
- Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1992.
- Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Галкин Л.Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2.
- Голубев Л.Э.* Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар, 2004.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Дитлер П.А.* Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
- Дитлер П.А.* Могильник Колосовка № 1. (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.
- Закирова И.А.* Костерезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Козюменко Е.В., Раев Б.А.* Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века.* Археология. М., 2003.
- Кузнецов В.А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА. 1963. № 114.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофونتова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI - начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. М., 2005.
- Левашова В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.
- Ловпаче Н.Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Ловпаче Н.Г.* Средневековые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Ловпаче Н.Г.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп, 1995а.
- Марченко И.И., Пьянков А.В.* Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII – XIV вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1–36.
- Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV – XVI вв. // СА. 1954. № 20.
- Минаева Т. М.* Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Вып. II. Черкесск, 1954.
- Нагоев А.Х.* Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3. Нальчик, 1987.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Носкова Л.М.* Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1990 году. М. 1991. Архив ИА РАН. Р-1. № 15175.

- Носкова Л.М.* Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991а.
- Носкова Л.М.* Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М., 1999.
- Носкова Л.М.* Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
- ОАК за 1895 год.* СПб., 1897.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М. 1967.
- Плетнева С.А.* Древности черных клобуков // САИ. М., 1973. Вып. Е1-19.
- Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Пьянков А.В.* Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11616. 1987.
- Пьянков А.В.* Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. I. Краснодар, 1993.
- Пьянков А.В.* Урновые трупосожжения из могильника Бжид I // Древности Кубани. Вып. 9. Краснодар, 1998.
- Пьянков А.В.* Два воинских погребения белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края (по материалам раскопок 1987 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2000.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998.
- Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. Вып. 56. Петроград, 1914.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.
- Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. М., 1889.
- Сокровища курганов Адыгеи.* Каталог выставки. М. 1985.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР. М., 1981.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* Археология СССР. М., 1989.
- Стрельченко М.Л.* Вооружение адыгских племен в X–XV веках // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960.
- Стрельченко М.Л.* Адыгейский средневековый могильник Хазаровой щели (Туапсинский район) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи.* Майкоп, 1984.
- Чхаидзе В.Н.* Средневековое кочевническое погребение из нижнего Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар, 2006.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М. 1970.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1986.
- Щапова Ю.Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА. 1956. № 55.
- Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.
- Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. № XV.
- Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in die Adygee und im nördlichen Ossetien.* Roma, 1991.
- Kühnel E E.* Islamic Arts. London, 1970.
- Venezia e l'Islam. 828 – 1797.* [2007].

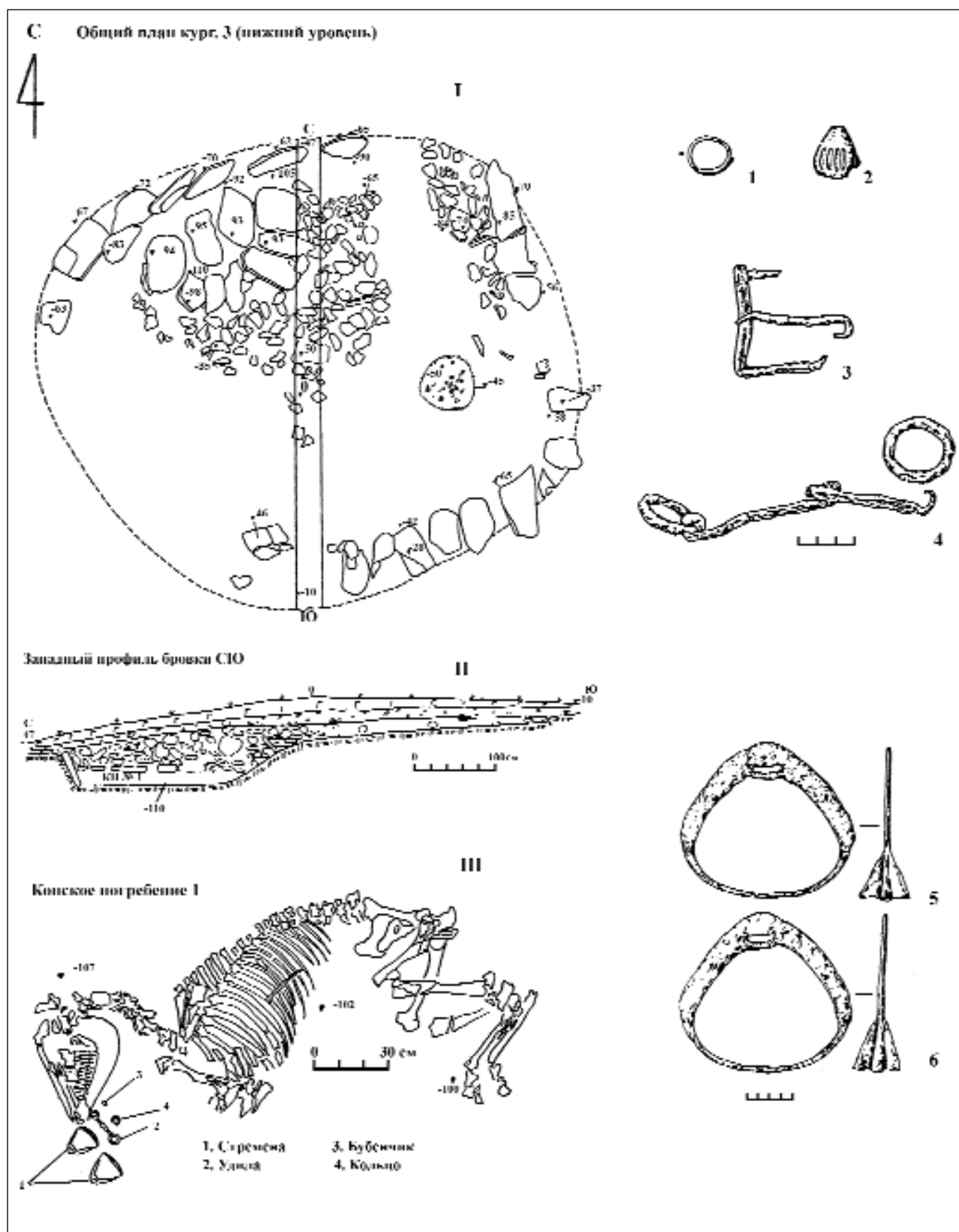

Рис. 3.
Планы и инвентарь из кургана 3.
I, II – общий план и профиль бровки; III – план конского погребения 1.
(1–2 – бронза; 3–6 – железо)

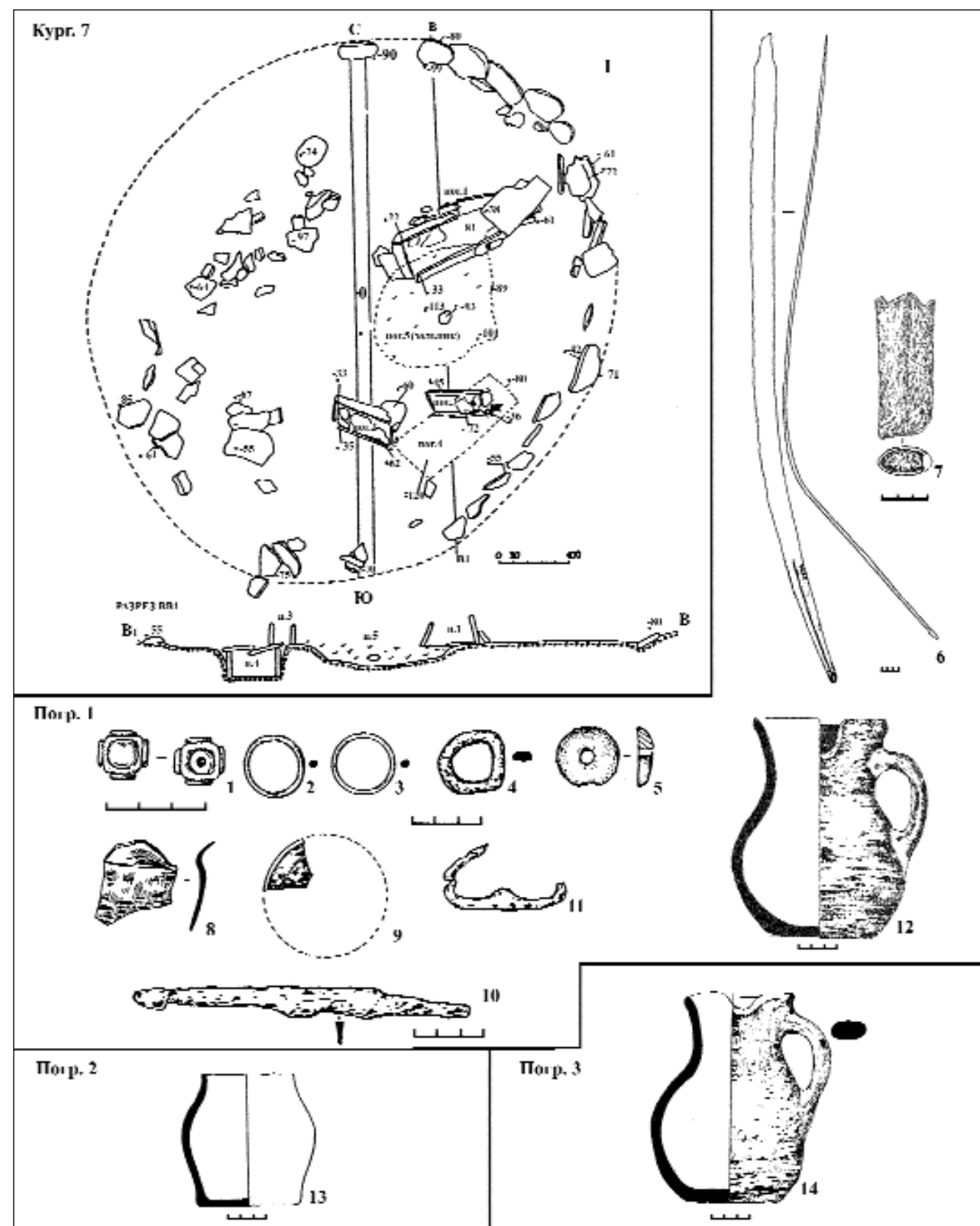

Рис. 4.
План, разрез BB1 кургана 7, инвентарь погребений 1, 2, 3.
(2, 3, 9 – бронза; 4, 6, 7, 10, 11 – железо; 8 – стекло; 5 – кость; 1 – кашин; 12 – 14 – глина)

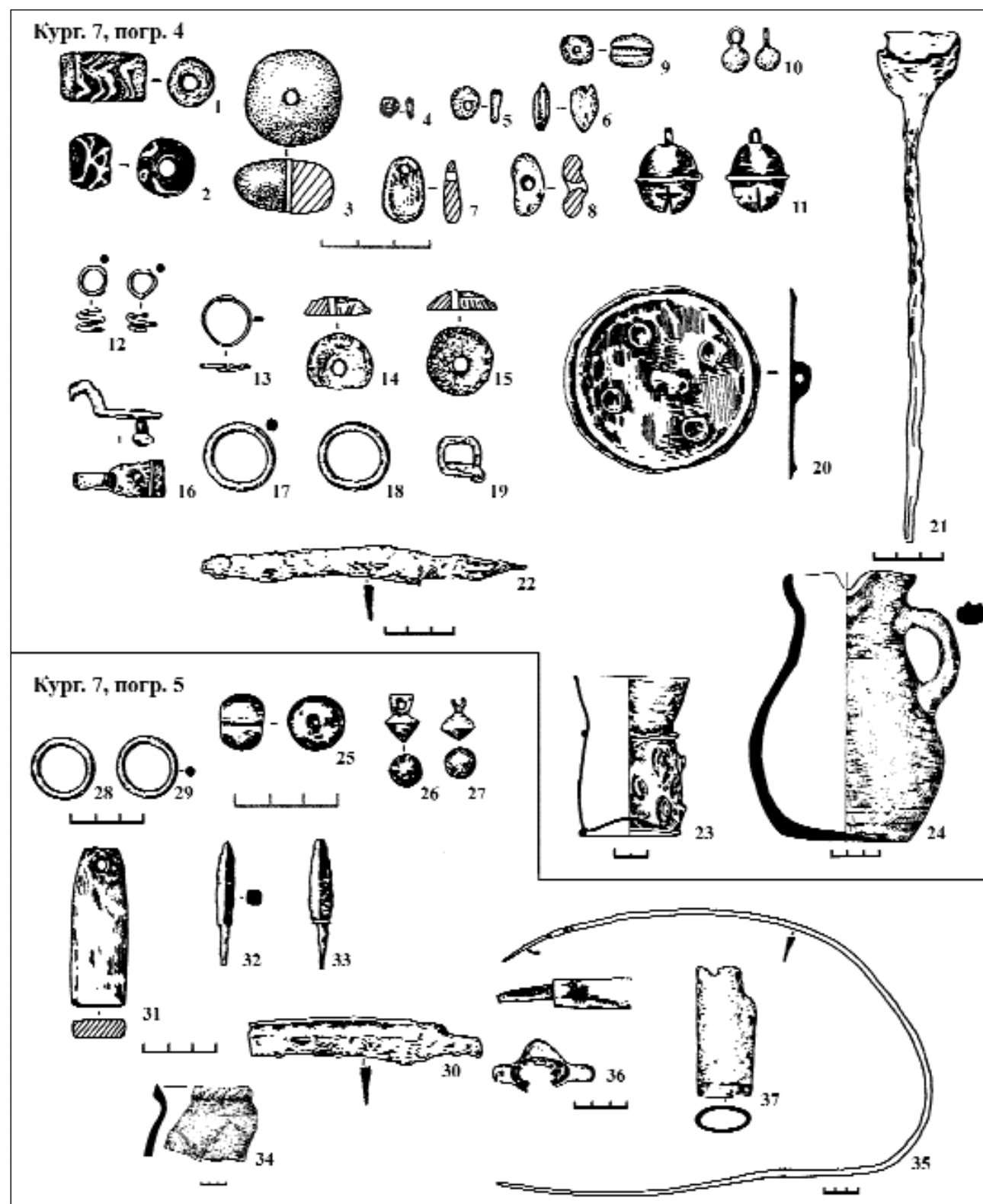

Рис. 5.

Инвентарь из погребений 4 и 5 кургана 7.

(12 – серебро?; 10, 11, 13, 17, 18, 20, 26-29 – бронза; 16, 19, 21-22, 30, 32, 33, 35-37 – железо; 1, 2, 23 – стекло; 14, 15 – кость; 3-8 – янтарь; 9, 25 – горный хрусталь; 31 – камень; 24, 34 – глина)

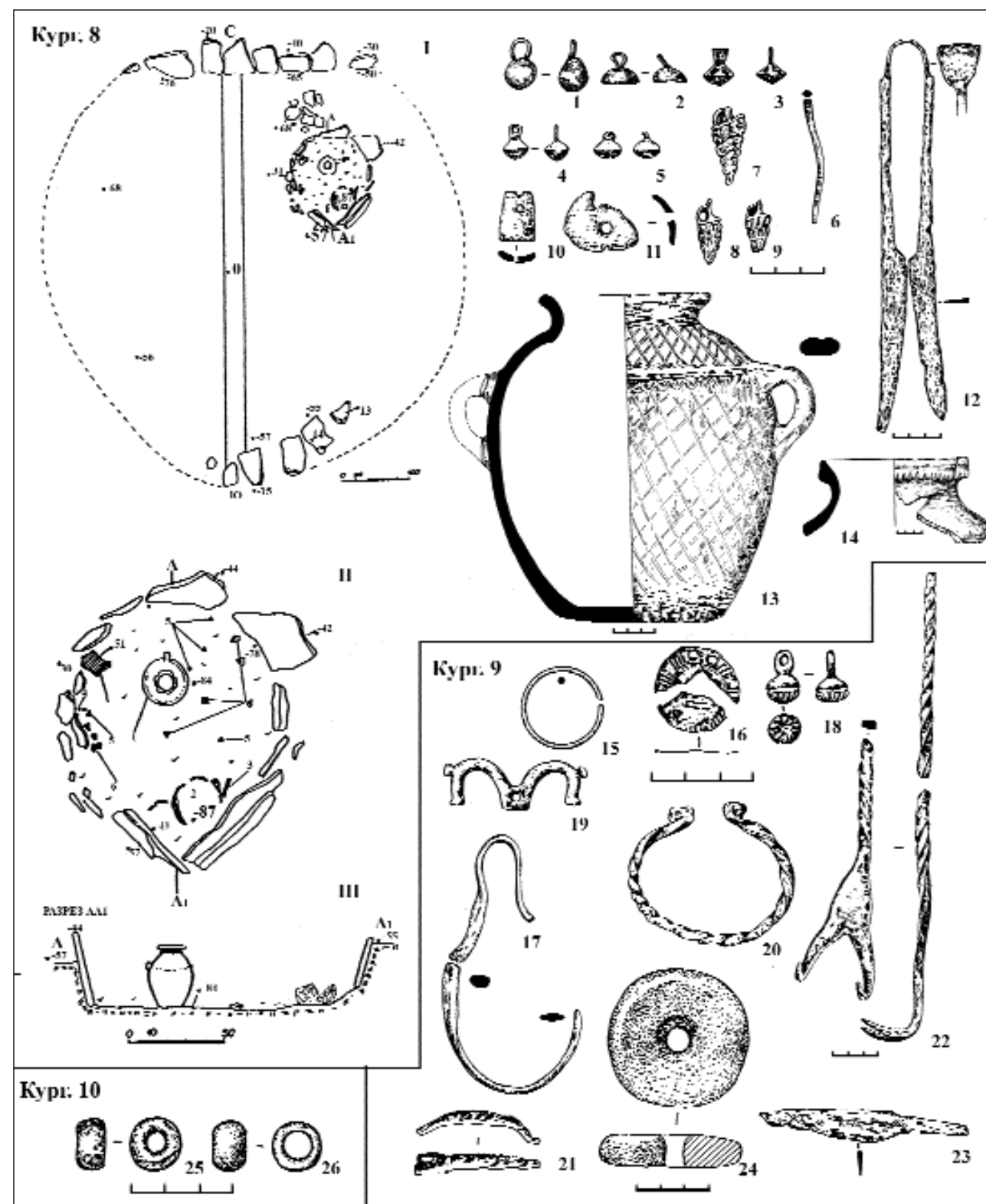
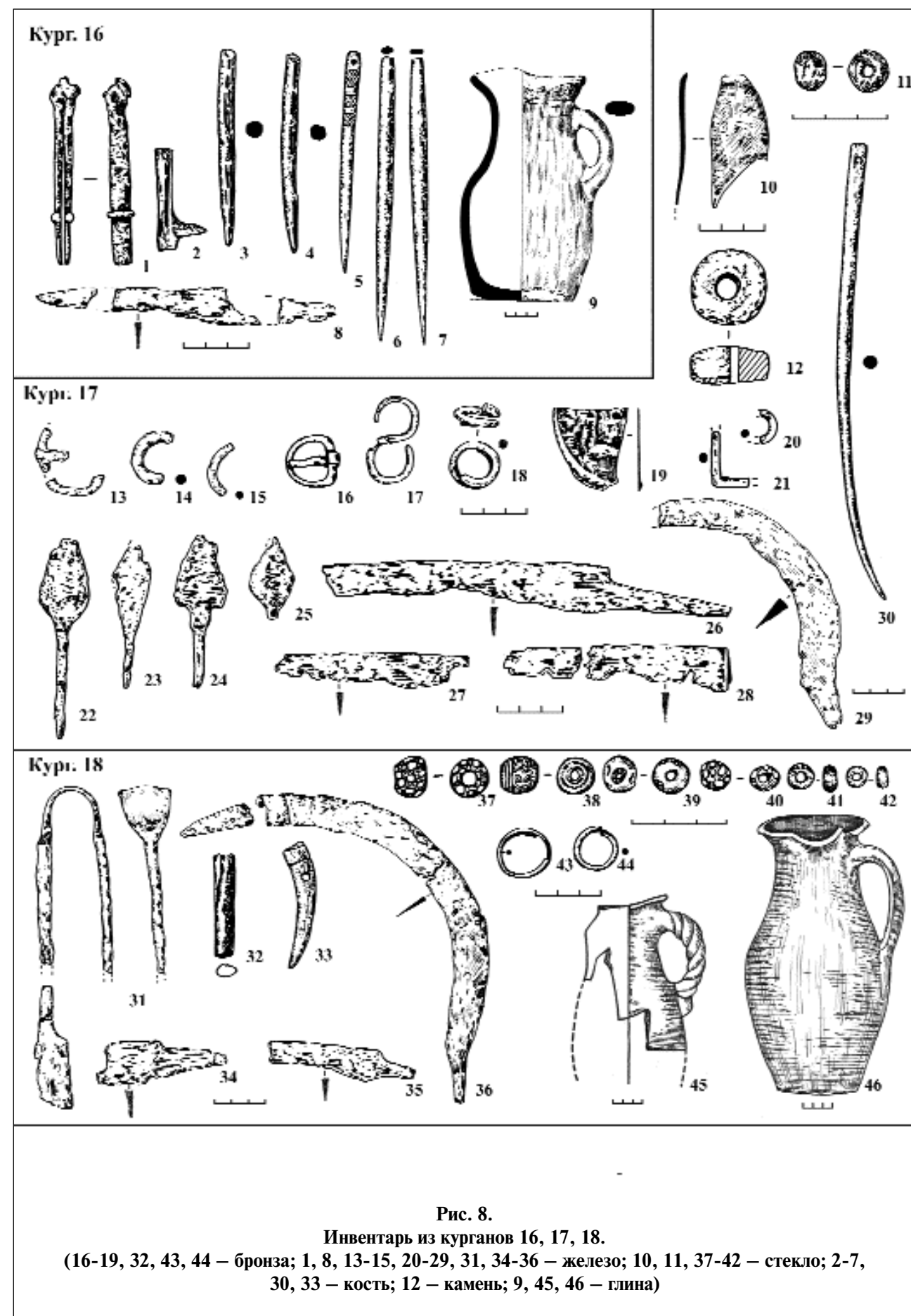
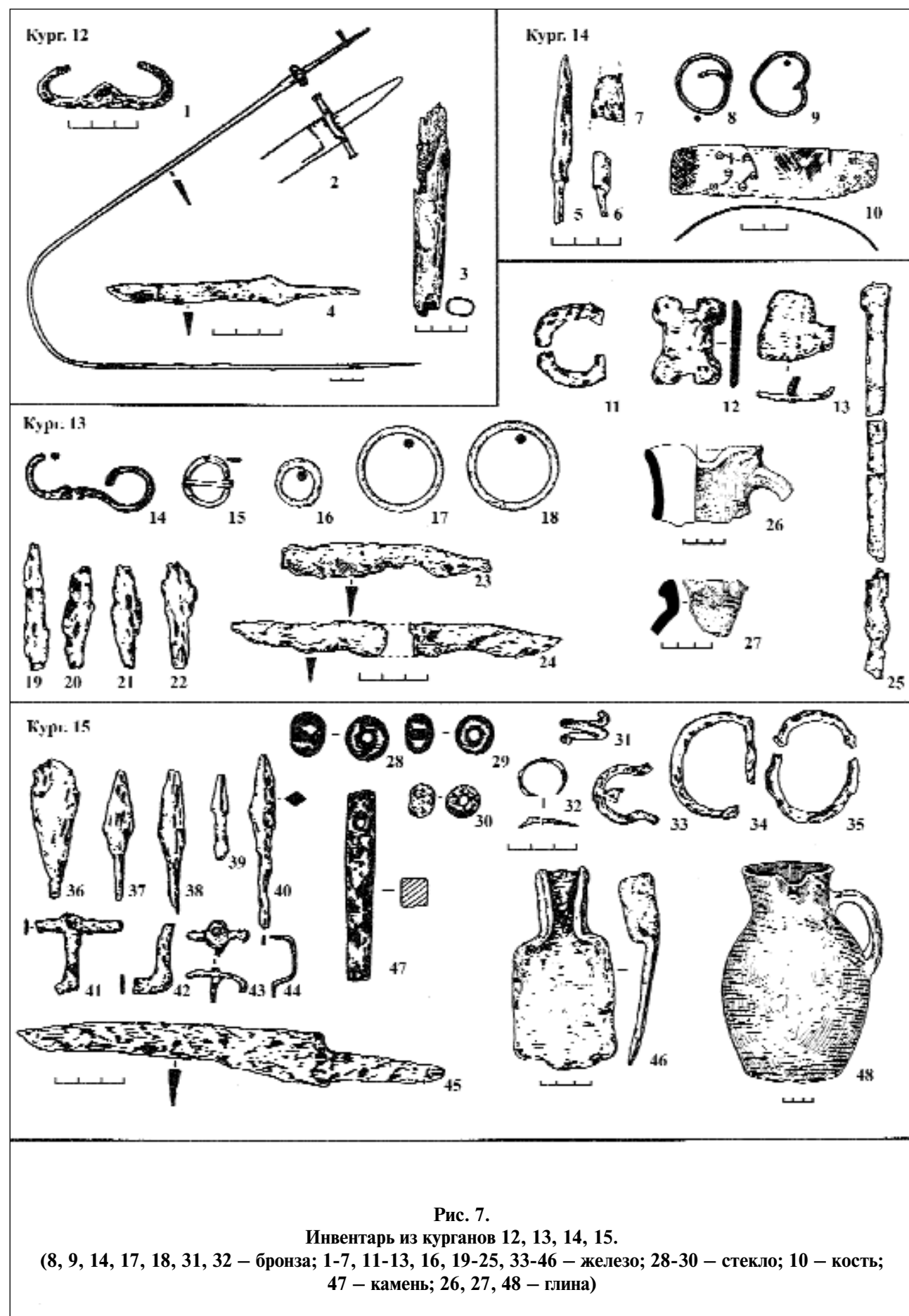
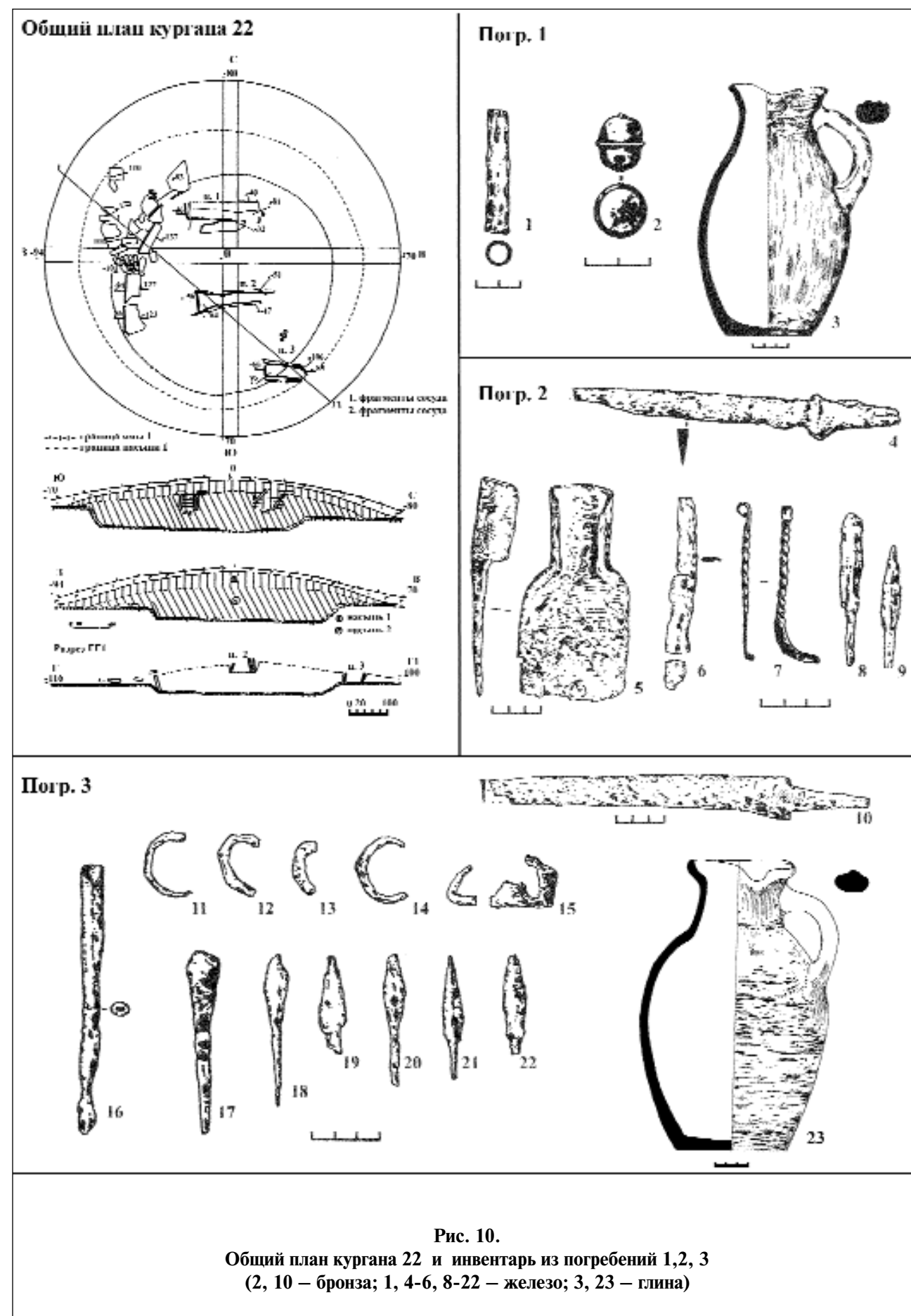
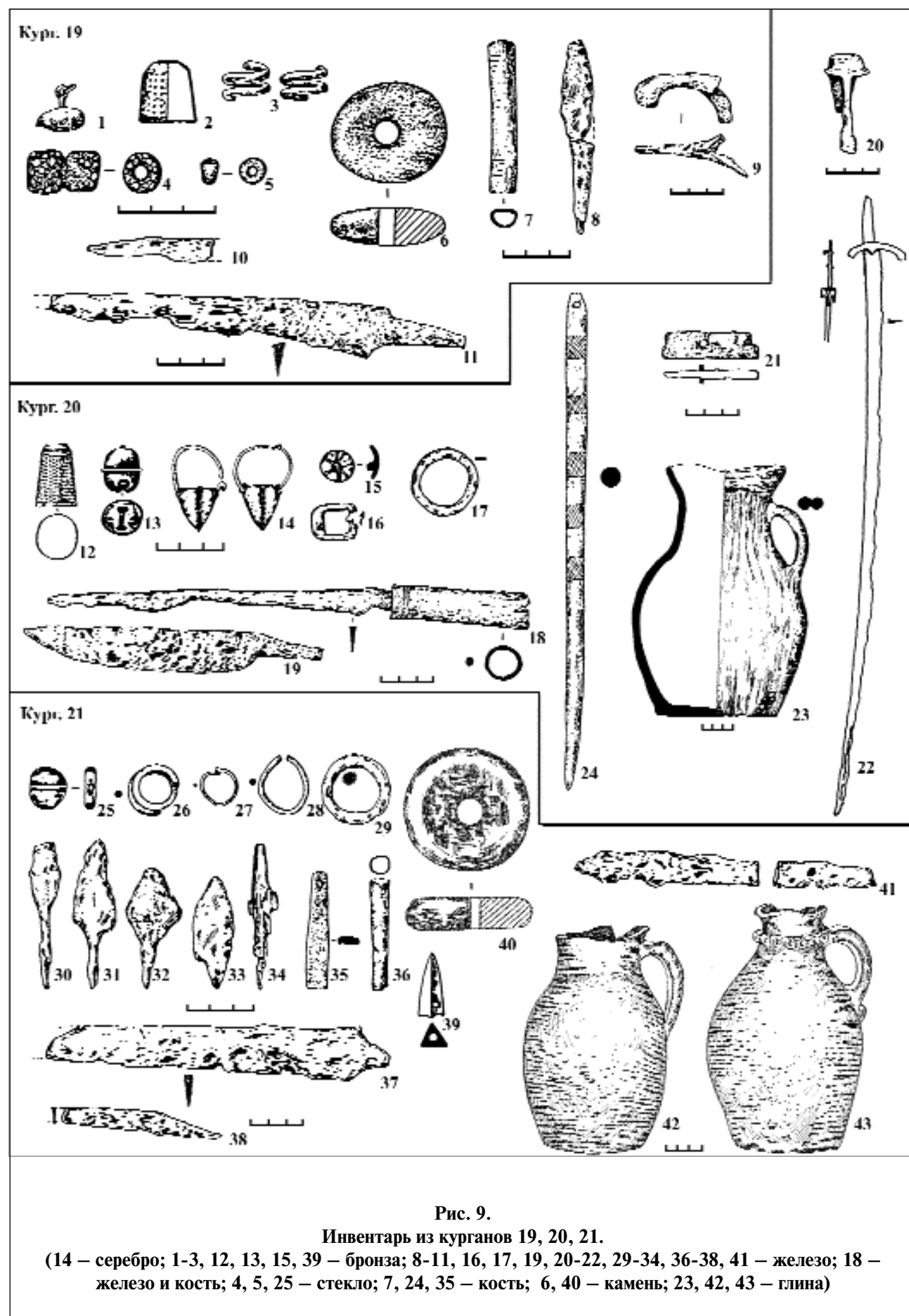

Рис. 6.

Планы кургана 8 и кремационного погребения, инвентарь из курганов 8, 9, 10.

(15-17 – серебро; 2-6, 18, 19, 21 – бронза; 12, 20, 22, 23 – железо; 1, 25, 26 – стекло; 10, 11 – кость, 7-9 – раковины; 24 – камень; 13, 14 – глина)

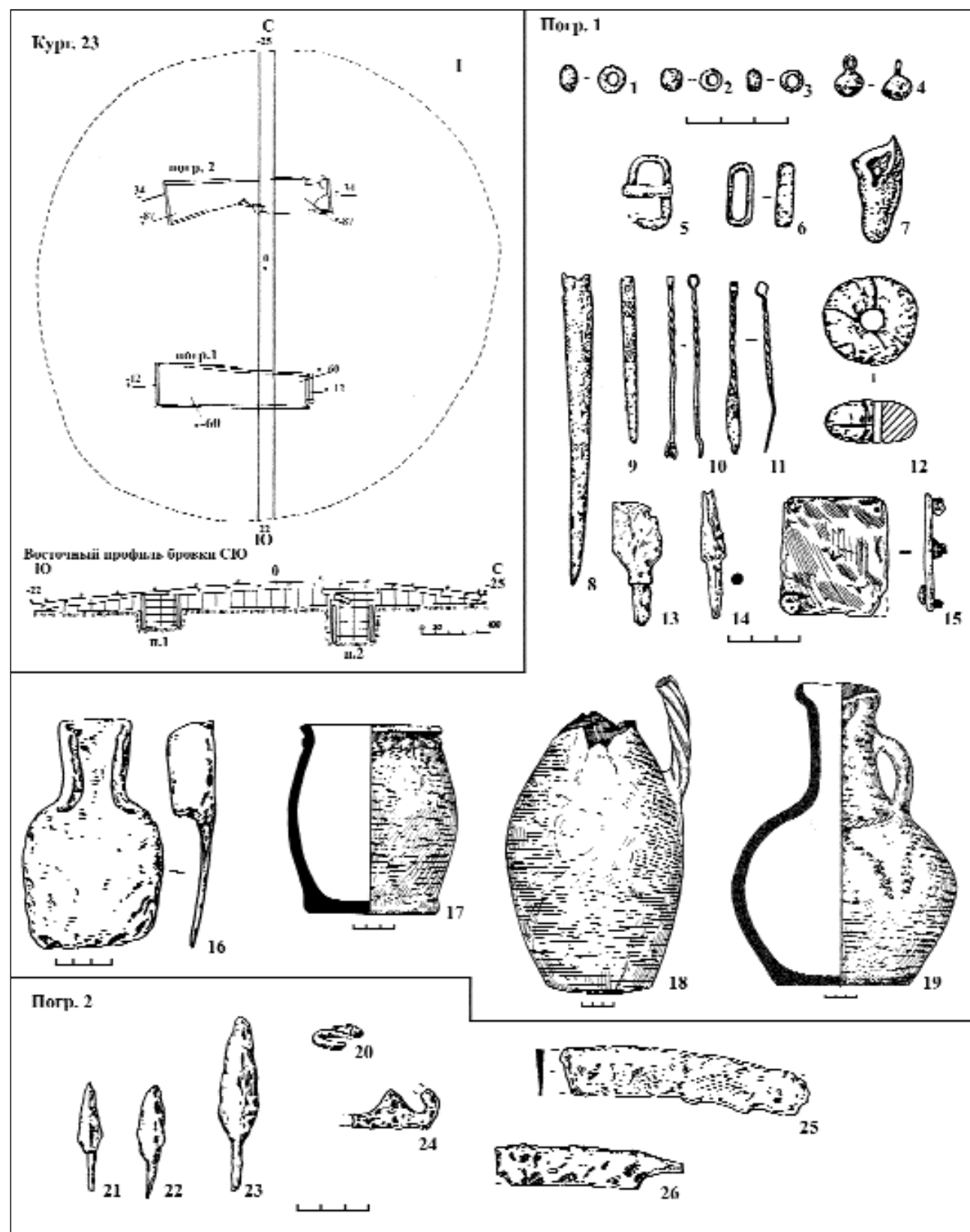

Рис. 11.
Общий план кургана 23 и инвентарь из погребений 1, 2.
(4, 10, 11, 20 – бронза; 5, 6, 13-16, 21-26 – железо; 1-3 – стекло; 8, 9, 7 – кость; 17-19 – глина)

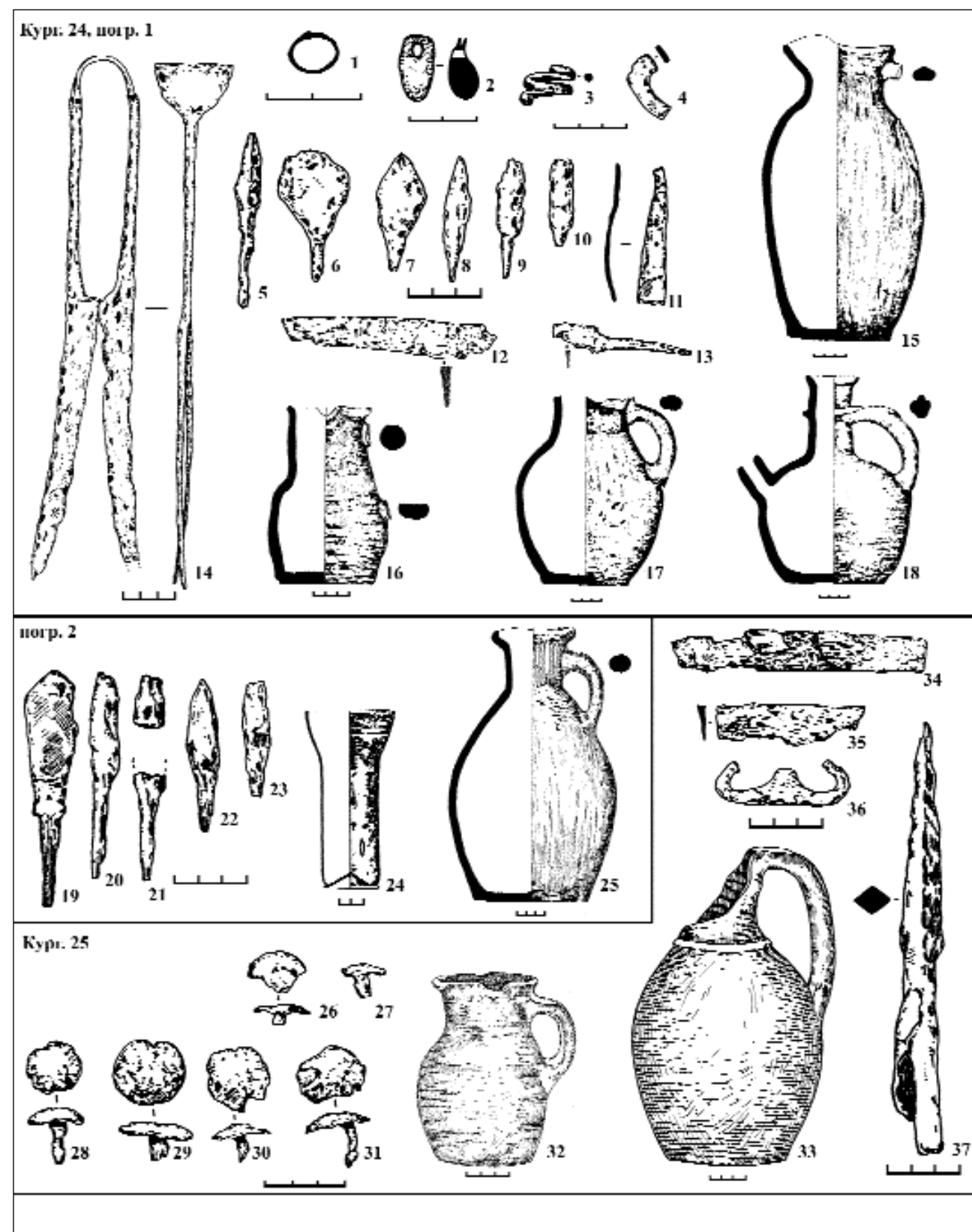

Рис. 12.
Инвентарь из курганов 24 и 25.
(1, 3 – бронза; 4-14, 19-23, 26-31, 34-37 – железо; 24 – стекло; 2 – кость; 15-18, 25, 32, 33 – глина)

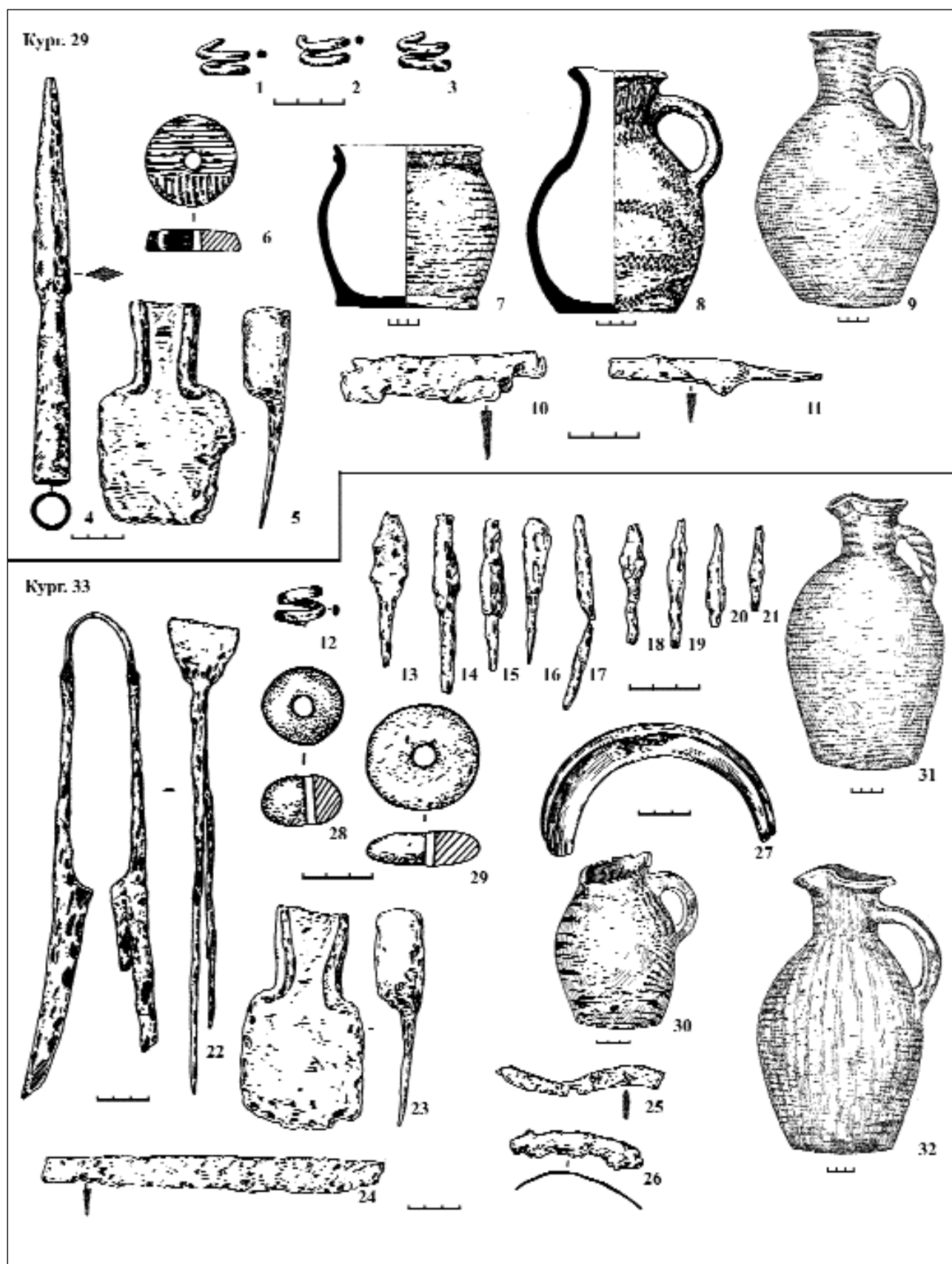

Рис. 13.
Инвентарь из курганов 29 и 33.
(1-3, 12 – бронза; 4, 5, 10, 11, 13-26 – железо; 27 – кость, 28, 29 – камень; 6-9, 30-32 – глина)

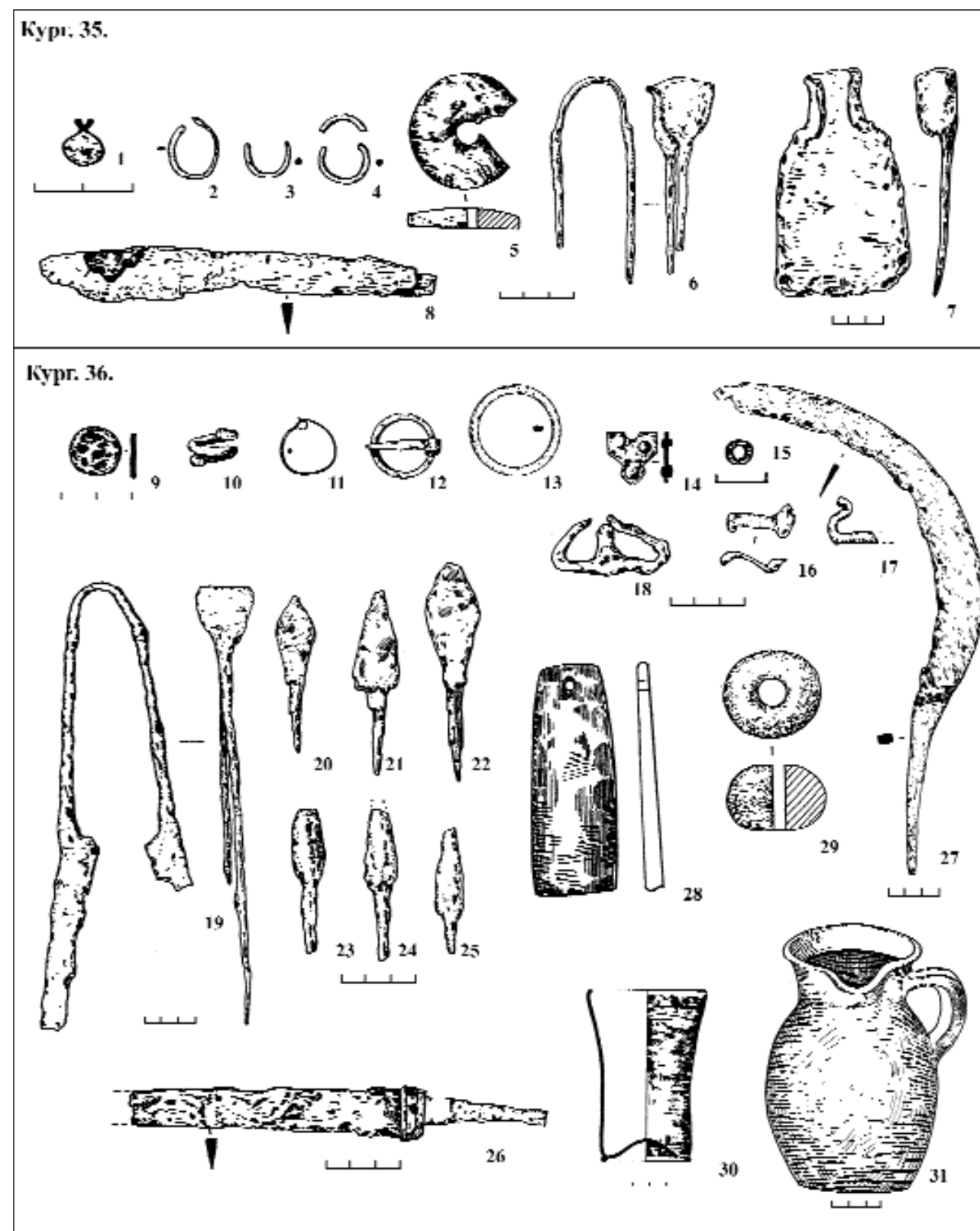

Рис. 14.
Инвентарь из курганов 35 и 36.
(1-4, 10-13, 15 – бронза; 6-9, 14, 16-27 – железо; 30 – стекло; 28, 29 – камень; 5, 31 – глина)

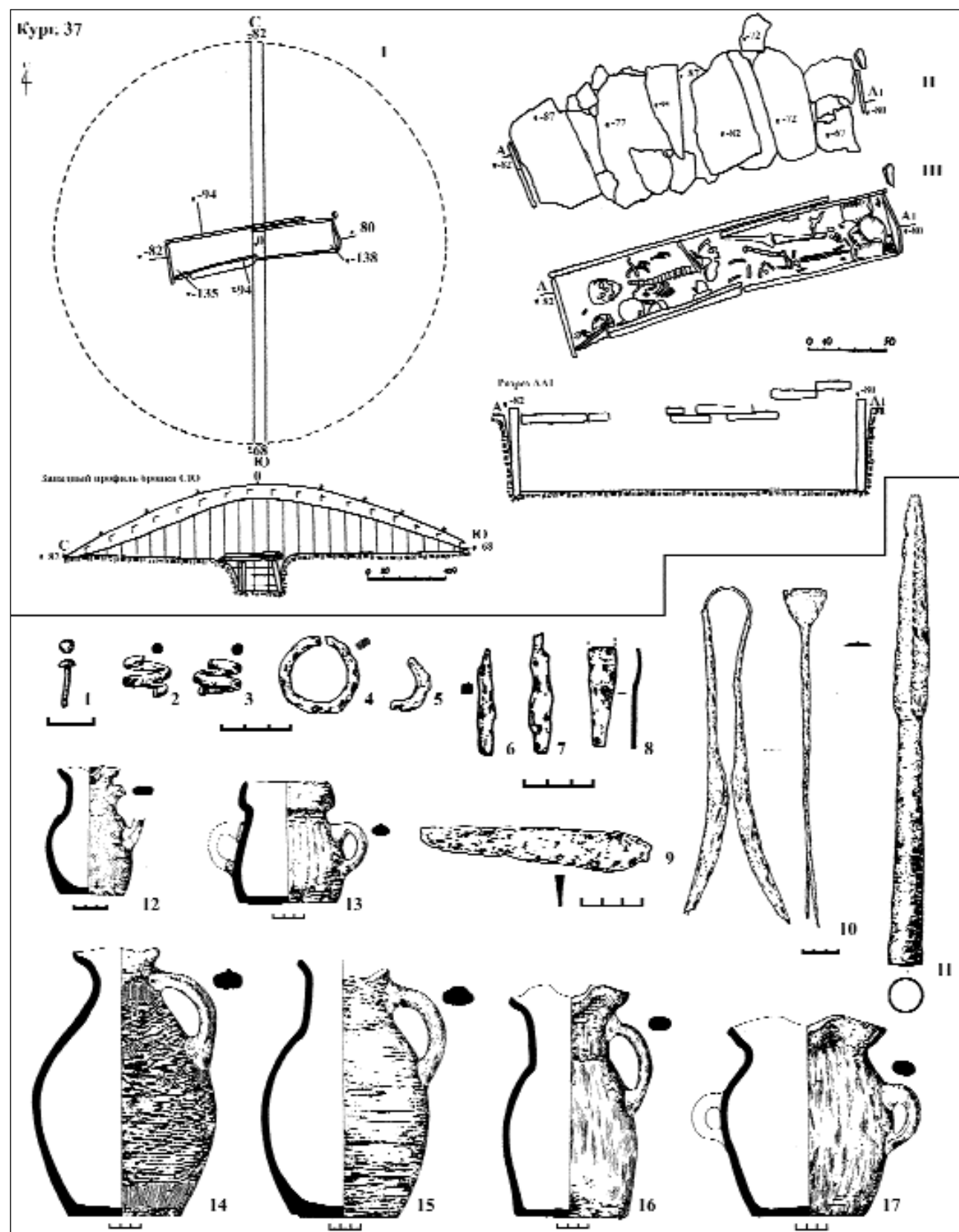

Рис. 15.
План кургана 37, план погребения и инвентарь.
(1 – белый металл; 2, 3 – бронза; 4-11 – железо; 12-17 – глина)

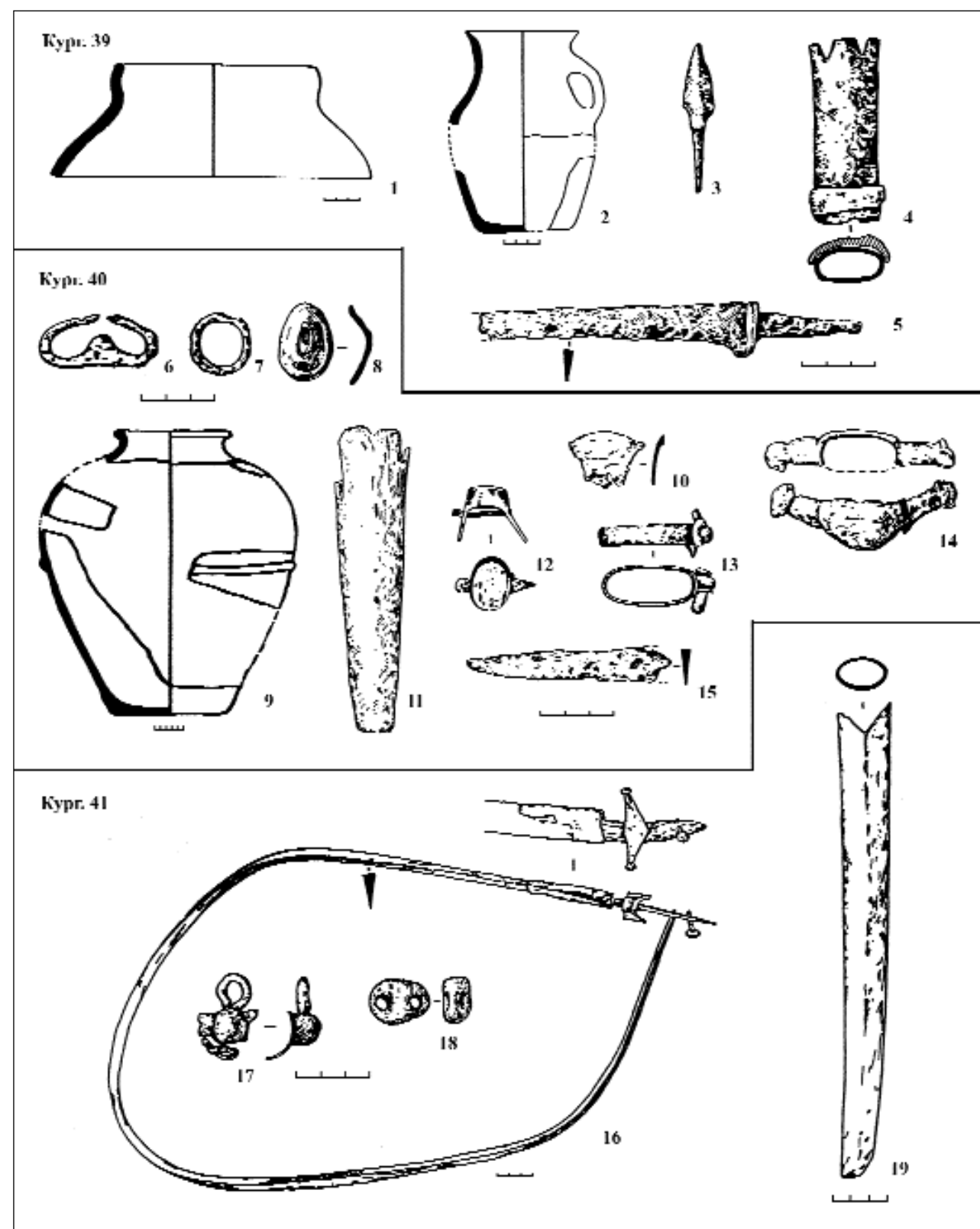

Рис. 16.
Инвентарь из курганов 39, 40, 41.
(10 – бронза; 3-7, 11-17, 19 – железо; 8 – раковина; 18 – кость; 1, 2, 9 – глина)

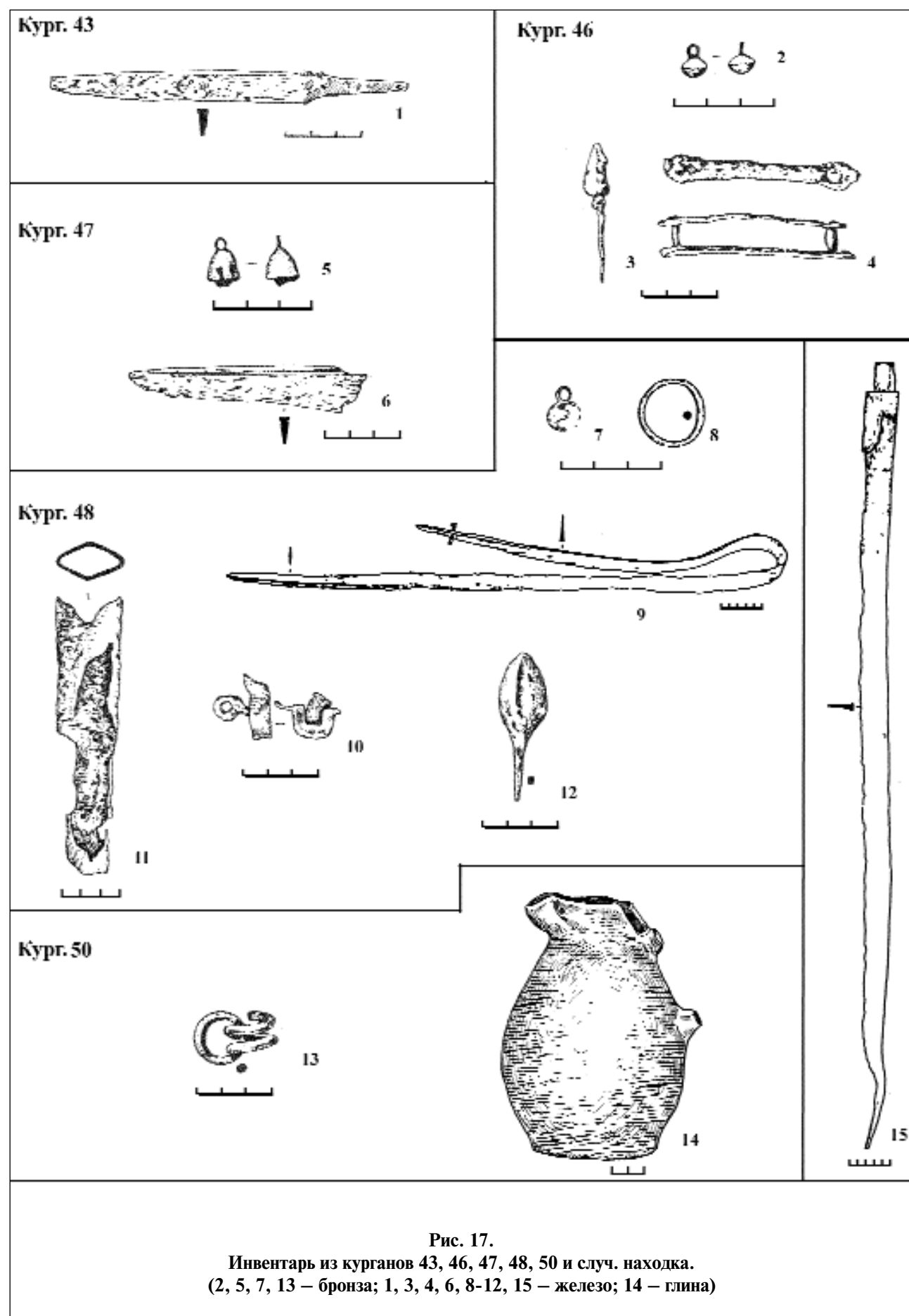

Рис. 17.
Инвентарь из курганов 43, 46, 47, 48, 50 и случ. находка.
(2, 5, 7, 13 – бронза; 1, 3, 4, 6, 8-12, 15 – железо; 14 – глина)

Список сокращений

АВ	Археологические вести
АО	Археологические открытия. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БКб	Памятник Бильге-кагана, большая надпись
БСЭ	Большая советская энциклопедия. М.
Вестник РГНФ	Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М.
ГГО	Государственное Географическое общество
ГИМ	Государственный Исторический музей. М.
ГМВ	Государственный музей Востока. М.
ГМИНВ	Государственный музей искусства народов Востока. М.
ИАК	Известия императорской Археологической Комиссии. СПб.
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан. Душанбе
Известия РГО	Известия Русского Географического общества
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент – Самарканд
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРГО	Императорское Русское Географическое Общество
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.
КТб	Памятник Кюль-Тегина, большая надпись
МАК	Материалы по археологии Кавказа. М.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. М.
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
ОАК	Отчеты императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПВ	Проблемы востоковедения. М.
РА	Российская археология. М.
СА	Советская археология. М., Л.
САИ	Свод археологических источников. М.
СТОЭ	Сборник трудов Орхонской экспедиции. М.
СЭ	Советская этнография. М.
ТОВГЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
Тон	Памятник Тоньюкука, надпись
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ЮТАКЭ	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЭВ	Эпиграфика Востока. М., Л.
ВАИ	Bulletin of the Asia Institute. Michigan
ВАОМ	Bulletin of the Ancient Orient Museum
ВСН	Bulletin de Correspondence Hellenique
BSA	Annual of the British School at Athens
СIAA	Circle of Inner Asian Arts, London
IOSPE	Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, III
LIMC	Lexicon Iconographicum Mithologiae Classicae. Zurich-Munchen
MDAFA	Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
PELOW	Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes

Содержание

Апаткина Т.Г., Ажиметов К.А.
Панно с плодами граната из дворца Варахши
94

Седов А.В.
Предисловие
5

Вишневская Н.Ю.
Зооморфные мотивы декора двух штампованных сосудов XII в. из коллекции ГМВ
103

Иневаткина О.Н.
Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы
6

Ларионова Е.В.
Восточный бирюзовый амулет в европейском серебряном медальоне
из собрания ГМВ
111

Шишкина Г.В., Болелов С.Б.
Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда
(по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ)
27

Эрлих В.Р.
Раскопки кургана Ульской группы в 2007 году
117

Галиева З.С.
Исторический ландшафт в центральной части Джетыясарского урочища
в низовьях Сырдарьи
42

Ксенофонтова И.В.
Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ
138

Войтов В.Е.
Походы тюрок за Саяны, в Джунгарию и Согдиану
К вопросу о датировке и маршрутах
56

Беглова Е.А.
Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника
149

Трейнер У.И.
Изображение дионисийских праздников на фризах ритонов из Старой Нисы
77

Носкова Л.М.
Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика
(по материалам раскопок 1990 года)
167

Список сокращений
201

Contents

A. Sedov
Foreword
5

O. Inevatkina
First stages of urbanization of the Samarkand Sogd and its western borders
6

G. Shishkina, S. Bolelov
Essay of the pottery classification of the Samarkand Sogd (from the excavations of the Central Asian Expedition of the State Museum of Oriental Art)
27

Z. Galieva
Historical landscape of the central part of the Getyasar valley at the lower Syr Darya river
42

V. Voitov
Turks campaigns beyond Sayan mountains, to Djungaria and Sogdiana. The question of dating and routes
56

U. Treiner
Icoinography of Dionisical fests on the freezes of the rhytons from Old Nisa
77

T. Alpatkina, K. Adjimetov
Panel with pomegranats from the palace in Varahsha
94

N. Vishnevskaya
Zoomorphic motives in decoration of two stamped vessels of the 12th century from the collection of the State Museum of Oriental Art
103

E. Larionova
Oriental amulet made from turquoise inside European silver medallion from the collection of the State Museum of Oriental Art
111

V. Erlich
Excavations at the Ul'skiy kurgans in 2007
117

I. Ksenofontova
Amphorae from the Ulyap necropolis from the collection of the State Museum of Oriental Art
138

E. Beglova
Warriors' burials of the Tenginskiy subterranean necropolis
149

L. Noskova
Mediaeval necropolis at Kabardinka village near Gelendjik (1990 excavations)
167

List of abbreviations
201

Государственный музей Востока

Государственный музей Востока – единственный в России музей, специализирующийся на хранении, изучении и популяризации произведений искусства стран и народов Востока.

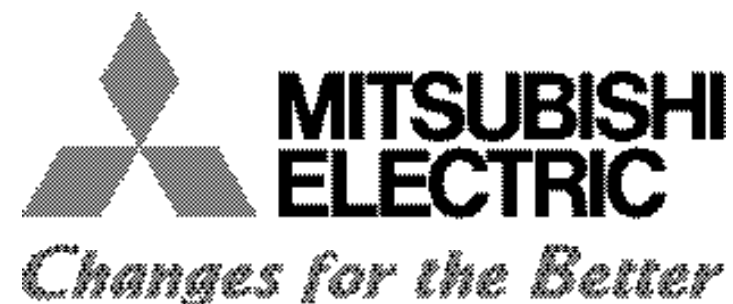
Музей был создан постановлением Президиума Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате просвещения 30 октября 1918 г. Этот день принято считать официальным «днем рождения» музея.

Сегодня Музей Востока является одним из крупнейших культурно-просветительских центров, в котором наиболее полно представлено искусство Дальнего и Ближнего Востока, а также Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Казахстана, Бурятии, Чукотки (всего 147 500 музейных экспонатов). Указом Президента Российской Федерации от 18 декабря 1991 г. музей отнесен к особо ценным объектам культурного наследия России.

На протяжении многих лет в Государственном музее Востока ведется научно-просветительская работа, активная выставочная деятельность в России и за рубежом, ежегодно проводятся музейные археологические экспедиции, издаются каталоги музейных коллекций и научные сборники. На лекцию в наш музей может придти и специалист-искусствовед, и дошкольник, и пенсионер: сотрудниками музея разработаны различные лекционные циклы, предназначенные для любого уровня подготовки и любого возраста.

Особое внимание уделяется детской аудитории, лекции для детей проводятся с учетом возрастных особенностей и различных школьных программ. Ряд лекций читается параллельно с учебными программами по истории, географии, истории мировой культуры, искусствоведению.

Генеральный спонсор музея

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Материальная культура Востока
Выпуск 5

Научный редактор
к.и.н. Л.М. Носкова

Художественный редактор
О.И. Бойко

Подписано в печать 14.05.2010
Формат 84x108 1/16. Гарнитура "NewtonС"
Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО "Вива-Стар"
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3